

Annotation

Все началось с того, что в провинциальном американском городке стали пропадать люди — поодиночке и целыми семьями. Их не могли найти ни родственники, ни даже полиция. А когда надежда, казалось, исчезла навсегда, пропавшие вернулись, и городок содрогнулся от ужаса...

- [Стивен Кинг](#)
 - [Пролог](#)
 -
 - [Часть первая. Марстен Хауз](#)
 - [1. Бен \(1\)](#)
 - [2. Сьюзен \(1\)](#)
 - [3. Лот \(1\)](#)
 - [4. Дэнни Глик и другие \(1\)](#)
 - [5. Бен \(2\)](#)
 - [6. Лот \(2\)](#)
 - [7. Мэтт \(1\)](#)
 - [Часть вторая. Император мороженого](#)
 - [8. Бен \(3\)](#)
 - [9. Сьюзен \(2\)](#)
 - [10. Лот \(3\)](#)
 - [11. Бен \(4\)](#)
 - [12. Марк \(1\)](#)
 - [13. Отец Кэллахен \(1\)](#)
 - [Часть третья. Покинутый город](#)
 - [14. Лот \(4\)](#)
 - [15. Бен и Марк](#)
 - [Эпилог](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Стивен Кинг
ИЕРУСАЛИМ ОБРЕЧЕННЫЙ

Пролог

*Старый друг, чего ты ищешь?
Столько лет проведя на чужбине,
Ты принес дорогой тебе образ
Под иное, чуждое небо
Далеко от своей земли.*

Джордж Сефрис

Почти никто не сомневался, что мужчина и мальчик — это отец и сын.

Они ехали через всю страну на старом «ситроене», придерживаясь боковых дорог, путешествуя рывками. Три раза они останавливались, прежде чем добрались до цели: первый раз — в Род-Айленде, где мужчина — высокий, черноволосый — работал на текстильной фабрике, потом — в Янгстоуне, Огайо, где он стоял три месяца у тракторостроительного конвейера и, наконец, в маленьком калифорнийском городке у мексиканской границы, где он качал бензин и чинил маленькие иностранные автомобили, заработав, в общем, гораздо больше, чем рассчитывал.

Где бы они ни останавливались, мужчина обязательно раздобывал газету штата Мэн под названием «Портлендский Пресс-Геральд» и искал в ней заметки о маленьком южном городке Джерусалемз Лот или его окрестностях. Иногда такие заметки находились.

В комнатах мотелей между Централ Фоллз и Род-Айлендом он написал проспект романа и отослал его по почте своему агенту. Он добился кое-какого успеха как романист — миллион лет назад, когда жизнь его еще не погрузилась во тьму. Агент отправил проспект его последнему издателю, тот высказал вежливую заинтересованность, но не проявил склонности расстаться с какой бы то ни было суммой аванса. «„Пожалуйста“ и „благодарю вас“, — сообщил мужчина мальчику, разрывая в клочки письмо агента, — все еще не оплачиваются». Он произнес это без особой горечи и все-таки сел за книгу.

Мальчик почти не разговаривал. С его лица не сходило стесненное выражение, глаза не блестели, взгляд словно постоянно устремлялся в какие-то холодные внутренние пространства. Везде, где они

останавливались в пути, он был вежлив и больше ничего. Казалось, он не хотел ни на минуту оставаться без высокого мужчины и нервничал даже тогда, когда тот уходил в ванную. Мальчик не желал разговаривать о городке Джерусалемз Лот и читать Портлендскую газету, хотя мужчина иногда старался заговаривать об этом, а газету намеренно оставлял на столе.

Когда книга была написана, они жили в коттедже на Тихоокеанском побережье и часто купались. Тихий океан оказался теплее и добрее Атлантического. Он не хранил воспоминаний. Мальчик начал загорать.

Хотя им хватало на еду и крышу над головой, мужчина стал чувствовать себя подавленным и сомневаться, правильную ли они ведут жизнь. Он учил мальчика, и тот, казалось, ничего не терял в смысле образования (живостью ума он не уступал своему учителю), но вычеркивание из жизни Джерусалемз, или Салема Лота, видно, не принесло ему пользы. Иногда он вскрикивал во сне и сбрасывал на пол одеяла.

Из Нью-Йорка пришло письмо. Агент сообщил о предложении аванса в двенадцать тысяч долларов и практически обеспеченной распродаже. Разве плохо?

Хорошо.

Мужчина бросил работу на бензозаправочной станции и уехал с мальчиком за границу.

Лос-Сапатос, что означает «туфли» (название, вызвавшее тайный восторг мужчины), оказался крохотным, ничем не примечательным городком на берегу океана. Оставив за собой Штаты, двое зажили с почти неземным спокойствием. Ни туристов, ни самолетов над головой, на сотню миль кругом ни одного скоростного шоссе и ни одной газонокосилки. Даже радио означало для них шум без смысла: вещание велось на испанском, который мальчик только начинал понимать, а мужчина всю жизнь считал абракадаброй. От музыки осталась лишь опера. Ночная поп-станция кое-как пробивалась своими бешеными тактами с пятого на десятое. Единственным мотором в зоне слышимости был старый культиватор одного местного фермера. При подходящем ветре его шум слабо долетал отдельными порывами. Воду доставали вручную из колодца.

Раз или два в месяц (не обязательно вдвоем) они ходили к мессе в маленькую церковь. Ни тот, ни другой не понимали смысла церемонии, но все равно ходили. Мужчина часто попросту засыпал под привычные голоса и ритмы в удушающей жаре. В одно воскресенье мальчик вышел к

мужчине на шаткую веранду, где тот работал над новым романом, и нерешительно сообщил, что говорил со священником о своем желании вступить в церковную общину. Мужчина кивнул и спросил только, достаточно ли он знает испанский, чтобы к этому готовиться. Мальчик считал, что тут затруднений не возникнет.

Раз в неделю мужчина ездил за сорок миль за Портлендской газетой — недельной давности, пожелтевшей и потертой. Через две недели после сообщения мальчика в газете оказалась рассказ о Салеме Лоте и о городке штата Вермонт под названием Момсон. В статье упоминалось имя высокого мужчины.

Он оставил газету на столе, почти не надеясь, что мальчик прочитает ее. Статья его обеспокоила — по нескольким причинам. Дело Салема Лота, кажется, не окончилось.

Мальчик пришел к нему через день, держа газету, сложенную, чтоб видеть заголовок: «Город с привидениями в штате Мэн?».

— Я боюсь, — сказал он.

— Я тоже, — ответил высокий мужчина.

Город с привидениями в штате Мэн?

Джон Льюис, собственный корреспондент «Пресс-Геральда».

Джерусалемз Лот. Джерусалемз Лот — городок к востоку от Кэмберленда и в двадцати милях к северу от Портленда. Это не первый истощившийся и обезлюдевший город в американской истории и, надо полагать, не последний, но один из самых странных. Города-призраки обычны на американском юго-западе, где они вырастают за одну ночь вокруг богатых золотых и серебряных месторождений, а потом, когда жилы истощаются, так же быстро исчезают, оставляя после себя пустые магазины, гостиницы и сауны, медленно рассыпающиеся в прах.

В Новой Англии единственным двойником таинственно опустевшего Джерусалемз Лота, или Салема Лота, как его часто называют местные жители, предстает городок Момсон в штате Вермонт. Летом 1923 года Момсон словно растаял в воздухе — испарился вместе с 312 жителями. Дома и несколько маленьких общественных сооружений в центре города еще стоят, но с того

лета пятидесятидвухлетней давности в них никто не живет. Большинство домов все еще остаются обставленными, и кажется, будто посреди будничной жизни некий ураган сдул людей прочь. В одном доме накрыт к ужину стол, в другом — в спальне приготовлены постели. В магазине на прилавке найден сгнивший рулон материи, а на кассовом аппарате набран доллар и двадцать два цента. Следователи нашли в ящичке кассы нетронутую сумму почти в пятьдесят долларов.

Жители округа любят развлекать туристов этой историей и намекать, что в городке нечисто, поэтому-де он и пустует с тех самых пор. Настоящая причина скорее в том, что Момсон лежит в забытом уголке штата, далеко от шоссе. Этот городок ничто не отличает от других — разве что его тайна, похожая на тайну Марии Челесты.

То же самое можно сказать и про Джерусалемз Лот.

По переписи 1970 года в Салеме Лоте числилось 1319 жителей — на 67 душ больше, чем по предыдущей переписи. Это было уютное патриархальное сообщество, в котором едва ли что-нибудь вообще происходило. Единственным событием, о котором могли вспоминать старожилы, беседуя в парке или у печи, оставался пожар 51-го, когда неосторожно брошенная спичка нанесла лесу самый большой урон в истории штата.

Если вы, уйдя в отставку, желали поселиться в провинциальном городке, где каждый занимается своими делами и крупнейшим событием недели служит благотворительная ярмарка печения, — что ж, Лот как раз подходил вам. Молодежь, сунув диплом под мышку, покидала эти места, с тем чтобы никогда не возвращаться.

Но чуть больше года тому назад в Джерусалемз Лоте стало твориться нечто необычное. Люди пропадали из виду. Большая часть, разумеется, не пропадала в буквальном смысле слова. Бывший тамошний констебль Перкинс Джиллеспии живет с сестрой в Киттери. Чарльз Джеймс, владелец бензоколонки, что напротив аптеки, завел мастерскую в соседнем Кэмберленде. Паулина Диккенс переехала в Лос-Анжелесе, а Рода Керлс работает в Портленде. Список можно продолжать и продолжать.

Но что загадочно во всех этих людях, так это их единодушное желание — или неспособность — говорить о Джерусалемз Лоте и о том, что там случилось, если, конечно, там

случилось что-нибудь. Перкинс Джиллеспи просто взглянул на нашего корреспондента, зажег сигарету и произнес: «Я решил уехать, вот и все». Чарльз Джеймс утверждает, что ему пришлось уехать потому, что его дело испарилось вместе с городом. Паулина Диккенс, годы прослужившая официанткой в Замечательном Кафе, не ответила на наши письма, а мисс Керлс вовсе отказалась говорить на эту тему.

Иногда причины исчезновений помогает установить пытливая работа мысли. Лоуренс Кроккет, агент по продаже недвижимости, исчезнувший с женой и дочерью, оставил после себя несколько весьма сомнительных земельных и строительных дел, заставляющих предполагать, что его ничто больше не удерживало в городе. Исчезали и такие, как Ройс Макдуглас, потерявший маленького сына. Подобных Кроккету и Макдугласу немало. По словам начальника полиции штата Питера Макфэ, «найлены следы многих людей из Джерусалемз Лота... но это не единственный город в штате Мэн, где люди пропадают из глаз. Ройс Макдуглас, например, остался должен банку и двум финансовым компаниям. Не в этом году, так в следующем он вытащит из жилетного кармашка пару своих кредитных карточек и на него наложат лапу. В Америке исчезнувший человек — такая же нормальная вещь, как пирог с вишнями. Мы живем в автомобильном обществе. Люди то и дело снимаются с мест, иногда забывая оставить адрес. Особенно бездельники».

Однако, несмотря на всю трезвость позиции капитана Макфэ, в Джерусалемз Лоте есть вопросы, остающиеся без ответа. Исчез Генри Петри с женой и сыном, а мистера Петри, администратора страховой компании, едва ли можно назвать бездельником... Местный библиотекарь, косметолог, содержатель похоронного бюро — все они значатся в списке, достигшем пугающей длины.

В городках вокруг уже ползут слухи, что в Салеме Лоте нечисто. Говорят, что иногда над отрезком центральной линии электропередач, проходящей через город, плавают цветные огни; и, если вы предположите, что обитатели Лота унесены НЛО, никто не рассмеется. Поговаривают о «темной секте» молодежи, практиковавшей в городе черные мессы и накликавшей гнев самого Бога на тезку святейшего города Святой Земли. Другие, не столь суеверные, напоминают о молодых людях, «исчезнувших»

три года назад вблизи Хьюстона в Техасе и которые были обнаружены в братских могилах.

После визита в Салем Лот все эти разговоры перестают казаться дикими. Последняя лавочка — аптечная и кондитерская Спенсера — закрылась в январе. Школы пустуют. Детей нет. Только пустые магазины и склады, заброшенные дома, запущенные газоны, безлюдные улицы.

Среди людей, о которых полиция штата хотела бы хоть что-нибудь услышать, — Джон Гроггинс, пастор методистской церкви в Салеме Лоте; отец Дональд Кэллахен, приходской священник прихода Сент-Эндрю; Мэйбл Вертс, вдова, известная церковной и общественной активностью; Лестер и Харриет Дархэм, работавшие на ткацко-прядельной фабрике; Ева Миллер, хозяйка пансиона...

Через два месяца после газетной статьи мальчика приняли в церковную общину. Он в первый раз исповедался, — и исповедался во всем.

Священник был седым стариком, с лицом, покрытым сетью морщин, из которой выглядывали поразительно живые глаза. Голубые глаза, совершенно ирландские. Когда высокий мужчина пришел к нему домой, священник сидел на террасе и пил чай. Рядом стоял человек в городском костюме. Волосы его были разделены на пробор посередине и набриолинены, как на фотографиях 1890-х годов.

Человек произнес чопорно:

— Я Езус де ля рэй Муньоз. Отец Грасон просил меня переводить, потому что не говорит по-английски. Отец Грасон оказал моей семье большую услугу, которую я не хочу называть. Мои губы также запечатаны по поводу того, что он хочет обсудить. Это вам подходит?

— Да. — Мужчина пожал руку Муньозу, а потом Грасону.

Грасон улыбнулся и заговорил по-испански.

— Он спрашивает, не хотите ли чашку чая? Это зеленый чай. Прохладительный, — перевел Муньоз.

— Спасибо, с удовольствием.

Когда с проявлениями дружелюбия покончили, священник сказал:

— Этот мальчик вам не сын.

— Да.

— Он исповедался в странных вещах. По правде сказать, за всю мою практику я никогда не слышал более странной исповеди.

— Это меня не удивляет.

— Он плакал. Это был ужасный плач, он исходил со дна души. Могу я задать вопрос?..

— Нет, — сказал высокий мужчина ровным голосом. — Не можете. Он сказал правду.

Грасон закивал еще прежде, чем Муньоз перевел, и лицо священника стало серьезным. Он наклонился вперед, зажав руки между коленями, и долго говорил. Муньоз внимательно слушал с бесстрастным лицом.

— Он говорит, — начал наконец переводчик, — в мире есть странные вещи. Много лет назад крестьянин из Эль-Граньонэ принес ему ящерицу, которая вскрикивала, как женщина. Он видел человека с родимыми пятнами — знаками страстей господних, и у этого человека кровоточили руки и ноги в страстную пятницу. Он говорит, что это дело ужасное, темное дело. Это ужасно для вас и для мальчика. Особенно для мальчика. Он говорит...

Грасон что-то коротко произнес.

— Он спрашивает, что вы собираетесь делать.

Высокий мужчина очень медленно покачал головой:

— Не знаю.

Грасон заговорил опять.

— Он говорит, что будет молиться за вас.

Через неделю мужчина проснулся взмокший от кошмара и позвал мальчика по имени.

— Я возвращаюсь, — сказал мужчина. Мальчик побелел под загаром. — Ты сможешь вернуться со мной?

— Ты любишь меня?

— Да, Бог — свидетель, да.

Мальчик начал плакать, и высокий мужчина обнял его.

И все же мужчина не мог заснуть. Лица реяли в тени, смутные, как лица прохожих среди снегопада, и, когда ветер заскреб веткой по крыше, он вскочил.

Джерусалемз Лот.

Он закрыл глаза и зажал их ладонями — и тогда все начало возвращаться. Он почти видел стеклянное пресс-папье — то, что разбрасывает маленькие молнии, когда его поворачиваешь.

Салем Лот...

Часть первая. Марстен Хауз

Ни один организм не может долго существовать в здоровом уме при условиях абсолютной реальности; даже кузнечиков и жаворонков кое-кто подозревает в способности мечтать. Хилл Хауз стоял уединенно на холме, вмещая в себя мрак; он стоял восемьдесят лет и мог простоять еще восемьдесят. Внутри стены стояли прямо, полы не прогнили, двери разумно оставались закрытыми; тишина лежала на дереве и камнях Хилл Хауза, и что бы там ни блуждало — блуждало в одиночестве.

Ширли Джексон «Призраки Хилл Хауза»

1. Бен (1)

Проезжая Портленд, Бен Мерс почувствовал приятное волнение. Было 5 сентября 1975 года, и лето переживало грандиозный финал. Деревья взрывались зеленью, небо сияло высокой мягкой голубизной, и возле поворота на Фолмаус он увидел двух мальчишек с удочками, пристроенными на плечах, как карабины.

Он снизил скорость и принялся искать что-нибудь, способное пробудить его память. Сперва не находилось ничего, и он постарался подготовить себя к почти верному разочарованию.

«Тебе было тогда семь. Двадцать пять лет утекло. Места меняются. Как и люди.

В те дни шоссе 295 не существовало. Чтобы добраться до Портленда из Лота, ездили по дороге 12 до Фолмауса... Времена меняются.

Брось эту чушь!»

Но бросить оказалось трудно. Трудно бросить, когда...

Из-за поворота с ревом внезапно вывернулся большой мотоцикл. За рулем сидел подросток в тенниске, сзади — девушка в красной куртке и огромных зеркальных очках. Они свернули немного быстрее, чем следовало, и он отреагировал слишком сильно, нажав на тормоза и гудок. Мотоцикл умчался вперед, выплюнув синий дым, и девушка, обернувшись, показала на Бена пальцем.

Он снова набрал скорость. Ему хотелось курить. Руки слегка дрожали. Мотоцикл уже почти пропал из виду. Подростки. Проклятые подростки. К нему пробивались воспоминания — на этот раз более недавние. Он оттолкнул их. Два года он не садился на мотоцикл. И никогда больше не собирался.

Красное пятно слева привлекло его внимание, вызвав вспышку радости и узнавания. Уродливое красное здание стояло на склоне холма за клеверным полем; даже отсюда виднелся отблеск солнца на флюгере, увенчивающем выкрашенный в белое купол. Этот дом стоял здесь тогда, и он все еще здесь. И ни в чем не переменялся. Может быть, в конце концов все будет хорошо. Потом купол исчез за деревьями.

За поворотом на Кэмберленд знакомого стало появляться все больше и больше. Он проехал мимо реки Роял, где мальчишкой ловил щук, мимо промелькнувшего между деревьями вида на поселок Кэмберленд. Показалась кэмберлендская водонапорная башня с огромным лозунгом:

«Сохраним штат Мэн зеленым!». Тетя Синди всегда говорила, что под ним следовало бы приписать: «Давай деньги!».

Волнение его усиливалось, он начал набирать скорость и высматривать поворотный знак. Знак замерцал зеленым впереди миль через пять:

ДОРОГА 12 ДЖЕРУСАЛЕМЗ ЛОТ, КЭМБЕРЛЕНД

Внезапно его охватила мрачность, потушив хорошее настроение, как песок тушит огонь. Это с ним бывало со времен... (он попытался произнести в уме имя Миранды и не смог), с тяжелых времен, но никогда еще с такой неодолимой силой.

Что это ему вздумалось — возвращаться в городок, где четыре года прожил мальчишкой, возвращаться, пытаюсь вернуть себе нечто, безнадежно потерянное? Какого волшебства он ждет от ходьбы по дорогам, по которым ходил ребенком и которые теперь наверняка заасфальтированы и замусорены пивными банками туристов? Белая или черная — магия ушла. Она исчезла в стремнине той ночи, когда мотоцикл потерял управление и возник перед глазами беспощадно растущий желтый фургон, и крик жены Миранды оборвался внезапно и окончательно, и...

Поворот появился справа, и Бен едва не проехал мимо, с тем чтобы сделать круг через Кэмберленд и вернуться. Но вернуться куда? Домой? Смешно. Был бы дом — он оставался бы там.

Он дал сигнал и свернул на дорогу 12, которая ближе к городу становилась Джойнтер-авеню. То, что он увидел, заставило его нажать на тормоз обеими ногами. «Ситроен» вздрогнул и остановился.

Впереди к востоку на фоне неба толпились сосны и ели — отсюда город не был виден за холмом. Только поднималась вдалеке между деревьями двухскатная, с остроконечными башенками крыша Марстен Хауза.

Он смотрел туда как зачарованный. Множество чувств сменилось на его лице с калейдоскопической быстротой.

— Все еще здесь, — пробормотал он. — Бог ты мой...

Он взглянул на свои руки. Они покрывались гусиной кожей.

* * *

Он объездил город вдоль и поперек, удивляясь обилию небольших перемен. Появились новые дома, гостиница под названием «Дол» на

главной улице, пара новых гравийных карьеров у окраин. Но старый жестяной указатель дороги к городской свалке остался на месте, и дорога, как и прежде немощеная, по-прежнему изобиловала выбоинами и канавами, и в просеку линии электропередач по-прежнему виднелся Школьный Холм. Ферма Гриффина тоже осталась на месте.

Хотел бы он знать, продают ли там еще молоко в бутылках. На этикетке улыбающаяся корова выглядывала из-под надписи: «Солнечное молоко с Гриффинской фермы!». Он улыбнулся. Немало этого молока он выплеснул в кукурузные хлопья у тети Синди.

Он свернул на Брукс-роуд мимо железных ворот и низкой каменной стены, окружающей кладбище, потом спустился в лощину и выехал на новый подъем, известный как Марстен Хилл.

На верхушке холма деревья расступались с обеих сторон дороги. Справа открывался отличный вид на город — в первый раз Бен увидел его целиком. Слева стоял Марстен Хауз. Бен остановил машину и вышел.

Здесь ничего не изменилось. Ничего. Как будто в последний раз он был здесь вчера.

Вольно разросшаяся перед домом трава прятала следы от выщербленных камней дорожки, ведущей к парадной двери. В траве пели сверчки, и он видел, как кузнечики описывают над ней свои судорожные параболы.

Дом смотрел на город. Это был огромный запущенный дом, с заколоченными как попало окнами, придающими ему тот зловещий вид, который свойствен давно пустующим домам. Краски давно выцвели, все посерело. Бури сильно проредили черепицу, и какой-то сильный снегопад провалил западный угол главной крыши, перекосив ее набекрень. На стойке перил крыльца облупившаяся табличка, прибитая гвоздями, запрещала вход.

Ему страшно хотелось пройти по заросшей дорожке среди сверчков и кузнечиков, подняться по ступенькам, протиснуться между досками заколоченной двери, попасть внутрь.

Он сглотнул и направился к дому, глядя на него словно под гипнозом. Дом в ответ смотрел на Бена с безразличием идиота.

Пройти прихожую, пахнущую сырой штукатуркой и гнилыми обоями, слушая возню мышей за стенами. Кругом будет валяться масса всякой дребедени, и можно подобрать что-нибудь — пресс-папье, например, — и положить в карман. Потом, вместо того чтобы пройти через кухню, можно повернуть налево и подняться по лестничке, и под ногами будет хрустеть обвалившаяся за годы с потолка штукатурка. В лестничке четырнадцать

ступенек, точно, четырнадцать. Но верхняя меньше других, она словно добавлена специально, чтобы избежать несчастливой цифры. Остановиться на верхней площадке лестницы, глядя на закрытую дверь. И, если подойти к этой двери, наблюдая словно со стороны, как она приближается и увеличивается, можно протянуть руку и...

Он отвернулся от дома, соломенно-сухой шелест слетал с губ. Не сейчас. Может быть, позднее, но не сейчас. Сейчас достаточно знать, что все это еще здесь. Ждет его. Он оперся руками на капот машины и взглянул на город. Там можно выяснить, кому принадлежит Марстен Хауз, и, может быть, снять его. Из кухни получится отличный кабинет, а спать можно в передней гостиной. Но он не позволит себе подняться по лестничке.

Разве только без этого нельзя будет обойтись.

Он сел в машину и опустил с холма в Джерусалемз Лот.

2. Сьюзен (1)

Он сидел на скамейке в парке, когда заметил, что за ним наблюдает девушка. Очень хорошенькая девушка, чьи легкие светлые волосы перехватывал шелковый шарфик. Сейчас она читала книгу, но рядом лежал этюдник и что-то вроде угольного карандаша. В этот день — вторник шестнадцатого сентября, первый день школьных занятий — парк опустел как по волшебству. Остались только кое-где матери с маленькими детьми, несколько стариков у Военного Мемориала и эта девушка, сидящая в сквозной тени старого ильма.

Она опустила и снова подняла взгляд. На ее лице промелькнуло удивление. Она взглянула на книгу, потом опять на него и сделала было движение встать, но передумала.

Вместо этого встал он и подошел, держа в руках собственную книгу — вестерн в бумажной обложке.

— Привет, — произнес он дружелюбно, — мы что, знаем друг друга?

— Нет, — ответила она. — Дело в том... вы Бенджамен Мерс, правда?

— Правда, — он приподнял брови.

Она издала нервный смешок, лишь мельком взглянув ему в глаза, чтобы попытаться прочесть его намерения. Девушка явно не принадлежала к тем, кто заговаривает с посторонними мужчинами в парке.

— Я думала, что увидела призрак. — Она подняла с колен книгу. Бен заметил на ней штамп городской библиотеки. Книга оказалась «Воздушным танцем», его вторым романом. Девушка показала фотографию на форзаце — его собственную фотографию четырехлетней давности. Мальчишеское лицо с черными алмазами глаз выглядело пугающе серьезным.

— С таких пустячных случаев берут начало династии, — шутливо провозгласил он, но фраза повисла в воздухе, как невольно сорвавшееся пророчество. Позади него малыши счастливо плескались в луже, женский голос просил некоего Родди на раскачивать сестренку так высоко; сестренка, ничего не слушая, бесстрашно взлетала к небу. Это мгновение он запомнил на долгие годы. Если ничего не вспыхивает между двумя людьми, такие моменты просто летят вслед за прочими в гигантский провал памяти.

Потом она рассмеялась и протянула ему книгу:

— Подпишите, пожалуйста.

— Библиотечную?

— Я куплю такую же и возьму им.

Он нашел в кармане автоматический карандаш.

— Как ваше имя?

— Сьюзен Нортон.

Он быстро написал, не задумываясь: «Для Сьюзен Нортон, самой хорошенькой девушки в парке. С сердечным приветом — Бен Мерс».

— Теперь вам придется ее украсть, — сообщил он, возвращая книгу. — «Воздушный танец» больше не издается, увы.

— Найду у букиниста в Нью-Йорке, — чуть поколебавшись, сказала она. — Ужасно хорошая книга.

— Спасибо. Когда я ее перечитываю, я удивляюсь, как ее вообще могли опубликовать.

— Вы часто ее перечитываете?

— Да, но я стараюсь бросить.

Они рассмеялись, и сразу почувствовали себя естественно. Позднее у него был случай удивиться, как легко это произошло. Судьба... Да, судьба, но не слепая, а вооруженная двадцатикратным биноклем и непременно желающая перемолоть несчастных смертных своими гигантскими жерновами, чтобы испечь нечто непостижимое.

— Я и «Дочь Конуэя» читала тоже. Я люблю эту книгу. Наверное, вам такое говорят каждый день.

— Поразительно редко, — признался он. Миранде тоже нравилась «Дочь Конуэя», но приятели в кафе не проявляли на ее счет энтузиазма, а критики... Чего ждать от критиков...

— Вы читали последнюю?

— Нет еще. Мисс Куген из аптеки говорит, что она очень скабрзная.

— Черт! Да она почти что пуританская, — возмутился Бен. — Язык грубоват, но когда пишешь о деревенских парнях, нельзя же... Послушайте, а не угостить ли мне вас мороженым? Я как раз собирался сам подкрепиться.

Она еще раз исследовала его взгляд. Потом тепло улыбнулась.

— Конечно. Я не против. У Спенсера отличное мороженое.

Так это началось.

* * *

— Это и есть мисс Куген? — вполголоса спросил Бен, глядя на

высокую женщину в красном плаще поверх белой униформы.

— Она самая. Она каждый четверг заказывает книги в библиотеке тоннами и доводит мисс Старчер до сумасшествия.

Они сидели на табуретках, обитых кожей, и попивали содовую: он — шоколадную, она — клубничную. Заведение Спенсера — аптека и кондитерская — обслуживало еще и местный автовокзал, и со своего места они могли видеть через старомодную арку пустой зал ожидания, где одинокий молодой человек в голубой форме военно-воздушных сил сидел с угрюмым видом, обхватив ногами чемодан.

— Куда бы он ни ехал, он, кажется, не очень-то этому рад, — проследила девушка взгляд Бена.

— Увольнительная кончилась, наверное, — предположил тот и подумал: «Сейчас она спросит, служил ли я когда-нибудь».

Но вместо этого она сказала:

Когда-нибудь и я сяду вот так на автобус в пол-одиннадцатого и скажу «прощай» Салему. И буду, наверное, такой же мрачной, как этот парень.

— И куда?

— В Нью-Йорк, пожалуй. Надо же посмотреть, не смогу ли я наконец жить самостоятельно.

— А здесь что-нибудь не так?

— В Лоте? Я люблю его. Но родственники, знаете... Они всегда как будто заглядывают мне через плечо. Да и Лот немного может предложить честолюбивой девушке.

Она пожала плечами и наклонилась к своей соломинке. На загорелой шее красиво проступали мышцы. Цветастое платье намекало на красивую фигуру.

— И какую же работу вы ищете?

Она опять пожала плечами:

— У меня диплом Бостонского университета. Он, конечно, не стоит бумаги, на которой напечатан. По искусству — максимум, по английскому — минимум. Прямым ходом в категорию образованных дурочек. Меня даже не научили украшать учреждение. Несколько моих школьных приятельниц работают секретаршами — мне выше машинистки никогда не подняться.

— Так что же остается?

— Ну... может быть, издательство, — проговорила она неуверенно. — Или какой-нибудь журнал... В таких местах всегда найдется место тому, кто умеет рисовать по заказу.

— А вам делали заказы? — мягко спросил он.

— Нет... но...

— Без заказов в Нью-Йорк ехать не стоит. Поверьте мне. Только каблуки стопчете. Вам случалось продавать что-нибудь здесь?

— О, да! — она резко засмеялась. — В Портленде открывали новый кинотеатр и купили двенадцать моих картин, чтобы повесить в фойе. Семьсот долларов заплатили. Я внесла последний взнос за свой автомобильчик. Но как насчет вас? — Она оставила соломинку и погрузила ложку в мороженое. — Что вы делаете в процветающем сообществе Джерусалемз Лота, основное население тринадцать сотен человек?

Он пожал плечами:

— Пытаюсь писать роман.

Она тут же загорелась возбуждением:

— В Лоте? О чем? Почему именно здесь? Вы...

— Вы расплескали содовую, — серьезно прервал он ее.

— Я... Да, действительно. Прошу прощения, — она промокнула дно стакана носовым платком. — Послушайте, я вовсе не хотела надоедать вам. Я обычно неназойлива.

— Не за что извиняться. Все писатели любят говорить о своих книгах. Иногда перед сном я сочиняю себе интервью с «Плэйбоем». Напрасная трата времени.

Молодой летчик встал — подъезжал автобус.

— Я четыре года жил в Салеме Лоте ребенком. Там, на Бернс-роуд.

— На Бернс-роуд? Там сейчас ничего нет, кроме кладбища.

— Я жил у тети Синди. Синтия Стоунс. Мой отец умер, и с мамой случилось что-то... вроде, знаете, нервного срыва. Она и отправила меня «в деревню к тетушке», покамест придет в себя. Тетя Синди усадила меня на автобус и отправила обратно в Лонг-Айленд к маме ровно через месяц после большого пожара. От мамы я уезжал — плакал, и от тети Синди уезжал — тоже плакал.

— Я родилась в год пожара, — сообщила Сьюзен. — Самая чертовски занимательная вещь, какая случалась в этом городе, — и я ее проспала. Бен рассмеялся:

— В самом деле? Значит, вы на семь лет старше, чем я решил там, в парке.

Она явно обрадовалась:

— Спасибо... Дом вашей тети, должно быть, сгорел?

— Да. Ту ночь я навсегда запомнил. Люди с насосами на спинах пришли и велели нам выбираться. Это было так интересно! Тетя Синди суетилась, таскала вещи в свой автомобиль... Боже, что за ночь!

— Ваша тетя страховалась?

— Нет, но дом мы снимали и все ценное вывезли, кроме телевизора. Мы вдвоем не смогли оторвать его от пола. Это был «Видео Кинг» с семидюймовым экраном и линзой, но что за важность — все равно тут показывал только один канал. Фермерские новости и Китти Клоун.

— И вы вернулись сюда писать книгу? — удивилась она.

— Да, — ответил Бен не сразу. Он повернулся и в первый раз взглянул ей прямо в лицо. Очень милое лицо: спокойные голубые глаза и высокий ясный загорелый лоб. — Это город вашего детства? — спросил он.

— Да.

Он кивнул:

— Тогда вы понимаете. Я жил в Салеме Лоте ребенком, и это для меня город с призраками. Возвращаясь, я чуть не проехал мимо из страха, что все окажется другим.

— Здесь ничего не меняется, — возразила она. — Во всяком случае, не сильно.

— Я часто играл в войну с мальчишками Гарднеров. Пиратство на Королевском пруду. Разведки в парке и битвы за знамя. Потом, с мамой, я мотался по довольно жестоким местам. Она погибла, когда мне было четырнадцать, но волшебная пыльца с моих крылышек облетела гораздо раньше. Она вся осталась здесь. И она здесь до сих пор. Город не настолько изменился. Взглянуть с Джойнтер-авеню — как будто сквозь глыбу льда на собственное детство: нечетко, туманно, кое-где вовсе сходит на нет, но оно там.

Он замолк в изумлении. Кажется, он только что произнес речь.

— Вы говорите в точности как в книгах, — проговорила она со священным ужасом в голосе.

Он рассмеялся.

— Я сказал нечто подобное первый раз в жизни. Во всяком случае, вслух.

— Что вы делали после того, как ваша мама... после ее смерти?

— Продолжал мотаться, — ответил он коротко. — Ешьте мороженое.

Она послушалась.

— Кое-что все-таки изменилось, — начала она, помолчав. — Мистер Спенсер умер. Вы помните его?

— Конечно. Каждый четверг тетя Синди выбиралась в город за покупками к Кроссену, а потом мы с ней заходили сюда. Она выдавала мне пятицентовик, завернутый в платочек.

— В мое время это уже был десятицентовик. Вы помните, что мистер

Спенсер обычно говорил?

Бен согнулся, ревматически скрючил руку, паралитически искривил рот и прошептал: «Хо, пузырь! От этих сладостей твой пузырь скоро лопнет, парень».

Ее смех взлетел вверх к медленно крутящемуся вентилятору. Мисс Куген бросила на них подозрительный взгляд.

— Это восхитительно! Только меня он называл крошкой.

Они в восторге смотрели друг на друга.

— Послушайте, как вы насчет кино вечером? — спросил Бен.

— С удовольствием.

— Какое ближе всех?

Она хихикнула:

— Декорированный мною «Кинекс» в Портленде.

— А еще? Какие вы любите картины?

— Что-нибудь волнующее, с автомобильной погоней.

— А помните «Нордику»? Прямо здесь, в городе.

— Еще бы! Его закрыли в 1968-ом. Я ходила туда школьницей. Мы швыряли в экран коробки из-под попкорна, когда фильм был плохой. — Она снова хихикнула. — Обычно коробок не хватало.

— Там показывали старые сериалы, — вспомнил он. — «Человек-ракета», «Крушитель Гэллахен», «Вуду — бог смерти»...

— Я этого не застала.

— И что же с ним случилось?

— Телевидение задушило, наверное.

Минуту они помолчали, каждый думал о своем. Часы автовокзала показывали без четверти одиннадцать.

Оба произнесли хором: «А помните?..»

Они переглянулись, и на этот раз взгляд мисс Куген был еще выразительнее, когда раздался смех. Даже мистер Лэбри за стойкой поднял голову.

Они проболтали еще четверть часа, пока Сьюзен неохотно не вспомнила о своих делах и не пообещала быть готовой в половине восьмого. Они разошлись в разные стороны, изумляясь, как легко и естественно сплелись их жизни.

Бен задержался на углу Брок-стрит взглянуть на Марстен Хауз. Он вспомнил, что большой лесной пожар 1951-го уже дошел до самых дверей этого дома, когда ветер вдруг переменялся.

«Может быть, ему следовало сгореть, — подумал Бен. — Может, так было бы лучше».

Нолли Гарднер вышел из здания муниципалитета и уселся на крыльце рядом с Перкинсом Джиллеспи как вовремя, чтобы увидеть, как Бен и Сьюзен вместе входят к Спенсеру. Перкинс курил «Пэлл-Мэлл» и вычищал складным ножом пожелтевшие ногти.

— Это ведь тот парень, что пишет? — поинтересовался Нолли.

— Ну.

— Это с ним была Сюзи Нортон?

— Ну.

— Интересно. — Нолли поправил форменный пояс. Звезда важно сияла у него на груди. За обоими этими предметами ему пришлось посылать в специальный магазин, город не мог себе позволить снабжать констеблей знаками отличия. У Перкинса звезда тоже была, но тот носил ее в жилетном кармане — поведение, для Нолли абсолютно непостижимое. Конечно, в Лоте все наперечет знали, что он — констебль, но есть же такая вещь, как традиция. И такая вещь, как ответственность. Если ты — служащий закона, ты должен думать об обеих. И Нолли о них думал.

Нож Перкинса соскользнул и царапнул тому палец.

— Дерьмо, — лениво произнес Перкинс.

— Он настоящий писатель, Перк?

— Конечно. В библиотеке три его книги.

— Правда или выдумка?

— Выдумка, — Перкинс отложил нож и вздохнул.

— Флойду Тиббитсу не понравится, что какой-то тип проводит время с его женщиной.

— Они не женаты, — возразил Перкинс. — И ей больше восемнадцати.

— Флойду это не понравится.

— По мне, Флойд может нагадить себе в шляпу и носить ее вверх ногами, — сообщил Перкинс. Он смел пепел со ступеньки, достал из кармана коробочку и спрятал туда окурок.

— Где этот писатель живет?

— У Евы, — Перкинс внимательно рассматривал поцарапанный палец. — Он заглядывал как-то в Марстен Хауз. Забавная у него была физиономия.

— Что значит забавная?

— Забавная и все. — Наслаждаясь солнцем, Перкинс достал новую

сигарету. — Потом он навестил Ларри Кроккета. Хочет снять дом.

— Марстен Хауз?

— Ну.

— Он что, чокнутый?

— Может быть, — Перкинс смахнул с колена муху и проследил, как она унеслась, жужжа, в солнечное утро. — У старины Ларри нынче дел по горло. Я слышал, он взял и продал Городскую Лохань. Уже пару дней, как продал.

— Что, эту старую прачечную?

— Ну.

— Да какому дьяволу она могла понадобиться?

— Не знаю.

— Ладно, — Нолли встал и подтянул пояс, — схожу, пожалуй, обойду город.

— Давай, — Перкинс зажег сигарету.

— Пойдешь со мной?

— Нет, я лучше посижу.

— О'кей. Пока.

Нолли спустился с крыльца, удивляясь, когда же наконец Перкинс уйдет на пенсию, чтобы он, Нолли, смог работать на полную ставку, а не на половинную, как до сих пор. Как, во имя Бога, можно расследовать преступление, сидя на ступеньках здания муниципалитета!

Перкинс следил за ним с ленивым удовлетворением. Неплохой парень Нолли, но страшно беспокойный. Перкинс достал нож и опять принялся за ногти.

* * *

Джерусалемз Лот был основан в 1765 (двухсотлетие отпраздновали фейерверком в парке, водворением шестерых пьяных в городскую кутузку и подожжением маскарадного костюма маленькой Дебби Форестер при посредстве отлетевшей искры), за добрых двадцать пять лет до того, как Мэн сделался штатом Америки.

Свое оригинальное имя город получил от чрезвычайно прозаического события. В давние времена жил в городе некий фермер по имени Чарльз Бликнеп Тэннер. Он разводил свиней. Самая большая свиноматка носила имя Джерусалем (Иерусалим). В один прекрасный день она проломила загородку, вырвалась на свободу в ближайший лес, где у нее сильно

испортился характер. Тэннер на годы приобрел обыкновение предостерегать маленьких детей от своей собственности, перегибаясь через забор и каркая зловещим голосом: «Эй, держись-ка подальше от Иерусалимской округи, коли хочешь сохранить кишки в животе!»^[1] Предостережение вошло в привычку, название тоже. Вот так в Америке даже свинья может достичь бессмертия.

Главная улица, прежде известная как Портлендский почтовый тракт, в 1896 году получила имя Элиаса Джойнтера. Джойнтер, пробывший членом Палаты Представителей целых шесть лет (до самой своей смерти от сифилиса в пятидесятилетнем возрасте), ближе всех подошел к роли исторической личности, которой Лот мог гордиться, — за исключением свиньи Джерусалем.

Брок-стрит пересекала Джойнтер-авеню точно в центре города и точно под прямым углом, а сам город образовывал почти правильный круг, лишь слегка выпрямленный на востоке речкой Роял. На карте все это очень походило на телескопический прицел.

Северо-западный сектор, или Северный Джерусалемз, был самой высокой и лесистой частью округи. Гряда холмов медленно спускалась у города, и на последнем из этих холмов стоял Марстен Хауз.

На северо-востоке лежали открытые земли. Роял текла, сияя на солнце, под маленьким деревянным Брокским мостиком, через сенокосы, мимо каменоломен, счастливо избегая пресловутых загрязнений. Единственным промышленным предприятием, которым Лот мог когда-либо похвалиться, была лесопилка, давно уже закрытая.

Не потревоженный пожаром юго-восточный сектор оставался самым красивым. Здесь земля поднималась снова, и с обеих сторон от Гриффиновой дороги она принадлежала Чарльзу Гриффину с его крупнейшей на юге молочной фермой. Со Школьного Холма можно было видеть алюминиевую крышу его огромного коровника, сверкающую на солнце, как гигантский гелиограф; а иногда, осенью, до Холма доносился дымок жженой стерни и виднелись вдалеке игрушечные пожарные машины, стоящие наготове, — урок 1951-го не забылся.

На юго-западе в город внедрились трейлеры, и все, что им сопутствует: автомобильные свалки, шины, банки из-под пива, крепкий запах сточных вод из кое-как устроенных отстойников. Домики — близкие родственники сараев, но сверкающие телевизионными антеннами самых престижных фирм. Дворики, полные детей, игрушек и мотороллеров; иногда прибранные, но чаще заросшие травой. Там, где Брок-стрит превращалась в Брок-роуд — у границы города, — в кафе Делла играли по

пятницам рок-н-ролл. Для большинства городских ковбоев и их подружек это было местечко для выпивки или драк.

Линия электропередач маршировала через город с северо-запада на юго-восток, прорезая в лесу просеку 150-футовой ширины. Одна из опор стояла возле Марстен Хауза, как инопланетный часовой.

Все, что знал Салем Лот о войнах и правительственных кризисах, он слышал от Вальтера Кронкайта или по телевидению. Да, конечно, мальчик Поттеров убит во Вьетнаме, а сын Клода Бови вернулся на протезе (наступил на пехотную мину), но ведь ему дали работу на почте — помогать Кенни Дэнлису, так что с этим все в порядке. Сыновья ходили более длинноволосыми и менее аккуратными, чем отцы, но едва ли течение времени проявилось в чем-нибудь кроме этого.

Кое-кто из молодежи принимал наркотики. Фрэд Килби предстал в августе перед судьей Хьюкером и был оштрафован на пять долларов. Но больше проблем доставляло спиртное. Молодежь пропадала у Делла с тех пор, как спиртной ценз снизили до восемнадцати. Возвращаясь в непотребном виде домой, частенько попадали в аварии, иногда разбивались насмерть. Как Билли Смит, налетевший на дерево и убивший себя и свою девятнадцатилетнюю подружку.

Но во всем остальном знания Лота о бедах провинции оставались академическими. Время шло здесь другой стороной. Ничего слишком плохого не могло случиться в таком милом маленьком городке. Только не здесь.

* * *

Анна Нортон гладила, когда ее дочь ворвалась с корзинкой зелени, сунула матери под нос книгу с портретом худощавого молодого человека и принялась трещать без умолку.

— Успокойся, — попросила Анна, — выключи телевизор и начни с начала.

Сьюзен ликвидировала Питера Маршалла, изливавшего на что-то там потоки долларов, и рассказала матери о встрече с Беном Мерсом. Миссис Нортон заставляла себя спокойно и сочувственно кивать, несмотря на желтые предостерегающие огни, которые всегда загорались перед ней, стоило Сьюзен упомянуть нового мальчика, — нет, надо полагать, на этот раз мужчину, хотя ей все еще не верилось, что Сьюзен доросла до мужчин. Сейчас огни светились ярче обычного.

— Звучит волнующе, — заметила она, раскладывая на гладильной доске следующую рубашку своего мужа. — Ты уверена, что с ним все в порядке, Сюзи?

Сьюзен улыбнулась чуть вызывающе:

— Конечно, да. Он похож... я не знаю, на школьного учителя, что ли.

— Говорят, маньяк Бомбер был похож на садовника, — задумчиво проговорила миссис Нортон.

— Дерьмо лосиное! — произнесла Сьюзен с чувством, выбрав выражение, безотказно раздражающее мать.

— Покажи-ка книгу, — протянула руку та.

Сьюзен отдала книгу — и внезапно вспомнила сцену гомосексуального насилия в тюремной камере.

— «Воздушный танец», — мечтательно прочитала Анна Нортон и принялась наугад перелистывать страницы. Сьюзен обреченно ждала. Мать обязательно раскопает именно эту сцену. Иначе не бывало.

Ленивый ветерок шевелил занавеси открытых окон кухни, которую мама настойчиво именовала гостиной, как будто общество, к которому они принадлежали, этого требовало. Дом стоял на небольшом подъеме внешней Брок-стрит, и за окном открывался красивый вид на дорогу в город — еще красивее он будет снежной зимой.

— Кажется, я читала рецензию в Портлендской газете. Не очень-то хвалебную.

— Мне книга нравится, — твердо объявила Сьюзен. — И он тоже.

— Может быть, Флойду он тоже понравится, — проговорила миссис Нортон как бы между прочим. — Ты их познакомь.

Сьюзен разозлилась и растерялась. Она-то думала — штормы переходного возраста у них с матерью позади. Столкновения дочерней личности с материнским опытом казались уже отброшенными прочь, как старая ветошь.

— Мы с тобой уже говорили о Флойде, мам. Ты знаешь, что там еще ничего твердо не решилось.

— В газете еще что-то говорилось о какой-то жуткой тюремной сцене. Парни с парнями...

— Мама, ради Христа! — она встала. — Я уберу овощи.

Миссис Нортон бесстрастно стряхнула пепел со своей сигареты.

— Я только имела в виду, что если ты собираешься замуж за Флойда Тиббитса...

Злость переросла в странную раздражающую ярость.

— Бога ради, с чего ты взяла? Разве я когда-нибудь тебе такое

говорила?

— Я предполагала...

— Ты предполагала неправильно.

Это не совсем соответствовало истине. Но Сьюзен охладевала к Флойду день ото дня.

— Я предполагала, что если ты придерживаешься одного парня полтора года, это значит, что дела зашли дальше рукопожатий.

— Мы с Флойдом больше чем друзья, — ровным голосом произнесла Сьюзен. Пусть гадают, что это значит.

Непроизнесенный разговор тяжело повис между ними.

«Ты спала с Флойдом?»

«Не твое дело».

«Кто для тебя Бен Мерс?»

«Не твое дело».

«Собираешься влюбиться в него и наделать глупостей?»

«Не твое дело».

«Я люблю тебя, Сюзи. Отец и я, мы оба любим тебя».

И на это ответа нет. Ответа нет. Вот почему без Нью-Йорка — или какого-нибудь другого места — не обойтись. Под конец всегда разбиваешься об эту невидимую баррикаду любви, как о стену тюремной камеры. Правда этой любви делает невозможным дальнейший спор и бессмысленным предыдущий.

— Ладно, — мягко произнесла миссис Нортон.

— Я поднимусь к себе, — сказала Сьюзен.

— Конечно. Можно я возьму книгу, когда ты дочитаешь?

— Если хочешь.

— Я хотела бы с ним встретиться.

Сьюзен содрогнулась.

— Ты поздно задержишься сегодня? — продолжала мать.

— Не знаю.

— Что сказать Флойду Тиббитсу, если он заглянет?

Ее снова охватила ярость:

— Скажи, что хочешь. Ты и так это сделаешь.

— Сьюзен!

Она поднялась по лестнице, не оглянувшись.

Миссис Нортон не сдвинулась с места, она смотрела в окно на город, не видя его. Над головой она слышала шаги своей Сьюзен и стук раздвигаемого мольберта.

Она встала и снова принялась гладить. Когда по ее расчетам (хотя и не

совсем осознанным) Сьюзен увлеклась работой, она позвонила Мэйбл Вертс. Между прочим упомянула, что Сюзии рассказала ей о приезде знаменитого писателя, а Мэйбл фыркнула и спросила, идет ли речь об авторе «Дочери Конуэя». Узнав, что да, Мэйбл сообщила, что он пишет не что иное, как порнографию, простую и откровенную. Миссис Нортон спросила, не остановился ли он в мотеле...

Остановился он в «Комнатах Евы» — единственном в городе пансионе. Миссис Нортон испытала некоторое облегчение. Ева Миллер — приличная вдова, кого попало не пустит. Ее правила насчет женских визитов были коротки и решительны. Мать или сестра — пожалуйста в комнату. Нет — посидит на кухне. Это не обсуждалось.

Миссис Нортон повесила трубку только через пятнадцать минут, искусно закамуфлировав свою главную цель.

«Сьюзен, — думала она, возвращаясь к гладильной доске, — ох, Сьюзен, я ведь только хочу тебе добра. Неужели ты не видишь?»

* * *

Они возвращались из Портленда по 295-ой всего лишь чуть позднее одиннадцати. Огни «ситроена» четко прорезали темноту.

Они обсуждали фильм, но осторожно, как люди, которые выясняют вкусы друг друга. Потом ей пришел в голову тот же вопрос, что и матери:

— Где вы остановились? Вы сняли что-нибудь?

— На третьем этаже в «Комнатах Евы».

— Но это ужасно! Там, наверное, стоградусная жара!^[2]

— Я люблю жару. Когда жарко, мне хорошо работается. Раздеться до пояса, включить радио и выпить галон пива. Получается по десять страниц в день. А уж в конце дня выйти на порог, на ветерок... божественно.

— И все-таки... — она сомневалась.

— Я подумывал снять Марстен Хауз, — осторожно начал он. — Даже наводил справки. Но он продан.

— Марстен Хауз? — она недоверчиво улыбнулась. — Вы перепутали.

— Ничуть. На первом холме к северо-западу. Брукс-роуд.

— Продан? Бога ради, кому?..

— Хотел бы я знать. Мне говорят время от времени, что у меня винтиков не хватает — а ведь я собирался только снять его. Агент ничего мне не сказал. Это, кажется, мрачная тайна.

— Может, кто-нибудь со стороны хочет сделать из него дачу, —

предположила она. — Кто бы он ни был, он сошел с ума. Одно дело — обновить поместье, но это место необновляемо. Дом развалился еще когда я была ребенком. Бен, почему вам вздумалось снимать его?

— Вы были когда-нибудь внутри?

— Нет, только заглядывала в окно. А вы были?

— Да. Один раз.

— Жуткое место, правда?

Они замолчали, думая о Марстен Хаузе. Это воспоминание не было окрашено пастелью ностальгии, как прочие. Скандал и насилие, связанные с домом, случились раньше, чем родились они оба, но у маленьких городков долгая память.

История Губерта Марстена и его жены Бидди служила городу «скелетом в подвале». В двадцатые годы Губи был президентом большой грузоперевозочной компании, которая, по слухам, после полуночи переключалась на более доходную деятельность, переправляя канадское виски в Массачусетс.

Разбогатевав, в 1928 году он перебрался с женой в Салем Лот, и в крахе биржи 1929-го потерял большую часть своего состояния (даже Мэйбл Вертс не знает, сколько именно). Следующие десять лет Марстен с женой прожили в своем доме как отшельники. Видели их только по средам, когда они приезжали за покупками. Ларри Маклеод, тогдашний почтальон, сообщил, что Марстены выписывали четыре газеты: «Сэтеди Ивнинг Пост», «Нью-Йоркер» и толстый журнал под названием «Поразительные истории». Раз в месяц приходил чек из Массачусетса. Сквозь конверт Ларри разглядел, что это чек.

Ларри и нашел их летом 1939-го. Невостребованные газеты и журналы забили их ящик доверху, и Ларри отправился к Марстен Хаузу, намереваясь оставить их у передней двери.

Начинался август, и трава на Марстеновском переднем дворе поднялась ростом с теленка. Жимолость густо оплела западную стену, и толстые шмели лениво гудели над восково-белыми цветами. В те дни дом еще выглядел красиво.

На середине дорожки, как пересказывали затаив дыхание каждому новому члену Дамского благотворительного общества, Ларри почувствовал нехороший запах — как от испорченного мяса. Почтальон постучал в парадную дверь и не получил ответа. Он заглянул в замочную скважину, но ничего, кроме густой темноты, не увидел. К счастью для себя, он не вошел, а отправился вокруг дома, к задней двери. Там пахло сильнее. Ларри обнаружил, что задняя дверь незаперта, и шагнул в кухню. Бидди Марстен

лежала в углу, половина ее головы была снесена в упор пулей тридцатого с чем-то калибра.

(«Мухи, — всегда провозглашала в этом месте Одри Герси, — Ларри рассказывал, что кухня кишела мухами. Они жужжали кругом, садились на... вы понимаете, на что, и опять взлетали. Мухи».)

Ларри Маклеод повернулся и отправился обратно в город. Он разыскал Норриса Варни — тогдашнего констебля, еще трех-четырех человек, и они отправились на двух машинах в Марстен Хауз.

До сих пор никто из городка не посещал дом. А там было нечто невообразимое. Дом Губерта Марстена оказался нагромождением самых неожиданных и диких предметов, переплетением узких извилистых дорожек между желтеющими кучами газет и журналов и связками роскошных, переплетенных в кожу книг. Полные издания Диккенса, Скотта и Мэритета реквизировала для публичной библиотеки Джерусалемз Лота предшественница Лоретты Старчер, и там эти книги оставались до сих пор.

Джексон Герси подобрал и принялся перелистывать «Сэтеди Ивнинг Пост» и нашел, к своему изумлению, долларовые бумажки, аккуратно приклеенные к каждой странице.

Норрис Варни обнаружил, как повезло Ларри, не решившемуся войти в парадную дверь. Дверная ручка оказалась привязанной к заряженному ружью, пристроенному на стуле против двери так, чтобы наверняка убить вошедшего.

Были и другие ловушки, хотя и не столь смертоносные. Связка газет весом в сорок фунтов висела над дверью столовой. Одна из ступенек лестницы была подпилена и могла стоять кому-нибудь сломанной лодыжки. Скоро выяснилось, что Губи Марстен был не просто каким-то там чокнутым, а совершенным, классическим безумцем.

Его нашли в спальне на верхнем этаже, висящим на потолочной балке...

В детстве Сьюзен и ее подружки с наслаждением изводили друг друга этими историями, подслушанными из разговоров взрослых. Даже теперь, через восемнадцать лет, одна только мысль о Марстен Хаузе действовала на нее как колдовское заклинание, вызывая болезненно ясные образы девочек, скорчившихся в пустом деревянном сарае на заднем дворе у Эмми Роуклиф и слушающих, как Эмми рассказывает с жуткой выразительностью: «Лицо его все распухло, язык вывалился и торчал наружу, а на нем сидели мухи. Мама говорила миссис Вертс...»

— ...место.

— Что? Простите, — она вернулась к настоящему с почти физическим

усилием. Бен уже сворачивал под въездную арку Салема Лота.

— Я говорю, что домишко с привидениями.

— Расскажите мне, как вы туда ходили.

Он добродушно рассмеялся и включил фары. Впереди лежала пустынная аллея, обсаженная соснами и елями.

— Это началось как детская забава. Вспомните, это ведь был 1951-й, и детишки еще не научились нюхать бензин из кульков, а ведь чем-то они должны были заниматься. Я много играл с ребяташками из Угла... так еще называют Южный Салем?

— Да.

— Особенно с Дэви Баркли, Чарли Джеймсом — его все звали Сынок, Гарольдом Робертсоном, Флордом Тиббитсом...

— С Флордом? — вздрогнула она.

— Да, а вы его знаете?

— Я его уже забыла, — сказала она и, боясь, что голос ее выдаст, заторопилась продолжить: — Сынок Джеймс здесь, у него бензозаправка на Джойнтер-авеню. Гарольд Робертсон умер. Лейкемия.

— Они старше меня года на два. У них был клуб. Закрытый, разумеется. Только Кровавые Пираты, и не меньше трех рекомендаций для вступления. — Он хотел говорить легко, но в его голос пробилась старая горечь. — А я был упрямый. Единственная вещь на свете, к которой я стремился... по крайней мере, в то лето... — это стать Кровавым Пиратом. В конце концов они смиростивились и назначили мне испытание, которое Дэви придумал на месте. Мы все отправлялись к Марстен Хаузу, а я должен был войти и принести что-нибудь изнутри. Как добычу. — Он издал смешок, но во рту у него пересохло.

— И что же произошло?

— Я влез в окно. Дом все еще был полон дребедени — через двадцать лет. Газеты, должно быть, вынесли во время войны, но все остальное было не тронут. В передней, на столе, лежал такой, знаете, снежный шар. Видели такие? Внутри домик, и, если встряхнуть эту штуку, идет снег. Я положил его в карман, но не ушел. Я хотел действительно испытать себя. Поэтому я поднялся туда, где Марстен повесился.

— О, Боже!

— Вам не трудно достать мне сигарету? Я пытаюсь бросить, но сейчас она мне нужна.

Сьюзен молча исполнила просьбу.

— Я крался по ступенькам — девятилетний малыш, перепуганный до родимчика. Вокруг все скрипело и шелестело, и я слышал, как за

штукатуркой что-то разбегается во все стороны. Мне все чудилось, что кто-то за мной крадется, и я боялся оглянуться, чтобы не увидеть Губи Марстена с почерневшим лицом и петлей в руках.

Он крепко вцепился в руль. Вся легкость из его голоса исчезла. Девушка даже немного испугалась: его лицо в свете приборной панели покрылось глубокими морщинами человека, пробирающегося сквозь ненавистную страну без всякой возможности ее покинуть.

— На верхней ступени лестницы я собрал все свое мужество и пробежал через зал к той двери. Я собирался вбежать, схватить что-нибудь и обратиться к чертовой бабушке со всех ног. Дверь в конце зала была закрыта. Я видел, как она все приближается и приближается, видел серебристую ручку, облезшую в тех местах, где к ней прикасались. Когда я потянул за нее, нижняя планка двери заскребла о порог и взвизгнула, как женщина от боли. Будь я в норме, я бы убрался к чертовой бабушке немедленно. Но я был под завязку накачан адреналином. Я ухватился за дверь обеими руками и потянул изо всех сил. Она распахнулась. И за ней был Губи — он висел на потолочной балке, его тело четко вырисовывалось на фоне окна.

— Ох, Бен, не надо... — проговорила она нервно.

— Нет, это чистая правда, — настаивал он. — Во всяком случае, правда о том, что видел девятилетний мальчик и помнил почти всю жизнь мужчина. Губи висел там, и лицо его вовсе не почернело. Оно было зеленое. Глаза были закрыты. Руки белели... призрачно белели. А потом он открыл глаза.

Бен сделал огромную затяжку и вышвырнул сигарету в темноту за окном.

— Не стану гадать, за сколько миль слышали мой визг. Я удрал. Свалился с половины лестницы, вскочил и помчался напрямик по дороге. Мальчишки ждали меня примерно в полумиле отсюда. Только там я обнаружил, что снеговой шар все еще у меня. И он до сих пор у меня.

— Но вы же не думаете, что действительно видели Губерта Марстена, Бен? — она заметила вдалеке желтый огонек, означающий центр города и обрадовалась этому.

Он долго молчал. Потом сказал: «Не знаю».

Было видно, как ему хотелось сказать «нет» и тем закончить дело.

— Может быть, галлюцинация. А, может быть, дома действительно способны поглощать сильные эмоции и держать их в себе в виде какого-то... заряда, что ли. И на подходящей личности — чувствительный мальчик, например, — заряд может разрядиться. Не призраки, конечно, а

что-то вроде трехмерного психического телевидения. А, может быть, даже что-нибудь живое. Чудовище, если хотите.

Она молча взяла сигарету для себя.

— Как бы то ни было, я несколько недель не гасил на ночь свет и всю жизнь вижу во сне открывающиеся двери. Малейшее потрясение — и этот сон.

— Это ужасно.

— Нет, — возразил он, — не очень. У всякого есть свои кошмары. — Он помолчал. — Хотите немного посидеть у Евы на порожке? В дом не могу вас пригласить — правила такие, но у меня есть кока-кола со льдом и немного бакарди в комнате. Как в старину называлась выпивка перед сном — ночной колпак?

— С удовольствием.

Заднее крыльцо, смотревшее на реку, было выкрашено белым с красной каймой, и на нем стояли три плетеных кресла. Река выглядела сказочно, летняя луна дробилась в листве деревьев на берегу и рисовала на воде серебряную дорожку. Весь город молчал, и отчетливо слышался шум воды, пенящейся на дамбе.

— Садитесь. Я сейчас.

Он нравился ей, несмотря на все странности. Не то чтобы она верила в любовь с первого взгляда... Вот вождение с первого взгляда — это другое дело, но он — человек совсем не того типа. Сдержанный, худощавый, бледнокожий, с книжным, обращенным внутрь себя выражением лица. И надо всем этим тяжелая копна черных волос, явно лучше знакомая с пятерней, чем с гребнем.

А эта история...

Ни «Дочь Конуэя», ни «Воздушный танец» не заставляли предполагать такого мрачного умонастроения. В первой книге дочь священника сбежала из дому и, бродяжничая, объездила всю страну автостопом. Во второй Фрэнк Баззи, бежавший заключенный, начал новую жизнь механиком в соседнем штате и случайно попался опять. Обе книги были яркими, энергичными, и раскачивающаяся тень Губи Марстена, отраженная в глазах девятилетнего мальчишки, явно не лежала на них.

Словно заколдованный, ее взгляд обратился к западу, туда, где ближайший к городу холм заслонял звезды.

— Вот и я, — услышала она. — Надеюсь, это вам понравится.

— Посмотрите на Марстен Хауз, — отозвалась Сьюзен.

Он посмотрел. В доме горел огонек.

Выпивка закончилась, полночь прошла, луна почти села.

— Ты мне нравишься, Бен. Очень.

— И ты мне тоже.

— Я хотела бы увидеть тебя снова, если ты хочешь.

— Да.

— Но не торопись. Не забывай, что я только девчонка из провинции.

Он улыбнулся:

— Все это так по-голливудски! Но по хорошему Голливуду. Теперь мне поцеловать тебя?

— Да, — отозвалась она серьезно, — самое время.

Они оба сидели а креслах-качалках, и движение превратило поцелуй во что-то совсем новое, легкое поначалу, но быстро крепнущее. Она ощутила запах-привкус рома и табака и подумала: «Он меня пробует». Эта мысль пробудила в ней тайное чистое волнение, и она прервала поцелуй, пока это волнение не завело ее слишком далеко.

— Увы! — произнес он.

— Придешь к нам обедать завтра? — спросила она. — Могу поручиться, наши будут рады.

Сейчас она действительно могла поручиться.

— А еда домашняя?

— Самая домашняя.

— Замечательно. Я ем невесть что с тех пор, как я здесь.

— Как насчет шести часов? Мы в Стиксвилле ранние пташки.

— Чудесно. Кстати, о доме — я лучше тебя отвезу.

В машине они молчали, пока не увидели огонек на холме, тот, что ее мать всегда оставляла гореть, пока не вернется дочь.

— Интересно, кто там сейчас в Марстен Хаузе, — проговорила Сьюзен. — Этот свет не похож на электрический, он слишком желтый и слишком слабый. Может, керосиновая лампа?

— Наверное, не успели подвести свет.

— Наверное... Но ведь никто так не делает.

Он не ответил. Они уже сворачивали на ее подъездную дорожку.

— Бен, — спросила она вдруг, — ты пишешь книгу о Марстен Хаузе?

Он засмеялся и поцеловал ее в кончик носа:

— Уже поздно.

— Я не хотела вынюхивать!

— Все в порядке. Но лучше в следующий раз... при свете.

— О'кей.

— Завтра в шесть.

Она взглянула на часы:

— Сегодня в шесть. Пока.

Подбежав к двери, она помахала рукой отъезжающей машине. Потом приписала в заказ молочнику сметану: с картошкой это прибавит класс завтрашнему обеду.

Прежде, чем войти в дом, она бросила еще один взгляд на Марстен Хауз.

* * *

В своей похожей на коробок комнате он разделся без света. Хорошая девушка. Первая хорошая девушка после смерти Миранды.

Прежде чем заснуть, он приподнялся на локте и взглянул в открытое окно мимо квадратной тени пишущей машинки и тонкой пачки рукописи рядом. Он специально попросил у Евы Миллер эту комнату: окно выходило прямо на Марстен Хауз.

Там все еще горел свет.

Ночью он видел тот же сон. В первый раз в Джерусалемз Лоте, и первый раз так ярко после смерти жены. Бег вверх по лестнице, ужасный скрип открывающейся двери, качающаяся фигура, внезапно открывшая отвратительные глаза — и он возвращается к дверям в медленной, мучительной панике сна...

И дверь заперта.

3. Лот (1)

Город просыпается быстро — работа не ждет. Еще краешек солнца не поднялся над горизонтом и на земле лежит тьма, но дела уже начались.

4:00

Ребята Гриффина — восемнадцатилетний Хол и четырнадцатилетний Джек — вместе с двумя наемными рабочими начали дойку. Коровник — чудо чистоты, белизны и сияния. Хол включил электрический насос и пустил воду в поильное корыто. Он всегда был угрюмым парнем, но сегодня злился особенно. Вчера вечером он поссорился с отцом. Хол хотел бросить школу. Он ее ненавидел. Смирно сидеть на месте сорок пять минут! И без всякого смысла, вот ведь в чем подлость! Коровам безразлично, если ты скажешь «кажись» или перепутаешь падежи, им плевать, кто был чертовым главнокомандующим чертовой Армии Потомака в чертову гражданскую войну, а насчет математики — так его собственный папаша, хоть расстреляй его, не сумеет сложить две пятых с одной второй — для этого у него бухгалтер. А совести хватает нести это бычье дерьмо о чудесах образования: с его шестью классами он делает 16 000 долларов в год! Сам говорил, что успешный бизнес не столько книжных знаний требует, сколько знания людей. Что ж, Хол знает людей. Они делятся на два вида: которыми можно управлять и которыми нельзя. Первых раз в десять больше.

К сожалению, отец из вторых.

Он оглянулся через плечо на Джека. Этот как раз книжный червь. Папочкин сынок. Дерьмо.

— Шевелись, — зло крикнул он, — греби сено!

Он отпер ворота и вывез одну из четырех доильных машин, яростно хмурясь на сияющую сталь.

Школа. Дрянь!

Будущие месяцы простирались перед ним безбрежной могилой.

4:30

Плоды вчерашней вечерней дойки возвращались, уже обработанные, в Лот. Продажа собственного продукта давно перестала быть выгодной.

Молочником в Западном Салеме был Ирвин Пурингтон. В августе ему исполнилось шестьдесят один, и пенсия, наконец, замаячила впереди как нечто реальное. Жена его, старая ведьма по имени Эльси, умерла в позапрошлом году (единственное доброе дело, которое она ему сделала за двадцать семь лет брака, — это умерла первая), и после отставки он собирался прихватить свою дворнягу по имени Доктор и укатить прочь. Спать до девяти каждый день, и больше никогда в жизни не видеть ни одного восхода.

Он вылез из машины возле дома Нортонов и стал грузить в корзину их заказ: апельсиновый сок, две кварты молока, дюжину яиц. Ревматизм дал себя знать только раз, и то слабенько. Будет хороший день.

На заказе обнаружилась приписка рукой Сьюзен. Кажется, сегодня всем требуется что-то особое. Сметана! Тьфу!

Небо на востоке светлело, и в полях алмазами лежала крупная роса.

5:15

Ева Миллер уже минут двадцать как встала и оделась во что похуже. Она готовила себе завтрак, который не исчерпывался яичницей в четыре яйца и девятью ломтиками бекона. Крупная женщина, но не то чтобы толстая: она слишком много работала на свой пансион, чтобы растолстеть. Ее формы производили впечатление чего-то героического. Следить за ней, орудующей у восьмиконфорочной электрической плиты, было все равно, что наблюдать безостановочное движение прилива или перемещение песчаных дюн.

Она любила завтракать в одиночестве, планируя работу на день. Работы хватало: среда — день перемены белья, а у нее целых девять постояльцев, считая этого нового, Мерса. В доме три этажа и семнадцать комнат. Полы должны быть вымыты, лестницы вычищены, перила... ковер в гостиной... Надо бы позвать Хорька Крэйга в помощь, если он не отсыпается после запоя.

Задняя дверь открылась как раз, когда она садилась к столу.

— Привет, Ирвин. Добавь, пожалуйста, сверх заказа еще кварту молока и галлон того лимонада.

— Конечно, — ответил он обреченным тоном, — я знал, что сегодня

такой день.

Она пропустила это мимо ушей. Вин Пурингтон всегда найдет, на что пожаловаться, хотя, видит Бог, он мог бы быть счастливее всех на свете с тех пор, как его чертова кошка свалилась с лестницы и свернула себе шею.

Ровно в четверть шестого, когда она допила вторую чашку кофе и закуривала «Честерфилд», туго свернутый «Пресс-герольд» стукнулся о стену дома и упал в розовый куст. Этот парень Килби совсем распустился — третий промах за неделю. Ничего, она еще посидит. Утреннее солнце так чудесно светит в окна. Это у нее лучшее время дня — пока Гровер Веррилл и Мики Сильвестр еще не спустились стряпать себе завтраки перед тем, как отправляться на свою текстильную фабрику.

И как будто накликала: тяжелые шаги Сильвестра послышались на лестнице.

Она тяжело поднялась и отправилась во двор спасать газету.

6:05

Громкий плач ребенка пронзил утренний сон Сэнди Макдуглас, и она встала, не открывая глаз. Ребенок закричал громче.

— Заткнись! — крикнула она. — Иду!

Она прошла по узкому коридору трейлера в кухню — худощавая, теряющая остатки девичьей прелести. Вытащила бутылочку с молоком из холодильника, раздумала подогреть ее. Если так умираешь по молоку, пузырь, можешь пить его холодным.

Она сердито смотрела на ребенка. Во что это он вывозил руки? И на стене... Откуда это могло взяться и что это такое?

Ей было семнадцать лет, и замуж за Ройса Макдугласа она вышла на шестом месяце беременности. Не удивительно, что тогда замужество казалось благословением — почти таким же, какое давал отец Кэллахен. Теперь оно казалось кучей дерьма.

Именно того, в котором Рэнди, как она с отчаяньем убедилась, вывозил руки, стену и волосы.

Она стояла с бутылочкой в руке, тупо глядя перед собой.

Так вот для чего она оставила школу, друзей, надежду стать манекенщицей. Для этого дрянного трейлера, для мужа, который весь день на фабрике, а весь вечер пьет или играет в карты, для ребенка, точь-в-точь похожего на отца.

Тот вопил во весь голос.

— Заткнись! — вдруг заорала она и швырнула в него пластиковой бутылочкой. Бутылочка опрокинула его на спину, и вопли Рэнди сделались невыносимыми. Он лежал, задыхаясь, в кровати, лицо его стало пурпурным.

— Прости, — прошептала она. — Иисус, Мария и Иосиф. Мне жаль! Ты в порядке, Рэнди? Сейчас мамочка тебя почистит.

Когда она вернулась с мокрой тряпкой, оба глаза Рэнди заплыли и под ними наливался синяк. Но он взял бутылочку и беззубо улыбнулся, когда она вытирала ему лицо.

«Скажу Рою, что он упал с пеленального столика, — подумала Сэнди. — Он поверит. О Боже, пусть он поверит».

6:45

Большинство рабочего населения Салема Лота направлялось на работу. Майк Райсон принадлежал к немногим, которые работали в городе. Он числился садовником, но работал на трех городских кладбищах. Летом дела хватало, но зимой ему делать было нечего — так, во всяком случае, считали многие. Зимой он помогал гробовщику.

Насвистывая, он свернул с Бернс-роуд, уже готовясь выйти из машины и отпереть кладбищенские ворота... и вдруг резко нажал на тормоза.

С железных ворот вниз головой свисало тело собаки, и земля под ним размокла от крови.

Майк выскочил из машины и подбежал к воротам. Он натянул рукавицы и поднял собачью голову — та поддалась с ужасающей бескостной легкостью, и он увидел остекленевшие глаза Пурингтоновой дворняги Дока. Собака висела на остриях ограды, как овечья туша у мясника. Мухи, еще медлительные в утреннем холодке, собирались вокруг.

Борясь с тошнотой, Майк снял собаку с ворот. Кладбищенский вандализм не был для него новостью, но такого он еще не видел. Обычно ограничивались опрокидыванием надгробий, выцарапыванием кощунственных надписей и развешиванием бумажных скелетов. Но если это убийство — дело детишек, они настоящие мерзавцы. Вин умрет от горя.

Он подумал, не следует ли сразу отвезти собаку в город Перкинсу Джиллеспи, но решил, что это подождет. Он может отвезти беднягу Дока в

обеденное время: не похоже, чтобы ему сегодня захотелось есть.

Он отпер ворота. Придется еще мыть их. Вряд ли удастся сегодня попасть на другое кладбище. Он припарковал машину за воротами, больше не насвистывая. День померк.

8:00

Желтые школьные автобусы собирали детей, ожидавших на улице с завтраками в корзинках. Чарли Родс объезжал Восточный Салем и верхнюю часть Джойнтер-авеню.

В его автобусе ездили самые послушные дети во всем городе, да и во всем районе — если на то пошло. Никаких воплей, никакой игры в лошадей, никакого дерганья за косички в автобусе № 6. Все сидят спокойно и ведут себя как следует, а не то — шагают две мили до школы пешком и рассказывают директору, почему.

Он прекрасно знал, что дети о нем думают и как о нем говорят. И прекрасно. У него в автобусе не будет никаких глупостей. Это он оставляет бесхребетным учителям.

Директор набрался мужества спросить, не «погорячился» ли он, когда заставил маленького Дархэма три дня ходить в школу пешком только за то, что он чуть громче разговаривал. Чарли только взглянул на него, и директор — молокосос, четыре года, как из колледжа, — сразу отвел глаза. Управляющий автобусным объединением Дэйв Фэльсен — старый товарищ по Корее. Они с Чарли понимают друг друга. Они понимают, что творится в стране. Они понимают, что мальчишки, которые «чуть громче разговаривали» в 1958-м, это мальчишки, которые писали на знамя в 1968-м.

Он взглянул в зеркало и увидел, как Мэри Кэйт Григсон передает записку своему маленькому приятелю Brentу Тенни. Конечно — «маленькому приятелю». Они сейчас трахают друг друга с шестого класса.

Он аккуратно остановил автобус. Мэри Кэйт и Brent подняли глаза, полные отчаяния.

— Сильно поговорить захотелось? — осведомился он в зеркало. — Начинайте.

Он открыл двери и дождался, когда они выбрались к черту из автобуса.

Хорек Крэйг выкатился из постели — буквально. Солнце слепило. В голове гудело. Этажом выше тот писака уже начал стучать. Боже, это же надо иметь мозгов меньше, чем у белки, чтобы так долбить, долбить, долбить целый день.

Не так-то и грандиозно было похмелье. Он сидел у Делла до закрытия, но всего лишь с двумя долларами, а когда они кончились, не сумел настрелять много угощений. «На свалку пора», — подумал он, одеваясь.

Он достал из шкафчика завтрак: бутылку теплого пива, чтобы выпить на месте, и пачку овсянки из правительственных дотаций — вниз, на кухню. Крэйг терпеть не мог овсянки, но сегодня он пообещал вдове помочь, и она уж наверное чего-нибудь подбросит.

Все это было отголоском тех дней, когда он делил с Евой Миллер постель. Муж Евы погиб на лесопилке в 1959-м — это был бы забавный случай, не будь он так ужасен. В пятьдесят первом Ральф Миллер, президент кооператива, сделал для фабрики то, что не догадались сделать пожарные отряды к западу от Джойнтер-авеню, — организовал встречный пал. Семь лет после этого он не подходил к машинам — чтобы, поскользнувшись в луже, свалиться в дробилку на глазах у заезжих толстосумов, которых он водил по фабрике, уговаривая вложить в нее деньги. Нечего и говорить, что все рухнуло вместе с ним. Фабрика, спасенная им в пятьдесят первом, была ликвидирована в шестидесятом.

Хорек взглянул в свое рябое зеркало и пригладил седые волосы — все еще красивые и привлекательные для его шестидесяти семи лет. Это — единственное, что устояло в нем перед алкоголем. Набросив рубашку цвета хаки, он отправился вниз.

Вдова налетела на него как стервятник, чуть только он ступил в солнечную кухню.

— Послушай, Хорек, ты бы не натер мне перила после завтрака? Ты не занят?

Оба они придерживались великодушной выдумки, что он делает ей одолжение, а не расплачивается за четырнадцатидолларовую комнатку наверху.

— Конечно, Ева.

— И этот ковер в гостиной...

— ...Надо перевернуть. Да, я помню.

— Голова болит? — она спросила это деловым тоном, без единой

нотки жалости, но он чувствовал эти нотки там, в глубине.

— Голова в порядке, — отозвался он раздраженно.

— Ты вернулся поздно, поэтому я спрашиваю.

— Ты на меня глаз положила, как я погляжу? — он подмигнул ей и убедился, что она все еще умеет краснеть, как школьница, хотя всякие глупости они бросили лет десять назад.

— Эд...

Только она одна еще называла его так. Для всего Лота он был Хорек. Что ж, все нормально.

— Брось, — проворчал он. — Я просто встал не с той стороны кровати.

— Свалился, если судить по звуку, — уточнила она, и Хорек фыркнул.

Он сварил и съел свою ненавистную кашу, взял мастику с тряпками и ушел, не оглянувшись.

А наверху все время стучала машинка этого парня. Винни Апшоу из комнаты напротив говорил, что она начинает по утрам в девять, стучит до полудня, начинает опять с трех и долбит до шести; начинает снова в девять и не умолкает до полуночи. Хорек не понимал, где можно наскрести столько слов.

Все же это, кажется, приятный парень, и его можно расколоть на пару банок пива как-нибудь вечером у Делла. Говорят, большинство этих писак пьют, как рыбы.

Он принялся методично натирать перила и опять задумался о вдове. Она завела пансион на страховку мужа и неплохо справлялась. Почему бы и нет? Работает как лошадь. Но она привыкла иметь мужа, и, когда горе выветрилось, потребность осталась. Да и не маленькая, а?

В те годы, в начале шестидесятых, люди еще звали его Эдом, а не Хорьком, и у него была хорошая работа. Это случилось в январскую ночь.

Потом, лежа рядом с ним в темноте своей спальни, она расплакалась и сказала, что они поступили плохо. Он ответил ей, что они поступили хорошо, не зная, прав ли он, и не желая знать; и северный ветер рычал, кашлял и взвизгивал в дымоходах, а в комнате было тепло и безопасно, и они в конце концов заснули вдвоем как две серебряные ложки в футляре.

Ах, мой Бог и сынок Иисус, как течет время! Знает ли это парень, который стучит на машинке?

В начальной школе — гордости Лота — началась перемена. Это было низкое, сияющее стеклом здание с четырьмя классными комнатами, такое же новое, светлое и модное, какой старой и темной была школа высшей ступени на Брук-стрит.

Ричи Боддин, первый школьный хулиган и гордый этим обстоятельством, неторопливо вышел во двор, ища глазами ослика — новенького, который знал все подряд ответы на математике. В его школе никакой новичок не растанцует, не узнав своего хозяина. Особенно такой четырехглазка, учителей любимчик, как этот.

В свои одиннадцать Ричи весил 140 фунтов. Всю его жизнь мать призывала людей полюбоваться, какой гигант ее сын. Так что он знал, какой он. Иногда он воображал, что чувствует, как дрожит земля под его ногами. А когда он вырастет, то будет курить «Кэмэл», как его старик.

Четвертый и пятый классы дрожали перед ним, а мелюзга видела в нем школьный тотем. В тот день, когда Ричи уйдет в седьмой класс на Брук-стрит, здешний пантеон лишится своего божества. И это радовало патеон чрезвычайно.

А вот и тот новичок Петри, ждет очереди играть в футбол.

— Эй! — заорал Ричи.

Обернулись все, кроме Петри. И в каждой паре глаз отразилось облегчение при виде взгляда Ричи, устремленного на кого-то другого.

— Эй, ты! Четырехглазый!

Марк Петри обернулся и взглянул на Ричи. Его очки в металлической оправе сверкнули на утреннем солнце. Ростом он не уступал Ричи, то есть возвышался над всем классом, но был худощав, а лицо его выглядело беззащитным и книжным.

— Ты говоришь со мной?

— «Ты говоришь со мной?», — передразнил Ричи высоким фальцетом. — Похоже, ты дурак, четырехглазый. Ты это знаешь?

— Нет, я этого не знаю, — сказал Марк Петри.

Школьники начали собираться со всех сторон, чтобы посмотреть, как Ричи отделаает новичка. Мисс Холкомб, дежурившая в эту неделю во дворе, занималась в другом углу малышами на качелях и ничего не заметила.

— «Не знаю», — снова фальцетом передразнил Ричи. — А я вот слышал, что ты большой тощий дурик, вот что.

— Правда? — спросил Марк все еще вежливо. — А я вот слышал, что ты толстый неуклюжий кретин, вот что.

Полная тишина. Никто из мальчишек не видел еще, как человек подписывает себе смертный приговор. Ричи от изумления разинул было рот

вместе с остальными.

Марк снял очки и протянул их стоящему рядом мальчишке со словами: «Подержи, пожалуйста». Мальчишка взял, молча тараща глаза на Марка.

Ричи двинулся в бой. Земля дрожала под его ногами. Он был полон уверенного и радостного желания лупить. Гигантский кулак размахнулся для удара — сейчас он расшвыряет зубы четырехглазого дурика по всему двору. Готовься отправляться к дантисту, дурик. Я иду.

В эту секунду Марк Петри отступил в сторону. Кулак пронесся мимо. Ричи развернуло силой удара, и Марку осталось только выставить ногу. Ричи Боддин рухнул на землю. Он хрюкнул. Толпа наблюдателей сказала: «Аааах!».

Марк хорошо знал, что если этот толстый парень встанет, ему, Марку, несдобровать. Ловкости ему хватало, но в школьной драке на ловкости долго не продержишься. Будь это уличная схватка — самое время было брать ноги в руки и показать издали нос. Но тут не улица, и, если он сейчас не отлупит этого кретина, издевательства никогда не кончатся.

Все это пролетело в его голове за пятую долю секунды.

Он прыгнул Ричи Боддину на спину.

Толпа снова сказала: «Аааах!». Марк схватил руку Ричи — выше локтя, где рукав, чтобы не выскользнул, — и вывернул ее за спину. Ричи взвизгнул от боли.

— Говори: «Сдаюсь»!

Ответ Ричи мог бы порадовать матроса с двадцатилетним стажем.

Марк дернул руку Ричи почти до уровня плеча, и Ричи взвизгнул опять. Его переполняли негодование, испуг и недоумение. Такого никогда раньше с ним не бывало. Чтобы четырехглазый дурик оседлал его и заставлял визжать перед подданными!

— Говори: «Сдаюсь»! — повторил Марк.

Ричи поднялся на четвереньки — Марк сжал его бока коленями. Ричи попытался стряхнуть противника — Марк снова дернул его за руку. На этот раз Ричи не взвизгнул. Он взвыл.

— Говори: «Сдаюсь»! — или, помоги мне Бог, я ее сломаю.

Рука Ричи заледенела, а плечо охватил огонь.

— Уберись с меня, ублюдок! Это не по правилам!

Взрыв боли.

— Говори: «Сдаюсь!».

— Нет.

Боль в плече стала парализующей. Пыль забила глаза и рот. Ричи беспомощно задрыгал ногами. Он забыл, что он гигант. Он забыл, что

земля дрожит под его ногами. Он забыл, что собирается, когда вырастет, курить «Кэмэл», как его старик.

— Сдаюсь! Сдаюсь! Сдаюсь! — завизжал Ричи. Он чувствовал, что может визжать часами или даже сутками, лишь бы получить свою руку обратно.

— Говори: «Я противный толстый кретин».

— Я противный толстый кретин! — крикнул Ричи в пыль.

— Ладно.

Марк поднялся и устало отошел в сторону. Он надеялся, что в Ричи не осталось боевого духа. Иначе быть ему, Марку, котлетой.

Ричи встал. Никто не глядел на него, все вернулись к своим делам. Он стоял один, едва веря в такую мгновенную гибель. Слезы стыда и ярости пробили дорожки в пыли на его лице. Броситься на Марка Петри? Но его новорожденный гигантский стыд и страх не пустили его. Не сейчас. Рука ныла, как вырванный зуб. Ну, погоди, недоносок! Дай только до тебя добраться!

Он обернулся и пошел прочь — и земля под его ногами уже не дрожала.

На девичьей стороне кто-то засмеялся — тонкий жестокий звук ясно раздался в утреннем воздухе.

Он не посмотрел, кто это был.

11:15

Городская свалка в Джерусалемз-Лоте была обыкновенной гравийной выработкой, пока не уперлась в глину в 1945-м. Она лежала близ Бернс-роуд, в двух милях от кладбища.

Дад Роджерс мог слышать слабое чихание и кашель газонокосилки Майка Райсона, пока его не заглушал треск огня.

Дад Роджерс был сторожем при свалке. Горбун со странно изогнутой шеей, он выглядел так, будто Господь Бог слегка скрутил его перед тем, как пустить на свет. Его руки, свисающие до колен, как у гориллы, отличались необыкновенной силой.

Дад любил свалку. Он любил гонять мальчишек, приходивших бить бутылки, и любил направлять машины на разгрузку. Он любил копаться в мусоре, что считалось его привилегией как сторожа. Над ним, пожалуй, посмеивались. Пускай. Попадалась медная проволока, иногда даже целые

катушки проволоки — из старых моторов, а медь в Портленде шла по хорошей цене. Старые стулья, кресла, диваны можно было чинить и продавать антиквару. Он любил иметь дело с антикварами, антиквары любили иметь дело с туристами и дачниками — получается, что все они неплохо работали на свалку, — разве не так вращается мир? Два года тому назад он разыскал кровать со сломанной рамой, которую сумел продать одному чудаку из Уэллса за двести зелененьких. Чудак хвалился древностью своей добычи по всей Новой Англии, не зная, как тщательно Дад оттирал шкуркой надпись: «Сделано в Гранд Рапидз».

А сколько разных вещей оставляют люди в выброшенных на свалку машинах! Радиаторы, фары, ремни, коробки передач, не говоря уже о щитках и ковриках.

Да, свалка — это чудесно. И чудеснее всего была даже не коробка с деньгами, спрятанная под стулом. Чудеснее всего был огонь и... крысы.

Дад жег мусор по воскресеньям и по средам утром, а по понедельникам и пятницам — вечером. Он любил смутный розоватый отсвет вечерних костров, но утренние были лучше — из-за крыс.

Сидя в кресле и глядя на огонь, Дад взвешивал в руке пистолет двадцать второго калибра и ждал их. Когда они появлялись, то появлялись целыми батальонами. Большие, грязно-серые, красноглазые. Блохи и клещи прыгали на их боках. Дад любил стрелять крыс.

— Ну, что, — говорил обычно Джордж Миддлер, по обыкновению кисло улыбаясь, когда протягивал ему через прилавок коробку ремингтоновских патронов, — город оплатит?

Это была старая шутка. Несколько лет назад Дад пытался включить в свой месячный заказ двадцать два патрона и пожалел об этом.

— Нет, — отвечал он Джорджу, — я просто бескорыстно служу обществу.

Вот и они. Вот эта толстая, приволакивающая заднюю лапу, — Джордж Миддлер. «Привет!» — сказал Дад и нажал на курок. Звук выстрела 22-го не впечатляет, но крыса дважды перевернулась и осталась лежать, дергаясь. Неплохо бы раздобыть больший калибр.

Вот эта следующая — дрянная девчонка Рути Кроккет, которая всегда подталкивает своих приятелей локтями и ухмыляется, когда Дад проходит мимо. Бам! Прощай, Рути.

Крысы бешено разбегались во все стороны, но Дад успел уложить шестерых — неплохая охота за одно утро. Если подойти и взглянуть, увидишь, как разбегаются с холодеющих тел клещи, — как будто... как будто крысы с тонущего корабля.

Это показалось ему восхитительно остроумным, он откинул уродливо повернутую голову и громко, раскатисто захохотал, глядя, как огонь пробивается сквозь золу оранжевыми пальцами.

Жизнь была прекрасна.

12:00

Городская сирена прогудела свои полные двенадцать секунд, возвещая большую перемену во всех трех школах и приветствуя время ленча. Лоуренс Кроккет, земельный и страховой агент, владелец конторы, отложил книгу («Сексуальные рабы сатаны»). Его распорядок дня никогда не менялся. Сейчас он пойдет в Замечательное Кафе, закажет два чизбургера с чашкой кофе и, наслаждаясь сигаретой «Вильям Ренн», полюбуется ножками официантки Паулины.

Он проверил, хорошо ли запер дверь, и отправился вниз по Джойнтер-авеню. На углу он задержался и бросил взгляд на Марстен Хауз. У подъезда стоял, блестя на солнце, автомобиль. Это вызвало у Лоуренса холодок беспокойства в груди. Он продал Марстен Хауз вместе с давно заброшенной Городской Лоханью больше года тому назад, и это была самая странная сделка в его жизни — а он много заключал в свое время странных сделок. Наверное, владелец той машины — человек по имени Стрэйкер. Р. Т. Стрэйкер. А как раз сегодня утром он получил кое-что по почте от этого Стрэйкера.

Он приехал в контору Кроккета однажды июльским вечером, чуть больше года назад. Высокий мужчина, одетый в солидный костюм-тройку, несмотря на жару. Лысый, как бильярдный шар, и, кажется, как тот же шар, — лишенный потовых желез. Глазные впадины под прямыми черными бровями могли бы с таким же успехом оказаться высверленными сквозными отверстиями. В руке мужчина держал тонкую черную папку. Ларри в своей конторе был один. Его работавшая неполный день секретарша — девушка с самым изысканным набором выпуклостей, когда-либо попадавшимися ему на глаза, — работала в это время у юриста из Гайтс Фола.

Лысый гость устроился в кресле для клиентов, положил папку на колени и уставился на Ларри Кроккета. Выражение его глаз понять было невозможно, и это раздражало Ларри. Этот человек не задержался взглянуть на чертежи предлагаемых домов, выставленные в прихожей, не

попытался пожать руку или представиться, даже не поздоровался.

— Чем могу помочь? — спросил Ларри.

— Я прислан купить дом и деловое помещение в вашем замечательном городе.

Абсолютная невыразительность его голоса напомнила Кроккету запись, которую слышишь, узнавая по телефону прогноз погоды.

— Отлично, — сказал Ларри. — У нас как раз есть несколько...

— В этом нет нужды. — Лысый остановил его жестом, и Ларри с изумлением увидел невероятно длинные пальцы: средний не меньше четырех или пяти дюймов от основания до кончика. — Деловое помещение расположено напротив входа в парк.

— Да, оно продается. Когда-то принадлежало прачечной, она обанкротилась. Расположение действительно удачное, если вы...

— Дом, — прервал его лысый, — тот, что известен в городе под названием Марстен Хауз.

Ларри слишком долго занимался своей профессией, чтобы позволить принять своему лицу выражение пораженного громом человека.

— Вот как?

— Да. Мое имя Стрэйкер. Ричард Трокетт Стрэйкер. Все бумаги будут на мое имя.

— Отлично, — отозвался Ларри. По крайней мере, перед ним деловой человек, это видно сразу. — За Марстен Хауз запрашивают четырнадцать тысяч, хотя, думаю, что моего клиента можно будет убедить сделать небольшую скидку. По поводу старой прачечной...

— Не пойдет. Я уполномочен заплатить один доллар.

— Один?.. — Ларри наклонил голову, как это делает человек, чего-нибудь не расслышавший.

— Да. Прошу взглянуть.

Длинные пальцы Стрэйкера расстегнули замочек папки и достали несколько бумаг в голубом прозрачном конверте.

Ларри Кроккет нахмурился.

— Прошу вас прочесть. Это сохранит время.

Ларри отбросил пластиковый конверт и посмотрел на первый лист с выражением человека, делающего одолжение дураку.

На лице Стрэйкера появилась тонкая улыбка. Он достал из кармана пиджака золотой портсигар и зажег сигарету деревянной спичкой. Резкий аромат турецкого табака наполнил контору.

Следующие десять минут тишину в конторе нарушало только негромкое жужжание вентилятора и приглушенный шум уличного

движения. Стрэйкер докурил сигарету почти до самого обреза и начал другую.

Ларри оторвался от страницы, побледневший и потрясенный.

— Это шутка? Кто вас прислал? Джон Келли?

— Я не знаю никакого Джона Келли и не шучу.

— Эти бумаги... право на землю... Боже мой, да вы знаете, что этот участок стоит полтора миллиона долларов?

— Вы трусите, — холодно произнес Стрэйкер. — Он стоит четыре миллиона. Скоро будет стоить больше, когда построят торговый центр.

— Чего вы хотите? — спросил Ларри хрипло.

— Я сказал. Мы с партнером планируем открыть дело в этом городе. Мы планируем жить в Марстен Хаузе.

— Какое дело? «Убийцы Инкорпорэйтед?»

Стрэйкер холодно улыбнулся:

— Боюсь, дело крайне будничное. Мебель. Мебельный антиквариат для коллекционеров. Мой партнер — эксперт в этом деле.

— Дерьмо, — выругался Ларри. — Ваш партнер должен знать, сколько стоит Марстен Хауз. И тем более должен знать, что на мебельном антиквариате в этом городишке ничего не зарабатываешь.

— Мой партнер совершенно квалифицирован в любом предмете, к которому проявляет интерес, — объявил Стрэйкер. — Он знает, что ваш город стоит на шоссе, в нем бывают туристы и дачники. Как бы то ни было, вас это не касается. Вы находите, что бумаги в порядке?

Ларри постучал по столу голубым конвертом.

— Кажется, да. Но я не позволю с собой мошенничать.

— Разумеется, нет, — голос Стрэйкера сочился вежливым презрением. — У вас, кажется, есть адвокат в Бостоне, если не ошибаюсь. Некто Фрэнсис Волш.

— Откуда вы знаете? — пролаял Кроккет.

— Неважно. Отвезите бумаги ему, он подтвердит их подлинность. Земля будет ваша при трех условиях.

— А! — Ларри немного успокоился. — Условия. Теперь мы подходим к сути. Валяйте.

— Номер первый. Вы продаете мне Марстен Хауз и прачечную за один доллар. Владелец дома сейчас в Бангоре. Прачечная принадлежит Портлендскому банку. Я уверен, обе заинтересованные стороны будут довольны, если вы возместите им стоимость. Минус ваши комиссионные, разумеется.

— Откуда у вас все эти сведения?

— Вам этого знать не следует, мистер Кроккет. Условие номер два. Вы ничего никому не расскажете о нашем сегодняшнем соглашении. Речь идет только о двух партнерах-антикварах.

— Я не балаболка.

— Тем не менее я хочу запечатлеть в вашей голове всю серьезность условия. Может прийти время, мистер Кроккет, когда вам захочется сообщить кому-нибудь о нашей сегодняшней сделке. Если вы это сделаете, я узнаю. Я вас уничтожу. Вы поняли?

— Как в дрянных шпионских фильмах, — сказал Ларри. Небрежно сказал, но где-то внутри ощутил неприятную дрожь страха. Слова «я вас уничтожу» прозвучали так же просто, как «добрый день». Они звучали правдиво. И какого дьявола этот шут знает про Фрэнка Волша? Даже жена Ларри не знает про Фрэнка Волша. — Третье условие?

— Дом нуждается в некотором ремонте. Мой партнер планирует сделать его сам. Но вы будете его агентом. Время от времени понадобятся ваши услуги, о которых также следует молчать. Вы поняли меня?

— Да, понял. Но вы, кажется, нездешний, ведь так?

— Разве это важно? — поднял брови Стрэйкер.

— А вы думали! Здесь вам не Бостон и не Нью-Йорк. Я сколько угодно могу держать рот на замке — это ничему не поможет. Да одна только старая Мэйбл Вертс всю жизнь проводит с биноклем у глаз.

— Нас не волнуют горожане. Моего партнера не волнуют горожане. Они — как сороки на телефонных проводах. Поговорят и перестанут.

Ларри пожал плечами:

— Ваше дело.

— Верно, — согласился Стрэйкер. — Вы будете оплачивать все издержки и хранить все документы. Вам возместят. Согласны?

Ларри слыл лучшим игроком в покер во всем округе Кэмберленд. Внешне он был спокоен, но внутри бушевало пламя. Сделка, которую предлагает этот сумасшедший, если попадается, то раз в жизни. Может, он из тех чокнутых миллиардеров, которые...

— Мистер Кроккет, я жду.

— У меня есть два собственных условия.

— А! — Стрэйкер выглядел вежливо-заинтересованным.

— Первое. Бумаги надо проверить.

— Разумеется.

— Второе. Если здесь кроется что-то незаконное, я не хочу знать об этом. Я имею в виду...

При этих словах Стрэйкер откинул голову и издал предельно холодный

и бесчувственный смешок.

— Я сказал что-нибудь забавное? — осведомился Ларри без следа улыбки.

— О... а... конечно, нет, мистер Кроккет. Вы должны меня простить. Ваше замечание позабавило меня по не относящимся к вам причинам. Что вы хотели добавить?

— Насчет ремонта. Я не стану поставлять вам ничего, что сделает меня козлом отпущения. Если вы собираетесь производить там ЛСД или взрывчатку для хиппи — обустройвайтесь сами.

— Согласен, — улыбка ушла с лица Стрэйкера. — Мы стоворились?

Ларри сказал, испытывая странную нерешительность:

— Если бумаги в порядке, думаю, да.

Бумаги были в порядке. Компания, владеющая землей, предназначенной под Портлендский торговый центр, оказалась дутой и не доставила хлопот. Стрэйкер пришел еще в пятницу (в первый раз он приходил в понедельник), и Ларри подписал договор. Подписал с сильным привкусом сомнения в горле. Впервые он пренебрег правилом, которому до сих пор неукоснительно следовал: не гадь, где кормишься. И, несмотря на невероятную прибыль, когда Стрэйкер прятал договор в свою папку, он почувствовал, что целиком отдал себя во власть этого человека и его отсутствующего партнера мистера Барлоу.

Но август прошел, лето соскользнуло в осень, осень в зиму, и он ощутил облегчение. К весне он и вовсе сумел забыть, каким образом получил бумаги, хранящиеся в сейфе Портлендского банка.

И тут начались события.

Этот писатель, Мерс, интересовался Марстен Хаузом и так странно смотрел на Ларри.

Вчера пришло письмо и посылка от Стрэйкера. В сущности, это была записка, а не письмо.

«Будьте добры, распорядитесь повесить прилагаемую табличку в окне магазина.

Р. Т. Стрэйкер.»

Табличка оказалась скромнее многих ей подобных:

«Откроется через неделю. Барлоу и Стрэйкер.
Изящная мебель. Отборный антиквариат».

А теперь эта машина у дверей Марстен Хауза. Он все еще смотрел на нее, когда услышал над ухом:

— Заснул, Ларри?

Он подскочил и оглянулся. Рядом стоял Перкинс Джиллеспи, зажигающий «Пэлл-Мэлл».

— Нет, — нервно рассмеялся Ларри. — Только задумался.

Перкинс посмотрел на Марстен Хауз, где сверкали на солнце хром и сталь дверей, потом — на старую прачечную с новой вывеской в окне.

— И не ты один, пожалуй. Всегда славно заполучить в город новых людей. Ты ведь с ними встречался, верно?

— С одним. В прошлом году.

— Мистер Барлоу или мистер Стрэйкер?

— Стрэйкер.

— Ничего человек?

— Трудно сказать, — отозвался Ларри и почувствовал желание облизнуть губы. Но не стал их облизывать. — Мы говорили только о деле. Кажется, с ним все о'кей.

— Хорошо. Это хорошо. Пошли. Я прогуляюсь с тобой до Замечательного.

Когда они переходили улицу, Лоуренс Кроккет думал о сделках с дьяволом.

1:00 пополудни

Сьюзен Нортон вошла в Салон Барбары, улыбаясь Бебс Гриффин — старшей сестре Хола и Джека.

— Слава Богу, ты смогла принять меня так скоро.

— Без проблем среди недели, — сказала Бебс, включая фен. — Кошмар, как душно. Вечером будет гроза.

Сьюзен взглянула на незапятнанное голубое небо.

— Ты думаешь?

— Да. Что ты хочешь, завивку?

— Конечно, — отозвалась Сьюзен, думая о Бене Мерсе, — да такую, как будто я никогда не бывала в нашем городе.

— Да, — вздохнула Бебс, опуская на нее колпак, — все так говорят.

Вздох отдавал фруктовой резинкой. Бебс спросила Сьюзен, знает ли та, что кто-то открыл новую мебельную лавку в Городской Лохани —

дорогое, похоже, заведение, — и хорошо бы там нашлась лампа под ее пару бра и, не правда ли, мысль уйти из дому и перебраться в город была самая удачная мысль в ее жизни, и, не правда ли, что чудесное лето в этом году. Досадно, что кончается.

3:00 пополудни

Бонни Сойер лежала на большой двуспальной кровати в своем доме на Дип Кат-роуд. Это был не дрянной трейлер, а настоящий дом, с фундаментом и подвалом. Ее муж Рэг, автомеханик, хорошо зарабатывал.

На ней ничего не было, кроме тонких голубых трусиков, и она нетерпеливо поглядывала на часы. Две минуты четвертого — где он?

Входная дверь чуть-чуть приоткрылась, и заглянул Кори Брайант.

— Все о'кей? — шепнул он. Кори было только двадцать два года, и эта связь с замужней женщиной, да еще такой сногшибательной, как Бонни Сойер — «Мисс Кэмберленд-1973», — делала его робким, нервным и грубым сразу.

Бонни улыбнулась, продемонстрировав восхитительные зубки.

— Если бы нет, мой дорогой, — ответила она, — в тебе бы уже проделали такую дыру, что сквозь нее можно было бы смотреть телевизор.

Он вошел на цыпочках, и пояс со всякими приспособлениями — Кори уже два года работал на телефонную компанию — забавно позвякивал при каждом его шаге.

Бонни хихикнула и раскрыла объятия:

— Я тебя люблю, Кори. Ты прелесть.

Взгляд Кори наткнулся на темную тень под голубым нейлоном, и Кори сделался больше грубым, чем нервным. Он забыл про цыпочки, он пошел к ней, и, когда они соединились, где-то в лесу запела цикада.

4:00 пополудни

Бен Мерс откинулся на стуле, закончив дневную работу. Он отказался от прогулки в парке, чтобы отправиться обедать в Нортонам с чистой совестью, и писал почти весь день без перерыва.

Он встал и потянулся, весь взмокший от пота, прислушиваясь к хрусту

собственных костей. Вытащил свежее полотенце и поторопился было в ванную — прежде чем все вернутся с работы и туда будет не протолпиться.

Не дойдя до двери, он вдруг развернулся и подошел к окну. Что-то бросилось ему в глаза. Не в городе — город передремывал день под небом того особого глубокого оттенка голубизны, которым славится Англия в конце лета.

Мартин Хауз. Отсюда, из окна, за асфальтовыми крышами двухэтажных домов на Джойнтер-авеню и за парком, полным детей, уже вернувшихся из школы, он выглядел миниатюрой, кукольным домиком. И это нравилось Бену. Отсюда Марстен Хауз выглядел как нечто, с чем можно совладать. Взять в руки и раздавить ладонями.

У дверей стоял автомобиль.

Бен замер с полотенцем через плечо, ощутив спазм необъяснимого ужаса. Губы его беззвучно шевельнулись, будто произнося слово, никому — и ему самому — непонятное.

5:00 пополудни

Мэттью Берк вышел из школы высшей ступени и направился к своему старенькому автомобилю.

В свои шестьдесят три — два года до законной отставки — он еще нес полную нагрузку уроков английского, плюс внеклассная работа. Осенью это была школьная постановка, и он только что закончил чтение трехактного фарса под названием «Проблемы Чарли».

Из совершенно непригодного большинства он выбрал дюжину способных кое-что запомнить и пересказать дрожащим монотонным голосом, а также двух-трех ребят, способных на большее.

По теории Мэтта, школьная постановка должна походить на миску «Кэмбелского супа»: абсолютно безвкусна, но никому не повредит. Родители придут в восторг, театральный критик из кэмберлендского «Лидера» захлебнется многосложными эпитетами — за что ему и платят. Героиня, — вероятно, на этот раз Рути Кроккет — влюбится в героя и, возможно, после премьеры потеряет девственность.

В свои шестьдесят три он все еще любил учительствовать. Недостаток строгости, не позволивший ему стать заместителем директора, самому Мэтту никогда не мешал. Он спокойно читал сонеты Шекспира среди летящих самолетиков и шариков жеваной бумаги; садился на кнопки и

рассеянно их отбрасывал, распорядившись открыть 467-ю страницу грамматики; доставал сочинения из-под сверчков, лягушек в ящике, а один раз — из-под семифутовой черной змеи.

Дети его не особенно любили, но многие научились уважать, а некоторые даже поняли, что преданность делу и самоотверженность, как бы эксцентрично и унинительно они не выглядели, достойны уважения.

Он сильно нажал на акселератор — мотор заглох. Мэтт выждал, снова тронул машину и настроил радио на свой любимый рок-н-ролл.

Мэтт жил в маленьком домике на Таггарт Стрим-роуд и почти никого не видел. Он никогда не был женат и обходился без всяких родственников. Это был одинокий человек, но одиночество никак его не испортило.

Тени удлиннились, вечер придал панораме города оттенки картин французских импрессионистов. Мэтт взглянул направо, увидел мельком Марстен Хауз — и взглянул снова.

— Ставни, — громко произнес он сквозь вскрики радио. Две отвалившихся прежде ставни снова закрывали окна, придавая дому слепой таинственный вид.

Он взглянул в зеркальце заднего обзора и увидел у двери машину. Он учительствовал в Салеме Лоте с 1952-го и ни разу не видел у этих дверей автомобиля.

— Там что, поселился кто-нибудь? — спросил он неизвестно кого и поехал дальше.

6:00 пополудни

Отец Сьюзен, Билл Нортон, председатель городского управления, обнаружил, к своему удивлению, что ему нравится Бен Мерс. Билл, черноволосый, крупный, с телосложением грузовика, не пополнил и после пятидесяти. С разрешения отца он ушел из одиннадцатого класса во флот, а в двадцать четыре года вырвался оттуда и досдал школьные экзамены экстерном. Он не испытывал ненависти к интеллектуалам, свойственной многим людям его типа, но терпеть не мог кое-кого из длинноволосых мальчишек, которых приводила домой Сьюзен. Не то чтобы его бесили их волосы или одежда — он не мог переносить их несерьезного отношения к жизни. Он не разделял симпатий жены к Флойду Тиббитсу, но относился к нему лучше, чем к прочим: у Флойда была хорошая работа, и он мог считаться сравнительно серьезным. К тому же он был местным. Впрочем,

Бен Мерс в каком-то смысле тоже.

— Ты не цепляйся к нему насчет волос и прочего, — предупредила Сьюзен, услышав звонок. Она одела легкое зеленое платье и огромной зеленой заколкой собрала завитые волосы в свободный пучок.

Билл рассмеялся:

— Цепляюсь, когда есть к чему, Сюззи, дорогая. К тебе я никогда не цеплялся, ведь правда?

Она нервно улыбнулась ему и пошла открывать дверь.

Одежда вошедшего Биллу понравилась: простые синие джинсы, очень опрятные, и белая рубашка с закатанными рукавами.

— Бен, это — папа и мама, Билл и Анна Нортон. Мам, пап, это — Бен Мерс.

— Здравствуйте. Рад вас видеть.

Он немного скованно улыбнулся миссис Нортон, и та сказала:

— Здравствуйте, мистер Мерс. В первый раз в жизни вижу вблизи живого писателя. Сьюзен ужасно волновалась.

— Не беспокойтесь, я не читаю своих книг на память, — улыбнулся он.

— Привет, — Билл поднялся со стула. Он вышел из портлендских доков, и руки его помнили об этом. Но кисть Мерса не превратилась в Билловой ладони в желе, как это происходило с обычными садовыми «мальчиками от искусства», и Билл остался доволен. Он перешел к следующему испытанию:

— Хотите пива? Там стоит на льду, — и он махнул рукой в сторону задней веранды, которую сам пристроил. «Мальчики от искусства» неизменно отказывались, — очевидно, опасаясь размягчить мозги, и без того нетвердые.

— Ух, как я люблю пиво, — сказал Бен, и его улыбка удвоилась. — Давайте два или три.

Билл расхохотался:

— Вот это я понимаю! Пошли.

При звуке этого смеха с женщинами произошло нечто странное: брови Анны Нортон сдвинулись, а Сьюзен — облегченно разошлись, как будто беспокойство, освободив одну из них, перешло в другую.

На веранде Билл перебросил банку пива Бену, тот ловко поймал ее.

— Вы понравились Сьюзен.

— Сьюзен хорошая девушка.

— Да, хорошая, практичная девушка. — Нортон задумчиво допил пиво. — Она говорит, вы опубликовали три книги.

- Да, это так.
- Хорошо расходились?
- Первая — да.

Больше Бен не сказал ничего. Билл Нортон слегка кивнул в знак одобрения человеку, у которого хватает шариков держать свои денежные дела при себе.

- Поможете мне зажарить сосиски?
- Конечно.
- Их надо надрезать, чтоб вышел сок. Знаете об этом?
- А как же! — усмехнувшись, Бен быстро проделал в воздухе крестообразный надрез кончиком указательного пальца.

— Да, вы и впрямь из наших краев. — Билл Нортон встал. — Берите вон ту корзиночку с брикетиками и пойдете во двор к мангалу. Возьмите пиво с собой.

— Я с ним неразлучен.

Предсказания Бебс Гриффин насчет дождя оказалось грандиозной ошибкой, и обед на свежем воздухе прошел прекрасно. Легкий ветерок при помощи дымка из мангала ликвидировал всех запоздалых комаров. Женщины унесли бумажные тарелки и вернулись выпить по банке пива и посмеяться, глядя, как Билл разнес Бена в бадминтон со счетом 21:6. Бен с искренним сожалением отказался от реванша, показав на часы.

— Книга, — пояснил он. — Я остался должен шесть страниц. Если напьюсь, не сумею даже прочесть, что напишу завтра утром.

Сьюзен проводила его до входных дверей — он ушел пешком. Билл, заливая огонь, кивал самому себе. Этот парень не выставлял напоказ свою серьезность, но человек, который работает после обеда, так или иначе продвинется в жизни.

Однако Анна Нортон полностью так и не оттаяла.

7:00 пополудни

Флойд Тиббитс остановил машину на стоянке «У Делла» примерно через десять минут после того, как Делберт Марки, владелец и бармен, повесил над дверями новую розовую вывеску с буквами трехфутовой высоты. Кругом собирались пурпурные сумерки и выпивали свет с неба, а в углублениях земли вот-вот должен был зародиться туман. Близилась ночь.

— Привет, Флойд, — сказал Делл, вытаскивая банку из

холодильника. — Как дела?

— Отлично. Это пиво выглядит привлекательно.

Флойд был высокий человек с ухоженной бородой песочного цвета. Жизнь и работа в банке Гранта устраивали его, хотя недовольство лежало где-то на границе со скукой. Он чувствовал, что плывет по течению, но не особенно огорчился этим. К тому же Сюзи — чудесная девушка. Недолго ждать, пока ему придется так или иначе что-нибудь решать.

Он бросил на прилавок долларовую купюру, жадно выпил пиво, налил новый стакан. Только один человек соседствовал с ним у стойки — тот паренек, Брайант из телефонной компании.

— Что новенького в городе? — спросил Флойд, заранее зная ответ.

«Ничего. Разве что кто-нибудь напился вдрызг в высшей школе».

— Кто-то убил собаку твоего дяди. Такого еще не было.

Флойд не донес стакан до рта:

— Что? Дока дядюшки Вина?

— Точно.

— Машиной переехали?

— Не похоже. Его нашел Майк Райсон. Док висел на тех, знаешь, остриях кладбищенских ворот. Измочаленный вдребезги.

— Сволочь! — Флойд был потрясен.

Делл серьезно кивнул, довольный произведенным впечатлением. Он-то знал кое-что и погорячее: девушку Флойда видели с писателем, поселившимся у Евы, но это Флойд пусть выясняет сам.

— Райсон отвез тело Перкинсу Джиллеспи, — продолжал Делл. — Тот думает, что собака сдохла, а повесили ее детишки, для развлечения.

— У Джиллеспи вместо головы задница.

— Возможно. Я тебе скажу, что я думаю, — Делл наклонился вперед. — Я думаю, может и детишки... черт, я знаю это... Это может оказаться похуже развлечений. Гляди-ка.

Он полез под прилавок и достал газету. Флойд глянул. Статья, на которую указал ему Делл называлась «Сатанисты оскверняют церковь». Оказывается, около полуночи банда парней вломилась в католическую церковь городка Клевистон во Флориде и совершала там какие-то кощунственные обряды. Алтарь оказался оскверненным, на скамьях вырезаны похабные слова, а на ступенях, ведущих в церковь, найдены брызги крови. Лабораторный анализ показал, что хотя часть крови принадлежала животному (скорее всего — козлу), в основном — кровь человеческая. Местный начальник полиции признал, что подозреваемых пока нет.

Флойд отложил газету:

— Сатанисты в Лоте? Брось, Делл. Ты перегрелся у плиты.

— Эти детишки совсем ошалели, — настаивал Делл. — Вот увидишь, я прав. В следующий раз они принесут человеческую жертву на Гриффиновом пастбище. Еще налить?

— Нет, спасибо, — Флойд отодвинул табурет. — Пойду-ка навещу дядюшку Вина. Он любил эту собаку.

— Передай мое сочувствие. — Делл спрятал свою газету обратно. — Мне, правда, ужасно жаль.

На полдороги к двери Флойд приостановился:

— Значит на воротах повесили, а? Хотел бы я добраться до этих ребятишек.

— Сатанисты, — повторил Делл. — Ничуть не удивлюсь. И что это на людей наехало в наши времена?

Флойд вышел. Брайант бросил десятицентовик в музыкальный автомат, и Дик Керлс запел «Похорони со мной бутылку».

7:30 вечера

— Возвращайтесь пораньше, — сказала Марджори Глик своему старшему сыну Дэнни. — Завтра в школу. Я хочу, чтобы твой брат был в постели в четверть десятого.

Дэнни переминался с ноги на ногу.

— Я не понимаю, зачем мне вообще брать его с собой.

— Не надо, — согласилась Марджори опасно приятным голосом. — Можешь оставаться дома.

Она повернулась к столу, на котором разделывала рыбу, и Ральфи высунул язык. Дэнни погрозил ему кулаком, но его дрянной брат только улыбнулся.

— Вернемся, — пробормотал Дэнни и попытался выскользнуть из кухни, таща за собой Ральфи.

— К девяти.

— О'кей, о'кей.

Тони Глик, задрвав ноги, сидел перед телевизором в столовой.

— Куда вы, ребята?

— В гости к новенькому, — пояснил Дэнни. — К Марку Петри.

— Ага, — добавил Ральфи, — мы посмотрим его... элек-три-ческий

по-езд.

Дэнни недобро взглянул на брата, но отец не заметил ни паузы, ни ударения. Он только проговорил машинально:

— Не задерживайтесь.

Последний свет еще медлил на небе, хотя солнце уже зашло. У задней калитки Дэнни пообещал:

— Я из тебя дух выбью, вонючка!

— А я расскажу, — отозвался Ральфи самодовольно. — Расскажу, зачем ты идешь на самом деле.

— Гад, — произнес Дэнни беспомощно.

Тропинка вела вниз по склону к лесу. Дом Гликов стоял на Брок-стрит, дом Петри — на Джойнтер-авеню. Если вам двенадцать и девять и вы не прочь перебраться по камням через Кроккетский ручей, можно сберечь много времени, срезав угол. Под ногами хрустели сосновые иголки и сухие веточки. Иногда в лесу вскрикивал коростель и сверчки принимались вторить ему.

Дэнни совершил ошибку, сказав брату, что у Марка Петри есть полный набор пластиковых монстров: вурдалак, мумия, Дракула, Франкенштейн, сумасшедший доктор — и даже Камера Ужасов. Мать считала все это дрянью, заражающей мозги, и братец сразу обратился в шантажиста. Вонючка он все-таки.

— Ты знаешь, что ты — вонючка?

— Знаю, — гордо согласился Ральфи. — А что это?

— Это когда ты зеленеешь и становишься липким, как...

Они подошли к ручью, лениво журчащему по гравию и переливающемуся в сумерках жемчужным отблеском. Дэнни запрыгал по камням, внимательно вглядываясь под ноги.

— Сейчас толкну! — завопил сзади с восторгом Ральфи.

— Только попробуй. Я тебя в зыбучий песок столкну, дрянь.

Они перебрались на другой берег.

— А здесь нет зыбучего песка, — фыркнул Ральфи.

— Нет? — угрожающе переспросил Дэнни. — Тут один парень утонул в зыбучем песке в позапрошлом году. Я сам слышал, как взрослые в магазине рассказывали.

— Правда? — глаза Ральфи расширились.

— Точно. Он ушел вниз со страшным криком, и в рот ему набился песок, и это был конец. Рррррссссшшшшшшшш!

— Пойдем, — сказал Ральфи беспокойно. Уже почти совсем стемнело, и лес наполнился шевелящимися тенями. — Пойдем отсюда.

Они двинулись дальше, скользя на сосновых иглах. Дэнни действительно слышал разговор о мальчике — его звали Джерри Кингфилд. Может быть, он и ушел в зыбучий песок с криком и воплями, но никто этого не слышал. Он просто исчез шесть лет назад в болотах, куда отправился на рыбалку. Кто предполагал зыбучий песок, а кто — гомиков. Они везде попадают.

— Говорят, в этих лесах все еще бродит его призрак, — торжественно провозгласил Дэнни, игнорируя тот факт, что болота лежали в трех милях к югу.

— Не надо, Дэнни, — попросил Ральфи, — не надо... в темноте.

Лес таинственно поскрипывал вокруг. Коростель перестал кричать. Где-то за ними треснула ветка. В небе почти не осталось света.

— Время от времени, — продолжал Дэнни зловеще, — когда дрянные маленькие мальчишки выходят из дому в темноте, он подбирается к ним незаметно, а лицо у него все гнилое и покрытое песком...

— Дэнни, пойдем.

В голосе брата звучала настоящая мольба, и Дэнни замолчал. Он почти напугал сам себя. Темные силуэты деревьев вокруг медленно шевелились под ночным ветерком, терлись друг о друга, поскрипывая.

Слева треснула еще одна ветка.

Дэнни вдруг пожалел, что они не пошли по дороге.

Опять треснула ветка.

— Дэнни, я боюсь, — прошептал Ральфи.

— Глупости, — сказал Дэнни. — Пошли.

Листья шуршали под ногами. Дэнни сказал себе, что никакого треска веток он не слышит. Кровь толкалась в висках. Руки похолодели. «Считай шаги, — велел он сам себе. — Мы будем на Джойнтер-авеню через двести шагов. А обратно пойдем по дороге, чтоб этот вонючка не перепугался опять. Через минуту мы увидим фонари и будем знать, какие мы дураки, но это будет замечательно, так что считай шаги. Раз... два... три...»

Ральфи взвизгнул.

— Вот он! Вот он, призрак! Я ЕГО ВИЖУ!

Ужас раскаленным железом вонзился Дэнни в грудь. Ноги словно пронзило проволокой. Он бы повернулся и побежал, но Ральфи вцепился в него.

— Где? — прошептал Дэнни, забыв, что призрака он выдумал сам. — Где? — он всматривался в лес и видел только темноту.

— Он ушел... но я видел... он... оно... Глаза! Я видел глаза! Ой, Дэнни, — он уже бормотал что-то неразборчивое.

— Призраков не бывает, дурак. Пошли.

Дэнни взял брата за руку и пошел. Ему показалось, что его ноги сделаны из десяти тысяч карандашных грифелей. Ральфи тащился сзади, почти сталкивая его с тропинки.

— Оно за нами следит, — прошептал Ральфи. — Разве ты не чувствуешь?

Дэнни остановился. Теперь он действительно почувствовал что-то, как могут чувствовать дети, и знал, что они больше не одни. На лес опустилась полная тишина, но тишина злая. Вокруг тяжело корчились тени.

И Дэнни почувствовал что-то дикое.

Призраков нет, но гомики есть. Они останавливаются в черных машинах и предлагают тебе конфету или слоняются за углами улиц, или... или крадутся за тобой в лес...

А потом...

— Беги, — приказал он резко.

Но Ральфи дрожал, парализованный страхом. Он вцепился в руку Дэнни крепче металлического захвата. Глаза его, устремленные в лес, вдруг стали расширяться.

— Дэнни!..

Треснула ветка.

Дэнни повернулся и посмотрел туда, куда смотрел его брат.

Мрак охватил их.

9:00 вечера

Мэйбл Вертс, огромная семидесятичетырехлетняя толстуха, все меньше и меньше могла полагаться на свои ноги. Зато в ее распоряжении оставался телефон. Вертс была вместилищем всей истории города и всех его сплетен. Не то чтобы ее сплетни были злыми, просто она жила городом и для города. В каком-то смысле она и была городом, эта женщина, проводящая почти все свое время у окна, в шелковом капоте, в короне из тощих седых кос, с телефоном в правой руке и японским биноклем в левой. Сочетание этих двух предметов — плюс неограниченное время на их использование — делало из нее благожелательного паука, распростершего паутину от края до края Салема Лота.

За неимением лучшего она смотрела на Марстен Хауз, когда его ставни слева от входной двери открылись, выплеснув на землю квадрат

света, явно не электрического. Она успела только бросить мучительно короткий взгляд на что-то вроде головы и плеч за окном. Это вызвало в ней странную дрожь.

Больше ничего не случилось.

Она подумала: «Что же это за люди — открывают окна только тогда, когда их ни одна живая душа не увидит?».

Она отложила бинокль и осторожно подняла телефонную трубку. Почти все телефонные линии Салема Лота были совмещенными. Два голоса, в которых она быстро узнала Харриет Дархэм и Глэдис Мэйберри, говорили о находке собаки.

Мэйбл сидела, стараясь не дышать, чтобы не выдать своего включения в линию.

11:59 вечера

День дрожал на грани исхода. Дома спали в темноте. Только в нижнем городе бросали слабый отсвет на мостовую ночные огни похоронной конторы и Замечательного Кафе. Кое-кто не спал: Джорж Бойер, только что вернувшийся со второй смены, Вин Пурингтон, потрясенный смертью собаки больше, чем смертью жены..

На кладбище «Гармони Хилл» темная фигура задумчиво стояла в воротах, дожидаясь намеченного часа. Когда она заговорила, голос звучал мягко и тихо:

— О отец мой, снизойди ко мне! Повелитель Мух, снизойди ко мне! Я принес тебе испорченное мясо и затхлую плоть. Я принес жертву тебе.левой рукой я принес ее. Яви знамение на этой земле, освященной твоим именем. Я жду знамения, чтобы начать труд свой.

Голос замер. Поднялся слабый ветер, принесся вздохи и шепот листьев и трав, и запах падали из придорожной канавы.

Все молчало, кроме ветра. Фигура стояла неподвижно. Потом она наклонилась — и поднялась с телом ребенка на руках.

— Я принес тебе это.

Потом было нечто невообразимое.

4. Дэнни Глик и другие (1)

После десяти Марджори Глик позвонила Петри домой. «Нет, — сказала миссис Петри, — мальчиков здесь нет. Их здесь не было. Может быть, лучше пусть ваш муж поговорит с Генри». Миссис Глик протянула трубку мужу, чувствуя под ложечкой холодок страха.

Мужчины все обсудили. Конечно, мальчики пошли через лес. Нет, ручей слишком мелкий, особенно в сухую погоду. Генри предложил идти по тропинке навстречу друг другу с сильными фонарями. Может, мальчишки нашли нору енота или курят тайком, или еще что-нибудь. Тони согласился и поблагодарил мистера Петри за беспокойство. Мистер Петри сказал, что никакого беспокойства нет. Тони положил трубку и немного успокоил перепуганную жену. Про себя он решил, что ни один из мальчишек, когда найдется, неделю не сможет сидеть.

Но прежде чем он успел выйти со двора, из-за деревьев шатаясь вышел Дэнни и свалился у задней калитки. Он был не в себе, отвечал с трудом и не всегда осмысленно. За его воротничком торчали травинки, и в волосах запуталось несколько осенних листьев.

* * *

Он сказал отцу, что они с Ральфи перешли через ручей спокойно (призрак упомянут не был). Тут Ральфи сказал, что видит чье-то лицо. Дэнни стал бояться. Он не верит в такую чепуху, как духи, но ему что-то слышалось в темноте.

Что же они сделали тогда?

Дэнни казалось, что они снова пошли, держась за руки. Он не был уверен. Ральфи хныкал про призрак. Дэнни его успокаивал. До Джойнтер-авеню оставалось шагов сто, может, меньше. И тут случилось что-то плохое.

Что? Что плохое?

Дэнни не знал.

С ним спорили, волновались, уговаривали. Дэнни только качал головой, медленно и тупо. Да, он знает, что должен вспомнить, но он не может. Честно, не может. Нет, он не помнит, чтобы падал. Просто... стало темно. Очень темно. А потом оказалось, что он лежит на тропе один.

Ральфи исчез.

* * *

Перкинс Джиллеспи решил, что нет смысла обыскивать лес ночью. Он только прошелся с Гарднером, Гликом и Петри по всей дороге от одного до другого дома, но ничего не нашел.

С утра полиция штата вместе с кэмберлендской полицией стали прочесывать лес. Когда ничего не нашли, зону поиска расширили. Полиция билась четыре дня, а Глики бродили по лесу и полю, обходя ямы углежогов и зовя сына по имени в бесконечной и безрезультатной надежде.

Обыскали драгами ручей Таггарт и реку Роял. Тоже безрезультатно.

Наутро пятого дня Марджори Глик разбудила мужа в четыре утра, перепуганная до истерики. Дэнни лежал в обмороке на верхней площадке, очевидно упав по дороге в ванную. «Скорая» увезла его в больницу с первоначальным диагнозом «замедленный эмоциональный шок».

Дежурный врач по имени Горби отвел Глика в сторону:

— У вашего мальчика бывали астматические припадки?

Мистер Глик заморгал и покачал головой. Меньше чем за неделю он постарел на десять лет.

— Ревматическая лихорадка?

— У Дэнни? Нет, что вы.

— Пробу на туберкулез в этом году брали?

— Туберкулез? У моего мальчика?

— Мистер Глик, мы только стараемся выяснить...

— Марджи, Марджи, иди сюда!

Марджори Глик медленно подошла. Бледная, кое-как причесанная, она выглядела как женщина, страдающая от жестокой мигрени.

— У Дэнни брали в этом году пробу на туберкулез?

— Да, — отозвалась она без всякого выражения. — Никакой реакции.

— Он не кашлял ночью? — спросил Горби. — Не жаловался на боль в суставах или в пояснице?

— Нет.

— Не терял много крови? Из носу, со стулом или, может, просто много ссадин и царапин?

— Нет.

Горби улыбнулся и кивнул.

— Если разрешите, мы оставим его для обследования.

— Конечно, — сказал Тони. — Конечно.
— Очень замедленная реакция, — добавил доктор. — Мы хотим сделать рентген, проверить костный мозг, кровяные тельца...
Глаза Марджори Глик стали медленно расширяться.
— У Дэнни лейкемия? — прошептала она.
— Миссис Глик, едва ли это...
Но она упала в обморок.

* * *

Бен Мерс был одним из добровольцев, обыскивающих лес в поисках Ральфи Глика, но не получил за свои труды ничего, кроме репьев на руках и сенной лихорадки.

На третий день поисков он вернулся к Еве на кухню, собираясь после еды завалиться спать, чтобы вечером хоть немного написать, и обнаружил у плиты Сьюзен Нортон. Вернувшиеся в работы мужчины сидели за столом и делали вид, что разговаривают, а на самом деле строили ей глазки. Ева Миллер гладила в другой комнате.

— Привет! Что ты тут делаешь? — удивился он.
— Готовлю тебе что-нибудь пристойное, пока ты не свалился с ног.
Бен услышал, как за стеной фыркнула Ева. Уши его загорелись.
— Она хорошо готовит, — сообщил Хорек. — Я знаю, что говорю. Я следил.

— Ты так здорово следил, что у тебя скоро глаза вывалятся, — хихикнул Гровер Веррилл.

Сьюзен подала на стол.
— Не нашли? — спросила она у Бена.
— Никаких следов. Одни дрянные комары и чертовы колючки.
— Как ты думаешь, Бен, что с ним случилось?
— Бог знает. Может, кто-то подкрался к брату, стукнул его по голове и уволок ребенка.

— Ты думаешь, он мертв?
Бен взглянул на нее, стараясь понять, ждет ли она честного ответа или только обнадеживающего. Он взял ее руку в свои.
— Да, — коротко произнес он. — Думаю — мертв. Доказательств нет, но я думаю так.

Она покачала головой:
— Надеюсь, ты ошибаешься. Мама и другие леди заходили посидеть с

миссис Глик. Она совсем не в себе и ее муж тоже. А другой мальчик бродит как тень.

— Гм, — Бен едва ли слышал. Он глядел на Марстен Хауз. Ставни оставались закрытыми. «Они откроются позже. Когда стемнеет. Когда станет темно». При этой мысли у него по коже побежали мурашки.

— ...вечером?

— Гм. Прости, — он посмотрел на Сьюзен.

— Я сказала, папа приглашает тебя завтра вечером. Сможешь?

— Ты там будешь?

— Конечно, — она взглянула на него.

— Прекрасно, буду. — Он хотел смотреть на нее, она замечательно выглядела в вечернем свете, но взгляд его будто магнитом был прикован к Марстен Хаузу.

— Бен, о чем твоя новая книга?

— Подожди, — попросил он. — Дай мне время. Я скажу, как только смогу. Это... должно выработаться.

Она хотела сказать: «Я люблю тебя», — сказать так же легко и без оглядки, как эта мысль поднялась в ней, но она проглотила слова, не дав им слететь с языка. Она не хотела говорить это, пока он смотрит... пока он смотрел туда.

Когда она ушла, он сидел и смотрел на Марстен Хауз.

* * *

Утром двадцать второго Лоуренс Крокет сидел в своей конторе, делая вид, что читает письма, и любуясь на выпуклости секретарши, когда зазвонил телефон. В этот момент Ларри думал о своей деловой карьере в Салеме Лоте, о маленьком автомобиле у дверей Марстен Хауза и о сделках с дьяволом.

Даже до контракта со Стрэйкером Лоуренс Крокет был самым богатым человеком Салеме Лота. Описание истории этого богатства могло бы занять не одну страницу криминальной хроники.

«Сделки с дьяволом, да, — думал Ларри, шурша бумагами. — Когда имеешь дело с дьяволом, дивиденды выплачиваются аккуратно.

Может быть, слишком много денег. Стрэйкер сказал, что вступит с ним в контакт, и это было четырнадцать месяцев назад. Что если...»

В эту минуту зазвонил телефон.

* * *

- Мистер Кроккет? — произнес знакомый голос.
- Стрэйкер, верно?
- Действительно.
- Я как раз о вас думал. Может быть, я телепат.
- Это чрезвычайно забавно, мистер Кроккет. Мне нужна ваша услуга.
- Вы имеете на нее право.
- Прошу вас доставить нам грузовик. Большой. Может быть, арендованный. Доставьте его сегодня ровно в семь вечера в Портлендские доки. Двух грузчиков будет, думаю, достаточно.
- О'кей.
- Надо вывезти двенадцать ящиков. Все, кроме одного, — в магазин. Этот один — чрезвычайно ценный буфет работы Хэпплуайта. Ваши грузчики узнают его по размерам. Его следует отвезти в дом. Вы поняли?
- Да.
- Ящик надо поместить в подвал. Ваши люди могут спуститься туда через дверь внешней пристройки под кухонными окнами. Вы поняли?
- Да. Теперь насчет этого буфета...
- Я попрошу вас еще об одной услуге. Приобретите для нас пять крепких Йельских висячих замков. Вам знакома Йельская марка?
- Любому знакома. Что...
- Ваши грузчики запрут за собой на один из этих замков заднюю дверь магазина. На столе в подвале они оставят все пять ключей. Уходя, они запрут этими замками дверь пристройки, парадную и заднюю двери, гараж. Вы поняли?
- Понял.
- Благодарю вас, мистер Кроккет. Следуйте всем инструкциям абсолютно точно. До свидания.
- Подождите минутку...
- Гудки.

* * *

В две минуты седьмого большой бело-оранжевый фургон прибыл в Портлендские доки, к металлической будке таможни. Прилив доходил до высшей точки, это беспокоило чаек, мечущихся на фоне закатно-багрового

неба.

— Черт, тут никого нет, — сказал Роял Сноу, допив пепси и швырнув бутылку на пол кабины. — Нас арестуют как грабителей.

— Кое-кто есть, — отозвался Хенк Петерс, — фараон.

Оказалось, это не совсем фараон, а ночной дежурный. Он осветил на них фонарем:

— Кто из вас, парни, Лоуренс Крюккет?

— Кроккет, — поправил Роял. — Мы от него. Приехали за ящиками.

— Ладно. Заходите в контору. Вы должны подписать ведомость. — Он махнул рукой Петерсу, оставшемуся за рулем. — Подавай назад. Вон те ворота.

В конторе булькала кофеварка. Часы на стене показывали 7:04. Роял подписался на предложенной ему бумаге.

— Войдите и зажгите свет. Там крысы.

— Не видал еще крысы, которая бы не удрала от этого, — Роял притопнул каблуком рабочего башмака.

— Это портовые крысы, сынок, — сухо отозвался дежурный. — Они и не таких отделявали.

Роял отправился к складу. Дежурный стоял в дверях будки и смотрел ему вслед.

— Гляди в оба, — сказал Роял Петерсу. — Старик говорит, там крысы.

— О'кей, — фыркнул Петерс, — добрый старый Ларри Крюккет!

Он нашарил выключатель. Что-то в атмосфере склада — тяжелой, насыщенной запахами соли, гнилого дерева, воды, — гасило веселье. И мысль о крысах гасила его тоже.

Кроме нужных им ящиков, сваленных в кучу посередине, на складе ничего не было. Буфет возвышался в центре, и на нем одном виднелось клеймо: «Барлоу и Стрэйкер, Джойнтер-авеню, 27, Джер. Лот, Мэн».

— Не так уж плохо, — Роял сверился с ведомостью. — Да, все здесь.

— И крысы здесь, — Хенк огляделся. — Слышишь?

— Да, гадость. Ненавижу их.

Немного помолчали, прислушиваясь к визгам, топоту и шороху в тени.

— Ладно, давай разделаемся, — сказал Роял. — Начнем с того большого, чтоб легче разгрузаться у магазина.

Подойдя к ящику, Роял достал карманный нож и одним движением вспорол коричневый конверт с накладной, прикрепленный клейкой лентой к упаковке.

— Эй! — испугался Хенк. — Ты уверен, что мы должны?..

— Должны же мы знать, что притащили то, что надо, или нет? Если

лопухнемся, Ларри нас пришпилит к своему унитазу.

Он достал накладную и начал читать.

— Что там? — не терпелось Хенку.

— Героин, — ядовито произнес Роял. — Двести фунтов этого дерьма. Да еще две тыщи шведских книжечек с девочками, и еще...

— Дай сюда, — Хенк выхватил у него лист бумаги. — «Буфет, — прочел он, — из Лондона, Англия, в Портленд, Мэн». Положи на место.

Роял раздумывал:

— Слушай, на этой штуке нет таможенных штампов.

— Наверное, он сделан этим невидимым чернилом, которое надо как-то освещать со стороны.

— Когда я работал в доках, они на это не разменивались. Ставили штампы и на ящике, и на конверте, и на накладной. Ящик нельзя было ухватить, чтоб не замазаться чернилами по самые локти.

— Отлично. Я счастлив. Но моя жена взяла себе дурную привычку ложиться рано спать, а я не прочь застать ее сегодня.

— Может, заглянуть внутрь...

— Нечего. Давай, поднимай.

Роял пожал плечами. Когда они поднимали ящик, в нем что-то тяжело сдвинулось с места. Тяжелым он оказался невероятно — как и подобало старинному буфету. Кое-как они дотащили его к грузовику и сбросили на гидравлический лифт, одновременно ухнув от облегчения. Уравняв лифт с полом фургона, они залезли внутрь.

Что-то с ящиком было не так, и Роялу это не нравилось. Не только отсутствие таможенного штампа. Нечто неуловимое. Он стоял, глядя на груз, пока Хенк не окликнул его из склада.

На других ящиках штампы стояли — кроме трех, не пересекавших американских границ.

— Кто, во имя Бога, купит всю эту рухлядь? — поинтересовался Роял, закончив затаскивать ящики в фургон. — Польская качалка, немецкие часы, прялка из Ирландии... Боже правый, они же еще и заломят.

— Туристы, — авторитетно пояснил Хенк. — Туристы что угодно купят. Кто-нибудь из Бостона или Нью-Йорка — они купят и коровью лепешку, если это старая коровья лепешка.

— Не нравится мне этот большой ящик, — не успокаивался Роял. — Чертовски не нравится, что нет на нем штампа.

— Тем более — спровадим его по адресу и забудем о нем.

Возвращались в Салем Лот молча. Хенк жал на газ. Этот рейс не нравился обоим. Его следовало скорее заканчивать.

Магазин оказался незапертым, как и было обещано. Роял попытался зажечь внутри свет — у него ничего не вышло.

— Это мне нравится! — проворчал он. — Изволь грузить в чертовской темноте... Послушай, чем это несет?

Хенк понюхал воздух. Да, пахло чем-то неприятным, хотя он и не мог в точности сказать, чем. Запах был сухой и кислый, как вонь застарелого гнилья.

— Просто слишком давно закрыто, — он по очереди осветил все углы фонарем. — Надо бы проветрить хорошенько.

— Или хорошенько спалить. Пошли. Дай Бог ноги не сломать.

Они разгрузились так быстро, как только смогли. Через полчаса Роял со вздохом облегчения запер двери на новый замок.

— Ну, полдела сделано.

— Меньшая половина, — Хенк глядел на Марстен Хауз, сегодня темный и закупоренный. — Не хочется мне туда, и я так прямо и говорю. Если есть на свете хоть один дом, в котором нечисто, так это он. Эти люди, должно быть, чокнутые, если пытаются жить там. Ну, делать — так делать поскорее.

Через несколько минут Марстен Хауз уже маячил перед ними в темноте, мрачный и угрожающий, и Роял ощутил первый настоящий приступ страха.

— Видишь хоть один огонек за ставнями? — почти шепотом спросил он Хенка.

— Нет...

Дом как будто наклонился к ним в ожидании. Хенк развернул машину у задних дверей. Никто из них не старался рассмотреть что-нибудь в свете фар. Сердце Хенка напряглось от страха так, как не бывало с ним во Вьетнаме, хотя там он боялся почти постоянно. Но тот страх был естественным. Страх наступить на отравленную колючку, страх получить пулю из русского ружья от какого-нибудь недоростка с неукладывающимся в рот именем, страх угодить в патруль под команду идиота, который заставит тебя выжечь дотла деревню, откуда конговцы смылись неделю назад. А теперешний страх казался смешным, детским. Ничто здесь не должно было пугать. Дом как дом: доски, петли, гвозди, балки. Никаких причин ощущать, будто каждый кусок штукатурки издает собственный аромат зла. Ерунда. Призраки? Он не верит в призраков. После Вьетнама — не верит.

Дверца пристройки оказалась открытой, и в красноватом свете фар выщербленные каменные ступени казались спуском в ад.

Оба взглянули друг на друга при свете лампочки в кабине, читая свой ужас на лице другого. Но они давно уже не были детьми и не могли вернуться, не выполнив поручения из-за иррациональных страхов: как бы они могли объяснить это при свете дня? Работа есть работа.

— Пошли, — сказал Роял, — разделаемся с этим.

Шипение гидравлического лифта показалось неуместным. Они ухватились за ящик. В свете фар лицо Рояла выглядело лицом человека во время сердечного припадка.

Ящик лег на грудь каменной глыбой. Обоим приходилось носить грузы и потяжелее, но было в здешнем воздухе что-то обессиляющее. Ступени оказались скользкими, грузчики дважды балансировали на грани падения. Но наконец ящик оказался внизу.

— Бросай, — выдохнул Хенк. — Я не пронесу больше ни дюйма!

С грохотом ящик стал на пол. Взглянув друг на друга, они поняли, что какая-то таинственная алхимия превратила страх в панику. Подвал наполнился тихим шуршанием. Крысы, а, может, что-то другое, о чем и думать невыносимо.

Они кинулись бегом по лестнице. Заскочив в грузовик, Хенк тронул было машину с места. Роял схватил его за руку:

— Хенк, мы не поставили замки.

Оба уставились на связку новых замков на сиденье. Хенк полез в карман и вытащил ключи — каждый с аккуратной этикеткой.

— О, Боже! — произнес он. — Слушай, а что если вернуться завтра утром?

— Не пойдет, — Роял качнул головой. — Сам знаешь.

Они выбрались из кабины, холодный ночной ветерок ударил по вспотевшим лбам.

— Иди к задней двери, — сказал Роял. — Я займусь парадной дверью и пристройкой.

Они разошлись. Только со второй попытки Хенку удалось вставить скобу в отверстие. Здесь, вблизи дома, запах времени и гнилого дерева казался материальным. Все истории о Губи Марстене, над которыми он смеялся мальчишкой, выплыли из темноты. И песенка, которой они пугали девчонок: «Берегись, берегись, берегись! Губи Марстену смотри не попадись! Берегись... БЕРЕГИСЬ...».

— Хенк.

Хенк резко отшатнулся, оставшийся замок выпал у него из рук. Он наклонился и подобрал его.

— Ошалел — так подкрадываться к человеку! Ты что...

— Послушай, Хенк, кто пойдет опять в подвал класть на стол ключи?

— Я не пойду, — сказал Хенк Петерс. — Я не пойду.

— Бросим жребий...

...Орел на монетке тускло мерцал в луче фонаря.

— Господи Иисусе, — тоскливо пробормотал Хенк, но взял ключи и пошел к дверям подвала.

Потолок нависал над головой. Луч фонарика выхватил из темноты стол, покрытый пыльной клеенкой. На столе сидела огромная крыса, — которая даже не шевельнулась под лучом фонаря. Просто сидела, как собака, и будто усмехалась.

Он обошел ящик с буфетом и направился к столу.

— Пошла!

Крыса прыгнула и убежала. Теперь у Хенка дрожали руки, и луч фонаря метался по полу, выхватывая то грязную бочку, то полуразвалившийся стол, то пачку газет, то...

Он еще раз направил фонарь на газеты и перестал дышать, когда осветилось то, что лежало рядом с ними.

Рубашка... или не рубашка? Смято, как старая тряпка. Дальше — что-то, похожее на джинсы. И что-то, похожее на...

Сзади что-то щелкнуло.

В панике он кинулся прочь, швырнув ключи на стол. Но по дороге успел заметить причину шума. Одна из алюминиевых стяжек на принесенном ими ящике лопнула и лежала теперь на полу, показывая в угол, точно пальцем.

Весь покрытый гусиной кожей, он кое-как очутился в кабине, дыша, как раненая собака. Смутно слыша расспросы Рояла, он бросил машину на полной скорости за угол, оторвав два колеса от земли. Он не замедлил хода до самой Брукс-роуд. А там его стало трясти, да так, что он боялся развалиться на части.

— Что там такое? — спросил Роял. — Что ты видел?

— Ничего, — ответил Хенк Петерс, проталкивая слова частями сквозь стук зубов. — Я не видел ничего, и не желаю этого видеть никогда больше.

* * *

Ларри Крокет собирался закрывать лавочку и отправляться домой, когда раздался стук в дверь и вошел все еще перепуганный Хенк Петерс.

— Забыл что-нибудь, Хенк? — спросил Ларри.

Когда Хенк и Роял вернулись из Марстен Хауза, оба выглядели как после сильной встряски. Ему пришлось дать им по десять долларов лишних и по блоку «Черной Ленты» и договориться, что было бы неплохо, если никто никогда об этом ничего не услышит.

— Я должен тебе сказать, — объявил Хенк. — Ничего не могу поделывать, Ларри. Я должен.

— Конечно, — Ларри достал из нижнего ящика стола бутылку виски и налил две щедрые порции. — В чем дело?

Хенк попробовал, сделал гримасу и проглотил.

— Когда я нес ключи вниз, я кое-что видел. Похоже на одежду. Рубашка и джинсы. И тапочек. Мне показалось, что это был теннисный тапочек, Ларри.

Ларри пожал плечами и улыбнулся:

— Ну и что?

— Этот мальчонка Гликов был в джинсах. Так писали в газете. Джинсы, красная рубашка и теннисные тапочки.

Ларри продолжал улыбаться. Он чувствовал свою улыбку, как ледяную маску.

Хенк конвульсивно сглотнул:

— Что, если парни, которые купили Марстен Хауз, пришили мальчишку?

Все. Слово прозвучало. Ларри проглотил остатки огненной жидкости из своего стаканчика.

И сказал, улыбаясь:

— Может, ты и тело видел?

— Нет... нет. Но...

— Это дело полиции. Так что я отвезу тебя прямо к Перкинсу. — Ларри снова наполнил стаканчик Хенка, и рука агента вовсе не дрожала. — Только знаешь... Будет куча неприятностей. Насчет тебя и официантки Делла... Как ее, Джекки?

— Что, черт побери, ты несешь? — Хенк смертельно побледнел.

— И до твоей незаконной рекомендации они наверняка докопаются. Но ты исполняй свой долг, Хенк, как ты его понимаешь.

— Я не видел тела, — прошептал Хенк.

— Отлично, — улыбнулся Ларри. — Может быть, ты и одежды не видел. Может, то были просто тряпки.

— Тряпки, — тупо повторил Хенк Петерс.

— Конечно, ты же знаешь эти развалины. Там любую дребедень можно найти. Разорвали какую-нибудь старую рубашку на половые тряпки.

— Конечно, — Хенк снова осушил свой стакан. — Ты умеешь во всем разобраться, Ларри.

Крокетт достал бумажник и отсчитал пять десятидолларовых бумажек.

— Это за что же?

— Забыл совсем тебе заплатить за то Бреннаново дело в прошлом месяце. Ты напоминай мне о таких вещах, Хенк, ты ведь знаешь, до чего я забывчив.

— Но ты...

— Да если на то пошло, — перебил Ларри с улыбкой, — ты мне можешь что угодно рассказывать сегодня вечером, а я напрочь об этом позабуду завтра же утром. Ну разве не досадно?

— Да, — прошептал Хенк. Его дрожащая рука потянулась за деньгами. Он встал так резко, что чуть не опрокинул стул. — Послушай, я должен идти, Ларри... я не... я должен идти.

— Возьми с собой бутылку, — предложил Ларри, но Хенк уже подходил к двери и не стал задерживаться.

Ларри налил себе еще виски. Его руки все так же не дрожали. Он выпил и налил опять, и повторил все сначала. Он думал о сделках с дьяволом. Зазвонил телефон. Он поднял трубку. Выслушал.

— Это улажено, — произнес Ларри Кроккет.

Выслушал ответ. Повесил трубку. Налил себе еще стакан.

* * *

Хенк Петерс проснулся под утро, разбуженный кошмаром. Ему снились гигантские крысы, наводнившие раскрытую могилу, — могилу, в которой лежало зеленое сгнившее тело Губи Марстена с петлей манильского каната на шее. Петерс лежал на локте, тяжело дыша, весь мокрый от пота, и, когда жена дотронулась до его руки, он громко взвизгнул.

* * *

Сельскохозяйственный магазин Мильта Кроссена располагался на углу Джойнтер-авеню и Железнодорожной улицы, и большинство городских старых чудаков проводили здесь время, когда шел дождь и парк становился необитаем.

Когда Стрэйкер приехал в своем «паккарде-39», как раз моросило и Мильт с Патом Миддлером вели степенную беседу, выясняя, в каком году Джудди, девчонка Фредди Оверлока, сбежала из дому — в 1957-ом или 58-ом.

Когда Стрэйкер вошел, все разговоры прекратились.

Он оглянулся вокруг, увидел Мильта, Пата Миддлера, Джо Крэйна, Винни Апшу, Клайда Корлисса и бесстрастно улыбнулся.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал он.

Мильт Кроссен поднялся, завязывая передник:

— Чем могу помочь?

Стрэйкер купил говядину, ребра, несколько гамбургеров и фунт телячьей печени. К этому он добавил кое-какую бакалею: муку, сахар, фасоль.

Эти покупки производились в полной тишине. Завсегдатаи магазина сидели вокруг печи, курили, с мудрым видом глядели в небо и украдкой посматривали на чужака.

Когда Мильт закончил упаковку, Стрэйкер взял пакет, одарил присутствующих новой бесстрастной улыбкой, сказал: «Всего хорошего, джентльмены» — и вышел.

Клайд Корлисс выплюнул табачную жвачку в плевательницу. Винни Апшу достал сигаретную машинку и принялся артистически скручивать сигарету.

Они следили, как чужак грузит свой пакет в машину. Они знали, что все вместе эти покупки должны весить не меньше тридцати фунтов, а он у всех на глазах сунул пакет под мышку, будто подушку, набитую пером. Наконец машина исчезла за деревьями.

— Странный парень, — сказал Винни.

— Это один из тех, что купили прачечную, — пояснил Джо Крэйн.

— И Марстен Хауз, — добавил Винни.

Прошло пять минут.

— Как, по-вашему, пойдет у них дело? — поинтересовался Клайд.

— Может пойти, — сказал Винни, — особенно летом. Сейчас все с ума посходили.

Всеобщий ропот одобрения приветствовал его слова.

— Сильный парень, — заметил Джо.

— Угу, — согласился Винни. — Видели — «паккард-39» и ни пятнышка ржавчины?

— Это был «паккард-40», — поправил Клайд.

— У «сороковки» другие крылья, — возразил Винни. — Это был

«тридцать девятый».

— Ты ошибаешься, — настаивал Клайд.

Прошло еще пять минут. Все заметили, что Мильт рассматривает двадцатку, которой расплатился Стрэйкер.

— Что, Мильт, фальшивые? — живо спросил Пат.

— Нет, но взгляните, — Мильт передал бумажку через прилавок, и все уставились на нее. Она оказалась гораздо больше обычного банкнота.

Пат посмотрел ее на свет, перевернул.

— Это двадцатка серии «Е», так ведь, Мильт?

— Ну! — подтвердил Мильт. — Их перестали делать лет сорок пять тому назад. Пожалуй, она сейчас стоит немножко больше двадцати.

Пат пустил бумажку по кругу, и каждый всмотрелся в нее, держа близко или далеко от глаз в зависимости от номера своих очков. Получив купюру обратно, Мильт засунул ее в отдельный ящичек с чеками и купонами.

— Да уж, чудной парень, — пробормотал Клайд.

— Ну! — согласился Винни и помолчал. — Но все-таки это был «тридцать девятый», — добавил он. — Я знаю, такой был у моего брата.

— Нет, «сороковой», — возразил Клайд. — Потому что я помню...

И начался неторопливый спор, длинный, как шахматная партия.

* * *

Когда постучали в дверь Бен писал. Это было после трех, в среду, 24-го сентября. Дождь разрушил все планы дальнейших поисков Ральфи Глика, и все согласились, что поиски окончены. Мальчик исчез... исчез навсегда.

Бен открыл дверь и увидел Перкинса Джиллеспи с сигаретой во рту. Гость держал в руках книгу, и Бен слегка удивился, увидев, что это «Дочь Конуэя».

— Заходите, констебль, — пригласил он. — Промокли?

— Есть немного, — Перкинс шагнул в комнату. — Сентябрь — гриппозное время. Я всегда ношу галоши. Кое-кто смеется, но я не болел гриппом с 44-го.

— Кладите плащ на кровать. Жаль, не могу предложить вам кофе.

— Ничего, я только из Замечательного.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Ну, моя жена прочитала это... — он протянул книгу. — Она

слышала, что вы в городе, но она стесняется. Вбила себе в голову, что, может, вы распишетесь на ней.

Бен взял книгу.

— Если верить Хорьку Крэйгу, ваша жена умерла лет пятнадцать назад.

— В самом деле? — Перкинс нисколько не выглядел смущенным. — И болтун же этот Хорек. Когда-нибудь он так широко разинет рот, что сам туда провалится.

Бен промолчал.

— А для меня вы ее не подпишете?

— Буду рад.

Бен взял ручку со стола и написал: «С лучшими пожеланиями констеблю Джиллеспи от Бена Мерса — 24.9.75».

— Это мне нравится, — объявил Перкинс, даже не взглянув на надпись. — У меня еще не было ни одной подписанной книжки.

— Вы пришли вдохновить меня? — улыбнулся Бен.

— Вас не обманешь. — Перкинс стряхнул пепел с сигареты в корзинку для бумаг. — Я хотел задать вам пару вопросов, раз уж на то пошло. Дождался, пока не будет Нолли. Он парень хороший, но тоже болтать любит. Боже, какие только сплетни гуляют кругом!

— Что вы хотите знать?

— В основном — что вы делали в среду вечером.

— Когда исчез Ральфи Глик?

— Ну.

— Меня подозревают, констебль?

— Нет, сэр, я никого не подозреваю. Это, пожалуй, не мое дело. Мое дело караулить у Делла и следить в парке за детишками. Я только осматриваюсь кругом.

— Предположим, я вам не отвечу.

Перкинс пожал плечами:

— Твое дело, сынок.

— Я обедал со Сьюзен Нортон и ее семьей. Играл с ее отцом в бадминтон.

— И держу пари — проиграли. Нолли ему всегда проигрывает. Спит и видит, как бы выиграть хоть раз. Когда вы ушли?

Бен рассмеялся, но смех звучал не слишком весело.

— Вы режете до кости.

— Знаете, — отозвался Перкинс, — будь я нью-йоркским детективом, как в кино, я бы подумал, что вам есть что скрывать, так вы танцуете

вокруг моих вопросов.

— Нечего мне скрывать, — сказал Бен. — Просто мне надоело, что я в городе чужой и на меня показывают пальцами. Теперь вот вы приходите искать скальп Ральфи Глика в моей уборной.

— Нет, я этого не думаю, — Перкинс взглянул на Бена поверх сигареты. — Я только стараюсь вас исключить. Если б я думал, что вы в чем-то виноваты, я бы вас уже засадил в кутузку.

— О'кей. Я ушел от Нортонів примерно в четверть восьмого. Прогулялся к Школьному Холму. Когда стемнело, я вернулся сюда, писал часа два и лег спать.

— Когда вы сюда вернулись?

— Думаю, в четверть девятого.

— Ну, это вас не очень-то обеляет. Видели кого-нибудь?

— Нет. Никого.

Перкинс шагнул к пишущей машинке:

— О чем вы пишете?

— Черт возьми, это не ваше дело, — голос Бена стал резким. — Я вам буду благодарен, если вы не станете совать туда нос. Если у вас нет ордера на обыск, разумеется.

— А не слишком вы обидчивы? Книгу, кажется, пишут, чтобы ее читали?

— Когда она пройдет три переделки, редактуру и публикацию, я сам позабочусь, чтобы вы получили четыре экземпляра. Подписанных. А покамест это попадает в категорию личных бумаг.

Перкинс улыбнулся и отошел от машинки.

— Ладно. Чертовски сомневаюсь, чтобы там оказалась письменная исповедь.

Бен улыбнулся в ответ:

— Марк Твен сказал, что роман — это признание во всем человека, который не совершил ничего.

Перкинс направился к двери.

— Я больше не буду капать на ваш ковер, мистер Мерс. Спасибо, что потратили время, и, к слову сказать, не думаю, что вы хоть раз видели мальчонку Гликов. Но это моя работа — расспрашивать.

Бен кивнул:

— Понятно.

— И надо вам знать, как бывает в таких местах. Вы не станете своим, пока не проживете здесь лет двадцать.

— Знаю. Извините. Но неделю его искать, ни черта не найти, и после

этого... — Бен затряс головой.

— Да. Худо его матери. Страшно худо. Злитесь на меня?

— Нет.

Бен подошел к окну и смотрел, пока не увидел, что констебль вышел и пересек улицу, осторожно переступая черными галошами.

* * *

Прежде чем постучать в дверь, Перкинс на минуту задержался перед витринами новой лавки. Во времена Городской Лохани сюда легко было заглянуть и увидеть множество толстых женщин, суetyащихся у машин. Но фургон декораторов из Портленда простоял здесь почти два дня, и здание совершенно изменилось.

За окнами стояла платформа, покрытая светло-зеленым ковром. Две лампы бросали мягкий свет на предметы, расположенные на витрине: часы, прялку и старомодный кабинет орехового дерева. Скромные таблички указывали цену. Бог мой, неужели кто-нибудь в здравом уме станет платить 600 долларов за прялку, если может пойти и купить зингеровскую машинку за 48 долларов 95 центов?

Вздыхнув, Перкинс постучал в дверь.

Она открылась сразу, как будто его поджидали у порога.

— Инспектор! — тонко улыбнулся Стрэйкер. — Как хорошо, что вы заглянули.

— Я всего лишь старый констебль. — Перкинс зажег «Пэлл-Мэлл» и вошел. — Перкинс Джиллесли. Рад вас видеть.

Он протянул руку. Ее мягко сжала кисть, показавшаяся ненормально сильной и очень сухой, и тут же бросила.

— Ричард Трокетт Стрэйкер.

— Я так и понял.

Перкинс оглянулся. Лавку недавно покрасили. Из-под запаха свежей краски пробивался какой-то другой, неприятный, но Перкинс не смог распознать его.

— Что я могу для вас сделать в такой прекрасный день? — осведомился Стрэйкер.

Перкинс озадаченно глянул в окно, за которым все еще лило как из ведра.

— Нет, пожалуй, ничего. Я просто забежал поздороваться. Вроде как поприветствовать вас в городе и пожелать всяческих успехов.

— Как это предупредительно! Хотите кофе? Шерри? У меня есть и то и другое.

— Нет, спасибо, я не могу задерживаться. Мистер Барлоу здесь?

— Мистер Барлоу осуществляет покупательные операции в Нью-Йорке. Я не жду его раньше десятого октября.

— Так вы откроетесь без него. — Перкинс подумал, что, если цены в витрине не изменятся, Стрэйкер вряд ли собьется с ног. — Кстати, как имя мистера Барлоу?

Улыбка Стрэйкера походила на лезвие бритвы.

— Вы спрашиваете в вашем официальном качестве, э-э... констебль?

— Ничуть. Просто любопытно.

— Полное имя моего партнера Курт Барлоу. Мы вместе работали в Лондоне и Гамбурге. Это, — Стрэйкер обвел рукой магазин, — наша отставка. Скромно. Но со вкусом. Мы не рассчитываем заработать больше чем на жизнь. Мы просто любим старые вещи, красивые вещи и надеемся заработать себе репутацию в округе... может быть, во всей вашей столь прекрасной Новой Англии. Как вы думаете, это возможно, констебль Джиллеспи?

— Я думаю, все возможно, — ответил Перкинс, оглядываясь кругом в поисках пепельницы. Не найдя ничего, он стряхнул пепел в карман плаща. — Во всяком случае, я надеюсь, что вам повезет. И передайте мистеру Барлоу, когда он появится, что я постараюсь познакомиться с ним.

— Передам, — сказал Стрэйкер. — Он любит общество.

— Отлично. — Джиллеспи направился было к дверям, но остановился и оглянулся. Стрэйкер внимательно смотрел на него. — Кстати, как вам старый дом?

— Он требует большого ремонта. Но у нас есть время.

— Пожалуй, — согласился Перкинс. — Не думаю, чтобы вам досаждали малолетки.

Брови Стрэйкера поднялись:

— Кто?

— Дети, — терпеливо пояснил Перкинс. — Знаете, им обычно нравится цепляться к новым людям. Бросать камешки, звонить в звонок и убегать и так далее.

— Нет, — сказал Стрэйкер, — никаких детей.

— Мы вроде как одного потеряли.

— В самом деле?

— Все думают, что его уже не найти. По крайней мере, живым.

— Какой ужас, — произнес Стрэйкер бесстрастно.

— Да уж, не говорите. Если только заметите что-нибудь...

— Я немедленно сообщу вам письменно, — он снова улыбнулся той же холодной улыбкой.

— Отлично. — Перкинс открыл дверь и нерешительно взгляделся в дождевую пелену. — Передайте мистеру Барлоу, что я зайду.

— Конечно, передам, констебль Джиллеспи. Чао.

Перкинс в изумлении оглянулся:

— Чаю?

Улыбка Стрэйкера расширилась:

— До свидания, констебль Джиллеспи. Это итальянское выражение, оно означает «до свидания».

— Да? Каждый день узнаешь что-то новое, правда? Пока, — Перкинс шагнул в дождь и закрыл за собой дверь. — Такого сорта здесь еще не бывало, — пробормотал он. Сигарета промокла. Он выкинул ее.

Стрэйкер следил через окно, как констебль пересекает улицу. Антиквар больше не улыбался.

* * *

— Нолли! — позвал Перкинс, вернувшись в муниципалитет.

Ответа не последовало. Перкинс кивнул своим мыслям. Нолли хороший парень, но мозгов у него маловато. Перкинс снял плащ, расстегнул галоши, сел за стол и позвонил в Портленд. Ответили сразу после первого звонка:

— ФБР, Портленд. Агент Ханраан.

— Перкинс Джиллеспи. Констебль Джерусалемз Лота. У нас здесь пропал мальчик.

— Знаю, — жестко ответил Ханраан. — Ральф Глик, девять лет, четыре фута три дюйма, черные волосы, голубые глаза. В чем дело? Требуют выкупа?

— Ничего подобного. Можете для меня проверить кое-кого?

Ханраан мог.

— Первый — Бенджамен Мерс. М-е-р-с. Писатель. Написал книгу под названием «Дочь Конуэя». Другие двое вроде как парочкой. Курт Барлоу. Б-а-р-л-о-у. Другой — Ричард Трокетт Стрэйкер. Трокетт кончается на два «т», а фамилия пишется, как слышится. У них мебельная и антикварная лавка. Только открыли здесь, в городе. Стрэйкер говорит, что Барлоу в Нью-Йорке по делам. Утверждает, что они работали в Лондоне и Гамбурге.

— Вы подозреваете этих людей по делу Глика?

— Я еще не знаю, есть ли вообще такое дело. Но все они появились в городе примерно в одно время.

— Вы думаете, есть связь между этим парнем Мерсом и другими двумя?

Перкинс откинулся в кресле и перевел дыхание. Разговоры с настоящими представителями закона всегда доводили его до истерики.

— Именно это, кроме прочего, — произнес он раздельно, — я и хочу выяснить.

* * *

Телефонные провода странно гудят в холодный ясный день — словно дрожа от текущих по ним разговоров. Это совершенно особенный звук — одинокий звон голосов, летящих сквозь пространство.

«...и уплатил старой двадцаткой, Мэйбл, той, большой. Коайд сказал, он не видел такой со времени банкротства банка Гейтса в 1930-м. Он...»

«...да, он странный человек, Эвви. Я видела, как он возился за домом с тачкой. Хотела бы я знать, один он там или...»

«...Кроккет, может, и знает, но не скажет. Помалкивает. Он всегда был...»

«...писатель у Евы. Интересно, Флойд Тиббитс знает, что он...»

«...кошмар, сколько времени проводит в библиотеке. Лоретта Старчер говорит, что она никогда не видела парня, который бы знал так много...»

«...она говорит, его зовут...»

«...да, Стрэйкер. Мистер Р. Т. Стрэйкер. Мамаша Кенни Дэйнлса говорит, что видела в витрине настоящий кабинет работы де Бира, и они за него запрашивают восемьсот долларов. Представляешь? Вот я и говорю...»

«...странно, он приехал, и мальчонка Гликов...»

«...вы же не думаете...»

«...нет, но это странно. Кстати, у вас есть рецепт для...»

Провода гудят... гудят... гудят...

* * *

23.9.75.

Имя: Глик, Даниэль Фрэнсис.

Адрес: Брок-роуд, Джерусалемз Лот, Мэн 04270.

Возраст: 12. Пол: Мужской. Раса: Кавказская.

Принят: 22.9.75. Доставившее лицо: Энтони Х. Глик (отец).

Симптомы: Шок, потеря памяти (частичная), тошнота, отсутствие аппетита, общее онемение.

Анализы (см. прилагаемый лист):

1. Туберкулез в кожной пробе: Отр.

2. Туберкулез в слюне и моче: Отр.

3. Диабет: Отр.

4. Белые кровяные шарики: Отр.

5. Красные кровяные шарики: 45 % гемоглобина.

6. Костный мозг: Отр.

7. Рентген грудной клетки: Отр.

Возможный диагноз: злокачественная анемия, первичная или вторичная; первый анализ показал 86 % гемоглобина. Вторичная анемия менее вероятна; сведений о потерях крови нет. Возможна первичная анемия в сочетании с ментальным шоком. Рекомендуются бариевая клизма и рентгеновское исследование на предмет внутренних кровотечений, хотя, по словам отца, недавних травм не было. Также рекомендуется витамин В12.

Выписать до результатов дальнейших анализов.

Дж. М. Горби.

В час ночи двадцать четвертого сентября медсестра вошла в больничную палату Дэнни Глика. В дверях она остановилась и нахмурилась. Кровать была пуста.

Взгляд медсестры перешел с кровати на странно бесформенную белую грудку на полу.

— Дэнни! — произнесла она.

Медсестра шагнула к нему, думая, что мальчик просто отправился в ванную и это оказалось ему не по силам, вот и все.

Она осторожно перевернула его, и первой мыслью, до того как она поняла, что он мертв, было, что витамин В12 помогает: мальчик выглядел лучше, чем вчера.

А потом она почувствовала холод его руки и неподвижность голубых

жилок под пальцами и кинулась за дежурным врачом.

5. Бен (2)

Двадцать пятого сентября Бен снова побывал у Нортон. Они опять обедали во дворе, а потом все четверо сидели и курили, ведя бессвязный разговор.

Еще не было холодно даже в одежде с короткими рукавами, но осень уже висела в воздухе тонким блеском льда. Огромный старый клен у ворот пансиона Евы Миллер начал краснеть.

Но если что-то изменилось в воздухе, то в отношениях Бена с Нортонами не изменилось ничего. Чувство Сьюзен оставалось прямым, чистым и естественным. И ему девушка очень нравилась. В Билле он чувствовал нарастающую симпатию к себе, сдерживаемую только подсознательным отцовским предубеждением. Анна Нортон по-прежнему не потеплела. По ее настоянию Сьюзен накануне рассказала Бену кое-что о Флойде Тиббитсе. Флойд Тиббитс был здешним, своим и надежным. Бен Мерс, напротив, возник неведь откуда и мог в любой момент снова исчезнуть, прихватив с собой в кармане сердце ее дочери. К тому же Анна явно питала обычное в маленьких городках недоверие к мужчинам творческих занятий, и Бен подозревал, что где-то в глубине души она ждет от него убийства, безумия или склонности посылать девушкам пакеты с их отрезанными ушами. Участие Бена в поисках Ральфи Глика скорее усилило, чем успокоило ее подозрения. Бен не раз задавал себе вопрос, знает ли Анна о визите к нему Перкинса Джиллеспи.

Он лениво прокручивал в уме все эти мысли, когда Анна сказала:

— Ужасная эта история с маленьким Гликом...

— Ральфи? Да... — отозвался Бен.

— Нет, старший. Он умер.

Бен вздрогнул:

— Кто? Дэнни?

— Умер вчера ранним утром.

Она явно удивилась, что Бен ничего не знает. Все только об этом и говорили.

Рука Сьюзен нашла под столом руку Бена.

— Как Глики? — спросила она.

— Так же, как я бы на их месте, — просто ответила Анна. — Они вне себя.

«Еще бы, — подумал Бен. — За десять дней семья разбилась

вдребезги». От этой мысли ему стало холодно.

— Как ты думаешь, есть надежда найти когда-нибудь младшего живым? — спросил Бена Билл.

— Нет, — ответил Бен, — я думаю, он тоже умер.

— Как в Хьюстоне два года назад, — произнесла Сьюзен. — Если он умер, я почти надеюсь, что его не найдут. Если кто-то способен сделать такое с маленьким беззащитным мальчиком...

— Думаю, полиция ведет поиски, — вмешался Бен. — Они знают, где искать.

— Когда найдет, должны сообщить, — сказал Билл Нортон. — Бадминтон, Бен?

Бен встал:

— Нет, спасибо. Наша с вами игра слишком похожа на тренировку с чучелом. Спасибо за чудесный обед. Вечером я должен поработать.

Анна Нортон подняла брови и промолчала.

Билл встал:

— Как продвигается новая книга?

— Хорошо, — коротко ответил Бен. — Хочешь прогуляться со мной и выпить содовой у Спенсера, Сьюзен?

— Ох, не знаю, — мягко вмешалась Анна, — после Ральфи Глика и всего этого, мне кажется, лучше...

— Мама, я уже большая девочка. И по дороге нет ни одного леса.

— Я провожу тебя назад, конечно, — произнес Бен почти официально. Он оставил машину в пансионе. Вечер был слишком хорош для нее.

— Все будет в порядке, — сказал Билл. — Ты слишком волнуешься, мать.

— Надеюсь, что так. Молодежь всегда знает лучше, не правда ли? — она попыталась улыбнуться.

— Я только сбегая за жакетом, — шепнула Сьюзен Бену и побежала наверх, очень щедро продемонстрировав ноги на лестнице. Бен смотрел и знал, что Анна смотрит на него. Билл занялся огнем в печи.

— Как долго вы собираетесь оставаться в Лоте, Бен? — вежливо поинтересовалась Анна.

— Во всяком случае, пока не напишу книгу. После этого — не могу сказать, сколько. Здесь хорошо дышится, особенно по утрам. — Он улыбнулся, глядя ей в глаза. — Могу остаться надолго.

Она улыбнулась в ответ:

— Зимой становится холодно, Бен. Очень холодно.

Сьюзен уже бежала вниз в наброшенном на плечи легком жакете.

— Ты готов? Я хочу шоколада. Берегись, испорчу фигуру!
— Твоя выдержит. — Он повернулся к мистеру и миссис Нортона. —
Еще раз спасибо.
— Заходи, — пригласил Билл. — Хоть завтра, если хочешь.

* * *

— На самом деле я не хочу к Спенсеру, — объявила Сьюзен, спускаясь с холма. — Пойдем в парк.

— А как насчет грабителей, леди? — он сымитировал речь жителей Бронкса.

— В Лоте все грабители расходятся по домам в семь вечера. Это указ муниципалитета. А сейчас три минуты девятого.

Темнота спускалась вместе с ними с холма, и тени их вытягивались в свете уличных фонарей.

— Приятные у вас грабители, — заметил он. — И никто не ходит в парк, когда стемнеет?

— Детишки иногда забредают, когда нет денег забраться подальше, — она лукаво подмигнула ему. — Так что, если заметишь кого на земле в кустах, смотри в другую сторону.

Они вошли в парк с запада — от здания муниципалитета. Парк наполнился сонной тенью, пруд поблескивал в отраженном свете фонарей. Если там кто-нибудь и был, Бен ничего не заметил.

Проходя мимо Военного Мемориала с длинным списком имен — от революции до Вьетнама, — он невольно взглянул через плечо на Марстен Хауз, но его заслоняло здание муниципалитета.

Сьюзен заметила этот взгляд и нахмурилась. Когда они, подложив куртку, уселись в траву (садовые скамейки оба миновали без разговоров), она сказала:

— Мама говорила, к тебе заходил Перкинс Джиллеспи. Виноват всегда новенький, да?

— Джиллеспи — интересный человек.

— Мама тебя уже осудила и приговорила, — это было сказано легко, но сквозь легкость просвечивалось что-то серьезное.

— Твоей матери я не очень-то понравился, правда?

— Правда, — Сьюзен взяла его за руку. — Явный случай нелюбви с первого взгляда. Мне очень жаль.

— О'кей. Зато отец ставит на меня.

— Бен, о чем твоя новая книга?

— Трудно сказать.

— Увиливаешь?

— Нет, я не прочь сказать тебе... Дай только подумать, как все изложить.

С удивлением он обнаружил, что это правда. Новая работа всегда казалась ему ребенком, болезненным и слабым, которого страшно сглазить. Он не сказал Миранде ни единого слова о «Дочери Конуэя» и о «Воздушном танце», как она ни просила. Но Сьюзен — другое дело. Миранда хотела оценить, Сьюзен просто интересовалась.

— Ты можешь поцеловать меня, пока будешь думать? — спросила она, укладываясь на траву. Волей-неволей он еще раз заметил, какая у нее короткая юбка.

— Боюсь, это может помешать мыслительному процессу, — мягко проговорил он. — Посмотрим.

Он наклонился и поцеловал ее, легко положив руку ей на талию. Почти сразу он ощутил ее язык и встретил его своим. Она шевельнулась, как можно полнее возвращая поцелуй, и шорох ее хлопчатобумажного платья совсем свел его с ума.

Он скользнул рукой вверх, к груди, теплой и полной. Второй раз за время знакомства с ней он почувствовал себя шестнадцатилетним, пустоголовым подростком, перед которым жизнь простирается шестирядным шоссе, без крутых поворотов.

— Бен...

— Да.

— Люби меня. Хочешь?

— Да, — сказал он. — Хочу.

— Здесь, на траве.

— Да.

Она смотрела на него, и в расширившихся глазах девушки дрожала темнота.

— Сделай так, чтобы это было хорошо.

— Попробую.

Они сделались тенью во мраке.

— Ну вот, — сказал он. — Ох, Сьюзен...

Сначала они бесцельно шли через парк, потом более целеустремленно — к Брук-стрит.

— Ты не жалеешь? — спросил он.

Она подняла на него глаза и искренне улыбнулась:

— Нет, я рада.

— Хорошо.

Они шли рука в руке и молчали.

— Книга, — вдруг вспомнила она. — Ты собирался рассказать мне о ней, прежде чем беседа так приятно прервалась.

— Книга будет о Марстен Хаузе, — медленно произнес он. — Может быть, я вначале не думал об этом. Я думал писать о городе. Впрочем, ни к чему себя обманывать. Знаешь, я исследовал прошлое Губи Марстена. Он был гангстер. Перевозочная компания служила только ширмой.

Она изумленно посмотрела на него:

— Как ты это узнал?

— Кое-что от бостонской полиции, но главное — от женщины по имени Минелла Кори, сестры Бидди Марстен. Ей семьдесят девять, и она не вспомнит, что ела на завтрак, но до смерти не забудет ничего, что случилось до 1940-го.

— И она тебе рассказала...

— Все, что знала. Она в доме для престарелых в Нью-Хэмпшире, и, по-моему, никто не слушал ее годами. Я спросил ее, правда ли, что Губи Марстен был наемным убийцей в бостонском округе, и она кивнула. «Сколько?» — спросил я, и она помахала у меня перед глазами всеми десятью пальцами несколько раз.

— Боже!

— Бостонская мафия начала нервничать в 1927-м, — продолжал Бен. — Два раза Губи допрашивала полиция. Первый раз — в Бостоне по поводу убийства какого-то гангстера, и его отпустили через два часа. Второй раз — в Мэльдене — дело было хуже. Речь шла об убийстве двенадцатилетнего мальчика. Труп был выпотрошен.

— Бен! — она осеклась.

— Боссы Марстена выручили его (наверное, он знал о них слишком много), но в Бостоне Губи кончился. Вот тогда он перебрался в Салем Лот и залег. Не выходил из дому. По крайней мере, мы так думаем.

— О чем ты?

— Я кучу времени убил в библиотеке, просматривая старые номера здешних газет. С 1928-го по 1939-ый пропали четыре ребенка. Не то чтобы в этом было что-то необычное. Дети тонут, замерзают, падают в гравийные

карьеру. Жаль, но случается.

— Ты считаешь, что там было что-то другое?

— Я не знаю. Но ни одного из этих четырех не нашли. Никакой охотник не наткнулся на скелет, никакой бульдозерист не выкопал его из гравия. Губерт и Бидди жили в доме одиннадцать лет, и в это время исчезали дети. Ты спросила, о чем моя книга. Коротко: она о возвратной силе зла.

Она схватила его за руку:

— Ты же не думаешь, что Ральфи Глик?..

— Был схвачен мстительным духом Губерта Марстена, который возвращается к жизни раз в три года в полнолуние?

— Да, что-то вроде...

— Не спрашивай меня, если хочешь, чтобы тебя успокоили. Не забывай, я тот ребенок, который открыл дверь в спальню на верхнем этаже и увидел, как он висит на балке.

— Это не ответ.

— Да, не ответ. Позволь мне сказать тебе еще кое-что, прежде чем я объясню тебе, что я думаю. Минелла Кори сказала мне, что в мире есть злые люди. Действительно злые, по-настоящему. Иногда мы слышим о них, но чаще они действуют в полной неизвестности. Она сказала, что на ее долю досталось проклятие знать двух таких людей. Один — Адольф Гитлер. Другой — ее зять Губерт Марстен. — Он помолчал. — Она рассказала, что в день смерти своей сестры была в трехста милях отсюда — в Кейп Коде, служила там экономкой. Она как раз делала салат в большой деревянной миске. Примерно в два часа дня она почувствовала что-то вроде удара по голове и услышала ружейный выстрел. Она говорит, что упала на пол. Когда она поднялась (в доме никого больше не было), оказалось, что прошло двадцать минут. Она взглянула на миску — и закричала. Ей показалось, что миска полна крови.

— Боже, — пробормотала Сьюзен.

— Через минуту все пришло в норму. Никакой головной боли, ничего в миске, кроме салата. Но она знала — знала! — что ее сестра умерла, что она убита выстрелом в голову.

— Это только ее рассказ.

— Только. Но она не шутник с богатой фантазией, она старуха, у которой не хватило бы мозгов на ложь. Но это, в конце концов, меня не беспокоит. Такого рода явления уже достаточно известны. В то, что Бидди передала сообщение о своей смерти за триста миль, мне не так трудно поверить, как в то зло — действительно чудовищное зло, которое мне

иногда видится скрытым в недрах этого дома.

Ты спросила меня, что я думаю. Я скажу. Я думаю, что в телепатию людям верить легко, — эта вера им, в общем, ничего не стоит и не мешает спать по ночам. Но мысль о том, что зло, сделанное человеком, может жить после него, беспокоит сильнее.

Он взглянул в сторону Марстен Хауза и проговорил:

— Я думаю, этот дом может быть марстеновским памятником злу. Этаким сверхъестественный маяк, если хочешь. Все эти годы он хранит концентрированное зло Губерта в истлевающих костях.

— А теперь в нем опять живут.

— И опять кто-то исчез, — он повернулся к ней и взял ее голову в ладони. — Видишь ли, мне это и присниться не могло, когда я сюда возвращался. Я собирался снять его и... ох, не знаю. Победить свои страхи, что ли... Или, может, лучше окунуться в темную атмосферу, чтобы написать книгу на миллион долларов. Как бы то ни было, я думал, что смогу контролировать положение. Я ведь не был уже девятилетним мальчишкой. Но теперь...

— Что теперь, Бен?

— Теперь в нем живут! — он потерял власть над собой и ударил кулаком по ладони. — Теперь я не контролирую положение. Исчез маленький мальчик, и я не знаю, что это значит. Это может вовсе не относиться к дому, но... я не верю, что не относится.

— Призраки? Духи?

— Необязательно. Может, просто безвредный парень, который восхищался домом в детстве, купил его — и стал... одержимым.

— Ты знаешь что-нибудь о... — начала она в тревоге.

— О новых арендаторах? Нет. Я только гадаю. Но я предпочитаю, чтобы это была одержимость, чем...

— Чем что?

Он произнес просто:

— Может быть, еще один злой человек.

* * *

Анна Нортон высматривала их в окно. Она уже звонила к Спенсеру. «Нет, — сказала мисс Куген с явной издевательской усмешкой, — здесь их не было. Не заходили».

«Где ты была, Сьюзен? Ох, где же ты была?»

Губы ее исказились в беспощадной уродливой гримасе.
«Уходи прочь, Бен Мерс. Уходи и оставь ее в покое».

* * *

— Сделай для меня одну вещь, Бен.

— Все что угодно.

— Не говори обо всем этом больше никому в городе. Никому.

Он улыбнулся:

— Не беспокойся. Я не спешу в психиатричку.

— Ты запираешь свою комнату у Евы?

— Нет.

— Я бы впредь запирала. Тебя подозревают.

— Ты тоже?

— Может, и подозревала бы, если б я тебя не любила.

И она торопливо пошла по подъездной дорожке, оставив его смотреть
вслед.

* * *

Вернувшись к Еве, он обнаружил, что не может ни писать, ни спать. Поэтому он забрался в «ситроен» и после минутной нерешительности направился к Деллу.

Там было дымно, людно и шумно. Оркестр брал громкостью то, чего не мог взять качеством. Около сорока пар, почти все в голубых джинсах, толклись на танцевальной площадке.

Стулья около бара были заняты рабочими с фабрики и стройки. Рабочие носили одинаковые грубые ботинки и одинаково пили пиво из стаканов.

Три официантки с вышитыми золотом именами на белых блузках (Джекки, Тони, Ширли) кружили между столами и стойкой. За прилавком Делл наливал пиво, а в другом углу человек, похожий на ястреба, смешивал коктейли.

Бен направился к бару, огибая танцплощадку, и вдруг услышал:

— Бен, приятель! Как дела?

Возле бара сидел Хорек Крэйг с недопитым стаканом пива.

— Привет, Хорек, — Бен сел рядом. Он обрадовался знакомому, и ему

нравился Хорек.

— Решил испробовать ночной жизни, парень? — Хорек улыбнулся и хлопнул его по плечу.

— Да, — Бен достал доллар и положил его на стол, испещренный кольцевыми призраками пивных стаканов. — Как дела?

— Неплохо. Как тебе новый оркестр?

— Сильно, — сказал Бен. — Допивай, пока не высохло. Я плачу.

— Весь вечер я ждал, пока кто-нибудь это скажет. Джекки! Неси кувшин моему дружку! Да лучшего!

Джекки принесла кувшин на подносе, сверкающем мокрыми монетками, и устала на доллар на столе так, как будто это был какой-то новый вид таракана.

— Все вместе доллар сорок, — заявила она. — Хорек Крэйг, когда ты так вопишь, ты похож на петуха, которому сворачивают шею.

— Ты очень мила, дорогая, — отозвался Хорек. — Это Бен Мерс. Он пишет книги.

— Привет, — сказала Джекки и исчезла.

Бен налил себе пива, и Хорек последовал его примеру, профессионально наполнив стакан доверху, не теряя ни капли с пеной.

— За тебя, приятель! Как пишется?

— Отлично, Хорек.

— Я видел, ты гуляешь с девочкой Нортон. Настоящий персик, правда? Здесь лучших нет.

— Да, она...

— Мэтт! — заорал Хорек так, что Бен чуть не уронил стакан. Это действительно звучало как вопль петуха, прощающегося с жизнью.

— Мэтт Берк! — Хорек отчаянно махал рукой, и седой мужчина стал проталкиваться к ним через толпу. — Вот парень, — обернулся Хорек к Бену, — с которым ты должен познакомиться.

Подошедший выглядел лет на шестьдесят. Высокий, в чистой фланелевой рубашке, расстегнутой у ворота.

— Привет, Хорек, — сказал он.

— Как живешь, приятель? Этот парень остановился у Евы. Знакомься — Бен Мерс. Представляешь, книги пишет. — Он взглянул на Бена. — Мы с Мэттом росли вместе, только он получил образование, а я — шиш.

Бен встал и пожал руку Мэтту Берку.

— Я читал одну из ваших книг, мистер Мерс. «Воздушный танец».

— Зовите меня Беном. Надеюсь, она вам понравилась?

— Кажется, больше, чем критикам. — Мэтт сел. — Думаю, со временем она выиграет. Как живешь, Хорек?

— Гадостно, — сообщил Хорек, — как всегда. Джекки! Стакан для Мэтта!.. Милая девушка. Дочка Морин Тэльбот.

— Да, — подтвердил Мэтт. — Она была у меня. В 71-м. А ее мать — в 51-м.

— Мэтт учит в школе английскому, — пояснил Хорек Бену. — У вас найдется, о чем поговорить.

— Я помню Морин Тэльбот, — сказал Бен. — Она стирала моей тетке и приносила белье в корзинке с одной ручкой.

— Вы из нашего города, Бен? — спросил Мэтт.

— Я жил здесь в детстве. У тети Синтии.

— Синтии Стоунс?

— Да.

— Мир тесен, что и говорить, — Мэтт налил себе пива. — Ваша тетушка училась в первом старшем классе, в котором я преподавал. Как она?

— Она умерла в 1972-м.

— Простите.

Оркестр закончил песню и столпился у бара. Разговор перескочил на новую тему.

— Вы приехали в Джерусалемз Лот писать книгу о нас? — спросил Мэтт.

В голове Бена зазвонил предостерегающий сигнал.

— В каком-то смысле — да.

— В этом городе можно писать. «Воздушный танец» — хорошая книга. Надо бы, чтобы у вас здесь появилась еще одна хорошая книга. Когда-то я подумывал сам написать ее.

— Почему же не написали?

Мэтт улыбнулся — легкой улыбкой без следов горечи.

— Не хватило одной важной вещи. Таланта.

— Не верь ему, — Хорек старался наполнить стакан из пустого кувшина, — у него куча таланта. Учителя — удивительные люди. Никто их не любит, а они... — Хорек покачался на стуле в поисках подходящего выражения. Он сильно опьянел, — ...соль земли. Пардон, пойду дам течь.

И отправился через зал, натываясь на людей и окликая их по именам. Издали его перемещение напоминало траекторию пьяного бильярдного шара.

— Вот вам руина хорошего человека. — Мэтт поднял палец, и

официантка появилась почти немедленно, обратившись к нему «мистер Берк». Она оказалась немного шокированной тем, что ее старый учитель пришел сюда общаться с такими, как Хорек Крэйг. Когда она ушла за новым стаканом пива, Бену показалось, что у Мэтта испортилось настроение.

— Мне нравится Хорек, — сказал Бен. — Что с ним случилось?

— О, никаких историй. Бутылка. Она въедалась в него глубже и глубже с каждым годом, а теперь забрала его целиком. Он получил серебряную звезду на второй мировой. Циник мог бы сказать, что лучше бы он погиб там.

— Я не циник, — возразил Бен. — Мне он все равно нравится. Только, пожалуй, я отвезу его сегодня домой.

— Хорошо сделаете. Я прихожу сюда время от времени послушать музыку. Мне нравится громкая музыка: я глохну. Я так понял, что вы интересуетесь Марстен Хаузом. Ваша книга будет о нем?

Бен подпрыгнул:

— Кто вам сказал?

— Как там поется в той старой песне? — улыбнулся Мэтт. — «Я услышал это сквозь виноградную лозу...» Лоретта Старчер, вот кто был, выражаясь газетным языком, моим источником информации. Она — библиотекарь в нашей местной литературной цитадели. Вы искали статьи о том старинном скандале в газетах и книгах. Кстати, книга Ламберта хороша: он сам приезжал сюда расследовать в 1946-м, а у Сноу спекулятивная дребедень.

— Я знаю, — ответил Бен машинально.

Перед его внутренним взором внезапно возникла тревожная картина: вот плывет рыбка среди водорослей по своим делам и, как ей кажется, без помех. Но отдались от нее на пару шагов, взгляни со стороны и поймешь: она в аквариуме.

Мэтт расплатился с официанткой и продолжал:

— Да, отвратительные дела здесь творились. И это отразилось на городе. Конечно, такого рода сказок везде хватает, но здесь, мне кажется, было что-то принципиально серьезное.

Бен невольно проникся восхищением. Учитель высказал ту самую мысль, которая тлела в его собственном подсознании с самого дня приезда в город.

— Вот он, талант, — произнес он вслух.

— Простите?

— Вы сказали именно то, что я думаю. Марстен Хауз смотрел на нас

сверху вниз почти полвека, на все наши грешки и обманы. Как идол. Но, может быть, он видел и хорошее тоже?

— В таких городках мало хорошего. Безразличное большинство с вкраплениями бессознательного зла. А то и хуже — сознательного зла. Томас Вульф написал об этом фунтов семь литературы.

— Я думал, вы не циник.

— Это сказали вы, а не я, — улыбнулся Мэтт, потягивая пиво. — Но вы не ответили на мой вопрос. Ваша книга о Марстен Хаузе?

— Пожалуй, в каком-то смысле.

— Я назойлив? Простите.

— Да нет, все в порядке, — Бен помнил о предостережении Сьюзен и почувствовал себя неловко. — Что там случилось с Хорьком? Чертовски долго нет его.

— Могу я вас просить... такое короткое знакомство не дает права рассчитывать на одолжения, и, если вы откажете, я вполне вас пойму.

— Говорите, конечно, — поспешил ответить Бен.

— У меня есть творческий класс — умные дети, из самых старших. Я хотел бы им представить кого-нибудь, кто зарабатывает на жизнь пером. Кого-нибудь... как бы это сказать... кто умеет воплощать мысли в слова.

— Буду более чем счастлив, — Бен почувствовал себя глупо довольным. — Сколько продолжаются ваши уроки?

— Пятьдесят минут.

— Ну, за это время, думаю, я не успею им слишком наскучить.

— Я-то успеваю регулярно. Но вы не наскучите им. Как насчет четверга на следующей неделе?

— Называйте время.

— Четвертый урок. Это без десяти одиннадцать. Освистать вас — не освистают, но, боюсь, услышите громкое урчание в животах.

— Я заткну уши ватой.

Мэтт рассмеялся:

— Я очень рад. Встречу вас в конторе, если...

— Мистер Берк! — подбежала Джекки. — Хорек отключился в мужской уборной. Как вы думаете...

— О, Боже, ну конечно. Бен?..

— Само собой.

Они встали из-за стола. Оркестр играл опять — что-то насчет того, как ребята из Маскоджи все еще уважают декана колледжа.

В уборной воняло мочой и хлоркой. Хорек привалился к стене между двумя писсуарами, и какой-то парень в армейской форме писал

приблизительно в двух дюймах от его правого уха.

Крейг валялся там с открытым ртом и выглядел ужасно старым, — старым и раздавленным некой холодной, безразличной, жестокой силой. Бена охватило ощущение своего собственного разложения и упадка — не в первый раз, но потрясающе неожиданно. Жалость, поднявшаяся в горле как блестящая черная вода, относилась не только к Хорьку, но и к нему самому.

— Возьмем его под руки, — предложил Мэтт, — когда этот джентльмен управится с делами.

— Ты бы не мог поторопиться, приятель? — попросил Бен солдата.

Как ни странно, солдат поторопился.

Хорек был тяжел всей тяжестью человека, потерявшего сознание.

«Вот и Хорек», — сказал кто-то в зале, и раздался общий смех.

— Деллу следовало бы не пускать его, — Мэтт тяжело дышал. — Знает же, чем это всегда кончается.

Кое-как они добрались до дверей, потом по деревянным ступенькам спустились на автомобильную стоянку.

— Легче, — проворчал Бен, — не уроните.

Ноги Хорька прыгали по ступенькам, как деревянные.

— «Ситроен»... там, в последнем ряду.

Воздух похолодел — завтра листья на деревьях станут кровавыми. У Хорька начало клокотать в горле, голова его подергивалась.

— Сможете уложить его, когда приедете? — спросил Мэтт.

— Думаю, да.

— Отлично. Посмотрите, над деревьями видно крышу Марстен Хауза.

Действительно, конек крыши виднелся над массой верхушек сосен, заслоняя звезды.

Голова Хорька привалилась изнутри к стеклу машины, придавая ему какой-то гротескный вид.

— Так в четверг, в одиннадцать?

— Спасибо. И за Хорька спасибо тоже, — Мэтт протянул руку, и Бен пожал ее.

Бен сел в машину и направился к городу. Когда неоновая вывеска Делла исчезла за деревьями, дорога сделалась пустынной и черной. Бен подумал: «На этих дорогах теперь нечисто».

Хорек издал короткий храп, сопровождаемый стоном, и Бен подпрыгнул. «Ситроен» слегка вильнул.

«С какой стати я так подумал?»

Ответа не было.

Он опустил боковое стекло, направив поток холодного воздуха на Хорька, и, к тому времени как «ситроен» подъехал к дверям Евы Миллер, Хорек обрел какое-то смутное полусознание. Бен отволол его, спотыкающегося, через заднюю дверь в кухню, слабо освещенную горячей печкой. Хорек застонал, потом пробормотал хрипло: «Чудесная девчонка, а замужние, они... знаешь...»

От стены отделилась тень и оказалась Евой, огромной, в потрепанном домашнем халате, с тонкой сеткой на волосах. Лицо ее выглядело бледным и призрачным от ночного крема.

— Эд... — проговорила она. — Ох, Эд, ты опять?

Глаза Хорька открылись при звуке ее голоса, и лицо тронула улыбка.

— Опять, опять и опять, — прохрипел он. — Ты-то должна знать, кажется.

— Вы не могли бы отвести его в спальню? — попросила она Бена.

— Конечно, невелик труд.

Он крепче обхватил Хорька и втащил его по лестнице.

Дверь в комнату оказалась открытой. Оказавшись в кровати, Хорек в ту же минуту лишился всяких признаков сознания и погрузился в глубокий сон.

Бен осмотрелся. Комната выглядела чистой, почти стерильной, порядок в ней царил, как в солдатском бараке. Когда Бен принялся за ботинки Хорька, Ева Миллер сказала у него из-за спины:

— Оставьте, мистер Мерс. Идите к себе.

— Но надо же...

— Я раздну его. — Лицо ее было серьезным, исполненным достойной печали. — Я делала это раньше. Много раз.

— Ладно.

— Бен отправился наверх, не оглянувшись. Он медленно разделся, подумал, принимать ли душ, и решил обойтись. Лег, смотрел в потолок и не спал очень долго.

6. Лот (2)

Осень и весна приходили в Джерусалемз Лот внезапно, как тропические рассветы и закаты. Но весна — не лучший сезон в Новой Англии: слишком коротка, слишком неуверенна, слишком склонна без предупреждения превращаться в яростное лето. В апреле случаются дни, которые остаются в памяти дольше, чем ласка жены, чем ощущение беззубого ротика ребенка на соске груди. Но в середине мая солнце встает из утренней дымки авторитарно и властно, и вы знаете, стоя в семь утра на пороге, что роса испарится к восьми, что пыль, поднятая автомобилем, будет висеть в неподвижном воздухе минут пять и что к часу дня у вас на третьем этаже текстильной фабрики будет девяносто пять градусов^[3] и рубашка облепит вас, будто промасленная.

И когда во второй половине сентября приходит осень, она кажется старым желанным другом. Она устраивается, как и подобает старому другу, в вашем любимом кресле, раскуривает трубку и рассказывает до ночи о виденном и слышанном с тех пор, как вы расстались.

Так продолжается весь октябрь, а иногда и добрую половину ноября. Небеса остаются ясными, темно-голубыми, и по ним спокойными белыми овцами плывут облака. Начинается ветер, который уже не успокаивается. Он торопит вас по улице, он сводит с ума опавшие листья. От ветра у вас начинает ныть где-то глубже, чем в костях. Может быть, это просыпается в душе нечто древнее, видовая память, требующая: перемещайся или умри. От этого не спрятаться в доме. Вы можете стоять в дверях и следить, как движутся тени облаков через Гриффиново пастбище на Школьный Холм — свет, тень, свет, тень, свет, тень — словно открываются и закрываются божьи ставни. Можете следить, как осенние цветы кланяются ветру, будто многочисленные и безмолвные молящиеся. И если нет ни машин, ни самолетов и ничей дядюшка Джон не стреляет фазанов в соседнем лесу, то кроме биения собственного сердца вы можете услышать еще один звук: звук жизни, завершающей цикл, ждущей первого зимнего снега для исполнения последних своих обрядов.

* * *

В тот год первым днем настоящей осени оказалось двадцать восьмое

сентября — день, когда Дэнни Глика похоронили на кладбище «Гармони Хилл».

В церковь ходили только родные, но кладбищенская служба была открытой и туда собралась немалая часть города: одноклассники, любопытные, старики. Они приехали по Бернс-роуд длинной цепью, местами скрывающейся из глаз за очередным холмом. Фары всех машин горели, несмотря на солнечный день. За полным цветом катафалком и «меркурием» Тони Глика, в четырех машинах ехали родственники. Дальше вилась длинная процессия автомобилей: здесь были Марк Петри (к которому шли в ту ночь мальчишки) с отцом и матерью; Ричи Боддин с семьей; Мэйбл Вертс в машине мистера Нортон (беспрерывно рассказывающая обо всех виденных ею похоронах вплоть до 1930 года); Ева Миллер, везущая в машине близких друзей Лоретту Старчер и Роду Керлс; Перкинс Джиллеспы с помощником Нолли Гарднером в полицейской машине; Лоуренс Крокетт с желтолицей женой; Чарльз Родс, угрюмый водитель автобуса, едущий на все подряд похороны из принципа; семейство Чарльза Гриффина с Холмом и Джеком — единственными отпрысками, оставшимися в доме; Пат Миддлер, Джо Крэйн, Винни Апшоу и Клайд Корлисс в машине Мильта Кроссена и многие другие.

Майк Райсон и Роял Сноу выкопали могилу рано утром. Как Майк вспоминал потом, ему показалось, что Роял был не в своей тарелке — необыкновенно тихий, почти унылый. «Видно, вчера со своим приятелем Питерсом заливали это дело до поздней ночи у Делла», — подумал Майк.

Пять минут назад, заметив катафалк Карла Формена на склоне холма в милях пяти по дороге, он распахнул широкие железные ворота, покосившись на острия решетки — ни разу он не смог от этого удержаться с тех пор, как нашел Дока. Потом вернулся к могиле, где ждал отец Дональд Кэллахен, пастор прихода в Джерусалемз Лоте, открыв книгу на детской похоронной службе. «Это у них называется третьей станцией, — вспомнил Майк. — Первая станция — в доме усопшего, вторая — в крохотной католической церкви Сент-Эндрю. Последняя станция — „Гармони Хилл“. Все выходят».

В груди у него слегка похолодело, когда он взглянул вниз на пучок яркой пластиковой травы, брошенный по обычаю на землю. Хотел бы он знать, зачем это делается. Трава выглядела тем, чем была: дешевой имитацией жизни, маскирующей тяжелые коричневые комья подводящей все итоги земли.

— Едут, отец, — сообщил он.

Кэллахен — высокий, с пронзительными голубыми глазами — начинал

сесть. Райсон, хотя и не был в церкви с шестнадцатилетнего возраста, любил его больше всех городских священников. Джона Гроггинса, методиста, все считали лицемерным старым попом, а Раттерсон из церкви Святых Последних Дней отличался ленью, как медведь, застрявший в пустом улье. Кэллахен знал свое дело, он вел похоронную службу спокойно, утешительно и всегда недолго. Райсон сомневался, что его красный нос и проступающие на щеках сосуды происходят от молитв, но если Кэллахен и пил слегка, кто решился бы осуждать его за это? Мир так быстро летит в тартарары, что удивительно, как это еще все священники не в сумасшедшем доме.

— Спасибо, Майк, — сказал Кэллахен и взглянул на небо. — Сегодня будет тяжело.

— Я думаю... Как долго?

— Десять минут, не больше. Не собираюсь мучить родителей. Им еще предстоит многое.

— О'кей. — Майк отправился вглубь кладбища, собираясь перескочить через стену и позавтракать своими запасами в лесу. Он знал по опыту, что последняя фигура, которую опечаленные друзья и родственники стремятся видеть на похоронах, — это гробокопатель в перепачканных землях брюках.

Возле стены он задержался осмотреть упавшее надгробье. И внутри у Майка снова похолодело, когда он, перевернув камень, вытер грязь и прочел надпись:

«ГУБЕРТ БАРКЛЕЙ МАРСТЕН
6 октября 1889 — 12 августа 1939
Ангел смерти, держащий бронзовый светильник
у золотых дверей,
унес тебя в темные воды».

А ниже, почти стертые тридцатью шестью зимами:

«Дай, Боже, ему успокоиться».

По-прежнему обеспокоенный сам не зная чем, Марк отправился в лес посидеть у ручья и поесть.

Гроб медленно опустили в могилу. Марджори Глик в черном пальто и черной шляпе с вуалью, сквозь которую едва просвечивалось ее лицо, дрожала в поддерживающем объятии отцовской руки. Она вцепилась в свою черную сумочку так, как будто от этого зависела ее жизнь. Тони Глик с отсутствующим лицом стоял в стороне. Несколько раз во время церковной службы он оглядывался, словно не до конца веря в окружающее. Он выглядел как человек, который ходит во сне.

«Церковь не может развеять этот сон», — подумал Кэллахен.

Он брызнул святой водой на гроб и могилу, освящая их навеки.

— Помолимся, — сказал он ровно и мелодично, как говорил всегда, при свете или в темноте, пьяный или трезвый. Прихожане склонили головы.

«Господи Боже, милостью твоей жившие в вере находят вечный покой. Благослови эту могилу и пришли своих ангелов стеречь ее. Мы похороним тело Даниэля Глика, прими его душу к себе и позволь ему возрадоваться с твоими святыми навеки. Через Христа просим об этом Господа нашего. Аминь».

— Аминь, — пробормотали прихожане, и ветер унес это слово прочь. Тони Глик осматривался кругом безумными глазами. Жена его прижала платок к губам.

«С верой в Иисуса Христа мы благоговейно предаем земле тело этого ребенка в его земном воплощении. Помолимся с верой Господу, дарователю жизни, чтобы он воскресил это смертное тело к жизни вечной в обители святых».

Кэллахен перевернул страницу. Женщины в третьем ряду, стоявшие у могилы огромной подковой, стали громко всхлипывать. Где-то позади в лесу чирикнула птица.

«Помолимся за брата нашего Даниэля Глика Господу нашему Иисусу Христу, сказавшему: „Я — воскресение и жизнь. Верующий в меня будет жить, любой, кто верует в меня, никогда не претерпит смерти вечной“. Господи, ты оплакивал смерть Лазаря, друга твоего; утешь же нас в горести нашей. Молим о том, веруя».

— Господи, услышь нашу молитву, — отозвались верующие.

«Ты поднял смерть до жизни; даруй брату нашему Даниэлю жизнь вечную. Молим о том, веруя».

— Господи, услышь нашу молитву, — раздалось в ответ. В глазах Тони Глика что-то появилось, — может быть, откровение.

«Брат наш Даниэль омыт чисто во крещении, даруй ему заступничество всех твоих святых. Молим о том, веруя».

— Господи, услышь нашу молитву.

«Он вкусил от плоти и крови твоей; даруй ему место у стола в небесном царствии твоём. Молим о том, веруя».

— Господи, услышь нашу молитву.

Марджори Глик стала со стонами качаться взад-вперед.

«Утешь нас в горести нашей о кончине брата нашего; да будет вера нашим утешением, а вечная жизнь — нашей надеждой. Молим о том, веруя».

— Господи, услышь нашу молитву.

Он закрыл свой трепник:

— Помолимся, как Господь научил нас.

«Отче наш...»

— Нет! — вскрикнул Тони Глик, бросаясь вперед, — вы не бросите грязь на моего мальчика!

К нему протянулись руки, но опоздали. Он свалился в могилу и с жутким тяжелым стуком упал на гроб.

— Выходи оттуда, Дэнни, — кричал он.

— Ну и ну! — проговорила Мэйбл Вертс, сжимая черный платок. Глаза ее вежливо блестели, она откладывала все в памяти, как белки откладывают на зиму орехи.

— Дэнни, черт побери, прекрати валять дурака!

Отец Кэллахен кивнул двоим из прихода, но понадобилось вмешательство еще троих мужчин, в том числе Перкинса Джиллеспи и Нолли Гарднера, чтобы вытащить из могилы кричащего, пинающегося, воющего Глика.

— Дэнни, прекрати! Ты напугал мать! Я тебя высеку! Пустите! Пустите меня... где мой мальчик... пустите, суки... аххх, Бог...

«Отче наш сущий на небесах...» — снова начал Кэллахен, и другие голоса присоединились к нему, подбрасывая слова к безразличному куполу неба.

«...да святится имя Твое. Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя...»

— Дэнни, иди сюда, слышишь? Ты слышишь меня?!

«...как на небесах, так и на земле. Хлеб наш насущный...»

— Дэнни-и-и-и!..

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...»

— Он не умер, он не умер, пустите меня, вы...

«...и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Христос и Господь наш, аминь».

— Он не умер, — всхлипывал Глик. — Не может быть. Ему двенадцать всего... — он, мокрый от слез, вырвался из державших его рук и упал на колени у ног Кэллахена. — Умоляю, верните мне моего мальчика! Не дурачьте меня больше!..

Кэллахен мягко взял его голову обеими руками.

— Помолимся, — сказал он, чувствуя всхлипывания Глика.

«Боже, утешь этого человека и его жену в горести их. Очисти ребенка в водах крещения и дай ему жизнь новую. Да присоединимся мы однажды к нему и разделим навеки небесные радости. Молим об этом именем Иисуса, аминь».

Он поднял голову и увидел, что Марджори Глик упала в обморок.

* * *

Когда все ушли, Майк Райсон вернулся и устроился на краю еще не засыпанной могилы доест последний бутерброд и дождаться Рояла Сноу.

Время подходило к пяти часам. Тени удлинились, на западе солнце уже скользило по верхушкам дубов. Этот скот Роял обещал вернуться не позднее четверти пятого, и где же он теперь?

Бутерброд был его любимый, с сыром. Нелюбимых у него не бывало — это одно из преимуществ холостяцкой жизни. Покончив с бутербродом, он отряхнул руки, сбрасывая крошки в могилу.

Кто-то за ним следил.

Он ощутил это вдруг и наверное. Он осмотрел кладбище расширенными глазами.

— Роял! Это ты, Роял?

Никакого ответа. Ветер вздыхал в деревьях, заставляя их таинственно шелестеть. В колышущейся тени ильмов у стены виднелось надгробье Губерта Марстена — и Майку вдруг вспомнилась собака Вина, висящая на железных воротах.

Глаза пустые и бесстрастные. Следят.

Успеть до темноты.

Он вскочил на ноги, словно кто-то громко окликнул его.

— Черт тебя побери, Роял.

Он сказал это вслух, но тихо. Он больше не думал, что Роял где-то здесь или что он вообще вернется. Майку придется закапывать могилу в одиночестве, и это займет много времени.

Может быть — до полной темноты.

Он принялся за работу, не пытаясь понять причину охватившего его ужаса, не пытаясь разобраться, почему не беспокоившая его никогда прежде работа теперь так пугала.

Двигаясь быстро и расчетливо, он поднял с земли фальшивую траву и отнес ее в машину за воротами. Как только он вышел за пределы кладбища, отвратительное ощущение слезки исчезло.

Он взял в машине лопату, вернулся назад — и заколебался. Открытая могила как будто насмеялась над ним.

Оказалось, ощущение слезки пропадает, когда он не видит гроба. Перед глазами вдруг предстал Дэнни Глик, лежащий там на маленькой сатиновой подушке с открытыми глазами. Нет — это глупо. Глаза закрыли. Даже заклеили. Сколько раз он видел, как Карл Формен это делает. «Кому же захочется, чтобы труп подмигивал прихожанам, а?» — как-то сказал Карл.

Он набрал земли на лопату и бросил вниз. С тяжелым стуком земля упала на полированное красное дерево — и Майк вздрогнул. От этого звука ему стало тошно. Он выпрямился и рассеянно взглянул на разбросанные цветы. Чертовское расточительство. Если вам некуда девать деньги, отдайте их на борьбу с раком или какому-нибудь дамскому обществу, в конце концов. Хоть какая-то польза будет.

Он бросил еще лопату земли и опять остановился.

Еще одно расточительство — гроб. Отличное красное дерево, тысяча зелененьких, не меньше, а он здесь забрасывает его грязью. У Гликов не больше денег, чем у других, да и кто же заведет похоронную страховку на ребенка? Миль за шесть, наверное, ездили за ящиком, чтобы зарыть его потом в землю.

Еще лопата. Снова этот жуткий стук. Теперь земля почти закрывала гроб, но красное дерево просвечивало чуть ли не с упреком.

Брось смотреть на меня.

Тени уже сделались очень длинными. Он поднял глаза — и увидел Марстен Хауз с плотно закрытыми ставнями. Восточная стена — та, что первой здороваётся с солнцем, — смотрела на железные кладбищенские ворота, где Док...

Он заставил себя бросить еще одну лопату земли.

Стук...

Часть земли соскользнула по бокам гроба, засыпаясь внутрь петель. Теперь, если кто-нибудь откроет крышку, раздастся резкий скрежущий звук, как от двери гробницы.

Не смотри на меня!

Он наклонился за следующей порцией земли. Мысли ворочались непривычно тяжело и вяло. Где это он читал о том техасском нефтяном короле, который завещал похоронить себя в новом «кадиллаке»? И ведь похоронили же. В машине за тыщи баксов, подъемным краном опускали.

Вдруг он пошатнулся и чуть не упал, слабо тряся головой. Кажется, он впал в какой-то транс. Чувство слезки усилилось. Он взглянул на небо и испугался — так мало там было света. Освященным оставался только верхний этаж Марстен Хауза. На часах десять минут седьмого. Господи Иисусе, за целый час он бросил в яму только полдюжины лопат земли!

Майк взялся за работу, заставляя себя не думать. Земля уже не стучала, крышка гроба скрылась из глаз, и почва осыпалась по сторонам бурными ручейками, доходя уже почти до замка.

Он бросил еще две лопаты и остановился.

До замка?

Да зачем, во имя Бога, ставить замок на гроб? Они что, думают, кто-нибудь захочет внутрь? Надо полагать, так. Не воображают же они, что кто-то попытается выбраться наружу...

— Брось на меня таращиться, — сказал Майк Райсон вслух и вдруг почувствовал, что у него в горле застрял комок и наполнило внезапное желание бежать, бежать прочь отсюда, бежать всю дорогу до города! Ему понадобилось огромное усилие, чтобы подавить этот порыв. Чепуха! С кем такого не бывает, если работаешь один на кладбище. Как в дрянном фильме ужасов — засыпать землей двенадцатилетнего мальчишку с широко открытыми глазами...

— Бог мой, да прекрати же! — закричал он и бросил дикий взгляд на Марстен Хауз. Теперь освещенной оставалась только крыша. Было четверть седьмого.

Он яростно взялся за работу, стараясь ни о чем не думать.

Но впечатление слезки все усиливалось, и каждый раз лопата казалась тяжелее, чем в предыдущий. Крышка гроба была теперь совсем засыпана, но форма еще угадывалась.

Ни с того ни с сего в голове у него заскользили строки католической молитвы за умерших. Он слышал, когда обедал у ручья, как Кэллахен произносил ее. И беспомощные крики отца мальчика тоже слышал.

«Помолимся за нашего брата Господу нашему Иисусу Христу, который сказал...»

(«О отец мой, снизойди ко мне».)

Он остановился и тупо взглянул на могилу. Тени близившейся ночи уже сползали в нее, как стервятники на падаль. Могила оставалась

глубокой. Ему ни за что не зарыть ее до темноты.

«Я — воскресение и жизнь. Верующий в меня будет жить...»

(«Повелитель Мух, снизойди ко мне».)

Да, конечно, глаза открыты. Вот почему он чувствует слезку. Карл пожалел на них клея, и они распахнулись, и мальчишка Гликов смотрит из гроба. С этим надо что-то делать.

«...любой, кто верует в меня, никогда не претерпит смерти вечной...»

(«Я принес жертву тебе.левой рукой я принес ее».)

Майк Райсон вдруг прыгнул в могилу и принялся как безумный раскапывать ее. Лопата быстро ударилась о дерево, и тогда он упал на колени на гроб и стал бить по замку лопатой. Удар, еще, еще.

В ручье уже пели лягушки, и два или три коростеля начинали кричать в лесу.

Семь пятнадцать.

— Что я делаю? — спросил он себя. — Бога ради, что я делаю?

Он стоял в могиле на коленях и пытался понять это, но что-то из глубины мозга побуждало Майка спешить, спешить — ведь солнце садилось.

Успеть до темноты.

Он поднял лопату и изо всех сил ударил по замку. Раздался треск. Замок сломался.

Секунду он сохранял последние проблески рассудка. На небе сияла Венера.

Потом он тяжело дыша выкарабкался из могилы, лег ничком на землю и потянулся к крышке гроба. Нашел скобу и потащил за нее. Крышка поднялась, скрипя петлями именно так, как он воображал себе, и открывая сначала только розовый сатин, потом руку в темном рукаве, потом... потом лицо.

Дыхание Майка остановилось.

Глаза были открыты. В точности, как он знал заранее. Они сверкали недоброй жизнью в последнем умирающем свете дня. В лице не было смертной бледности, щеки, казалось, пылали румянцем.

Он попытался оторвать свой взгляд — и не мог.

— Иисус... — пробормотал Майк.

Последний краешек солнца скользнул за горизонт.

Марк Петри занимался фигуркой Франкенштейна в своей комнате и слушал разговор родителей в гостиной внизу. Они купили старый фермерский дом на Джойнтер-авеню, который когда-то отапливался центральной кухонной печкой. Ходы тепловой вентиляции служили теперь другим целям. Они прекрасно проводили звук.

Хотя родители разговаривали на другом этаже, они с таким же успехом могли обсуждать Марка и под дверями его комнаты.

Как-то, поймав Марка за подслушиванием у замочной скважины — ему было тогда только шесть лет, — отец сообщил ему старую английскую поговорку: не слушай под дверьми — всегда будешь раздосадован. Это означает, пояснил отец, что тот, кто подслушивает, всегда слышит о себе что-нибудь неприятное.

Что ж, кроме этой поговорки, есть другая: предупрежден — значит, вооружен.

Для своих двенадцати лет Марк Петри казался маловат и выглядел слишком хрупко. Но двигался он с легкостью и изяществом мальчиков его возраста, которые на вид состоят из одних коленей и локтей. Светлый, почти молочный цвет лица и черты, позже ставшие орлиными, а пока немного женственные, доставляли ему трудности в жизни еще до инцидента с Ричи Боддином, но он твердо решил справляться со своими проблемами сам. Большинство хулиганов велики и неуклюжи. Они пугают тем, что могут причинить боль. Они дерутся нечестно. Поэтому, если ты не боишься небольшой боли и не чураешься запрещенных приемов, хулигана вполне можно одолеть. Ричи Боддин послужил первым окончательным воплощением этой теории. С тотемом прежней его школы в Киттери Марк вышел на равных, что было своего рода победой. (Киттерский хулиган, окровавленный, но не сдавшийся, объявил школьному сообществу, что отныне они с Марком дружки. Марк, считавший киттерского хулигана куском дерьма, тем не менее возражать не стал. Он знал цену сдержанности.) Слова против хулиганов не помогают. Удар — это, кажется, единственный язык, понятый всем Ричи Боддинам этого мира, и Марк подозревал, что именно по этой причине мир переживает тяжелые времена. В тот день его выгнали из школы, и отец очень сердился, пока Марк, приговоренный к ритуальной порке туго скатанным в трубку журналом, не объявил, что Гитлер в душе был всего лишь Ричи Боддином. Это заставило отца безудержно расхохотаться, и порка отменилась.

Сейчас Джун Петри говорила:

— Как ты думаешь, Генри, он переживает?

— Трудно сказать... — Последовала пауза, и Марк знал, что отец

раскручивает трубку, — он чертовски сдержан.

— И все-таки... они шли к Марку, — продолжала она. — Поиграть с его поездом... А теперь один мертв, а другой исчез! Не обманывай себя, Генри. Мальчик должен что-то чувствовать.

— Он достаточно крепко стоит ногами на земле, — возразил мистер Петри. — Что бы он при этом не чувствовал, уверен, он может держать себя в руках.

Марк вклеил левую руку Франкенштейна в плечевой сустав. Это была особая модель, светящаяся в темноте зеленым. В точности как пластиковый Иисус, которого он получил в награду за чтение наизусть 119-го псалма в воскресной школе в Киттери.

— Иногда я жалею, что он у нас один, — говорил отец. — Ему бы лучше иметь сестру или брата.

Мать лукаво ответила:

— Нельзя сказать, что мы не старались, дорогой.

Разговор надолго прервался. Наверняка отец перелистывал «Уолл-Стрит Джорнал», а мать держала на коленях роман Джейн Остин или, может быть, Генри Джеймса. Марк удивлялся: какой смысл ей перечитывать столько раз одни и те же книги. Зачем читать, если знаешь, чем кончится?

— Как ты думаешь, — спросила наконец мать, — можно отпускать его в лес? Говорят, где-то здесь есть зыбучие пески.

— В нескольких милях.

Марк немного успокоился и приклеил монстру другую руку. Отличный у него был набор фигурок, и он располагал их по-новому каждый раз, когда появлялась еще одна. Дэнни и Ральфи шли смотреть именно на них, когда... ну, ладно.

— Думаю, можно, — продолжил отец. — Конечно, не в темноте.

— Боюсь, после этих ужасных похорон у него будут кошмары.

Марк почти видел, как отец пожимает плечами:

— Тони Глик... бедняга! Но смерть и горе — часть жизни. Пора мальчику узнать это.

— Может быть.

— Пауза. («Интересно, какая банальность последует теперь?») — Марк приклеил монстра на основу — каменистый курган с покосившимся надгробием.) — В расцвете жизни нас подстерегает смерть. Но кошмары могут быть у меня.

— О?!

— Этот мистер Формен, должно быть, настоящий художник, прости,

Господи. Мальчик действительно выглядел как спящий. Сию секунду откроет глаза, зевнет и... не знаю, кто только настаивает на таком истязании — хоронить в открытом гробу. Это... язычество.

— Ну, дорогая, это уже позади.

— Надо думать, что так. У нас хороший мальчик, правда, Генри?

— Лучше всех.

Марк улыбнулся.

— Есть что-нибудь по телевизору?

— Сейчас взгляну.

Серьезный разговор закончился. Марк поставил модель на окно — сохнуть. Через пятнадцать минут мать отправит его в постель. Он полез в комод за пижамой.

В сущности, мать зря беспокоилась за его психику. Он не отличался нервностью — да тому и не было причин. Несколько школьных драк не оставили в нем шрамов. Его семья принадлежала к высшим слоям среднего класса и двигалась еще выше. Родители крепко, пусть и слегка тяжеловато, любили друг друга, и Марк обычно хотел того же, чего хотели они.

Если что-то его и отчуждало — так это собственная сдержанность и холодное самообладание. Никто не воспитывал в нем этого — это родилось с ним. Когда его любимого щенка Чоппера сбила машина, Марк настоял на том, чтобы идти с матерью к ветеринару. И когда ветеринар сказал: «Собаку надо усыпить, мой мальчик. Ты понимаешь, почему?», он поцеловал Чоппера, но не проронил ни единой слезы. Мать плакала, но через три дня Чоппер для нее ушел в туманное прошлое, а для Марка он не уйдет туда никогда. Вот в чем ценность умения не плакать.

Его потрясло исчезновение Ральфи и смерть Дэнни потрясла еще раз, но он не испугался. Он слышал в магазине, что до Ральфи, должно быть, добрался гомик. Он знал, кто это такие. Они делают с тобой что хотят, а потом душат и зарывают в гравийном карьере. Если гомик когда-нибудь предложит ему конфету, Марк ударит его в пах и побежит так, что плевков не догонит.

— Марк! — голос матери взлетел по лестнице. — Не забудь вымыть уши.

Он улыбнулся опять:

— Не забуду.

Он отправился вниз — поцеловать на ночь родителей, взглянув сначала на стол. Дракула с разинутой пастью, растопырив когти, угрожал девушке, лежащей на земле; сумасшедший доктор истязал женщину на дыбе; мистер Хайд подкрадывался в темноте к старику.

Смерть? Конечно. Это происходит, когда попадешься монстрам.

* * *

Ройс Макдуглас свернул к дверям своего трейлера в половине девятого и со второй попытки заглушил мотор старого «форда». Карбюратор барахлит, дворники не работают, искра срабатывает раз в две недели. Чертова машина! Чертова жизнь! Младенец вопил в доме, и Сэнди орала на него. Старая добрая семья!

Он выскочил из машины — и упал, споткнувшись о кирпичи, которыми собирался вымостить дорожку к дому.

— Дерьмо, — пробормотал он, кое-как поднимаясь на ноги и потирая подбородок.

Он был совершенно пьян. Кончив работу в три, он с тех самых пор пил у Делла с Хэнком Питерсом и Бадди Мэйберри. Да, он знал, что думает Сэнди о его дружках. Но пусть заткнется. Жалеть человеку пару пива по субботам и воскресеньям, после того как он целую неделю горбатился у проклятого станка! Тоже мне святая! Весь день сидит дома, только ей и дел, что болтать с почтальоном, да следить, чтобы ребенок в печку не залез. И этого как следует не умеет. Ребенок как-то даже со стола свалился.

«А ты где была?»

«Я его держала, Рой. Просто он так сильно дергался!»

Дергался он, как же!

Он подошел к двери, все еще кипя. На ушибленную ногу больно было ступать. Вряд ли она почувствует. Чем она вообще занимается, пока он надрывается на этого собаку управляющего? Читает журнальчик и ест вишни в шоколаде, смотрит мыльную оперу и ест вишни в шоколаде, болтает с дружками и ест вишни в шоколаде? У нее скоро прыщи на заднице вскочат, как и на физиономии, — не отличить будет одно от другого.

Он толкнул дверь и вошел.

Представшая перед ним картина прорвалась сквозь пивной туман, как удар мокрым полотенцем: голый орущий ребенок, кровь течет у него из носа. Сэнди держит его на руках — блузка вся в крови, глаза с удивлением и испугом обратились к вошедшему. Пеленка валяется на полу.

— Что тут творится? — медленно спросил Ройс.

— Ничего, Рой. Он просто...

— Ты ударила его, — сказал он без всякого выражения. — Он

вертелся, не давал запеленать себя, и ты его ударила.

— Нет, — заторопилась она, — он перевернулся и стукнулся носом. Вот и все.

— Мне бы избить тебя в кровь...

— Рой, он просто стукнулся носом!..

Он дернул плечом.

— Что на обед?

— Гамбургеры. Они подгорели, — проговорила она заискивающе.

— Пусть он заткнется.

— Он не...

— Пусть он заткнется! — заорал Рой, и Рэнди, который уже начинал успокаиваться, заорал снова.

— Я дам ему бутылочку, — встала Сэнди.

— И дай мне ужин. — Он принялся стаскивать куртку. — Господи, что за кавардак! Чем ты занимаешься весь день — дерешься с Рэнди?

— Рой! — она, кажется, поразилась. Потом засмеялась. Бешеный взрыв на ребенка ушел куда-то в нереальное прошлое. Будто случился в одном из ее журналов, которые она читала после обеда.

— Давай ужин и приведи, черт возьми, дом в порядок.

— Конечно. Сейчас. — Она достала из холодильника бутылочку и сунула Рэнди вместе с погремушкой. Тот медленно принялся сосать, поглядывая то на мать, то на отца.

— Рой?

— Гм-м... Что?

— Все кончилось.

— Что кончилось?

— Ты знаешь, что. Хочешь? Сегодня вечером?

— Ясно, — согласился он. И подумал: это не чертова жизнь. Это просто жизнь.

* * *

Когда зазвонил телефон, Нолли Гарднер слушал рок-н-рол и грыз ногти. Перкинс отложил кроссворд и попросил:

— Прикрути чуть-чуть, ладно?

— Конечно, Перк, — Нолли уменьшил громкость и продолжал грызть ногти.

— Слушаю, — сказал Перкинс.

— Констебль Джиллеспи? Это агент Том Ханраан, сэр. Я получил сведения, которые вы запрашивали.

— Спасибо, что так быстро.

— Ничего особенного. Бен Мерс проходил по транспортной аварии в Нью-Йорке в мае 1973-го. Обвинение не выдвинуто. Столкновение на мотоцикле. Погибла его жена Миранда. По показаниям свидетелей ехали медленно, тест на алкоголь отрицательный. Видимо, просто угодил на мокрый асфальт. По-литические убеждения склоняются к левым. Участвовал в Марше мира в 1966-м и 1968-м, выступал на антивоенном митинге в Бруклине в 1970-м. Арестован во время мирного марша в Сан-Франциско в ноябре 71-го. Больше ничего на него нет.

— Что еще?

— Курт Барлоу. Англичанин, но по гражданству, а не по рождению. Родился в Германии, сбежал в Англию в 1938-м, прямо из-под носа гестапо. Предыдущие материалы на него недоступны, но возраст, вероятно, за семьдесят. Настоящая фамилия Брайхен. Занимался экспортом-импортом в Лондоне с 1945-го, но на сцене особенно не появлялся. Все контакты осуществлял через партнера — этого Стрэйкера.

— Да?

— Стрэйкер по рождению англичанин. Пятьдесят восемь лет. Отец был мебельщиком в Манчестере. Кажется, оставил сыну массу денег, да и сам Стрэйкер кое-что добавил. Стрэйкер и Барлоу взяли визу на продолжительное пребывание в США восемнадцать месяцев назад. Это все, что у нас есть.

— Так я и думал, — вздохнул Перкинс.

— Если хотите, запросим Скотленд-Ярд.

— Нет, хватит, спасибо.

— Кстати, никаких связей между Мерсом и теми двумя. Если, конечно, они не скрывались.

— О'кей. Спасибо.

— Для того мы и служим. Понадобится помощь — дайте знать.

— Я так и сделаю. Благодарю.

Он положил трубку и задумался.

— Кто это, Перк? — Нолли опять включил радио на полную громкость.

— Замечательное Кафе. У них нет ветчины. Только сыр и салат с яйцами.

Свалка все еще дымилась.

Дад Роджерс прогуливался по краю пепелища, вдыхая запах сгоревших отбросов. Где-то там, посредине, угли то вспыхивали, то затухали по прихоти ветра — как мигающие глаза... глаза гиганта. Время от времени раздавался микровзрыв — аэрозольного баллончика или электрической лампочки. Когда он поджег мусор утром, разбежалось огромное количество крыс — больше, чем ему приходилось видеть когда-нибудь раньше. Он застрелил полных три дюжины, так что пистолет раскалился. Да и огромные были, сволочи, некоторые до двух футов длиной. Странно, как меняется их количество, — погода влияет, что ли? Если дальше так пойдет — придется травить, а он этого не делал с 1964-го.

Вот еще одна — крадется под желтыми козлами, огораживающими костер.

Дад вытащил пистолет. Пуля взбила пыль перед крысиной мордой. Но, вместо того чтобы удрать, она встала на задние лапы и взглянула на него, а бусинки глаз отсвечивали красным в свете догоравших углей. Иисус, ну и храбрые же попадаются!

— Пока, мистер Крыса! — Дад тщательно прицелился, и крыса, корчась, покатила по земле. Он подошел и пнул ее ногой. Крыса слабо куснула ботинок.

— Ублюдок! — сказала Дад и раздавил ее.

Он обнаружил вдруг, что думает о Рути Кроккет, о том, что вырисовывается под ее тонким свитером. Он поднял крысу за хвост и покачал, как маятник. «Как бы тебе понравился старина Крыса в твоей коробке для карандашей, Рути?» Эта мысль развеселила его, он пискливо захихикал, вздергивая уродливую головку.

Зашвыривая крысу в глубину свалки, он краем глаза уловил появление чьей-то фигуры: высокий, предельно тонкий силуэт шагах в пятидесяти справа. Дад вытер руки о штаны, подтянул их и зашагал в ту сторону.

— Свалка закрыта, мистер.

Человек повернулся к нему. Задумчивое лицо с выдающимися скулами. Седые волосы со странными вкраплениями металлически-серых прядей. Он отбросил их со лба, как пианист на концерте. Глаза человека сделались кровавыми в красном отсвете углей.

— Закрыта? — вежливо переспросил с едва уловимым акцентом незнакомец. — Я пришел сюда смотреть на огонь. Это красиво.

— Да, — согласился Дад. — Вы здешний?

— Я недавний житель вашего чудесного города. Вы застрелили много крыс?

— Да, несколько попало. Их сейчас миллионы. Слушайте, это не вы купили Марстен Хауз?

— Хищники, — произнес человек, заложив руки за спину. Дад с изумлением осознал, что парень разнаряжен в костюм-тройку. — Я люблю хищников ночи. Крысы... совы... волки. Есть волки в здешней округе?

— Н-нет, — Дад подумал и добавил: — Один парень в Дархеме пару лет назад видел койота. А уж дикие собаки шляются стаями.

— Собаки, — незнакомец сделал презрительный жест, — низкие животные, которые корчатся и воют при звуке чужих шагов. Истребить их всех, говорю я! Истребить всех!

— Ну, я об этом не задумывался, — Дад отступил на шаг назад. — Только, знаете, по воскресеньям свалка закрывается в шесть, а уже девять.

— Разумеется.

Но уходить незнакомец не собирался. Дад радовался: кажется, он обскакал весь город. Никому еще не удавалось повидать партнера Стрэйкера, кроме разве что Ларри Кроккета. В следующий раз, когда Дад пойдет покупать патроны у этого постнорожего Джорджа Миддлера, надо сказать как бы между прочим: «Как-то вечером видел этого новичка. Кого? Ну, вы знаете. Парень, который снял Марстен Хауз. Говорит, как слегка чокнутый».

— Есть там в доме призраки? — спросил он, видя, что гость не думает сматываться.

— Призраки! — старик улыбнулся, и было в этой улыбке что-то очень настораживающее. Так могла бы улыбаться барракуда. — Нет, никаких призраков. — Он сделал небольшое ударение на последнем слове, как будто намекая, что там есть нечто худшее.

— Ну... знаете, уже поздно... вам действительно надо уходить, мистер...

— Но с вами так приятно беседовать, — в первый раз гость повернулся лицом к Дад и взглянул ему в глаза. Его собственные глаза оказались огромными, и в них отражался огонь. Они завораживали. — Вы не возражаете, если мы поговорим еще немного?

— Нет, пожалуй, — проговорил Дад, и его голос прозвучал будто издали. Эти глаза росли, ширились, пока не превратились в черные ямы, куда можно свалиться и утонуть.

— Спасибо. Скажите мне... ваш горб не создает вам неудобств в

работе?

— Нет, — Дад вяло подумал: «Провалиться на месте, если этот тип меня не гипнотизирует. Как звали того парня на Топшемской ярмарке... мистер Мефисто? Он заставил Рэджи Сойера лаять, как собака. Боже мой, как мы смеялись!..»

— Может быть, доставляет другие неудобства?

— Нет... ну... — он не отрываясь глядел в эти глаза, словно околдованный.

— Говорите, говорите, — голос звучал мягко, успокаивающе. — Мы ведь друзья, правда? Говорите, скажите мне...

— Ну... девчонки... вы знаете девчонок...

— Конечно, — сказал старик ласково. — Смеются над вами, да? Они не знают вашего мужества. Вашей силы.

— Верно, — прошептал Дад. — Они смеются. Она смеется.

— Кто она?

— Рути Кроккет. Она... она... — мысль улетела прочь. Пусть. Неважно. Все неважно, кроме этого покоя. Холодного и полного покоя.

— Она отпускает шуточки? Ухмыляется, прикрыв рот рукой? Подмигивает при виде вас приятелям?

— Да...

— Но вы желаете ее, — настаивал голос. — Ведь это так?

— О да...

— Она будет ваша. Я уверен.

В этом было что-то... приятное. Ему послышались вдалеке милые голоса, поющие непристойные песни. Серебряные колокольчики... белые лица... лицо Рути Кроккет...

Дад тонул. Тонул в красных глазах незнакомца.

Когда старик подошел к нему, он понял все — и приветствовал это, а когда пришла боль, она была блестящей, как серебро, и зеленой, как воды глубокого омута.

* * *

Нетвердая рука, вместо того чтобы взять бутылку, сбросила ее на ковер.

— Дрянь! — сказал отец Дональд Кэллахен и потянулся за бутылкой, пока не все пролилось, хотя и проливаться было уже в общем-то нечему.

Он устроил остаток на столе (подальше от края) и поплелся в кухню

искать тряпку. Напрасно говорить миссис Керлс, чтобы оставляла тряпку у него под столом. Ее добрый жалеющий взгляд и без того трудно выносить долгими серыми утрами, когда... немного падает настроение.

С похмелья, то есть.

Да, именно так. Немного правды. Кто знает правду, тот свободен.

Кэллахену исполнилось пятьдесят три. Его серебристые седины, ярко-голубые с красными прожилками ирландские глаза, твердо очерченный рот — все это иногда заставляло его по утрам перед зеркалом мечтать сложить с себя сан, когда стукнет шесть десятков, и попытать счастья в Голливуде.

Кэллахен нашел на кухне пятновыводитель и вылил примерно чашку на ковер. Пятно медленно побелело и стало пузыриться. Кэллахен, слегка испугавшись, перечитал этикетку.

— Для самых серьезных загрязнений, — прочитал он вслух тем богатым обертонами голосом, который доставлял ему такую популярность в приходе. — Держать не больше десяти минут.

Он подошел к окну. «Ну, вот, — подумал он, — воскресенье, и я опять напился».

«Благослови меня, Отец, ибо я согрешил».

Длинными одинокими вечерами отец Кэллахен работал над своими «Записками» — он собирался написать книгу о католической церкви в Новой Англии, но время от времени подозревал, что она не будет написана никогда. Фактически его «Записки» и его пьянство начались одновременно (в начале было скотч-виски, и отец Кэллахен сказал: «Да будут Записки»).

«Я пьяница и негодный священник, Отец».

С закрытыми глазами он мог видеть темноту исповедадьни, чують запах ветхого бархата скамьи для коленопреклонений, слышать чей-то шепот, раскрывающий секреты человеческого сердца.

«Благослови меня, Отец...»

(«Я разбил фургон брата моего... я ударил жену... я подглядывал в окно миссис Сойер, когда она раздевалась... я лгал... я сквернословил... я имел развратные мысли... я... я... я...»)

«...ибо я согрешил».

Он открыл глаза. Город спал. Должно быть, скоро полночь.

Он думал о девчонке Бови... нет, кажется, теперь Макдуглас; она сказала, что била своего младенца, и когда он спросил, как часто, то буквально увидел, как в голове ее закрутились колеса, отсчитывая пять раз по дюжине или, может быть, сто раз по дюжине. Он крестил ребенка. Крохотное голосистое создание. Интересно, она догадалась, как хотелось

отцу Кэллахену во время ее исповеди просунуть обе руки через маленькое окошечко и схватить ее за горло? Твоя епитимья — шесть крепких подзатыльников и хороший пинок под зад. Удались и не грехи более.

— Тоска, — сказал он вслух.

Нет, больше чем тоска. Не одна тоска толкнула его в этот постоянно ширящийся клуб священнослужителей бутылки. Толкнула безостановочная машина церкви, несущая мелкие грехи непрерывной чередой на небеса. Толкнуло ритуальное признание зла церковью, присутствие зла в исповедалне — такое же явственное, как запах бархата. Тупое, бессмысленное зло, чуждое просветлений и милосердия. Кулак, врезающийся в лицо ребенка, карманный нож, врезающийся в шину чужого автомобиля, опасная бритва, врезающаяся в адамово яблоко... Джентльмены, лучшие тюрьмы исправят это! Лучшие поли-цейские. Лучшие агентства социальных услуг. Контроль рождаемости. Техника стерилизации. Аборты. Сograждане, если этот закон пройдет, я гарантирую вам, что больше никогда...

Дерьмо!

Он жаждал Дела. Он хотел стать во главе отряда в армии... кого? Бога, правды, доброты. Все это разные имена одного и того же. Он жаждал битвы против ЗЛА. Сойтись лицом к лицу со ЗЛОМ, как Мохаммед Али с Джо Фрэйзером, без уродливого вмешательства политиков. Он жаждал этого с четырнадцати лет, когда, воспламененный историей святого Стефана, первого христианского мученика, решил стать священником. Небеса привлекали его борьбой — и, может быть, гибелью — на службе Господу.

Но битвы не было. Были бессмысленные свалки. ЗЛО имело не одно лицо, а множество, и приходилось предполагать, что в мире вообще нет ЗЛА, а есть только зло. Были минуты, когда он подозревал, что Гитлер был всего лишь надоедливый бюрократ, а сам Сатана — только умственно отсталый тип с рудиментарным чувством юмора (из тех, кто бросает чайкам раскаленные угольки, засунутые в кусочки хлеба, и находит это остроумным).

Это больше чем тоска. Это ужасно своими последствиями для жизни земной и, быть может, небесной. Как знать, что там, на небесах?..

Он взглянул на часы. Шесть минут после полуночи. Пятновыводительное снадобье должно уже сработать. Сейчас он пропылесосит ковер, и миссис Керлс не будет смотреть с жалостью, и жизнь пойдет своим чередом.

Аминь.

7. Мэтт (1)

В четверг после третьего урока Мэтт застал Бена Мерса ожидающим в конторе.

— Привет, — сказал Мэтт. — Вы рано.

Бен встал и пожал ему руку:

— Это у меня семейное. Детишки меня не съедят, как вы полагаете?

— Положительно, — загадочно отозвался Мэтт. — Пошли.

Он удивился, увидав Бена прилично одетым. Мэтту случалось водить к себе в класс литераторов, и обычно они щеголяли только что не в лохмотьях, говоря всем своим видом: «Я побью систему ее же оружием». На этом фоне уважение Мэтта к Бену сильно выросло. За тридцать с чем-то лет учительствования он убедился, что «побить систему» не удавалось еще никому, и только сосунки иногда воображали, что берут верх.

— Хорошее здание, — Бен огляделся кругом. — Чертовски отличается от той школы, где я учился. Там окна выглядели как бойницы.

— Первая ошибка, — сказал Мэтт. — Это не здание. Это «корпус». Доски — это «визуальное пособие». А детишки — «общий подростковый студенческий контингент».

— То-то им удивительно, — ухмыльнулся Бен.

— Правда? А вы ходили в колледж, Бен?

— Пытался. Общее искусство. Но, кажется, там все играли в «кто захватит знамя». В общем, я сбежал оттуда. До того как разошлась «Дочь Конуэя», я сочинял рекламу кока-колы.

— Расскажите это детям. Им будет интересно.

— Вам нравится быть учителем?

— Конечно. Хорошенькие были бы эти сорок лет, если бы не нравилось.

Прозвенел второй звонок, эхом отдаваясь в уже пустых коридорах.

— Как тут с наркотиками? — спросил Бен.

— Все виды. Как и в каждой школе Америки. Только в нашей, наверно, еще больше.

— Неужели и марихуана?

— Я сам пробовал. Эффект приятный, но повышает кислотность желудка.

— Вы — пробовали?

— Тс-с-с! Большой Брат слышит нас повсюду. Кроме того, вот мой

класс.

— Ой-ой-ой.

— Не нервничайте, — посоветовал Мэтт и пропустил его в комнату. —
Добрый день, люди, — обратился он к дюжине студентов, внимательно
разглядывающих Бена. — Это — мистер Бенджамен Мерс.

* * *

Сначала Бен решил, что ошибся домом.

Когда Мэтт Берк приглашал его к ужину, он ясно объяснил, что речь
идет о маленьком сером домике, следующем за красным, но этот рок-н-
ролл, льющийся из окна бурным потоком...

Он постучал, не получил ответа и постучал сильнее. На этот раз
музыка утихла, и голос Мэтта:

— Открыто! Заходите!

Он зашел, с любопытством оглядываясь. Раннеамериканская
меблировка. Невероятно древний телевизор. Мэтт вышел из кухни, снимая
красно-белый передник. Вслед за ним явился запах макарон под соусом.

— Прошу извинить за шум, — сказал Мэтт. — Я немного глух.

— Хорошая музыка.

— Я любитель рока со времени Бадди Холли. Вы голодны?

— Ага. Спасибо, что пригласили. С тех пор как я приехал в Салем Лот,
я съел, наверное, столько, сколько за предыдущие лет пять.

— У нас гостеприимный город. Не возражаете, если мы поедим на
кухне? Два месяца назад один антиквар предложил мне двести долларов за
обеденный стол, и я с тех пор не удосужился раздобыть новый.

— Я кухонный едок из длинной династии кухонных едоков.

Кухня оказалась маниакально чистой. На маленькой
четырёхконфорочной печке исходил паром котелок спагетти. На
раскладном столике выстроились разнокалиберные тарелки и стаканы.
Последняя натянутость отпустила Бена, и он почувствовал себя как дома.

— Там в буфете бурбон и водка, — сообщил Мэтт. — Миксер,
пожалуйста. Боюсь, ничего изысканного нет.

— Бурбон с водой из-под крана меня вполне устроит.

— Так займитесь. Я накрою на стол.

Смешивая коктейль, Бен сказал:

— Мне понравились ваши детишки. Они задавали хорошие вопросы.
Трудные, но хорошие.

— Например, откуда у вас берутся мысли, — Мэтт сымитировал «секс-девчушкин» лепет Рути Кроккет.

— Штучка.

— Что да, то да.

Бен покончил с коктейлем, взял у Мэтта тарелку спагетти, полил соусом и взялся за вилку.

— Фантастика, — проговорил он, — мама миа!

— Вот так! — сказал Мэтт.

Бен виновато смотрел на тарелку, опустевшую с поразительной быстротой.

— Еще?

— Полтарелки хватит. Это великие спагетти.

— Ваша новая книга — роман?

— Что-то вроде фантастики. Честно говоря, я пишу ее ради денег. Искусство искусством, но когда-то хотелось бы и вытащить счастливый билет.

— Пойдемте в гостиную, — предложил Мэтт. — Кресла у меня шаткие, но все-таки удобнее этих кухонных кошмаров. Вы наелись?

— Пощадите!

В гостиной Мэтт вытащил пачку альбомов и принялся разжигать корявую трубку. Покончив с этим занятием и сидя внутри облака дыма, он внимательно посмотрел на Бена.

— Нет, — произнес Мэтт наконец, — отсюда его не видно.

Бен резко обернулся.

— Кого?

— Марстен Хауз. Ставлю трехпенсовик, что вы искали его.

Бен беспокойно рассмеялся:

— Я не держу пари.

— Ваша книга о городе вроде Салема Лота?

— О городе и о людях, — кивнул Бен. — Там будет серия сексуальных убийств. Я намеревался начать с одного из них и описать его с начала до конца во всех подробностях. Сунуть читателя в это носом. Как раз этим я занимался, когда исчез Ральфи Глик, и меня... ну, в общем, неприятно поразило.

— Вы основываетесь на тех исчезновениях тридцатых годов?

Бен внимательно взглянул на него:

— Вы об этом знаете?

— Да. И большинство старожилков тоже. Меня тогда не было в Лоте, но были Мэйбл Вертс, Глэдис Мэйберри и Мильт Кроссен. Кое-кто из них уже

уловил связь.

— Какую связь?

— Оставьте, Бен. Это же очевидно.

— Наверное. В последний раз, когда в доме кто-то жил, исчезли четыре ребенка за десять лет. Теперь, после тридцатишестилетнего перерыва, в доме поселились опять — и тут же исчез Ральфи Глик. Вы думаете, это совпадение?

— Возможно, — осторожно произнес Бен. Предостережение Сьюзен не выходило у него из головы. — Но это странно. Я проверил газеты с 39-го по 70-ый — просто для сравнения. Трое мальчишек исчезли, но всех нашли. Одного — живым, двух — мертвыми.

— Может быть, найдут и мальчонку Гликов.

— Может быть.

— Но вы так не думаете? Что вы знаете об этом Стрэйкере?

— Совершенно ничего. Я даже не уверен, что хочу его видеть. У меня в работе книга, и она основана на определенном представлении о Марстен Хаузе и его обитателях. Если я вдруг обнаружу, что Стрэйкер — обыкновенный бизнесмен, это меня может выбить из колеи.

— Не думаю, чтобы это вам угрожало. Сегодня он открыл магазин — вы знаете? По-моему, Сьюзен Нортон с матерью заглядывали туда... черт, большинство женщин в городе только и ждали возможности сунуть туда нос. Даже Мэйбл Вертс приковыляла. Общее мнение вполне благоприятное: денди, совершенно лысый, с очаровательными манерами. Мне говорили, что он даже кое-что сумел продать.

Бен улыбнулся:

— Восхитительно. Кто-нибудь видел другую половину команды?

— Предположительно — уехал за покупками.

— Почему «предположительно»?

Мэтт пожал плечами:

— Не знаю. Может быть, все это не стоит выеденного яйца, но этот дом действует мне на нервы.

Бен кивнул.

— И, в довершение всего, имеем еще одно исчезновение ребенка. Да еще брата Ральфи — Дэнни. Умер в полночь. Злокачественная анемия, — продолжал учитель.

— Что же здесь странного? Несчастье, конечно.

— Мой доктор, Джимми Коди, учился у меня... Бен, учтите, это только разговоры. Слухи.

— О'кей.

— Так вот, Джимми консультировал Дэнни. У мальчика была анемия. Он сказал, что содержание красных кровяных шариков у мальчика этого возраста должно быть от восьмидесяти пяти до девяноста пяти процентов. У Дэнни оно упало до сорока пяти.

— Увы, — сказал Бен.

— Они делали ему инъекции В12, давали телячью печеньку, и все, казалось, действовало. Его собирались выписать на следующий день, как вдруг — бах! — он падает мертвым.

— Не говорите этого Мэйбл Вертс. Она увидит в парке индейцев с отравленными стрелами.

— Я не сказал никому, кроме вас. И не собираюсь. Кстати, Бен, на вашем месте я бы тему вашей книги держал в секрете. Если Лоретта Старчер спросит, о чем вы пишете, говорите, что об архитектуре.

— Мне уже дали этот совет.

— Сьюзен Нортон, конечно.

Бен взглянул на часы и встал.

— Насчет Сьюзен...

— Распускаем хвост? — понял Мэтт. — Кстати, мне нужно в школу. Мы репетируем третий акт комедии большой общественной значимости под названием «Проблемы Чарли».

— А в чем проблемы?

— В прыщах, — ухмыльнулся Мэтт.

* * *

— Послушайте, — спросил он Бена, когда они вышли в морозящий дождь, — что у вас намечается на вечер пятницы?

— Не знаю, — пожал плечами Бен. — Думаю, пойдём со Сьюзен в кино. Тут выбор невелик.

— У меня другое предложение. Что, если мы создадим рабочую тройку, съездим в Марстен Хауз и представимся новому домовладельцу? От имени города, естественно.

— Конечно, — согласился Бен. — Это будет простая вежливость, ведь правда?

— Деревенский визит вежливости, — подтвердил Мэтт.

— Скажем завтра Сьюзен. Думаю, она согласится.

— Отлично.

Мэтт помахал рукой; «ситроен», дважды прогудев в ответ, скрылся за

гребнем холма.

* * *

Вечером в четверг репетиции не было, и около девяти Мэтт отправился к Деллу выпить пару пива. Если этот чертов сосунок Джимми Коди ничего не желает прописывать от бессонницы, Мэтт сам позаботится о себе.

Оркестр сегодня не играл, и людей почти не было. Мэтт увидел только троих знакомых: Хорька Крэйга, нянчившего в углу бутылку, Флойда Тиббитса с грозовой тучей вместо лица (он трижды разговаривал со Сьюзен на этой неделе, и ни один разговор не получился) и Майка Райсона, сидевшего у стены.

Мэтт направился к бару, где Делл Марки полировал стаканы и смотрел портативный телевизор.

— Привет, Мэтт. стакан или кувшин?

— Давай кувшин.

Делл налил, сдул пену, долил еще на два дюйма. Мэтт расплатился и, поколебавшись немного, отправился к Майку. Почти со всей молодежью Лота Майк профильтровался сквозь английский Мэтта, и Мэтту он нравился. Имея средние способности, он работал лучше среднего, потому что спрашивал и переспрашивал, пока не поймет как следует. К тому же чувство юмора и яркая индивидуальность делали его любимцем класса.

— Привет, Майк. Не возражаешь против моего общества?

Майк Райсон поднял на него взгляд — и Мэтт ощутил потрясение, словно от удара током. Первой его мыслью было: наркотик. Сильный наркотик.

— Конечно, мистер Берк. Садитесь, — голос звучал безразлично. На ужасающе белом лице темнели глубокие тени под глазами. Сами глаза выглядели втрое больше обычного. Руки в полутьме распивочной медленно двигались по столу как призраки. стакан пива стоял перед ним нетронутый.

— Как дела, Майк? — Мэтт налил себе пива, стараясь унять дрожь в руках.

Жизнь Мэтта текла спокойно и ровно. Уже тринадцать лет — после смерти матери — единственной вещью, которая выводила его из равновесия, был несчастный конец некоторых его учеников. Билли Ройко, погибший во Вьетнаме за два месяца до прекращения огня; Салли Григ,

одна из самых талантливых и жизнерадостных его учениц, убитая своим пьяным дружком, которому объявила, что хочет порвать с ним; Гарри Коулмен, ослепший от какой-то мистической деградации зрительного нерва; брат Бадди — Мэйбэрри Дуг, утонувший во время купания, и — наркотики, маленькая смерть.

— Дела? — медленно переспросил Майк. — Не знаю, мистер Берк. Не то чтобы хорошо.

— Какого дерьма ты набрался, Майк? — мягко спросил Мэтт. Майк глядел на него непонимающе. — Травка, — пояснил Мэтт, — кокаин. Или...

— Нет, — сказал Майк, — я думаю, я болен.

— Это правда?

— Я никогда серьезных наркотиков не нюхал — эти слова, казалось, стоили Майку ужасного усилия. — Так только, игрушки. И к этому не прикасался четыре месяца. Я болен... еще с понедельника, по-моему. Слушайте, я заснул в воскресенье вечером на «Гармони Хилл». Проспал всю ночь до утра понедельника, — он медленно покачал головой, — и с каждым днем мне все хуже и хуже. — Он вздохнул, и сам встрепенулся от движения воздуха, как омертвевший лист на ноябрьском клене. Мэтт сосредоточенно наклонился вперед:

— Это случилось после похорон Дэнни Глика?

— Ну, — Майк снова посмотрел на него. — Я вернулся зарыть могилу, когда все ушли, но эта сука... простите, мистер Берн... Роял Сноу так и не объявился. Я долго ждал его, и вот тогда, наверно, уже заболел, потому что все, что было потом... ох, у меня от этого болит голова. Мне трудно думать.

— Что ты помнишь, Майк?

— Помню? — Майк глядел в янтарные глубины своего пива и следил за отрывающимися от стенок стакана пузырьками. — Помню пение. Никогда не слышал такого красивого. И чувство... как будто тонешь. Только приятно. Все, кроме глаз. Эти глаза.

Он обхватил свои локти и вздрогнул.

— Чьи глаза? — настаивал Мэтт.

— Красные. Жуткие глаза.

— Чьи?

— Не помню. Не было глаз. Мне все приснилось. — Мэтт почти мог видеть, как он отталкивает от себя воспоминания. — Ничего больше про ночь воскресенья не помню. В понедельник утром я проснулся на земле и сначала даже встать не мог — так устал. Но потом поднялось солнце... я испугался солнечного удара... добрался до ручья. Страшно устал. Ужасно.

И опять уснул. Спал до... часов до четырех или пяти, — его смешок зашелестел, как бумага. — Когда проснулся, был весь засыпан листьями. Но стало немножко лучше. Тогда я встал и пошел к машине. — Он медленно провел рукой по лицу. — Должно быть, я зарыл мальчугана еще в воскресенье. Странно. Не помню этого вовсе.

— Зарыл?

— Могилу зарыл, без Рояла обошелся. Утрамбовал землю и прочее. Полно работы. А я не помню. Наверно, серьезно заболел.

— А в понедельник где ты ночевал?

— Дома. Где же еще?

— А как ты чувствовал себя во вторник?

— Никак. Проспал целый день. До самой ночи.

— А потом?

— Ужасно. Ноги — как из резины. Я встал напиться — и чуть не упал. Пришлось идти на кухню, держась за стены. Ослабел, как котенок. — Он нахмурился. — Ничего есть не мог. Тошно. Как с похмелья.

— И ничего не ел?

— Пытался, и все обратно вышло. Но мне стало лучше. Я встал, немного походил. Потом вернулся в постель. — Пальцы его блуждали по старым следам от пивных стаканов. — Я испугался. Как младенец испугался. Прежде чем лечь, убедился, что все окна заперты. И зажег все лампы.

— А вчера утром?

— Утром... Да ведь... я не вставал до девяти вечера... вечера. — Он опять издал бумажный смешок. — Я еще подумал, если и дальше так — скоро вообще просыпаться перестану. А так делают мертвые.

Мэтт мрачно глядел на него. Позади Флойд Тиббитс у музыкального автомата выбирал песню.

— Странно, — сказал Майк, — когда я встал, окна в спальне оказались открыты. Я их, должно быть, сам открыл. Мне снилось... кто-то подошел к окну, я встал... и впустил его. Как старого друга, который замерз... или был голоден.

— Кто это был?

— Мне это снилось, мистер Берк.

— Но во сне — кто это был?

— Не знаю. Я попытался есть, но не мог.

— Что же ты делал?

— Смотрел телевизор. Джонни Карсона. Мне стало лучше. Тогда я лег.

— Ты запер окна?

— Нет.
— И спал весь день?
— Проснулся на рассвете.
— Слабым?
— Господи... — он опять провел рукой по лицу. — Мне так худо! Это грипп или что, мистер Берк? Я ведь не серьезно болен, правда?
— Не знаю, — сказал Мэтт.
— Я подумал, может, пиво меня подбодрит, но и пить не могу. Вся неделя... как в кошмаре. Я боюсь. — Он спрятал лицо в похудевших руках, и Мэтт увидел, что он плачет.
— Майк!..
Никакого ответа.
— Майк, — он мягко отвел руки Майка от лица, — я хочу, чтобы ты пришел сегодня ко мне и спал у меня в комнате для гостей. Сделаешь это?
— Ладно.
— А завтра я хочу, чтобы ты со мной навестил доктора Коди.
— Ладно.
— Пошли.
Он подумал, не позвонить ли Бену Мерсу, — но звонить не стал.

* * *

Мэтт постучал в дверь, и Майк Райсон сказал:
— Войдите.
Мэтт принес пижаму:
— Великовата, но...
— Все в порядке, мистер Берк. Я сплю в трусах.
Он стоял в одних шортах, и Мэтт увидел, что все его тело ужасающе бледно. Ребра сильно выпирали из-под кожи.
— Поверни голову, Майк. Вот так.
Майк послушно повернул.
— Майк, откуда эти... царапины?
Рука Майка потянулась к горлу:
Не знаю.
Мэтт постоял, беспокойно раздумывая. Потом подошел к окну. Задвижка была надежно закрыта, и все-таки он подергал оконную створку. За окном тяжело прижалась к стеклу темнота.
— Зови меня ночью, если тебе что-то понадобится. Что бы то ни было.

Даже если просто увидишь плохой сон. Ты это сделаешь, Майк?

— Да.

— Я буду здесь, в соседней комнате.

— Хорошо.

Неуверенно, чувствуя, что сделал не все, что требовалось, Мэтт вышел.

* * *

Он так и не смог заснуть, и единственное, что помешало ему теперь позвонить Бену Мерсу, — это сознание, что у Евы все уже спят. Пансион населяли старики, и, если там ночью звонил телефон, это означало, что кто-то умер.

Мэтт беспокойно следил, как светящиеся стрелки будильника переходят с половины двенадцатого на двенадцать. Дом сделался сверхъестественно тихим. Впрочем, может быть, и естественно: старый, но крепко построенный, он давно уже перестал издавать звуки, сопровождающие усадку. Только тикали часы и снаружи слабо шумел ветер. В это время ночи никто не ездит по улицам Салема Лота.

То, что ты думаешь — бред.

Шаг за шагом он шел к вере. Конечно же, как человек начитанный, он сразу подумал об этом, когда услышал рассказ Джимми Коди о болезни Дэнни Глика. Мэтт с Коди посмеялись над такой мыслью. Видно, это ему наказание за смех.

Царапины? Это не царапины. Это следы укусов.

Тебя научили, что такого никогда не бывает, кроме как в волшебных сказках. Конечно, есть чудовища: они держат пальцы на термоядерных кнопках шести стран, убивают, грабят, подстерегают в лесу детей. Но не... Не это. Ты не так глуп. Следы Дьявола на груди женщины — только родимые пятна; человек, вернувшийся с собственных похорон к дверям жены, только страдает летаргией; призрак, копошащийся в углу детской спальни, только охапка одеял. Некоторые священники объявили, что даже Бог нынче уже мертв.

Никакого звука из-за двери. Майк спит? Почему бы нет? Разве не для этого Мэтт пригласил его сюда? Чтобы мальчик мог хорошенько выспаться без... без кошмаров. Мэтт встал и подошел к окну. Из этой комнаты виднелась крыша Марстен Хауза, словно замороженного лунным светом.

Я боюсь!

Хуже того — он был смертельно перепуган. Мозг лихорадочно вспоминал патентованные средства защиты от этой болезни, не имеющей названия. Чеснок, святая печать и святая вода, распятие, шиповник... Ничего этого не припасено у него в доме. Он простой, современный, не ходящий в церковь методист.

Единственный священный предмет поблизости — это...

Тихо, но отчетливо в молчании дома послышались слова. Их произносил голос Майка Райсона — мертвенный голос говорящего во сне:

— Да. Входи.

Дыхание Мэтта остановилось, потом вырвалось из груди в беззвучном крике. Ужас обессилил его. Живот налился свинцовой тяжестью. Что, во имя Бога, пригласили сейчас в дом?

В комнату прокрался звук открываемой оконной задвижки. Потом скрип дерева по дереву — поднялась оконница.

Можно успеть. Подбежать, выхватить Библию из ящика в столовой. Взбежать по лестнице обратно, распахнуть двери гостевой комнаты, поднять Библию над головой: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа повелеваю тебе — удались...»

Но кто там, в комнате?

«Зови меня ночью, если тебе что-нибудь понадобится».

Но я не могу, Майк. Я старый человек. Я боюсь.

Ночь наводнила его мозг паноптикумом ужасающих образов, танцующих на грани непроницаемой тени. Клоунскибелые лица, огромные глаза, острые зубы, длинные белые руки, тянущиеся из мрака, тянущиеся... к чему?

Дрожащий стон вырвался у него, и он спрятал лицо в ладонях.

Не могу. Боюсь.

Он не смог бы пошевелиться, даже если бы увидел, как поворачивается ручка его собственной двери. Парализованный страхом, он жалел, что ездил сегодня к Деллу.

Боюсь.

И в жутком тяжелом молчании дома, сидя на кровати и закрыв лицо руками, он услышал звонкий, мелодичный, исполненный зла смех ребенка...

...а потом долгие сосущие звуки.

Часть вторая. Император мороженого

*Возьми из ящика, где нет трех ручек,
Ту простыню,
Где вышила она когда-то три зюйдвестки,
И этой простыней накрой ее лицо,
Но так, чтобы не видно было ног,
Не то всем станет ясно, как она замерзла.
Пусть лампы ярче светят.
Единственный император —
Это император мороженого.*

Уоллейс Стивенс

*В этой колонне есть
Отверстие. Взгляни,
Ты видишь королеву мертвых?*

Джордж Сефрис

8. Бен (3)

Должно быть, в дверь уже давно стучали: к тому времени, как Бен с трудом заставил себя проснуться, стук, казалось, пробудил эхо в спящих улицах. За окном царила темнота: попытавшись нащупать часы, он сбил их на пол. Бен почувствовал растерянность и страх.

— Кто там? — крикнул он.

— Это Ева, мистер Мерс, — она явно спала не меньше чем на три пятых. — Вас зовут к телефону.

Он встал, нашел шлепанцы и отправился к двери. Кто заболел? Кто умер?

— Междугородняя?

— Нет, это Мэттью Берк.

Это известие его не успокоило, как следовало бы ожидать.

— Который час?

— Четыре с чем-то. Мистер Берк, кажется, очень расстроен.

Бен спустился к телефону, взял трубку:

— Это Бен, Мэтт.

Мэтт часто дышал:

— Можете приехать, Бен? Прямо сейчас?

— Хорошо. Что случилось? Вы больны?

— Не по телефону. Приезжайте.

— Через десять минут буду.

— Бен! — У вас есть распятие? Медальон со святым Христофором?

Что-нибудь вроде этого?

— Черт, нет. Я... был... баптист.

— Ладно. Приезжайте скорее.

Бен повесил трубку и быстро пошел вверх. Ева в белой ночной рубашке, положив руку на перила, стояла в нерешительности: и узнать все хочется, и не хочется вмешиваться в дела постояльца.

— Мистер Берк болен, мистер Мерс?

— Говорит, нет. Он только попросил меня... Послушайте, вы не католичка?

— Мой муж был католик.

— У вас нет распятия или медальона святого Христофора?

— Ну... мужнино распятие в спальне... я могла бы...

— Пожалуйста!

Она пошла через прихожую, шурша шлепанцами по старому ковру. Бен поднялся к себе и оделся. Когда он вернулся, Ева, держа в руках распятие, уже ждала его у дверей.

— Спасибо.

— Это мистер Берк попросил его у вас?

— Да.

Она нахмурилась:

— Он ведь не католик. По-моему, он и в церковь-то не ходит.

— Он не объяснил мне.

— О! — она понимающе кивнула и отдала распятие. — Пожалуйста, берегите его. Оно для меня много значит.

— Я понимаю. Не беспокойтесь.

— Надеюсь, с мистером Берком все в порядке. Он хороший человек.

Бен спустился к машине. Он не мог одной рукой держать распятие и доставать ключи, но, вместо того чтобы переложить распятие в другую руку, он почему-то одел его на шею. Серебро тяжело скользнуло на рубашку, и, садясь в машину, он едва отдавал себе отчет, что эта тяжесть его успокаивает.

* * *

Все окна на первом этаже домика Мэтта светились, и, чуть только фары «ситроена» Бена выплеснули свет на подъездную дорожку, Мэтт открыл дверь и встал на пороге.

Бен приготовился почти ко всему, но лицо Мэтта все же потрясло его. Мертвенно бледное, с дрожащими губами. Глаза расширились и, кажется, перестали мигать.

— Пойдемте на кухню, — проговорил Мэтт.

Когда Бен шагнул на порог, свет лампы упал на распятие.

— Вы принесли его!

— Оно принадлежит Еве Миллер. Что случилось?

Мэтт повторил:

— На кухню.

Проходя мимо лестницы на второй этаж, Бен мельком бросил на нее взгляд и вздрогнул.

Кухонный стол, за которым они ели спагетти, был теперь пустым, за исключением трех предметов, которые наводили на размышления: чашка кофе, старинная Библия и револьвер 38-го калибра.

— Да в чем дело, Мэтт? Вы выглядите ужасно.

— И, может быть, мне просто приснился кошмар, но, слава Богу, что вы здесь. — Он взял со стола револьвер и принялся рассеянно вертеть его в руках.

— Рассказывайте. И прекратите играть этой штукой. Она заряжена?

Мэтт положил пистолет в провел рукой по волосам.

— Да, заряжена. Хоть я и не думаю, чтобы от этого был толк... разве что для меня самого. — Он рассмеялся дребезжащим нездоровым смехом, похожим на скрип битого стекла.

— Прекратите!

Резкость голоса Бена смела с глаз Мэтта странное остановившееся выражение. Он потряс головой, как вылезшее из холодной воды животное.

— Наверху мертвец, — сказал он.

— Кто?

— Майк Райсон. Городской рабочий.

— Вы уверены, что он мертв?

— Абсолютно, хотя я туда не заглядывал. Не посмел. Может быть, в другом смысле он вовсе и не мертв.

— Мэтт, вы говорите как человек не в здравом рассудке.

— Думаете, я этого не знаю? То, что я говорю, — бессмыслица, а то, что я думаю, — безумие. Но мне некого было позвать, кроме вас. Во всем Салеме Лоте вы один, может быть... может быть... — Он помотал головой и начал заново: — Мы говорили о Дэнни Глике.

— Да.

— Майк хоронил его. И Майк нашел собаку Вина Пурингтона на воротах кладбища «Гармони Хилл». Вечером я встретил Майка Райсона у Делла и...

* * *

— ...и я не смог войти, — закончил он. — Не смог. Я сидел на кровати почти четыре часа. Потом я, как вор, прокрался вниз и позвонил вам. Что вы об этом думаете?

Бен снял распятие и задумчиво водил по нему пальцем. Время приближалось к пяти, восточный край неба розовел.

— Я думаю, нам надо подняться в вашу гостевую комнату и посмотреть. Это все, что я думаю сейчас.

— Теперь, под утро, все кажется мне кошмаром. Надеюсь, так и есть.

Надеюсь, Майк спит как ребенок.

— Ладно, пошли посмотрим.

— О'кей, — с трудом произнес Мэтт и вопросительно взглянул на стол, потом на Бена.

— Конечно, — сказал Бен и надел распятие Мэтту на шею.

— Действительно, с этим легче, — Мэтт виновато засмеялся. — Как вы думаете, позволят мне взять его с собой в сумасшедший дом?

— Хотите пистолет? — спросил Бен.

— Наверное, нет.

Они отправились вверх по лестнице. Бен шел впереди. На верхней площадке из маленького холла вели две двери. Одна — открытая — в спальню Мэтта...

— Другая, — сказал Мэтт.

Бен прошел через холл к двери гостевой комнаты. Не то чтобы он полностью поверил в Мэттову фантазмагорию, но все-таки его поглотила волна чернейшего ужаса, когда-либо им изведенного.

Открываешь дверь — и он висит на потолочной балке, весь распухший и черный, а потом глаза открываются, они провалились в глазницах, но они видят тебя, и они рады, что ты пришел...

Воспоминание всплыло в нем, ужасающе реальное, и на мгновение совершенно парализовало. Он даже ощутил запах сырой штукатурки и мышей. Казалось, простая деревянная дверь гостевой комнаты Мэттью Берка стоит между Беном и тайнами ада.

Потом он нажал на ручку и толкнул дверь от себя. Мэтт стоял у него за плечами, держа распятие.

Окна комнаты выходили прямо на восток. Краешек солнца уже всплыл над горизонтом; первые ясные лучи били прямо в окно, выделяя несколько золотых пылинок над белой простыней, натянутой до подбородка Майка Райсона.

Бен взглянул на Мэтта и шепнул:

— Он в порядке. Спит.

Мэтт произнес без всякого выражения:

— Окно открыто. Оно было закрыто и заперто. Я позаботился об этом.

Взгляд Бена остановился на верхнем краю простыни. Там виднелась одна маленькая капелька крови, уже высохшая до бурого цвета.

— По-моему, он не дышит, — сказал Мэтт.

Бен шагнул вперед:

— Майк! Майк Райсон! Проснись, Майк!

Никакого ответа. Ресницы Майка четко виднелись на фоне щек,

растрепанные волосы лежали на лбу, и Бен подумал, что в таком утреннем свете парень выглядел очень красивым. Легкий румянец пробивался на щеках — ни следа упомянутой Мэттом мертвенной бледности.

— Конечно, он дышит, — произнес Бен с некоторым нетерпением. — Он просто крепко спит. Майк!.. — он протянул руку и слегка потряс Райсона. Левая рука Майка, свободно лежавшая на груди, соскользнула, костяшки пальцев постучали об пол, словно прося разрешения войти.

Мэтт шагнул вперед, поднял упавшую руку и прижал палец к запястью.

— Пульса нет.

Бен не мог поверить. Он спит, наверняка спит. Здоровый цвет лица, видимая крепость мускулов, губы приоткрыты для дыхания... Его окатило ощущение нереальности. Он крепче взялся за плечо Райсона — и почувствовал, как холодна кожа.

Он смочил палец слюной и подержал его перед полуоткрытыми губами. Ничего. Ни намека на дыхание.

Они с Мэттом посмотрели друг на друга.

— Следы на шее, — напомнил Мэтт.

Бен осторожно повернул голову Райсона. Движение освободило левую руку, и пальцы снова простучали об пол.

На шее Майка Райсона не было никаких следов.

* * *

Они снова сидели за кухонным столом. Часы показывали 5:35 утра. Можно было слышать мычание Гриффиновых коров, идущих на пастбище.

— Если верить фольклору, следы исчезают, — сказал вдруг Мэтт. — Когда жертва умирает, следы исчезают.

— Знаю. — Бен знал это из «Дракулы».

— Мы должны забить осинового кола ему в сердце.

— Не так скоро, — Бен отхлебнул кофе. — Чертовски трудно будет объяснить такой поступок коронеру на дознании. Угодите в кутузку за оксвернение трупа. А что более вероятно — в психушку.

— Вы думаете, я сумасшедший? — спокойно спросил Мэтт.

— Нет, — ответил Бен без видимых колебаний.

— Вы верите мне насчет следов укуса?

— Не знаю. Наверное, надо верить. Зачем бы вам врать мне? Не вижу никакой причины. Разве что вы убили его.

— Так, может быть, убил? — Мэтт внимательно посмотрел на Бена.

— Есть три аргумента против. Во-первых, какой у вас мотив? Простите меня, Мэтт, но вы слишком стары, чтобы убивать из ревности или из выгоды по классическим канонам. Во-вторых, каким образом вы это сделали? Если отравили — яд должен быть на редкость безболезненным, очень уж мирно он выглядит. А это исключает большинство известных и доступных ядов.

— А третий аргумент?

— Ни один убийца в здравом уме не станет изобретать подобную историю, чтобы покрыть убийство. Это было бы безумием.

— Мы все время возвращаемся к вопросу о моем душевном здоровье, — вздохнул Мэтт. — Я знал, что так будет.

— Я не думаю, что вы сумасшедший. — Бен мягко подчеркнул первое слово.

— Но вы ведь не врач, правда? — возразил Мэтт. — Душевнобольные иногда способны поразительно удачно изображать здоровых.

— Положим, но это все ни к чему нас не ведет. Наверху лежит мертвец, и очень скоро это обстоятельство станет нуждаться в объяснении. Констебль, врач, шериф — все захотят знать, что случилось. Мэтт, а не может быть, что Майк Райсон просто болел всю неделю какой-то вирусной инфекцией и умер как раз в вашем доме?

В первый раз с тех пор, как они спустились из гостевой комнаты, Мэтт проявил признаки волнения:

— Бен, я ведь говорил вам, что он мне рассказывал! Я видел следы у него на шее! Я слышал, как он пригласил кого-то в дом! А потом... Боже, я слышал этот смех! — взгляд его снова остановился.

— Ладно, — Бен встал и выглянул в окно, стараясь привести в порядок мысли. Плохи дела. Как он и говорил Сьюзен, события выходят из-под контроля.

Он поглядел в сторону Марстен Хауза:

— Мэтт, вы знаете, что будет, если вы хоть намекнете кому-нибудь на то, о чем рассказали мне?

Мэтт не ответил.

— Люди начнут стучать себя по лбу у вас за спиной. Маленькие дети примутся скалить зубки и пугать вас, выпрыгивая из-за заборов. Ваши ученики будут перешептываться в классе и смотреть на вас точно так же, как ваши коллеги. Пойдут анонимные звонки якобы от Дэнни Глика и Майка Райсона. Ваша жизнь превратится в кошмар. Вас выживут из города в шесть месяцев.

— Нет. Меня знают.

Бен отвернулся от окна.

— Кого они знают? Старого одинокого чудака? Одно только обстоятельство, что вы неженаты, не оставляет у них никакого сомнения в вашей ненормальности. А как я могу поддержать вас? Я видел только труп и больше ничего. Даже если бы и видел — я ведь не здешний, от меня всего можно ждать. Чего только нам с вами не припишут, уж можете мне поверить!

Во взгляде Мэтта медленно пробуждался ужас.

— Одно слово, Мэтт. Одного только слова достаточно в Салеме Лоте, чтобы покончить с вами.

— Значит, ничего нельзя сделать?

— Можно. У вас есть определенная теория о том, кто... или что убило Майка Райсона. Думаю, эту теорию сравнительно просто подтвердить или опровергнуть. Я в чертовски сложном положении. Не могу поверить, что вы спятили, но и в то, что Дэнни Глик встал из могилы и целую неделю сосал кровь Майка Райсона, тоже не могу поверить. Я собираюсь проверить это. Вы поможете мне?

— Как?

— Вызовите своего врача — как его? Коди? Вызовите Перкинса Джиллесли. Запустите машину. Расскажите всю историю так, как если бы вы ночью ничего не слышали. Вы встретили Майка у Делла, он сказал, что ему плохо, вы пригласили его к себе. Утром не смогли добудиться и вызвали меня.

— И все?

— Это и есть все. Когда станете звать Коди, не говорите, что Майк мертв.

— Не...

— Бог мой, да почему вы это знаете? — взорвался Бен. — Вы искали пульс, но не нашли, я пытался убедиться, что он дышит, — и не сумел. Попытайся кто-нибудь зарыть меня в могилу на таких основаниях, я бы здорово посмеялся. Особенно — если бы выглядел таким здоровяком, как он.

— Это вас тоже ставит в тупик, как и меня? — тихо спросил Мэтт.

— Да, — признался Бен.

— Хорошо, — согласился Мэтт. — Вы говорите разумно... насколько это вообще возможно при таких обстоятельствах. Но предположим... только гипотетически... что мои подозрения верны? Понравится вам хоть малейшая тень вероятности, что Майк... вернется?

— Я уже сказал, что это легко проверить. Меня больше беспокоит другое.

— Что?

— Минутку. Начнем сначала. Это вопрос логики — надо проверить все возможности. Первая возможность: Майк умер от болезни. Как вы можете ее подтвердить или исключить?

Мэтт пожал плечами:

— Наверное, медицинской экспертизой.

— Точно. И то же самое относится к убийству. Если его отравили, застрелили, пристукнули...

— Случаются и нераскрытые убийства.

— Конечно. Но лично я ставлю на медицинскую экспертизу.

— А если заключение будет «причина неизвестна»?

— Тогда, — решительно произнес Бен, — мы навестим могилу после похорон и посмотрим, встанет ли он. Если встанет — во что я не могу поверить — мы будем знать. Если нет — мы займемся тем, что меня беспокоит.

— Моим безумием, — медленно проговорил Мэтт. — Бен, клянусь памятью матери, у него были шрамы на шее, я слышал, как открывают окно и...

— Я вам верю, — спокойно прервал его Бен.

Мэтт замолчал с видом человека, неожиданно избегнувшего крушения.

— Видите ли... — продолжал Бен, — со мной один раз произошло нечто... связанное с этим проклятым домом на холме. Нечто такое, что заставляет меня сочувствовать людям, рассказывающим сумасшедшие истории о сверхъестественном. Когда-нибудь я расскажу вам все.

— Почему не сейчас?

— Нет времени. Вам надо делать эти вызовы. А у меня есть еще вопрос. Подумайте хорошенько. У вас есть враги?

— Способные на такое — нет.

— Бывший ученик, может быть? С камнем за пазухой?

Мэтт, хорошо знающий, до какой степени значительным было его влияние на жизнь учеников, вежливо засмеялся.

— О'кей, — согласился Бен, — поверю вам на слово. — Он потряс головой. — Мне это не нравится. Находят собаку на воротах кладбища. Исчезает Ральфи Глик, умирает его брат и Майк Райсон. Может быть, все это как-то связано. Но тогда... Я не могу этому поверить.

— Я лучше позвоню домой Коди, — Мэтт встал. — Перкинс тоже, наверное, еще дома.

— В школу заодно позвоните, предупредите, что вы нездоровы.

— Верно, — Мэтт принужденно рассмеялся. — Это будет первый раз за три года. Ну, надо сказать, есть основания.

Он отправился в гостиную и принялся звонить. Коди пришлось разыскивать у пациентов в Кэмберленде. Через некоторое время Мэтт крикнул:

— Джимми будет здесь через час.

— Хорошо, — сказал Бен. — Я пойду наверх.

— Не трогайте ничего.

— Конечно.

Поднимаясь, Бен слышал, как Мэтт вызывает к телефону Перкинса Джиллесли, отвечает на его вопросы. В холле наверху звук голоса превратился в неразборчивое бормотание.

Бена снова окатил знакомый ужас. Вот приближающаяся дверь все растет и растет в глазах ребенка. Вот тело — лежит, как они его оставили: левая щека на подушке, рука на полу. Вот вдруг открываются глаза, полные тупого животного торжества. Дверь захлопывается. Левая рука поднимается с пола, пальцы скрючиваются, как когти, губы кривятся в хищной улыбке, обнажая зловеще выросшие длинные острые клыки...

Он шагнул вперед и толкнул дверь онемевшими пальцами. Петли скрипнули.

Тело лежало так, как они его оставили.

— Перкинс едет, — крикнул Мэтт снизу, и Бен чуть не закричал.

* * *

До чего точной была эта фраза «запустите машину»! Именно машина — этаким искусный часовой механизм с пляшущими фигурками, из тех, что делали в Германии.

Перкинс Джиллесли, при зеленом галстуке с эмблемой внутренних дел на булавке, прибыл первым. В его глазах еще застыли зернышки сна. Он сказал, что уведомил окружного медицинского эксперта.

— Сам, конечно, не приедет, чертов сын, — Перкинс передвинул сигарету в уголок рта, — но пришлет своих парней. Трогали труп?

— Рука упала с кровати, — сообщил Бен. — Я пытался положить ее обратно, но она не удержалась.

Перкинс осмотрел его с ног до головы и ничего не ответил.

Мэтт провел их наверх, и Перкинс раз семь обошел тело.

— Послушайте, вы уверены, что он мертв? — в конце концов спросил он. — Вы пытались разбудить его?

Следующим прибыл Джеймс Коди, доктор медицины. Приехал напрямиком из Кэмберленда. Он поднял простыню и нахмурился. Со спокойствием, удивившим Бена, Мэтт Берк произнес:

— Это мне напоминает ваш рассказ насчет мальчонки Гликов, Джимми.

— Это был частный разговор, мистер Берк, — коротко отозвался Коди. — Если родичи Дэнни Глика услышат что-то подобное, они на меня подадут в суд.

— И выиграют дело?

— Пожалуй, нет, — вздохнул Джимми.

— Что такое насчет мальчонки Глика? — переспросил Перкинс, нахмурившись.

— Ничего, — ответил Джимми, — ничего общего. Он взял стетоскоп, пробормотал что-то и приподнял веко трупа, направив туда световой зайчик.

— О Боже! — Бен увидел, как сократился зрачок.

— Интересный рефлекс, правда? — обернулся к нему Джимми. Он отпустил веко, и оно странно медленно упало, как будто труп подмигнул им. — Дэвид Прайн и Джон Хопкинс наблюдали его в некоторых мертвых телах вплоть до девятого часа после смерти.

— Начитанный парень, правда? — проворчал Мэтт.

— А ты не очень любишь читать о вскрытиях, старый брюзга, — машинально отозвался Джимми и достал небольшой молоточек.

«Прелестно, — подумал Бен, — парень не изменяет своим манерам, даже если пациент — труп?» Мрачный смешок поднялся в нем, как в колодце.

— Он мертв? — спросил Перкинс, стряхивая пепел в пустую вазу. Мэтт вздрогнул.

— Мертв.

Джимми снова покрыл лицо Райсона простыней и стукнул молоточком по правой ноге. Нога не шевельнулась. Бен вспомнил поэму Уоллейса Стивенса о мертвой женщине.

— И пусть конец будет концом обмана, — процитировал он. — Единственный император — это император мороженого.

Мэтт бросил на него резкий взгляд, и Бен на мгновение чуть не потерял контроль над собой.

— Это еще что? — растерялся Перкинс.

— Поэма, — сказал Бен. — Это строки из поэмы о смерти.
— По-моему, больше похоже на шутовство, — сказал Перкинс и опять стряхнул пепел в вазу.

* * *

— Нас представили друг другу? — спросил Джимми, глядя на Бена.
— Мимоходом, — ответил Мэтт. — Джимми Коди, местный коновал, познакомься с Беном Мерсом — местной темной лошадкой.
— Вечно у него шуточки, — прокомментировал Джимми. — Небось ими деньги зарабатывает.
Коди и Бен подали друг другу руки над мертвым телом.
— Помогите мне перевернуть его, мистер Мерс.
Немного неуклюже Бен помог. Тело было холодным, но еще не ледяным. Джимми внимательно осмотрел спину, приспустил трусы.
— Это зачем? — спросил Перкинс.
— Пытаюсь установить время смерти, — сообщил Джимми. — Когда кровь перестает перекачиваться, она ищет самый низкий уровень, как любая жидкость.
— Это ведь дело эксперта, верно?
— Они пришлют Норберта. А Brent Норберт еще никогда не отказывался от небольшой дружеской помощи.
— Норберт не найдет собственную задницу двумя руками с фонариком. — Перкинс выкинул окурок в окно. — Мистер Берк, у вас с этого окна отвалился ставень. Я видел его внизу, когда подъезжал.
— В самом деле? — переспросил Мэтт, тщательно контролируя голос.
Коди достал из чемоданчика термометр и положил на простыню часы они заблестели в солнечном луче. Было четверть седьмого.
— Я пошел вниз, — произнес Мэтт несколько сдавленным голосом.
— Можете идти все, — сказал Джимми. — Это долгое дело. Сварите кофе, мистер Берк?
— Конечно.
Мэтт варил кофе, когда на стареньком сером «форде» появился Brent Норберт, помощник медэксперта. Его вместе с фотографом отправили наверх.
Перкинс Джиллеспи лил в кофе сливки до тех пор, пока жидкость не выплеснулась в блюдце, затем попробовал ее большим пальцем, вытер его о штаны, зажег еще одну сигарету и спросил:

— Как вы здесь оказались, мистер Мерс?

Тут в «машину» включились Бен с Мэттом, и фактически они не солгали ни разу, но достаточно оставили недосказанным, чтобы их связала друг с другом нить заговора. Бен беспокойно задавал себе вопрос: они ловчат или делают нечто гораздо худшее и более опасное? Мэтт сказал, что позвал Бена как единственного в Салеме Лоте человека, способного ему поверить. Сколько бы ни было недостатков у Мэтта Берка, незнание людей к ним явно не относилось.

* * *

К половине девятого все закончилось.

Катафалк Карла Формена увез тело Майка и вместе с ним вывез из дома в город известие о случившемся. Перкинс Джиллеспи, стоя на пороге, проводил катафалк взглядом, жуя губами сигарету.

— Столько раз Майк стоял на козлах — и, должно быть, не догадывался, как скоро сам поедет на этой штуке, — вдруг сказал он и повернувшись к Бену, спросил: — Вы еще не уезжаете из Лота? Хорошо если бы вы остались на коронерское следствие.

— Нет, я не уезжаю.

Бледно-голубые глаза констебля смерили Бена с ног до головы:

— Я вас проверил в полиции штата. За вами все чисто.

— Рад слышать, — отозвался Бен ровным голосом.

— Говорят, вы гуляете с девчонкой Билла Нортонна?

— Есть такое дело.

— Она милая крошка, — Перкинс не улыбнулся. Катафалк уже скрылся из виду, даже шум его двигателя превратился в слабое жужжание и затих. — Пожалуй, с Флоридом Тиббитсом она сейчас встречается нечасто.

— Вам не надо заняться бумагами, Перк? — мягко вмешался Мэтт.

Констебль вздохнул и выплюнул окурок.

— Конечно, надо. Второй экземпляр, третий экземпляр, на-теле-нет-следов-насилия... Морока! Видно, этот Марстен Хауз действительно проклят: чуть купили, сразу поехало...

Бен и Мэтт стояли с непроницаемыми лицами.

— Ладно, пока, — Перкинс направился к своей машине, открыл дверь, потом вдруг обернулся. — Вы часом не скрываете от меня что-нибудь, а?

— Перкинс, — сказал Мэтт, — здесь нечего скрывать. Он мертв.

Констебль глядел на них некоторое время, поблескивая

проницательными глазами из-под мохнатых бровей, потом вздохнул:

— Пожалуй, так. Но это чертовски забавно: собака, мальчонка Гликов, второй мальчонка Гликов, теперь Майк... Годовая норма для такого дрянного городишки. Моя бабушка говорила, что Бог троицу любит, не четверню.

Он сел в машину, завел двигатель и уехал.

Через полминуты машина показалась на подъеме, дав прощальный гудок.

Мэтт порывисто вдохнул:

— Вот и все.

— Да, — согласился Бен. — Я до смерти устал. А вы?

— Я — нет, но я чувствую себя... жутко.

Бен положил руку ему на плечо:

— Знаете, Джиллеспии прав. Что-то происходит. И я все больше и больше уверяюсь, что это имеет отношение к Марстен Хаузу. Кроме меня, в городе только один новый человек. А я-то знаю, что я ничего не делаю. Едем туда сегодня? С деревенским визитом вежливости.

— Если хотите.

— Хочу. Идите и поспите немного. Я найду Сьюзен, и вечером отправимся.

— Ладно. — Мэтт помолчал. — Еще одно. Я все время думаю об этом с тех пор, как вы заговорили о вскрытии.

— Что такое?

— Смех, который я слышал... или, думаю, что слышал, — это был смех ребенка. Если вспомнить рассказ Майка, возникает мысль о Дэнни Глике?

— Конечно.

— Вы знаете, что такое бальзамирование?

— В общих чертах. Из трупов откачивается кровь и заменяется какой-то жидкостью. Когда-то использовали формальдегид, но теперь, думаю, изобрели что-нибудь новое. Кроме того, труп вскрывают.

— Интересно, делали все это с Дэнни? — Мэтт взглянул на Бена.

— Вы достаточно знаете Карла Формена, чтоб спросить его об этом по секрету?

— Пожалуй, найду возможность.

— Сделайте это обязательно.

— Договорились.

Они еще некоторое время смотрели друг на друга, и взгляды их были дружескими, но трудноопределяемыми: у Мэтта виноватый взгляд

рационалиста, вынужденного говорить о сверхъестественном, у Бена — что-то вроде неясного испуга перед силами, которые он не мог себе как следует представить.

* * *

Когда Бен вернулся, Ева гладила и смотрела по телевизору «Набери номер за доллары». Объявили приз сорок пять долларов, и ведущий вытаскивал телефонные номера из большого стеклянного барабана.

— Я уже все знаю, — она открыла холодильник и достала кока-колу. — Ужасно. Бедняга Майк. Уже выяснили?..

— Нет еще, — поторопился ответить Бен. — Я очень устал, миссис Миллер. Я, пожалуй, посплю немного.

— Конечно, обязательно. В этих комнатах наверху и сейчас жара, как в печи. Если хотите, перебирайтесь на первый этаж. Там свежие простыни.

— Нет, спасибо. Мне у себя наверху уже все половицы знакомы.

— Да, сила привычки, — проговорила Ева. — А чего ради мистеру Берку понадобилось распятие?

Бен приостановился на лестнице, слегка растерявшись:

— По-моему, он думал, что Майк Райсон — католик.

Ева распластала на доске новую рубашку:

— Мог бы и лучше знать. Майк же у него учился. А все его ученики — лютеране.

На это Бен не нашелся, что ответить. Он отправился наверх, стянул с себя одежду и лег в постель. Сон вскоре навалился на него всей тяжестью. Ему ничего не снилось.

* * *

Проснулся он в половине пятого, весь мокрый от пота, но с ясной головой. Утренние события казались теперь далекими и туманными, а фантазии Мэттью Берка потеряли свою настоятельность. Сегодняшний вечер должен был развеять их вовсе.

* * *

Он решил позвонить Сьюзен от Спенсера и пригласить ее туда. Они пойдут прогуляться в парк, и он все расскажет ей от начала до конца. По дороге к Мэтту он выяснит ее точку зрения, а там она выслушает самого Мэтта и все для себя решит. А потом — в Марстен Хауз. Эта мысль вызвала судорогу страха под ложечкой.

В задумчивости он не замечал, что кто-то сидит в его машине. Вдруг дверца открылась и высокая фигура выбралась из кабины. Ошарашенному Бену человек представился ожившим огородным пугалом. Вечернее солнце высветило все нелепые и зловещие подробности: старую шапку, низко натянутую на уши, темные очки, потертую куртку с поднятым воротником, зеленые резиновые монтерские перчатки.

— Кто... — только успел проговорить Бен.

Фигура подошла ближе. Сжались кулаки. Потянуло запахом нафталина. Бен мог расслышать надсадное дыхание.

— Ты, сволочь, увел мою девушку, — произнес Флойд Тиббитс невыразительным скрипучим голосом. — Я тебя убью.

И пока Бен пытался прокрутить все это через свою мыслительную машину, Флойд Тиббитс подошел совсем близко.

9. Сьюзен (2)

Сьюзен вернулась из Портленда около трех и внесла в дом три хрустящих бумажных пакета. Она продала две картины больше чем за восемьдесят долларов и отпраздновала это покупками. Два платья и модная шляпка.

— Сьюзен, — позвала мать, — это ты?

— Да, я...

— Иди сюда, Сьюзен. Я хочу с тобой поговорить.

Сьюзен тут же распознала этот тон, хотя и не слышала его со школьных времен, когда горькие споры о друзьях-мальчиках продолжались день за днем.

Она положила пакеты и отправилась в гостиную. Мать все прохладнее и прохладнее относилась к разговорам о Бене Мерсе, и Сьюзен поняла, что наступил День Последнего Слова.

Миссис Нортон сидела в качалке с вязанием в руках. Телевизор был выключен. То и другое в сочетании не обещало ничего хорошего.

— Должно быть, ты не слышала последней новости, — спицы миссис Нортон быстро стучали, вывязывая темно-зеленую шерсть аккуратными рядами, — ты слишком рано уехала утром.

— Последней?

— Майк Райсон умер ночью в доме Мэттью Берка, и у постели умершего хлопотал не кто иной, как твой друг-писатель мистер Бен Мерс.

— Майк... Бен... что?

Миссис Нортон мрачно улыбнулась:

— Мэйбл позвонила утром и все мне рассказала. Мистер Берк говорит, что встретил Майка в кабаке Делберта Марки вчера вечером, — хотя чего ради учителю шляться по забегаловкам, я не знаю, — и привел его к себе домой, потому что Майк выглядел больным. Ночью он умер. А что там делал мистер Мерс, никто, кажется, не имеет понятия!

— Они знакомы, — машинально пояснила Сьюзен. — Бен говорил, даже подружились. Что случилось с Майком, мама?

Но миссис Нортон не так-то легко было сбить со следа.

— И все-таки есть люди, которые думают, что у нас в Салеме Лоте чересчур много неприятностей с тех пор, как нам явил свое лицо мистер Бен Мерс. Слишком много.

— Глупости, — возмутилась Сьюзен. — Скажи же, что с Майком!

— Еще не установили. Некоторые думают, что он заразился от маленького Глика.

— И никто больше не заразился? Родители его?..

— Молодые люди воображают, будто знают все на свете, — заметила миссис Нортон, обращаясь к потолку.

Сьюзен встала:

— Выйду разузнаю побольше.

— Сядь на минуту, — остановила ее мать. — Я еще кое-что хочу сказать тебе.

Сьюзен села с непроницаемым лицом.

— Иногда молодые люди не все знают, что следует знать. — Нотка фальшивого утешения в ее голосе сразу же насторожила Сьюзен.

— Например, мама?

— Ну, мистер Бен Мерс, кажется, несколько лет назад попал в дорожную аварию. Разбился на мотоцикле. Был пьян. Его жена погибла.

Сьюзен встала опять:

— Я не хочу ничего больше слышать.

— Я тебе желаю добра, — миссис Нортон оставалась спокойной.

— Кто тебе рассказал? — спросила Сьюзен. Она больше не ощущала прежней жаркой бессильной ярости или желания убежать к себе наверх от этого знакомого невозмутимого голоса. Она только чувствовала спокойствие и отрешенность, словно парила в пространстве. — Наверняка Мэйбл Вертс?

— Неважно. Это правда.

— Да уж наверное. А еще мы победили во Вьетнаме, а еще Иисус Христос каждый полдень проезжает через центр города на двуколке.

— Мэйбл показалось, что она его где-то видела. И она просмотрела все свои старые газеты, коробку за коробкой.

— Ты хочешь сказать — свои скандальные вырезки? С астрологией и снимками разбитых машин? Замечательный источник информации, — резко рассмеялась Сьюзен.

— Нечего иронизировать. Там напечатано черным по белому. Жена — если это была жена — сидела сзади, мотоцикл забуксовал и врезался в фургон. Бена проверили на алкоголь прямо на месте. Прямо — на — месте, — она подчеркнула каждое слово ударом спицы о подлокотник кресла.

— Тогда почему он не в тюрьме?

— Эти знаменитости всегда имеют нужное знакомство, — пояснила Анна Нортон со спокойной уверенностью. — Если есть деньги, из всего

можно выкрутиться. Вспомни только, что сошло с рук этим мальчишкам Кеннеди.

— Его судили?

— Говорю тебе, его проверили...

— Да, ты говорила. Но что показала проверка?

— Я тебе говорю, что он был пьян! — на щеках у Анны стали проступать красные пятна. — Трезвых на алкоголь не проверяют! Его жена погибла!

— Я переезжаю в город, — медленно произнесла Сьюзен. — Я собиралась сказать тебе. Мне уже давно надо было это сделать, мам. Так будет лучше нам обеим. Я говорила с Бебс Гриффин, она знает хорошенькую четырехкомнатную квартирку на Систерз Лэйн...

— Ох, она обиделась, — сообщила миссис Нортон потолку. — Кто-то взял и испортил ее прелестный портрет мистера Бена Звезды Мерса, и она кипит негодованием.

Это прозвучало бы очень эффектно несколько лет назад.

— Мама, что с тобой происходит? — спросила Сьюзен в отчаянии. — Ты никогда... никогда так не опускалась.

Анна Нортон вздрогнула. Она вскочила и схватила Сьюзен за плечи. Вязание соскользнуло с колен.

— Ты слушай меня! — сильно встряхнула она дочь. — Я тебе не позволю путаться как девке с каким-то чокнутым ничтожеством. Слышишь, что я говорю?

Сьюзен ударила ее по лицу.

Глаза Анны Нортон мигнули, а затем широко открылись. Потрясенные женщины с минуту молча смотрели друг на друга. Слабый звук родился в горле у Сьюзен и тут же замер.

— Пойду наверх, — сказала она. — Я съеду в четверг, не позднее.

— Здесь был Флойд, — произнесла миссис Нортон. Ее лицо еще пылало от пощечины. Отпечатки пальцев дочери краснели на нем восклицательными знаками.

— С Флойдом все кончено, — отозвалась Сьюзен без всякого выражения.

— Флойд любит тебя, Сьюзен. Это его... уничтожит. Он открылся мне, — глаза ее сверкнули воспоминанием. — Под конец он расплакался как ребенок.

Сьюзен удивилась — это совсем не походило на Флойда. Она заподозрила было, что мать выдумывает, но по ее глазам поняла, что это не так.

— Так ты хочешь для меня плаксу, мама? Или просто жаждешь иметь белокурых внуков? Я тебе надоела, твоя миссия не выполнена, покуда я не вышла замуж и не устроена с человеком, которому будет уютно у тебя под башмаком? А как насчет того, что хочу я?

— Сьюзен, ты сама не знаешь, что ты хочешь.

И это прозвучало с такой абсолютной уверенностью, что на секунду Сьюзен испытала искушение поверить. На секунду.

— Нет, мам. Я точно знаю, что хочу. Это — Бен Мерс.

Она повернулась и стала подниматься по лестнице.

Мать побежала за ней, визгливо крича:

— Ты не можешь снять квартиру! У тебя нет денег!

— У меня сотня наличными и три сотни у банке, — спокойно ответила Сьюзен. — Да и работа найдется. Мистер Лабри предлагал сколько раз.

Анна Нортон поднялась на две ступеньки. Злость покинула ее, уступая место испугу.

— Дорогая, успокойся, — произнесла она тоном ниже. — Я только хочу, чтобы тебе было лучше.

— Не нужно, мама. Прости, что я тебя ударила. Я очень виновата. Я тебя действительно люблю. Но все-таки я перееду. Давно надо было. Ты должна сама понимать.

— Думаешь, этого достаточно? — Теперь миссис Нортон действительно раскаивалась и боялась. — Я все еще не думаю, что была не права. Этот Бен Мерс — я видела таких выскочек. Все, что ему нужно...

— Довольно.

Сьюзен отвернулась.

Мать поднялась еще на ступеньку и крикнула ей вслед:

— Флойд уходил в ужасном состоянии. Он...

Но закрывшаяся дверь комнаты Сьюзен прервала ее.

Сьюзен бросилась на кровать — еще так недавно украшенную куклами и пуделем с транзистором в животе — и лежала, уставившись в стену и стараясь не думать.

Она почти видела газетные заголовки: «Молодой писатель с женой попадают в „случайную“ аварию на мотоцикле». И фотография — слишком кровавая для провинциальной газеты, как раз в духе Мэйбл.

А самое страшное, что зерно сомнения все-таки посеяно. Глупо! Ты воображала, что, прежде чем попасть сюда, он хранился в холодильнике? Заклеенный антисептической целлофановой пленкой — как стакан в мотеле? Глупо! Но зерно посеяно. И за это она чувствовала к матери уже не подростковое раздражение, а что-то темное, граничащее с ненавистью.

Она с трудом отогнала эти мысли и, закрыв лицо рукой, погрузилась в тяжелую дремоту, прерванную взвизгом телефона внизу, а потом — еще резче — возгласом матери:

— Сьюзен, это тебя!

Она спустилась вниз, заметив по дороге, что уже половина пятого. Солнце стояло на западе. Миссис Нортон начинала готовить ужин. Отец еще не вернулся домой.

— Алло?

— Сьюзен? — знакомый голос, но она не могла сразу понять, чей. — Сьюзен, это Ева Миллер. У меня плохие новости.

— Что-нибудь случилось с Беном? — во рту пересохло, рука потянулась к горлу. Миссис Нортон встала в дверях кухни с лопаточкой в руке.

— Ну, тут была драка. Днем появился Флойд Тиббитс...

— Флойд!

Миссис Нортон вздрогнула от голоса Сьюзен.

— Я сказала, что мистер Мерс спит. Он сказал: «Ладно», вполне вежливо сказал, но он был так странно одет. В древнюю какую-то куртку и странную шапку и прятал руки в карманы. Я не догадалась предупредить мистера Мерса, когда он встал. Столько было шуму...

— Что случилось?! — почти взвизгнула Сьюзен.

— Ну, Флойд побил его, — виновато сказала Ева. — Прямо у меня на стоянке. Шельтон Корсон и Эд Крэйг вышли и оттащили его.

— С Беном все в порядке?

— По-моему, нет.

— Что? — она вцепилась в телефонную трубку.

— Флойд швырнул мистера Мерса на его иностранный автомобильчик, и он ушибся головой. Карл Формен отвез его к Кэмберлендскую больницу без сознания. Больше я ничего не знаю. Если ты...

Сьюзен бросила трубку и побежала за пальто.

— Сьюзен, в чем дело?

— Твой милый мальчик Флойд Тиббитс, — Сьюзен едва сознавала, что начинает плакать, — он отправил Бена в больницу.

И выбежала, не дождавшись ответа.

* * *

Она добралась до больницы в половине седьмого и теперь сидела в

неудобном пластиковом кресле, тупо глядя в журнал «Хорошая хозяйка». «И здесь я одна, — подумала она. — Как чертовски ужасно!» Она хотела позвонить Мэтту Берку, но одумалась при мысли, что может прийти доктор и не застать ее.

На больших часах приемной ползли минуты. В десять минут восьмого из дверей шагнул врач с пачкой бумаг в руках.

— Мисс Нортон? — спросил он.

— Да, да. С Беном все в порядке?

— На это я сейчас не могу вам ответить. — Он увидел, что ее лицо заливают страх, и добавил: — Кажется, да, но лучше пусть полежит дня два-три здесь. У него трещина, множество кровоподтеков, контузия и страшно подбит глаз.

— Могу я его видеть?

— Не сегодня. Ему ввели успокаивающее.

— Минутку! Пожалуйста! Одну минуту!

Он вздохнул:

— Можете посмотреть на него, если хотите. Он, наверное, спит. Я не хотел бы, чтобы вы ему что-нибудь говорили, если только он сам не заговорит с вами.

Доктор сам отвел ее на третий этаж, а потом в самый конец длинного, пахнущего лекарствами коридора. Бен лежал с закрытыми глазами, укрытый до подбородка простыней. Он казался таким бледным и неподвижным, что целую минуту Сьюзен с ужасом думала, что он мертв — тихо отошел, пока они с доктором разговаривали внизу. Потом она разглядела, что медленно поднимается и опадает грудная клетка, и облегчение оказалось так велико, что чуть не свалило девушку с ног.

«Я люблю этого человека, — подумала она. — Выздоровливай, Бен. Выздоровливай и быстрее заканчивай свою книгу, чтобы мы могли удрать из Лота вдвоем — если, конечно, ты захочешь взять меня с собой. Лот не на пользу нам обоим».

— Пожалуй, лучше вам сейчас уйти, — сказал врач. — Может быть, завтра...

Бен зашевелился и издал горловой звук. Глаза его медленно открылись, закрылись, открылись опять. Во взгляде, одурманенном наркотиком, все же отразилось понимание ее присутствия. Он протянул к ней руки. Из ее глаз текли слезы, когда она улыбнулась и сжала его руку.

Он пошевелил губами, и она наклонилась, стараясь расслышать.

— В этом городе есть и настоящие убийцы, а?

— Бен, мне ужасно жаль!

— По-моему, я выбил у этого парня один-два зуба. Неплохо для писателя, правда?

— Бен...

— По-моему, хватит, мистер Мерс, — посоветовал врач. — Дайте клею схватиться.

Бен поднял на него глаза:

— Одну минуту.

Потом пробормотал что-то неразборчивое.

Сьюзен наклонилась:

— Что, дорогой?

— Уже стемнело?

— Да.

— Хочешь навестить...

— Мэтта?

Он кивнул.

— Скажи ему... пусть расскажет тебе все. Спроси его... знает ли он отца Кэллахена. Он поймет.

— О'кей, я передам, — пообещала Сьюзен. — Теперь спи. Хорошего сна, Бен.

— Люблю тебя. — Он пробормотал что-то еще, потом глаза его закрылись. Дыхание стало глубже.

— Что он сказал? — переспросил доктор.

Сьюзен сдвинула брови.

— Похоже на «Закрывайте окна», — сказала она.

* * *

Вернувшись за пальто, она застала в приемной Еву Миллер и Хорька Крэйга. Порыжевший меховой воротник Евы определенно предназначался для торжественных случаев, а на Хорьке болталась слишком большая для него куртка мотоциклиста. У Сьюзен потеплело на душе.

— Как он? — спросила Ева.

— Думаю, все будет в порядке.

Сьюзен повторила диагноз врача, и Ева как будто успокоилась.

— Я так рада. Мистер Мерс такой хороший человек... Ничего подобного у меня никогда раньше не случалось. А Флойда Перкинсу Джиллеспи пришлось запереть в вытрезвителе. Хотя он вроде бы и не пьян. Просто как-то не в себе.

Сьюзен покачала головой:

— Это на Флойда совсем не похоже.

На минуту наступило неловкое молчание.

— Бен — славный парень, — сказал Хорек и погладил руку Сьюзен. — Недели не пройдет, как он встанет. Вот увидите...

— Я уверена, — согласилась Сьюзен и сжала его руку. — Ева, скажите, отец Кэллахен — это священник из Сент-Эндрю?

— Да, а почему вы...

— Так... любопытно. Послушайте, спасибо вам обоим, что пришли. Если бы вы смогли заглянуть завтра...

— Решено, — отозвался Хорек. — Правда, Ева? — он обнял ее одной рукой за талию. Это требовало немалой длины руки, но он справился.

— Конечно, приедем.

Втроем они вернулись с Джерусалемз Лот.

* * *

Мэтт не закричал по обыкновению «Входите!» в ответ на ее стук. Вместо этого из-за двери раздалось тихое и нерешительное: «Кто там?».

— Сюзи Нортон, мистер Берк.

Он открыл дверь, и девушка ощутила самое настоящее потрясение, увидев, как изменился Берк. Он выглядел постаревшим и измученным. В следующую минуту она заметила, что у него на шее висит тяжелое золотое распятие. Оно так странно выглядело на потертой фланелевой рубашке, что Сьюзен чуть не засмеялась — но удержалась от смеха.

— Заходи. Где Бен?

Она все рассказала, и его лицо вытянулось:

— Так Флэйд Тиббитс решил разыграть оскорбленного возлюбленного? На редкость некстати... Майка Райсона сегодня привезли из Портленда к Формену. И наша поездка в Марстен Хауз, видимо, откладывается...

— Какая поездка? При чем здесь Майк?

— Хочешь кофе? — спросил он машинально.

— Нет, я хочу выяснить, что происходит. Бен сказал, вы знаете. И я хочу, чтобы вы мне объяснили.

— Это легко сказать, — произнес он. Легко Бену сказать. Сделать труднее. Но я попробую.

— Итак?

Он поднял руку:

— Сначала вот что, Сьюзен. Вы с матерью заглядывали как-то в новый магазин.

— Да, конечно. Ну и что? — удивилась Сьюзен.

— Можешь ты рассказать мне об этом месте? И, что еще важнее — о хозяине?

— О мистере Стрэйкере?

— Да.

— Ну, он совершенно очаровательный. У него просто придворные манеры. Он сделал Глэдис Мэйберри комплимент по поводу ее платья, и она покраснела, как школьница. Он расспросил миссис Боддин о ее перевязанной руке — она обожглась — и дал ей рецепт какой-то мази. Сам написал. А когда вошла Мэйбл... — Сьюзен рассмеялась.

— Да?

— Он предложил ей кресло. Да какое! Настоящий трон. Красного дерева. Сам притащил из другой комнаты, улыбаясь и болтая с прочими дамами. Но оно, должно быть, весило не меньше трехсот фунтов. Он водрузил это кресло посреди комнаты и подвел к нему Мэйбл. Под руку, представляете? А она хихикала. Видели бы вы, как она хихикает! И он подавал кофе. Очень крепкий и очень хороший.

— Стрэйкер тебе понравился? — Мэтт внимательно наблюдал за ней.

— Это все относится к делу?

— Может быть, да.

— Хорошо. Вот вам женская точка зрения. И да — и нет. Пожалуй, я к нему чувствовала легкое сексуальное влечение. Пожилой человек с очаровательными манерами. О таком сразу скажешь, что он умеет заказывать французские блюда и знает, к чему подходит какое вино — да не просто, красное или белое, а какого урожая и какого виноградника. Таких людей тут не бывало — это уж точно. Но ничего женоподобного в нем нет. Ловкий, как танцор. И, конечно, есть что-то привлекательное в человеке, который так откровенно лыс. — Сьюзен немного смущенно засмеялась, задавая себе вопрос, не наговорила ли она лишнего.

— Это — отчего «да». Теперь — отчего «нет»?

Сьюзен пожала плечами:

— Это труднее. Я думаю... я думаю, что почувствовала в нем какое-то скрытое презрение. Цинизм. Словно он играл какую-то роль, дурачил нас. Потом — налет снисходительности. — Она подняла неуверенный взгляд. — И мне почудилось в нем что-то жестокое. Не знаю, почему.

— Кто-нибудь что-нибудь купил?

— Ничего серьезного, но его это, кажется, не огорчило. Мама купила югославскую полочку, а миссис Петри — раздвижной столик, но, по-моему, это и все. Он не расстроился. Все просил рассказать своим друзьям и заходить, не стесняясь. Этакое старосветское очарование.

— И как, по-твоему, люди были очарованы?

— В основном — да. — Сьюзен мысленно сопоставила энтузиазм своей матери по поводу Р. Т. Стрэйкера с ее устойчивой нелюбовью к Бену.

— Партнера его ты не видела?

— Мистера Барлоу? Нет, он в Нью-Йорке, что-то покупает.

— В самом деле? — Мэтт спрашивал скорее сам себя, чем Сьюзен. — Этот ускользящий мистер Барлоу!

— Мистер Берк, может быть, вы лучше объясните мне, что все это значит?

От тяжело вздохнул:

— Вероятно, я должен попробовать. Все, что ты мне сейчас рассказала, настораживает. Очень настораживает. Все так хорошо сходится...

— Да что же это, наконец?

— Я должен начать с того, как встретил Майка Райсона у Делла вчера вечером... мне кажется, что это было сто лет назад.

* * *

К тому времени, как он закончил, часы показывали двадцать минут девятого.

— Кажется, все, — подвел итог Мэтт. — А теперь не притвориться ли мне Наполеоном? Или рассказать тебе о моих астральных встречах с Тулуз-Лотреком?

— Не говорите глупостей, — отозвалась Сьюзен. — Что-то происходит, конечно, но только не то, что вы думаете. Сами знаете.

— Знал до этой ночи.

— Если не кто-то другой, так, может быть, Майк сам это сделал. Больной, в бреду... — Сюзи сама почувствовала, насколько неубедительно звучат ее слова, однако не отступала. — А может, вы заснули, и вам все приснилось.

Он устало пожал плечами:

— Как можно защищать утверждения, которые не может принять всерьез ни один разумный человек? Я слышал то, что слышал. Я не спал. И

вот, что меня пугает... сильно пугает. Все пишут, что вампир не может просто войти к человеку в дом и сосать его кровь. Майк Райсон ночью приглашал Дэнни Глика. И я сам пригласил Майка!

— Мэтт, Бен рассказывал вам о своей новой книге?

Он теребил в руках трубку, но не зажигал ее.

— В общих чертах. Только то, что она связана с Марстен Хаузом.

— Он говорил вам, что пережил в Марстен Хаузе в детстве?

— В Марстен Хаузе, в доме? Нет.

— Это было что-то вроде вступительных клубных испытаний...

— О Боже! — произнес Мэтт, дослушав до конца.

— У Бена... что-то вроде теории о Марстен Хаузе. Насчет Губи Марстена...

— Его склонность к дьяволопоклонству?

Она вздрогнула:

— Откуда вы знаете?

Он мрачно улыбнулся:

— Не все сплетни в маленьких городках общедоступны. Есть и секретные. В Салеме Лоте есть такой слух, относящийся к Губи Марстену. В курсе дела сейчас, наверное, не больше дюжины стариков, среди них Мэйбл Вертс. Это было давно, Сьюзен. И все же такие вещи не выходят из определенного круга — даже Мэйбл не скажет кому попало. Об убийстве, конечно, говорят. Но если вы спросите о тех десяти годах, которые он с женой провел здесь в своем доме, занимаясь Бог знает чем, — в силу вступает что-то вроде заговора молчания. Самое близкое к табу явление в западной цивилизации. Удивляюсь, как вообще Бен сумел столько раскопать. Действительно, был слух, что Губерт Марстен похищал детей, чтобы принести их в жертву своим адским богам, но как Бен сумел это выяснить, я не понимаю.

— Ему пришли в голову такие мысли не в Лоте.

— Да, вероятно, причина в этом. По-моему, у него теория, что Марстен Хауз — что-то вроде хранилища зла, которое люди производят непрерывно, как сопли или экскременты.

— Да, он говорил мне то же самое, — она смотрела на Мэтта с удивлением.

Тот издал сухой смешок:

— Мы читали одни и те же книги. А как насчет тебя, Сьюзен? Есть в твоей философии что-нибудь, кроме земли и неба?

— Нет, — сказала она спокойно и твердо. — Дом — это дом. Зло умирает с окончанием злого дела.

— И ты думаешь, что мы с Беном на пути к безумию?

— О, нет, конечно, мистер Берк. Но вы должны понимать...

— Спокойно.

Он сделал резкое движение вперед, словно прислушиваясь. Она замолчала и прислушалась тоже. Ничего... разве что скрипнула половица. Она взглянула на него вопросительно, и он покачал головой:

— Ты говорила?..

— Только то, что несчастливое совпадение помешало Бену изгнать демонов своей юности. Давно известно, что обряд изгнания бесов может обращаться против изгоняющего. В этом городе слишком много темных слухов. По-моему, Бену нужно отсюда уехать. А может, и вы бы устроили себе небольшие каникулы, мистер Берк?

Изгнание бесов заставило ее вспомнить, как Бен просил сказать Мэтту о католическом священнике. Подчиняясь импульсу, она решила этого не делать. Сказать — значило бы подлить масла в огонь, и так уже, по ее мнению, угрожающе сильный. Если Бен спросит — она скажет, что забыла.

— Я понимаю, как безумно все звучит, — ответил Мэтт. — Но, чтобы тебя успокоить, я скажу, что Бен отнесся к делу вполне разумно. Он рассматривал наши предположения как теорию, которую нужно либо подтвердить, либо опровергнуть, а для этого... — он снова замер, прислушиваясь.

А когда заговорил снова, спокойная уверенность его голоса испугала Сьюзен.

— Наверху кто-то есть, — сказал он.

Она прислушалась. Ничего.

— Вам кажется.

— Я знаю свой дом, — мягко проговорил он. — Кто-то есть в гостевой комнате... теперь слышишь?

И на этот раз она услышала. Отчетливый скрип половицы — как они иногда скрипят в старых домах без всякой видимой причины. Но Сьюзен почудилось в этом звуке что-то большее — что-то невообразимо обманчивое, лицемерное.

— Я поднимусь, — сказал Мэтт.

— Нет!

Слово выскочило без мысли. Она тут же беззвучно сделала себе выговор: ну и кто же сейчас верит в баньши под кроватью?

— Ночью я испугался — и человек умер. Теперь я иду наверх.

— Мистер Берк...

Она они перешли на полусшепот. Может быть, наверху все же кто-то

есть? Грабитель?

— Говори, — попросил Мэтт. — Когда я пойду — продолжай разговаривать. О чем хочешь.

И не дав ей времени спорить, он встал и вышел.

Быстрая смена событий вызвала у Сьюзен чувство нереальности. Только что они спокойно обсуждали все дело. А сейчас она испугалась. Вопрос: если посадить психиатра в одну комнату с человеком, который воображает себя Наполеоном, и не выпускать несколько лет, кто в конце концов окажется в комнате — два психиатра или двое в смиренных рубашках? Ответ: недостаточно данных.

Она спохватилась и начала: «Мы с Беном собирались в воскресенье в кино в Камдене — знаете, городок, где снимали „Пэйтона“, но теперь, боюсь, придется подождать. Там такая замечательная церквушка...»

Оказалось, она может говорить так без конца, причем вполне разумно. Голова ее не затуманилась от разговоров о вампирах — это спинной мозг, гораздо более древняя сеть нервных узлов, посылал волнами темный ужас.

* * *

Этот подъем по лестнице оказался самой трудной вещью, которую пришлось делать в жизни Мэтту Берку. До сегодняшнего вечера он не знал, что все детские страхи — те страхи, которые охватывали его, восьмилетнего, когда он проходил один вечером мимо руин методистской церкви, воображая внутри змееглазых чудовищ; те страхи, которые превращали скомканное одеяло на кровати трехлетнего мальчика в темный призрак, — все они не умерли, а только отложены до случая.

Он не включил свет. Он медленно шагал со ступеньки на ступеньку, пропустив шестую, скрипящую. Он держался за распятие, и пальцы его так вспотели, что оно выскальзывало.

Неслышно ступая, он прошел через холл. Дверь гостевой комнаты была приотворена. Он оставлял ее закрытой. Снизу неразборчивым бормотанием доносился голос Сьюзен.

Он встал перед дверью. «Вот она — основа всех человеческих страхов, — подумал он. — Закрытая дверь, которая открывается сама».

Он двинулся вперед и толчком распахнул ее.

Майк Райсон лежал на кровати.

Лунный свет лился в окно, превращая комнату в лагуну снов. Мэтт затряс головой. Ему показалось, что он вернулся назад во времени и нужно

пойти вниз позвать Бена, потому что Бен еще не в больнице...

Майк открыл глаза.

На секунду они сверкнули в лунном свете — серебро, обрамленное красным. Они были пусты, как вымытая доска. В них не светило ни мысли, ни чувства. Водсворт сказал: «Глаза — окна души». Эти окна открывались в пустую комнату.

Майк сел, простыня свалилась с его груди, и Мэтт увидел крупные неровные швы — там, где медицинский эксперт или патолог маскировали результаты вскрытия, возможно, насвистывая за работой. Майк улыбнулся, показав белые острые клыки. Улыбка была только сокращением мускулов рта — она не коснулась глаз. В них оставалась та же мертвая тьма.

Очень отчетливо Майк произнес:

— Посмотри на меня.

Мэтт посмотрел. Да, глаза оставались непроницаемо черными. Но очень глубокими. В них легко было разглядеть свое отражение: маленькое, серебристое, медленно тонущее — и больше не имел значения весь мир, не имел значения страх...

Берк отступил назад и крикнул:

— Нет! Нет!

И выставил вперед распятие.

Чем бы ни был Майк Райсон, он зашипел, словно его облили горячей водой. Руки взметнулись, как будто защищаясь от ударов. Мэтт шагнул в комнату — Майк шагнул назад.

— Уходи, — гаркнул Мэтт. — Я беру назад свое приглашение!

Райсон издал высокий дрожащий вопль, полный ненависти и боли. Шатаясь, он сделал четыре шага назад, наткнулся на подоконник и потерял равновесие.

— Я позабочусь, чтобы ты уснул как мертвый, учитель.

Это упало в ночь спиной вперед, вскинув над головой руки, как ныряльщик, прыгающий с трамплина. Бледное тело блеснуло, как мрамор, жутко контрастируя с черными швами на животе.

Мэтт издал безумный стон и выглянул в окно. Там ничего не было, кроме посеребренной лунным светом ночи и танцующего в воздухе под окном облака пылинок. Они собрались, мерцая, в отвратительную человеческую форму, а потом рассеялись в пространстве.

Мэтт повернулся бежать — и вот тут-то его согнула боль, заполнившая грудь. Казалось, она поднималась по руке правильными пульсирующими волнами. Распятие закачалось перед глазами.

Он шагнул в холл, обхватив руками груди, прижимая правой цепочку

распятия. Образ Майка Райсона, ныряющего в темный воздух, стоял перед его глазами.

— Мистер Берк!

— Мой доктор — Джеймс Коди, — проговорил он, не разжимая холодных, как снег, губ. — Телефон в книжке. У меня, кажется, сердечный приступ.

И упал лицом вниз.

* * *

— Говорит доктор Коди.

— Это Сьюзен Нортон. Я в доме мистера Берка. У него сердечный приступ.

— У кого? У Мэтта Берка?

— Да. Он без сознания. Что мне...

— Вызовите «скорую». Номер в Кэмберленде 841-4000. Оставайтесь с ним. Укройте одеялом, но не двигайте с места. Вы поняли?

— Да.

— Я буду через двадцать минут.

— Можно...

Но телефон ответил короткими гудками.

Она вызвала «скорую», и снова осталась одна перед необходимостью подняться к нему.

* * *

Она смотрела на темную лестницу и сама удивлялась своей дрожи. Ей хотелось, чтобы ничего этого не произошло — не ради того, чтобы остался здоров ее старый учитель, а только чтобы не чувствовать тошнотворного ужаса. Ее неверие было полным — теперь она лишилась этой опоры и падала.

Она слышала голос Мэтта, слышала и жуткое, лишенное выражения: «Я позабочусь, чтобы ты уснул как мертвый, учитель». В голосе, произнесшем это, было не больше человеческого, чем в собачьем лае.

Она пошла вверх по лестнице, делая усилие при каждом шаге. Даже свет в верхнем холле почти не помог. Мэтт лежал на ковровой дорожке, тяжело и прерывисто дыша. Сьюзен наклонилась, расстегнула две верхние

пуговицы его рубашки и пошла в гостевую комнату за одеялом.

Там было холодно. Окно распахнуто. На кровати не обнаружилось ничего, кроме матраца, но одеяла нашлись на верхней полке в шкафу. Когда Сьюзен повернулась к двери, что-то блеснуло на полу в лунном свете. Она наклонилась и подняла блестящий предмет. Она узнала эту вещицу. Классное кольцо Кэмберлендской школы высшей ступени. Она прочла выгравированные на кольце инициалы: М. К. Р.

Майкл Кори Райсон.

На минуту, в темноте, она поверила. Поверила всему. Крик поднялся у нее в горле, ей удалось сдержать его, но кольцо выскользнуло из пальцев и легло опять под окном, сверкая в лунном свете, изгнавшем осеннюю темень.

10. Лот (3)

Город знал, что такое тьма.

Он знал, что такое тьма, которая спускается на землю, когда вращение скрывает ее от солнца, и знал, что такое тьма в человеческой душе. Город — это соединение трех частей, более важных для него, чем районы, — это люди, здания и земля. Люди — шотландцы и французы. Попадают, конечно, и другие, но немного, как щепотка перца в кастрюле. И содержимое этой кастрюли никогда не проваривается до однородности. Здания почти все построены из честного дерева. Земля — гранит, покрытый тонким уязвимым слоем почвы; фермерство на ней — неблагодарное, тяжелое, безумное занятие. Жизнь в городе прозаичная, бесчувственная, пьяная. В темноте город принадлежит вам и вы принадлежите городу, и вместе с ним вы спите, как мертвец. Здесь нет жизни, а только медленное умирание дней, и потому, когда на город падает зло, его приход кажется predetermined, усыпляющим и даже приятным. Как будто город знал о приближении зла и о том, какую форму оно примет.

У города есть свои секреты, и он хорошо хранит их. Люди не знают всего. Они знают, как жена старого Эльби Крэйна сбежала с туристом из Нью-Йорка — или им кажется, что они это знают. Но она утопилась в старом колодце, когда турист бросил ее, а Эльби мирно умер в своей постели от сердечного приступа через двадцать лет. Они знают, что Губи Марстен убил свою жену, но не имеют представления, что он годами заставлял ее делать. Никто не знает, что она умоляла мужа убить ее.

Кое-кто из старых жительниц города — Мэйбл Вертс, Глэдис Мэйберри, Одри Герси — помнят, что Ларри Маклеод нашел в камине на втором этаже обгоревшую бумагу, но ни одной из них не известно, что эта бумага была двенадцатилетней перепиской Губерта Марстена с древним до нелепости австрийским дворянином по имени Брайхен и что переписка этих двоих началась с помощью странного бостонского книготорговца, умершего исключительно неприятной смертью в 1933-м, и что Губи сжег письма перед тем, как повеситься, внимательно проследив, как уничтожается в огне элегантный тонкий почерк. Они не знают, что Губи улыбался, когда это делал, улыбался той же улыбкой, какой улыбается теперь Ларри Кроккет, глядя на сказочные бумаги, хранящиеся в Портлендском банке.

Люди знают, что пожар уничтожил полгорода в том дымном сентябре 1951-го, но не знают, что лес подожгли, и не знают, что мальчик, который это сделал, закончил школу с отличием в 1963-м и сделал сто тысяч долларов на Уолл-стрит; не знают они и того, что осознание совершенного им в детстве свело этого человека в могилу в сорокатрехлетнем возрасте.

Они не знают, что преподобный Джон Гроггинс иногда просыпается ночью от ужасных сновидений — будто он проповедует голый перед собранием Маленьких Дам в воскресной школе; или что Флойд Тиббитс проблуждал всю ту злосчастную пятницу, словно в густом тумане. Он вовсе не помнил, как ходил к Анне Нортон, почти не помнил нападения на Бена Мерса, но хорошо помнил холодную благодарность, с которой встретил заход солнца, благодарность и предвкушение чего-то великого и прекрасного;

или что Карл Формен попытался закричать и не смог, когда увидел, как тело Майка Райсона мелко дрожит на металлическом столе морга, и что крик разбился в горле Карла, будто стеклянный, когда Майк открыл глаза и сел;

или что десятимесячный Рэнди Макдуглас даже не попытался сопротивляться, когда Дэнни Глик проскользнул в окно его спальни, вынул младенца из колыбели и впился зубами в его шею, покрытую синяками от материнских ударов.

Это — секреты города. Одни из них станут известны когда-нибудь, другие — никогда. Город умело хранит их.

Город не заботят дела дьявола — так же, как дела Бога или человека. Город знает тьму. И тьмы ему достаточно.

* * *

Сэнди Макдуглас поняла, что что-то не так, сразу же, как только проснулась, но не могла понять, что именно. У Роя был выходной, он ушел рыбачить и не вернется до полудня. Ничего в доме не горело, она не чувствовала никакой боли. Что же не так?

Солнце. Солнце не там.

Высоко на обоях танцевали солнечные пятна с тенями кленов, растущих за окном. Но Рэнди всегда будил ее раньше, чем солнце добиралось до кленовых веток.

Ее удивленный взгляд метнулся к часам. Десять минут десятого.

В горле что-то задрожало.

— Рэнди, — позвала она, бросаясь по узкому коридору трейлера, — Рэнди, милый!

В детскую лился свет из маленького окошка над кроватью — открытого. Она закрывала его перед тем, как лечь. Она всегда закрывает окно.

Кровать была пуста.

— Рэнди, — прошептала она.

Маленькое тельце лежало в углу кучкой отбросов. Одна нога нелепо торчала вбок восклицательным знаком.

— Рэнди!

Она упала на колени рядом, принялась укачивать ребенка. Тельце оказалось холодным.

— Рэнди, малыш, проснись, проснись же, Рэнди...

Синяки сошли. Все. За одну ночь. Кожа приобрела здоровый цвет. В первый раз за все свое существование он показался ей красивым, и она издала ужасный крик отчаяния.

— Рэнди! Проснись! Рэнди! Рэнди! Рэнди!

Она побежала с ним в прихожую, купающуюся в солнечном свете, нарядила его, усадила в креслице. Она гладила ребенка по щекам:

— Проснись наконец, Рэнди! Завтрак, Рэнди! Кто здесь голоден? Пожалуйста... О Боже, пожалуйста...

Она метнулась в кухню за шоколадной пастой, трясущимися руками впихнула ложечку ему в рот. Сейчас! Сейчас он поймет, что она его еще любит, и прекратит этот жестокий розыгрыш!

— Хорошо? — пробормотала она. — Хорошо, Рэнди? Ты не улыбнешься мамочке? Будь хорошим мальчиком, сделай так...

Она протянула дрожащие пальцы и коснулась уголков его губ.

Хлоп! — шоколад свалился на столик.

Тогда она закричала.

* * *

В субботу утром Тони Глик проснулся от того, что его жена Марджори упала в гостиной.

— Марджи! — позвал он, вскакивая с кровати. — Марджи!!!

После длинной-длинной паузы она ответила:

— Со мной все в порядке, Тони.

Он уселся на постели, тупо глядя себе под ноги. Он был в пижамных

брюках с болтающимися завязками, растрепанные волосы стояли на голове вороньим гнездом — густые, черные волосы. Оба сына унаследовали отцовскую шевелюру. Глика принимали за еврея, но его дед носил фамилию Гликуччи. Узнав, что в Америке легче жить с американской фамилией, короткой и отрывистой, он променял реальность одного меньшинства на внешний облик другого.

Тони взял на работе отпуск, и всю последнюю неделю много спал. Когда спишь, все проходит. Он спал без сновидений. Спал с девяти вечера до десяти утра, а после обеда дремал еще час. Все время — от сцены, которую он устроил на похоронах Дэнни, до теперешней солнечной субботы — казалось ему туманным и нереальным. Им приносили еду — они не голодали. В среду вечером он попытался лечь в постель с женой — и оба начали плакать.

Марджи выглядела совсем плохо. Для нее сон заменила уборка, и она убирала, убирала и убирала в доме с маниакальным старанием, убивающим всякие мысли. Дни проходили под звяканье мусорных ведер и жужжание пылесоса. Она аккуратно упаковала всю детскую одежду и игрушки и отправила в Армию Спасения. Она оттащила все ковры и коврики на задний двор и полдня занимался тем, что немилосердно выбивала из них пыль. Даже в своем смутном состоянии Тони заметил, как она побледнела, и губы, казалось, потеряли природный цвет. Бурые тени поселились под глазами.

Все это проскользнуло в уме Тони за несколько секунд, и он свалился было обратно в постель, когда снова услышал шум в гостиной. В этот раз на его восклицание не ответили.

Он выбрался в гостиную и обнаружил жену лежащей на полу. Тяжело дыша, она уставилась невидящими глазами в потолок. Вся комната казалась чужой и странной, потому что Марджори передвинула мебель.

Что бы ее ни подтачивало — это усилилось со вчерашнего вечера. Она так плохо выглядела, что ее вид острым ножом поразил Тони сквозь окутывающий его дурман. Ноги женщины под задравшейся юбкой казались мраморными, весь загар этого лета полностью сошел. Руки бесцельно двигались. Легкие, казалось, не могли всосать достаточно воздуха через открытый рот, и муж заметил, как странно выдаются ее зубы, но не задумался об этом. Наверное, так падает свет.

— Марджи! Дорогая!

Она попыталась ответить, не смогла, и его охватил настоящий ужас. И он поспешил вызвать врача.

Уже поднимая трубку телефона, он услышал:

— Нет... нет... — слова вырывались между трудными вздохами. Она пыталась сесть. — Перенеси меня... помоги... такое жаркое солнце...

Он поднял ее, потрясенный легкостью ноши. Казалось, она весила не больше вязанки хвороста. Он устроил ее на софе так, чтобы не падало солнце. Тогда ей как будто стало легче дышать. Она прикрыла глаза, и он снова поразился сверкающей белизне ее зубов между бледных губ. Его охватило желание поцеловать ее.

— Позволь мне позвать доктора, — попросил он.

— Нет. Мне лучше. Солнце... сжигало меня. Теперь мне лучше.

— Ты уверена?

— Да, я в порядке.

— Ты переутомилась, дорогая.

— Да, — проговорила она безвольно.

Он потрепал ее по волосам.

— Пора кончать с этим, Марджи. Надо выкарабкиваться. Ты выглядишь... — он замолчал, боясь огорчить ее.

— Я выгляжу ужасно, — согласилась она. — Да. Я смотрю в зеркало. В последний раз мне даже показалось... — она слегка улыбнулась, — показалось, что я вижу сквозь себя стену. От меня мало что осталось, да и такое... прозрачное.

— Я хочу, чтобы доктор Реардон осмотрел тебя.

Но она как будто не слышала его.

— Уже три или четыре ночи я вижу сон, Тони. Такой реальный! Ко мне приходит Дэнни. Он говорит: «Мама, мама, как хорошо быть дома!». А потом... говорит...

— Что говорит? — мягко спросил муж.

— Он говорит, что он опять мой малыш. Мой маленький сын у моей груди. И я даю ему сосать грудь... а потом такое чувство — приятно и чуть больно, как когда у него уже чуть прорезались зубы, но его еще не отлучили от груди... ох, это, наверное, звучит ужасно. Как на приеме у психиатра.

— Нет, — сказал он, — нет.

Он встал рядом на колени, обнял ее и заплакал. Плечи ее были холодными.

— Не надо доктора, Тони, прошу тебя. Сегодня я отдохну.

— Хорошо.

— Какой это чудесный сон, Тони, — шептали ее губы у самой его шеи, и зубы влажно поблескивали, — пусть он приснится и сегодня.

— Пускай, — отвечал он, глядя ее по волосам.

— Боже мой, как ты великолепно выглядишь, — поразился Бен.

На фоне вездесущей белизны и анемичной зелени больницы Сьюзен действительно выглядела великолепно в своей ярко-желтой блузе и короткой синей юбочке.

— Ты тоже, — отозвалась она, идя к нему через палату.

Бен поцеловал ее, его рука скользнула на теплое бедро.

— Эй! — она прервала поцелуй. — Тебя же вышвырнут отсюда.

Они посмотрели друг на друга.

— Я тебя люблю, Бен.

— Я тебя тоже.

— Как ты думаешь, не воспользоваться ли присутствием кровати?

— И что же ты скажешь здешним таблеточникам?

— Скажу, что учу тебя пользоваться уткой.

Она засмеялась и придвинула стул.

— В городе многое случилось, Бен.

Он отрезвел:

— Например?

Она заколебалась:

— Не знаю, что и сказать. Чему верить, чему не верить — тоже не знаю.

— Выпаливай все, я уж разберусь.

— Как твое состояние, Бен?

— Поправляюсь. Ничего серьезного.

— Нет, я насчет мозгов. Какой части этой истории про графа Дракулу ты веришь?

— А, так Мэтт тебе все рассказал?

— Мэтт здесь, в больнице. Этажом выше, в интенсивной терапии.

— Что? — он приподнялся на локте. — Что с ним такое?

— Сердечный приступ.

— Сердечный приступ?

— Доктор Коди говорит, что положение стабильное. Он числится серьезным, но так записывают всех, кто поступает. Я была у него, когда это случилось.

— Расскажи мне все, что знаешь, Сьюзен.

Вся радость ушла с его лица. Оно сделалось сосредоточенным и резким. Здесь, среди белых стен и белой ткани, он показался ей человеком,

доведенным до крайней степени напряжения.

— Ты мне не ответил, Бен.

— Насчет того, верю ли я Мэтту? Ты, видно, думаешь, что от Марстен Хауза у меня заворот мозгов.

— Ну что ты, я никогда так не думала... в таких резких выражениях.

— Ясно. И все-таки по твоему лицу видно, что твое неверие дало трещину. Ведь так?

— Да... но я не верю. Этого не может быть...

— Стоп. Вот это и есть ключевое слово — не может. На нем я и застрял. Я не поверил Мэтту, Сьюзен, потому что такого не может быть. Но с какой стороны ни смотри на эту версию, нет ни одной прорехи. Разве он показался тебе сумасшедшим?

— Нет, но...

— Стоп. Ты опять застряла на «не может быть» — ведь так?

— Пожалуй, да.

— Так вот, мне он тоже показался сумасшедшим. А ведь известно, что такого рода сумасшествие не возникает в одну ночь. Оно медленно развивается. Оно нуждается в питании и поливе. Ты разве слышала когда-нибудь от кого-нибудь, что у Мэтта поехала крыша? Хотя бы в сомнительных случаях: увлечение НЛО, астрологией или Союзом Американских Патриотов?

— Нет, — признала она. — Нет и еще раз нет. Но Бен... мне очень неприятно говорить такое о Мэтте, но некоторые сходят с ума тихо. Внутри себя.

— Не думаю, — спокойно возразил он. — Признаки всегда есть. Сознательно или подсознательно — ты их почувствуешь, заметишь. Скажи, ты бы поверила свидетельству Мэтта на суде — по поводу, скажем, несчастного случая?

— Да...

— Поверила бы, если бы он рассказал, что видел, как грабитель убил Майка Райсона?

— Да, наверное.

— Но не в этом случае?

— Но, Бен, я не могу...

— Опять! Ну, вот что, я не защищаю его точку зрения. Сейчас я только передам тебе ход своих собственных мыслей. О'кей?

— Давай.

— Я подумал было, что кто-то таким образом сводит с Мэттом счеты. Но мертвое тело! И потом, Мэтт встретил Майка по чистой случайности.

Никто его в четверг к Деллу не звал. Видимо, заговор исключается.

— Что же остается в рамках материального?

— Что Мэтту это все-таки приснилось. Что Майк умер по какой-то естественной, но неизвестной причине.

— Ты и в это не веришь?

— Не верю, что ему приснилось, как открывается окно: окно было открыто. И ставень лежал на земле. Не только я это заметил — Перкинс Джиллеспи тоже. А ставни у Мэтта закрываются снаружи. Открыть их изнутри можно разве что отверткой и плоскогубцами, и то с трудом. А под окном — мягкая земля, и на ней никаких следов. Чтобы открыть снаружи ставень второго этажа, нужна лестница, а она не может не оставить следов. Вот что меня сильнее всего беспокоит: ставень, открытый снаружи, и никаких следов от лестницы внизу.

Они серьезно посмотрели друг на друга.

— Я думал об этом сегодня утром, — продолжал Бен. — И чем больше я думал, тем правдоподобнее мне казалась версия Мэтта. Так что я решил. Я убрал на время «не может» и «не могу». Теперь расскажи мне, что случилось с Мэттом вчера вечером. Если от этого все развеется как дым, никто в мире не будет счастливее меня.

— Не развеется, — произнесла она беспомощно. — Сгустится. Он как раз закончил мне рассказывать о Майке Райсоне. Потом сказал, что слышит шум наверху. Он был испуган, но пошел посмотреть. — Сьюзен сложила руки на коленях и сжала их так крепко, будто они могли улететь. — Некоторое время ничего не происходило... а потом Мэтт крикнул что-то вроде того, что он отменяет приглашение. Тогда... ну... я не знаю, как сказать...

— Рассказывай, не умирай.

— Мне показалось, что кто-то... кто-то другой как будто зашипел. Послышался удар, как если бы что-нибудь упало. И чей-то голос сказал: «Я позабочусь, чтобы ты заснул как мертвый, учитель». Слово в слово. А когда я пошла за одеялом для Мэтта — вот что я там нашла.

Она достала кольцо из кармана и отдала Бену.

Бен поднес его к окну, разглядывая инициалы.

— Майк Кори Райсон. Я швырнула его, потом заставила себя подняться, подумав, что ты или Мэтт захотите его видеть. Оставь у себя, я не хочу хранить его.

— Оно на тебя действует?..

— Плохо. Очень плохо. — Она подняла руку, как будто защищаясь. — И все-таки любой здравый рассудок против этого восстает, Бен. Я скорее

поверю, что Мэтт каким-то образом убил Майка Райсона и зачем-то сочинил всю эту дичь. Подпилил ставень. Упражнялся в чревовещании.

— И устроил себе сердечный приступ, чтобы история выглядела натуральнее, — сухо добавил Бен. — Я не потерял надежду на материалистическое объяснение, Сьюзен. Я надеюсь его найти. Я чуть ли не молюсь, чтобы оно нашлось. Монстры в кино развлекают, но в жизни — не особенно. Я даже готов тебе поверить, что ставень мог самовольно отвалиться. Можно и дальше зайти. Мэтт — человек ученый. Он мог подобрать такой яд, который сложно или невозможно обнаружить. Мог даже принять что-нибудь, вызывающее сердечный приступ. Но зачем? Где мотив?

Она беспомощно покачала головой.

— Если ему нужно было зачем-то убить Майка, — пробормотал Бен, — к чему эти византийские легенды? Жизнь — не сюжет Эллери Квина.

— Но то... это... это же безумие, Бен!

— Да. Как Хиросима.

— Салем Лот — мой город, — отозвалась она упрямо. — Я знаю его. Если здесь происходит что-нибудь — это вполне реально и вещественно.

Рука Бена невольно потянулась к повязке на голове, заставляя Сьюзен спохватиться.

— Мне очень жаль. Я не знала за Флэйдом ничего подоб-ного. Не могу понять его.

— Где он теперь?

— В камере. Перкинс Джиллеспи сказал мне, что отправит его в окружную тюрьму — к шерифу Маккаски... то есть он подождет, пока ты подашь на него в суд.

— А как ты к этому относишься?

— Никак. Он ушел из моей жизни.

— Я не собираюсь подавать на него в суд. — Она удивленно подняла брови. — Но я хочу поговорить с ним.

— О нас с тобой?

— О том, чего ради он приперся ко мне в этой нелепой куртке, шляпе, очках... и резиновых перчатках.

— Что?

— Ну, — Бен взглянул на нее, — светило солнце. Светило прямо на него. А ему, кажется, это не нравилось.

Они без слов глядели друг на друга. Как будто не о чем стало больше говорить.

Когда Нолли принес Флойду завтрак из Замечательного Кафе, Флойд крепко спал. Нолли показалось бессмысленным будить его ради недожаренных яиц и шестипенсового кусочка жирной ветчины, поэтому он ушел в контору и съел все это сам. И кофе выпил тоже. Паулина Диккенс верила отличный кофе, ничего не скажешь. Но когда Нолли принес обед, а Флойд все еще спал в той же позе, Нолли слегка испугался и, поставив поднос на пол, провел ложкой по прутьям оконной решетки.

— Эй, Флойд! Вставай обедать.

Флойд не встал, и Нолли достал ключи от двери. Но замялся, прежде чем вставить ключ в замок. Во вчерашнем номере «Ружейного дыма» как раз попался рассказ про арестованного, который, притворившись больным, задушил тюремщика. Нолли никогда не считал Флойда Тиббитса бандитом — но ведь уложил же он этого парня Мерса, ничего не скажешь.

Он нерешительно замер с ложкой в одной руке и ключом в другой — огромный парень в полурасстегнутой рубашке. Это был добродушный человек — не очень-то скорый умом, но и не скорый на ярость. По причине первого из двух упомянутых качеств он долго стоял, не зная, что делать. Потом стал колотить ложкой по решетке, орать на Флойда, испытывая сильнейшее желание, чтобы тот хотя бы пошевелился или захрапел. Он как раз собрался звать Перкинса, когда тот сам выглянул из конторы.

— Что ты, черт побери, вытворяешь, Нолли? Сзываешь свиней?

Нолли покраснел:

— Флойд не шевелится, Перк. Боюсь, он... не знаю... болен.

— Так ты думаешь, что, если будешь колотить этой ложкой, он вылечится? — Перкинс подошел и отпер двери.

— Флойд, — он потряс Флойда за плечо, — ты в по...

Флойд свалился с койки на пол.

— Черт! — сказал Нолли. — Он что, умер?

Но Перкинс как будто не слышал. Он смотрел на застывшее недоброе выражение на лице Флойда. До Нолли медленно дошло, что Перкинс смотрит так, как будто чего-то боится.

— Что такое, Перк?

— Ничего. Только... пошли отсюда. — Потом Перкинс добавил, обращаясь, скорее, к самому себе: — Бог мой, лучше бы мне его не трогать.

Нолли смотрел на тело Флойда с медленно пробуждающимся ужасом.

— Очнись, — сказал Перкинс. — Нужен доктор.

Во второй половине дня Франклин Боддин и Вирджил Рэтберн подъехали в стареньком «шевроле» к деревянным воротам в конце Бернс-роуд, в двух милях за кладбищем «Гармони Хилл». На заднем сиденье «шевроле» громоздилась, по выражению Франклина, «дрянца», состоящая в основном из пивных бутылок, пивных банок, винных бутылок и бутылок из-под «Поповской» водки. Раз в пару месяцев они с Вирджилом вывозили «дряницу» на свалку.

— Закрыто, — объявил Франклин Боддин, сиюсь прочесть пришипленную к воротам записку. — Сегодня ведь суббота, разве нет?

— Конечно, — проговорил Вирджил Рэтберн. Он не имел понятия, суббота сегодня или четверг: он был пьян.

— Свалка по субботам открыта, ведь так? — уточнил Франклин. Записка была одна, но он видел как минимум три: он тоже был пьян. Все три утверждали: «Закрыто».

— По субботам всегда бывало открыто, — подтвердил Вирджил. Он размахивал у себя перед носом бутылкой пива, пытаясь попасть в рот, но безуспешно.

— Закрыто, — повторил Франклин, начиная раздражаться. — Этот недоносок давит сачка, вот что. Я придавлю его.

Он завел машину.

— Давай! — завопил в воодушевлении и пивной пене Вирджил — и массивный бампер «шевроле» сокрушил ворота. Со свалки с криками взлетели чайки.

В четверти мили за воротами обрамляющие дорогу деревья расступались, открывая широкое пространство, регулярно разравниваемое бульдозером, стоящим сейчас у будки Дада. За этой площадкой начиналась собственно свалка — бывший гравийный карьер, в котором гигантскими дюнами скапливался разного рода мусор.

— Черт бы побрал скотину горбуна. Он, похоже, неделю ничего не жег. Видно, запой — вот что. — Франклин обеими ногами нажал на педаль тормоза, и она с металлическим визгом опустилась до самого пола. Прошло еще немного времени — и машина остановилась.

— Я не знал, что Дад пьяница, — Вирджил выкинул опустевшую бутылку в окно и достал из ящика под ногами новую.

— Все они, горбуны, — пьяницы, — медленно и важно пояснил Франклин. — Он сплюнул в окно, после чего обнаружил, что оно закрыто,

и вытер стекло рукавом. — Зайдем к нему. Может, что не так. Только сначала дрянцу спровадим.

Покончив со своей миссией, они зашагали в сторону крытой толем халупы Дада. Дверь оказалась запертой.

— Дад! — заорал Франклин. — Эй! Дад Роджерс! — он стукнул в дверь, и вся будка затряслась. Внутри крючок выскользнул из петли и дверь распахнулась. В халупе не было ничего, кроме тошнотворного сладковатого запаха, заставившего гостей обменяться гримасами отвращения, несмотря на их богатый опыт в области пьянства и его последствий. Запах мимолетно напомнил Франклину забытые в темном углу подвала пикули. Забытые на несколько лет.

— Сволочь, — прокомментировал Вирджил. — Хуже гангрены.

Но будка выглядела неправдоподобно опрятной. Запасная рубашка Дада висела над кроватью, по-армейски заправленной, стул аккуратно стоял у стола. Банка красной краски со свежими потеками красовалась на подложенной газете у двери.

— Меня вырвет, если мы здесь останемся, — лицо Вирджила сделалось зеленовато-белым. Франклин, чувствовавший себя лучше, шагнул назад и закрыл дверь.

Свалка лежала кругом, пустынная и безжизненная, как лунные горы.

— Нет его здесь, — сказал Франклин. — По лесу где-нибудь шляется.

— Фрэнк!

— Что? — Франклин был не в духе.

— Дверь была заперта изнутри. Если его там нет — как он оттуда выбрался?

Сбитый с толку, Франклин повернулся взглянуть на будку.

— Через окно, — начал было он, но не закончил фразы. Окном служило маленькое отверстие в толе, затянутое потертым пластиком. Дад не пролез бы в него, даже оставив свой горб внутри. — Не важно, — проворчал Франклин. — Если он не желает брать плату — хрен с ним. Поехали отсюда.

Они вернулись к машине, и Франклин ощутил, как что-то просвечивается сквозь защитную мембрану опьянения, — что-то, чего он потом не мог, да и не хотел вспомнить, — чувство чего-то ужасно неладного. Как будто свалка завела себе живое сердце, и это сердце билось медленно, однако с пугающей силой. Вдруг захотелось уйти — причем очень быстро.

— Я не вижу ни одной крысы, — неожиданно сказал Вирджил.

И крыс действительно не было — только чайки. Франклин попытался

вспомнить, случалось ли ему когда-нибудь привезти «дрянци» на свалку и не увидеть ни одной крысы. Не случалось. И это ему не понравилось.

— Отравленная приманка, да, Фрэнк?

— Пошли, — посоветовал Франклин. — Пошли отсюда к чертовой матери.

* * *

После ужина Бену позволили встать и навестить Мэтта Берка. Визит оказался коротким: Мэтт спал. Кислородную подушку уже убрали, и дежурная сестра сказала Бену, что Мэтт завтра должен проснуться и сможет — недолго — разговаривать.

Лицо Мэтта показалось Бену поразительно состарившимся — впервые за время знакомства он увидел в нем старика. Во сне тот выглядел удивительно беззащитным. «Да, — подумал Бен, — здесь не то место, где мы с тобой можем найти поддержку. Здесь с кошмарами борются лизолом, скальпелями и химиотерапией, не признавая ни Библии, ни дикого чебреца. Если в колонне истины обнаружится отверстие — здесь его не заметят».

Он подошел к изголовью и осторожно коснулся шеи Мэтта пальцами. На коже не виднелось никаких следов, никаких шрамов.

Бен минуту колебался, потом подошел к шкафчику и открыл его. Одежда лежала внутри, а на крючке с обратной стороны двери висело распятие — то, которое видела у Мэтта Сьюзен. В приглушенном свете больничной палаты оно слабо мерцало.

Бен отнес его к постели и одел Мэтту на шею.

— Послушайте, что вы делаете?

Это вошла сестра с кувшином воды и деликатно прикрытой полотенцем уткой.

— Одеваю на него крест, — пояснил Бен.

— А... он что, католик?

— Теперь — да.

* * *

Уже спустилась ночь, когда в кухонную дверь дома Сойеров тихо постучали. Бонни, чуть улыбаясь, пошла открывать. На ней был коротенький передник с оборочками, высокие каблуки и больше ничего.

Дверь открылась, глаза Кори Брайанта расширились, челюсть отвалилась.

— Бо... Бо... Бонни?

— В чем дело, Кори? — она взялась рукой за верхний край двери, намеренно придавая обнаженной груди самое пикантное положение. Одновременно она скрестила ноги, демонстрируя их во всей красе.

— Боже, Бонни, а вдруг бы это был?..

— Телефонный мастер? — она хихикнула и положила его руку на свою правую грудь. — Хочешь измерить мое сопротивление?

Ей не пришлось вести его в спальню. Он знал дорогу.

— Ты уверена, что он не вернется домой?

Ее глаза сверкнули в темноте.

— О ком это вы, мистер телефонщик? Не о моем же миллом муженьке... Он в Берлингтоне, штат Вермонт. Включи свет. Я хочу тебя видеть.

— Сними эту штуку.

— Сними сам. Ты должен уметь обращаться с узлами, телефонный мастер.

Он наклонился к ней. Она всегда заставляла его чувствовать себя подростком, впервые приступающим к делу; его руки всегда дрожали, когда он приближался к ней, будто ее плоть порождала сильное электрическое поле. Мысль о ней никогда не оставляла его в покое — как заноза между зубами, которую невозможно достать и выкинуть и невозможно не трогать поминутно языком. Ее изобретательность не знала границ.

— Нет, на колени. На колени передо мной.

Он неуклюже подчинился и потянулся к завязкам передника. Она, сидя на краешке кровати, поставила обе ноги с высокими каблуками ему на плечи. Он наклонил голову, чтобы поцеловать с внутренней стороны ее бедро; упругая плоть была чуть теплее губ.

— Отлично, Кори, вира помалу...

— Как остроумно, а?

Бонни Сойер завизжала.

Кори Брайан повернулся в смятении.

Рэджи Сойер стоял, прислонившись к дверному косяку. Короткоствольное ружье в его руках смотрело дулом в пол.

Кори ощутил горячую струю внутри брюк.

— Так значит в самом деле! — изумление Рэджи не знало границ. — Черт возьми, я проиграл Мики Сильвестру пачку папирос.

Бонни опомнилась первая:

— Рэджи, послушай. Это вовсе не то, что ты думаешь. Он вломился сюда, он был как сумасшедший, он, он...

— Заткнись, стерва, — он все еще улыбался. Приятной улыбкой. Он пришел в том самом костюме стального цвета, в котором целовался с ней на прощание два часа назад.

— Послушайте, — слабым голосом проговорил Кори. Рот его наполнился слюной. — Пожалуйста. Пожалуйста, не убивайте меня. Пусть я этого заслуживаю. Вы же не хотите сесть в тюрьму. Чего ради? Ну избеите меня — заработал. Но, пожалуйста...

— Встань с колен, Перри Мэйсон, — Рэджи все так же улыбался. — Ширинку проверь.

— Послушайте, мистер Сойер...

— Зови меня Рэджи. Мы ведь первые дружки. Я даже посвящен в твои интимные моменты — ведь так?

— Рэджи, это не то, что ты думаешь, он меня изнасиловал...

Улыбка Рэджи сделалась благосклонной:

— Если ты не заткнешься, я тебе отправлю кое-что заказной авиапочтой.

Бонни застонала. Лицо ее приобрело свет йогурта.

— Мистер Сойер... Рэджи...

— Тебя зовут Брайант? Твой папаша — Пит Брайант, правда? Он знает, что ты здесь?

— Нет, сэр, это разобьет ему сердце. Избеите меня, но если вы меня убьете, папа узнает и, клянусь, это его прикончит, и на вашей совести будут двое...

— Нет, держу пари, не узнает. Выйди-ка на минутку в гостиную. Это надо обсудить. Идем, — он приятно улыбнулся Кори, чтобы показать, что ничего плохого ему не сделает, потом взгляд его метнулся к Бонни. — Оставайся тут, киска, а то никогда не выяснишь, чем дело кончится.

Повинуясь жесту ружьем, Кори отправился впереди Рэджа в гостиную. Ноги его стали резиновыми. Спина между лопатками безумно зудела. Вот туда он и влепит пулю, точно посередине. Интересно, проживу я достаточно долго, чтоб увидеть, как мои потроха врежутся в стену?..

— Повернись, — велел Рэджи.

Кори послушался. Он начал всхлипывать. Он не хотел всхлипывать, но ничего не мог поделать. Пожалуй, это совершенно неважно: будет он всхлипывать или нет. Он уже подмочил свою репутацию.

Ружье больше не покачивалось небрежно в руках Рэджи. Два ствола смотрели Кори прямо в лицо.

— Ты знаешь, что ты делал? Ты спал с чужой женой, Кори. Тебя ведь так зовут?

Кори кивнул, по щекам его струились слезы.

— Ты знаешь, что делают с такими, как ты, если их ловят?

Кори кивнул.

— Возьмись за ствол ружья, Кори. Легонько возьмись. Вообрази... ну, например, что это грудь моей жены.

Кори протянул дрожащую руку и повиновался. Холодный металл лег на ладонь.

— Положи ствол себе в рот, Кори. Оба дула. Вот так. Засунь поглубже. Ты ведь умеешь засовывать, Кори, правда?

Челюсти Кори раздвинулись до крайнего предела. Дуло уперлось в небо, вызывая тошноту.

— Закрой глаза, Кори.

Кори только таращился на него глазами, большими, как чайные блюдца.

Рэджи улыбнулся еще приятнее:

— Закрой свои милые голубые глазки, Кори.

Кори закрыл.

Рэджи нажал оба курка. Они щелкнули по пустым патронникам двойным «клик-клик».

Кори свалился на пол в глубоком обмороке.

Рэджи смотрел на него несколько секунд, приятно улыбаясь, потом перехватил ружье за дуло, поднял прикладом вверх. Повернулся к спальне:

— Я иду, Бонни. Ты готова?

Бонни Сойер начала визжать. Похоже, это входило у нее в привычку.

* * *

Кори ковылял, спотыкаясь, по улице туда, где он оставил грузовичок своей фирмы. Глаза Кори налились кровью и остекленели. На затылке росла шишка — падая, он ударился об пол. Ноги с шуршанием волочились по земле. Он старался думать об этом шуршании, и больше ни о чем. Было четверть девятого.

Рэджи Сойер все еще приятно улыбался, выпроваживая Кори через заднюю дверь. Равномерные рыдания Бонни доносились из спальни рефреном словам мужа: «Сейчас иди, как хороший мальчик, садись в машину и отправляйся в город. Есть такой автобус Льюистон-Бостон, он

отправляется в четверть десятого. Он от Спенсера отправляется. Вот на нем ты уедешь. Потому что, если я когда-нибудь тебя увижу снова, я убью тебя. А с ней теперь все будет славно. Она теперь будет хорошая девочка. Она начнет новую жизнь теперь. Ей придется пару недель носить брючки и блузки с длинными рукавами, но вуали ей носить не придется. А ты только успевай умотать из Салема Лота раньше, чем вымоешься и выразишь опять, что ты мужчина».

И вот теперь он плелся по дороге, чтобы поступить в точности так, как велел Рэджи. Из Бостона можно отправиться... куда-нибудь. У него в банке больше тысячи долларов. Мать всегда хвалила его за бережливость. Деньги можно вытребовать по телеграфу. Их хватит продержаться, пока он не найдет работу и не выполнит другую тяжелую обязанность: забудет эту ночь. Вкус ружейного дула, запах собственного дерьма.

— Здравствуйте, мистер Брайант.

Кори взвизгнул и уставился в темноту, не увидав поначалу ничего. Ветер шевелил деревья, заставляя тени на дороге подпрыгивать и танцевать. Кори различил более плотную тень у каменной стены пастбища Карла Смита. Тень как будто имела человеческую форму, но что-то... что-то...

— Кто вы?

— Друг, который многое видит, мистер Брайант.

Тень зашевелилась и выскользнула из густой темноты. В слабом свете Кори увидел мужчину среднего возраста с черными усами и глубокими ярко блестящими глазами.

— С вами плохо обошлись, мистер Брайант.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю многое. Это моя работа — знать. Курите?

— Спасибо. — Он с удовольствием взял предложенную сигарету. Незнакомец подал ему огонь, и в свете деревянной спички Кори разглядел по-славянски высокие скулы, бледный лоб и прямые черные волосы. Сигарета оказалась дрянная, но это лучше, чем ничего. Кори стал понемногу успокаиваться.

— Кто вы? — спросил он опять.

Незнакомец рассмеялся — удивительно глубокие и полные звуки вились в воздухе, как дым только что зажженной сигареты.

— Имена! — произнес незнакомец. — О, Америка настаивает на именах. Позвольте мне продать вам автомобиль только потому, что мое имя Билл Смит. Ешьте у такого-то! Смотрите такого-то по телевизору! Мое имя Барлоу, если вам от этого легче. — Он опять рассмеялся, глаза его мерцали.

Кори ощутил улыбку на собственных губах и едва мог этому поверить. Его заботы отдалились, сделались неважными по сравнению с хорошим настроением в этих черных глазах.

— Вы ведь иностранец? — спросил Кори.

— Я житель многих стран, но мне эта страна... этот город кажется полным иностранцев. Вы понимаете? А? — Он смеялся опять, и на этот раз Кори присоединился к нему, давая выход несколько замедленной истерии.

— Да, иностранцы, — продолжал мужчина, — но красивые, живые, полнокровные. Вы знаете, какие красивые люди в вашей стране и в вашем городе, мистер Брайант? — Кори хохотнул, слегка сбитый с толку. Он не мог оторвать взгляда от лица незнакомца. Казалось, тот удерживал его силой. — Они не знают ни голода, ни нужды, люди этой страны. Уже два поколения, как не знают — да и раньше знали весьма отдаленно. Они думают, что знают печали — но это печали ребенка, уронившего мороженое в день своего рождения. Они проливают кровь друг друга с величайшей энергией. Вы мне верите? Вы понимаете?

— Да, — сказал Кори. Глядя в глаза незнакомца, он видел множество разных вещей — и все чудесные.

— Вся страна — изумительный парадокс. В других землях, где люди досыта едят день за днем, они жиреют... делаются сонными... походят на свиней. Но на этой земле... кажется, чем больше вы едите, тем агрессивней становитесь. Понимаете? Как мистер Соьер. Такой богатый — он жалеет вам крох со своего стола. Разве нет?

— Да, — сказал Кори. Глаза Барлоу были до того большие и до того понимающие. — Все это вопрос...

— Все это вопрос перспективы, правда?

— Да! — воскликнул Кори. Этот человек нашел правильное, точное, великолепное слово. Кори не заметил, как сигарета выпала из пальцев и легла, дымя, на дорогу.

— Я мог бы обойти стороной вашу глушь, — задумчиво говорил незнакомец, — предпочесть один из ваших грандиозных городов. Ба! — глаза его вдруг сверкнули. — Что я знаю о городах? Меня собьет машина на перекрестке, отравит смог, dokonают глупые дилетанты, чье общество мне... как вы говорите — неблагоприятно. Что такая деревенщина, как я, поделает с умствованиями большого города... даже американского? Ничего! Ничего, ничего и ничего! Я плюю на ваши города!

— О, конечно, — прошептал Кори.

— Поэтому я и прибыл сюда, в городок, о котором услышал от замечательного человека, здешнего уроженца, ныне, к сожалению,

покойного. Здешний народ богат и полнокровен, он обладает огромным запасом агрессии и темноты — таким необходимым... кому? Нет английского слова. Полтеник, вурдалак, бхут... Вы слушаете?

— Да, — прошептал Кори.

— Людям не следует отгораживаться от жизненной силы земли оболочкой из дерева и цемента. Погрузить руки в самые воды жизни! Извлечь жизнь из земли — цельную, пульсирующую! Разве это не верный путь?

— Да!

Незнакомец добродушно рассмеялся и положил Кори руку на плечо:

— Ты хороший парень. Хороший, сильный парень. Тебе не хочется покидать столь замечательный город, правда?

— Не хочется, — прошептал Кори, но вдруг засомневался. Страх вернулся к нему. Но, конечно, это неважно. Этот человек не допустит, чтобы с Кори случилось что-нибудь плохое.

— Ты не покинешь его. Никогда.

Дрожащий Кори словно прирос к месту, а Барлоу наклонил к нему голову:

— И ты еще отомстишь тем, кто купается в роскоши, когда другие нуждаются.

Кори Брайант погрузился в великую реку забвения, и река эта звалась время, и воды ее были красны.

* * *

В девять часов вечера, когда больничный телевизор, прикрепленный к стене, показывал вечерний фильм, у изголовья Бена зазвонил телефон. Это была Сьюзен, она едва владела собой.

— Бен, Флloyd Тиббитс умер. В камере, прошлой ночью. Доктор Коди говорит — острая анемия, но я же знаю! У Флойда была гипертония, его из-за этого не взяли в армию!

— Спокойнее.

— Мало того. У Макдугласов из Угла умер десятимесячный младенец. Мать увезли в больницу.

— Ты не слышала, отчего он умер?

— Миссис Эванс, которая вызвала туда доктора Плоумена, сказала моей маме, что у ребенка не смогли найти абсолютно ничего неладного... кроме того, что он мертв.

— А мы с Мэттом оба валяемся здесь, — Бен говорил скорее сам с собой, чем со Сьюзен. — Как будто нарочно подстроено.

— Это еще не все. Пропал Карл Формен. И тело Майка Райсона.

— Я думаю, это оно, — услышал Бен свой собственный голос. — Должно быть, так. Я выбираюсь отсюда завтра же.

— А тебя выпустят?

— Им не придется, — Бен говорил машинально, он думал уже о другом. — У тебя есть распятие?

— У меня? — она явно удивилась и даже слегка развеселилась. — Откуда?

— Я с тобой не шучу, Сьюзен, я никогда не говорил так серьезно. Можешь ты где-нибудь раздобыть его сейчас же?

— Ну, могу пройтись к Мэри Боддин...

— Нет. Не выходи на улицу. Сиди дома. Сделай крест сама, хотя бы из двух палочек. Положи возле кровати.

— Бен, я все еще не верю. Может — маньяк, который думает, что он вампир, но...

— Верь чему хочешь, но сделай крест.

— Но...

— Ты не хочешь это сделать? Хотя бы ради моего удовольствия?

— Хорошо, Бен, — проговорила она неохотно.

— Приезжай к больницу завтра около девяти. Мы вместе зайдем к Мэтту. Потом поедem побеседовать с доктором Джеймсом Коди.

— Он решит, что ты сумасшедший.

— Наверное. Но когда темнеет, все это становится реальнее, правда?

— Да, — тихо произнесла она. — Боже мой, да.

Неизвестно почему, перед Беном вдруг встала картина гибели Миранды.

— Сьюзен!

— Да.

— Будь очень осторожна. Пожалуйста.

Повесив трубку, он уставился в телевизор, едва замечая идущую там комедию. Он чувствовал себя обнаженным, беззащитным. У него самого не было креста.

* * *

Портлендский морг — это холодное, пропахшее антисептиком

помещение, выкрашенное в зеленые цвета: стены — темнее, потолок — светлее. Стены расчерчены квадратными дверцами, будто в камере хранения. Длинные параллельные люминисцентные лампы заливают все холодным светом. Обстановка не воодушевляющая, но неизвестны случаи, чтобы клиенты жаловались.

Вечером в субботу, без четверти десять, два служителя завозили на каталке тело молодого гомосексуалиста, застреленного в ночном баре. На середине подходящего к случаю анекдота Бадди Бэском вдруг замолчал и вытаращился на линию дверец М — Ф. Две из них стояли распахнутыми.

Вместе с Бобом Гринбергом он оставил вновь прибывшего и поспешил туда. Бадди остановился у первой из открытых дверец и, пока Боб торопился к следующей, прочитал на ней надпись:

ТИББИТС ФЛОЙД МАРТИН

Пол: М, принят 4.10.75

Карточка вскрытия 5.10.75

Подписал: Дж. М. Коди, д.м.

Бадди потянул за ручку, из двери толчками выехала пластина.

Пустая.

— Эй! — окликнул его Гринберг. — Эта дрянь пустая. Чьи идиотские шутки?..

— Я все время сидел на проходной, — прервал его Бадди. — Никто не входил, могу поклясться. Должно быть, это когда Кэрти дежурил. Чье там имя?

— Макдуглас Рэнделл Фратус. Что значит сокращение «мл.»?

— Младенец, — мрачно пояснил Бадди. — Ну, клянусь Христом, неприятностей теперь не оберешься.

* * *

Что-то его разбудило.

Он не двигаясь, лежал, в тикающей темноте и глядел в потолок.

Звук. Какой-то звук. Но в доме тихо.

А, вот опять. Скребется.

Марк Петри повернулся в постели взглянуть в окно — оттуда на него сквозь стекло смотрел Дэнни Глик, мертвенно бледный, с дикими красными глазами. Что-то темнело у него на руках и подбородке, а когда он

увидел, что Марк смотрит на него, то улыбнулся и показал сделавшиеся отвратительно длинными и острыми зубы.

— Впусти меня, — прошептал он, и Марк не понял, услышал ли он эти слова сквозь стекло или просто почувствовал.

Он был испуган — его тело поняло это прежде сознания. Никогда еще он так не боялся — даже когда не мог выплыть на берег Попхэм Бич и чуть не утонул. Ум его, все еще детский во многих отношениях, определил положение в считанные секунды. Ему грозило нечто большее, чем смерть.

— Впусти меня, Марк. Я хочу поиграть с тобой.

За окном этому отвратительному существу не за что было держаться: второй этаж, никакой лестницы. Но как-то оно висело в пространстве... или прицепилось к подоконнику, как насекомое.

— Марк... Я пришел наконец, Марк. Пожалуйста...

Конечно. Их надо пригласить внутрь. Он прекрасно знал это из журналов о монстрах — тех самых, которые, как опасалась мать, могли причинить ему вред.

Он встал с кровати — и чуть не упал. Оказалось, что испугался — это слишком мягко сказано. Даже слова «ужас» явно не доставало. Мертвенное лицо за окном постаралось улыбнуться, но слишком долго обитало во тьме, чтобы помнить, как это делается. Марк увидел искаженную гримасу — кровавую маску из трагедии.

Но если глядеть в глаза — не так уж плохо. Если глядеть в глаза — страха почти нет и становится понятно: ведь все, что надо сделать — это открыть окно и сказать: «Входи, Дэнни», а потом страха не будет совсем, потому что станешь заодно с Дэнни и со всеми ними, и заодно с ним. Станешь...

Нет! Вот так они до тебя и добиваются!

Он буквально оттащил свой взгляд в сторону, и это потребовало всех его сил.

— Марк,пусти меня! Я приказываю! Он приказывает!

Марк снова двинулся к окну. С этим ничего нельзя было поделать. Этот голос не допускал возражения. Чем ближе Марк подходил к окну, тем сильнее искажалось гримасой жадности полное зла мальчишеское лицо с другой стороны стекла. Черные от земли ногти скребли оконницу.

Думать о чем-то другом. Скорее! Скорее!

— Пи эр, — прошептал он хрипло. — Пи эр квадрат есть площадь круга. Жена милей и лучше друга.

Дэнни Глик зашипел:

— Марк! Открой окно!

— Перепелка перепеленка...

— Окно, Марк, он велит!

— ...перепеленывала, перепеленывала, еле перепеленала.

Он слабел. Шуршащий голос одолевал, пробиваясь сквозь все его баррикады. Взгляд Марка упал на стол с моделями монстров — таких игрушечных и глупых сейчас... Пластиковый упырь пробирался через пластиковое кладбище, и одно из надгробий было в форме креста.

Глаза Марка слегка расширились. Не колеблясь и не задумываясь (то и другое сделал бы взрослый себе на погибель), Марк сорвал крест с подставки, крепко зажал в кулаке и громко сказал: «Ну, заходи».

Лицо за стеклом искривилось в гримасе хищного торжества. Оконная панель скользнула вверх, и Дэнни шагнул в комнату. Из его открытого рта несло страшной вонью, как из склепа. Холодные, белые, как рыбье брюхо, руки опустились Марку на плечо. Верхняя губа по-собачьи вздернулась над сверкающими клыками.

Широко размахнувшись, Марк ударил Дэнни крестом по щеке.

Вопль был ужасный, неземной и... неслышный. Он отдавался только в разуме и душе. Улыбка торжества обратилась в гримасу агонии. Бледная плоть мелко задрожала, и, прежде чем создание, изогнувшись, полунырнуло-полувывалилось в окно, Марк ощутил, что эта плоть поддалась, как дым.

А потом все кончилось, как будто ничего не было.

Но крест на секунду вспыхнул яростным светом, как будто внутри него включилась электрическая нить. Потом свет медленно померк, оставив только голубое изображение перед глазами.

Через вентиляционный ход Марк четко услышал щелчок выключателя в спальне родителей и голос отца: «Что там за дьявол?».

В чем-то отец был прав.

* * *

Дверь детской открылась через две минуты, но этого времени вполне хватило.

— Сын, — тихо спросил Генри Петри. — Ты спишь?

— По-моему, да, — сонно отозвался Марк.

— Тебе приснилось что-нибудь страшное?

— На... наверное. Я не помню.

— Ты кричал во сне.

— Извините.

— Нет, не извиняйся. — Генри Петри осмотрел комнату, пытаясь объяснить себе дрожь ужаса, от которой проснулся и от которой не избавился и сейчас, — как будто на волосок избежал катастрофы. Но все как будто в порядке. Окно закрыто. Вещи на своих местах.

— Марк, что-нибудь не в порядке?

— Нет, папа.

— Ну... спокойной ночи тогда.

— Спокойной ночи.

Дверь тихо закрылась, слышались шаги идущего вниз по лестнице отца. Марк медленно приходил в себя. Ребенок немного младше — или немного старше — бился бы в истерике. Но Марк только чувствовал, как медленно уходит ужас: как будто тело высыхает на ветру после купания. А когда страх ушел совсем — его сменила сонливость.

Прежде чем совсем заснуть, он успел подумать — в который раз — о странностях взрослых. Они нуждаются в дрянных пилюлях, чтобы отогнать страхи, не дающие им спать, но до чего же смешные и прирученные эти страхи. Работа, деньги, что подумает учитель, если мы не достанем для Дженни хорошую одежду, любит ли меня моя жена... Смешно сравнивать их с теми кошмарами, с которыми каждый ребенок остается наедине, чуть только положит голову на подушку. А ведь для этих страхов нет ни снотворного, ни психотерапии, ни социальных служб. Ужасающие битвы происходят по ночам в детских спальнях: с тем, кто в углу, с тем, кто как раз там, куда ты смотришь. И единственное средство от этих кошмаров — медленное притупление фантазии, и это называется взрослением.

Мысли эти проскользнули у него в голове в форме некой умственной стенографии. Предыдущей ночью для Мэтта Берка подобная сцена закончилась сердечным припадком; этой ночью Марк Петри через десять минут после нее спокойно спал, сжимая в кулаке пластиковый крест. Вот в чем разница между мужчинами и мальчиками.

11. Бен (4)

В десять минут десятого утром — ярким, солнечным воскресным утром — Бен начинал серьезно волноваться за Сьюзен, когда зазвонил телефон у его постели. Бен схватил трубку:

— Где ты?

— Спокойно. Я наверху у Мэтта Берка. Он желает твоего общества — как только будешь готов.

— Почему ты не пришла?..

— Я заглянула раньше. Ты спал как ягненок.

— Здесь на ночь отключают всех наркотиками, чтобы без помех подбирать подходящие потроха для пациентов-биллионеров. Как Мэтт?

— Поднимись и взгляни сам, — посоветовала она и не успела положить трубку, как Бен уже вскочил.

* * *

Мэтт выглядел гораздо лучше, он почти помолодел. Сьюзен сидела рядом в ярко-голубом платье. Мэтт поднял руку в знак приветствия.

Бен подтащил к кровати ужасающе неудобное больничное кресло.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он Мэтта.

— Куда лучше. Слабость, но лучше. Сегодня мне уже давали на завтрак яйцо.

Бен поцеловал Сьюзен и заметил в ней странное напряжение — как будто все в ней было связано тонкой проволокой.

— Появилось что-нибудь новое с тех пор, как ты вчера звонила?

— Нет, я уехала из дому в семь, а Лот в воскресенье просыпается немного позже.

Бен обернулся к Мэтту:

— Вы в состоянии об этом говорить?

— Думаю, да, — он слегка вздрогнул, и одетое на него Беном распятие сверкнуло. — Кстати, спасибо вам за него. Это очень успокаивает, хоть я и купил его в отделе уцененных товаров.

— Как ваше состояние?

— По терминологии молодого Коди — стабилизировалось. Он сказал, что такие приступы случаются в результате сильнейших потрясений. Я

держал рот на замке. Правильно я сделал?

— Совершенно правильно. Но события развиваются. Мы со Сьюзен собираемся выложить все Коды. Если он не вызовет ко мне санитаров немедленно, мы пришлем его к вам.

— Я ему покажу, — мстительно произнес Мэтт. — Негодяй отобрал у меня трубку.

— Сьюзен вам рассказала, что случилось в Джерусалемз Лоте с вечера пятницы?

— Нет. Она ждала вас.

— Прежде чем она это сделает, вы расскажете мне, что случилось у вас в доме?

Лицо Мэтта потемнело, на минуту маска выздоравливающего исчезла и Бену снова явился тот старик, которого он видел вчера.

— Если вы не...

— Нет, конечно, я должен это сделать, если хоть половина моих подозрений верна. — Он горько улыбнулся. — А я-то всегда считал себя рационалистом. Вы слышали версию Сьюзен?

— Да, но...

— Конечно. Я только хотел убедиться, что могу обойтись без предыстории.

И он рассказал почти все равнодушным, бесстрастным голосом, прервав рассказ только тогда, когда вошла сестра, неслышно ступая войлочными тапочками, и спросила, не хочет ли он имбирного лимонада. Мэтт сказал ей, что имбирный лимонад — это замечательно, и потягивал его через соломинку до самого конца своего рассказа.

Когда дошло до того, как Майк вывалился в окно, Бен заметил, что кубики льда в стакане Мэтта слабо зазвенели, но голос оставался ровным голосом ведущего урок учителя. Бен подумал — в первый раз — что перед ним замечательный человек.

— Итак, — сказал Мэтт, немного помолчав, — не видел ничего своими глазами — что вы думаете об этой ереси?

— Мы вчера все обсудили, — сообщила Сьюзен. — Бен расскажет.

Немного смущаясь, Бен перечислил все рациональные объяснения и отверг их одно за другим. Когда он вошел до валявшегося под окном ставня, Мэтт заплодировал:

— Bravo! Настоящий сыщик. — Потом взглянул на Сьюзен: — А вы, мисс Нортон, в свое время писавшая такие рассудительные сочинения? Что вы думаете?

Она опустила глаза, потом подняла взгляд на него:

— Бен вчера прочел мне лекцию о словах «не могу» и «не может быть», так что я не стану их говорить. Но признаюсь, мне трудно поверить, что Салем Лот кишит вампирами.

— Если это можно будет сделать секретно, я пройду психиатрический осмотр, — тихо проговорил Мэтт.

Она слегка покраснела:

— Нет-нет, поймите меня правильно, пожалуйста. Я уверена, что в городе что-то происходит. Что-то ужасное. Но... это...

Мэтт положил руку на ее кисть:

— Я все понимаю, Сьюзен. Но ты можешь сделать для меня одну вещь?

— Конечно, если сумею.

— Давайте мы... все трое... сделаем допущение, что это правда. До тех пор, только до тех пор — пока не будет доказано обратное. Это научный подход — не так ли, Бен? И никто не обрадуется больше, чем я, если ничего не подтвердится.

— Но вы на это не надеетесь?

— Нет. После длительных дебатов с самим собой я принял решение. Я верю тому, что видел своими глазами.

— Вопросы веры и неверия мы лучше пока оставим, — сказал Бен, — сейчас они только мешают.

— Ладно. Что вы предполагаете делать?

— Для начала я хотел бы избрать вас начальником научного департамента. Лучше вас никто не справится. Вы не можете действовать активно.

Глаза Мэтта блеснули:

— Я позвоню Лоретте Старчер. Она привезет мне все нужные книги сюда.

— Сегодня воскресенье, — заметила Сьюзен, — библиотека закрыта.

— Для меня откроется. — Он улыбнулся. — В первый раз почувствовал себя человеком с тех пор, как пришел в себя. Что вы собираетесь делать?

— Сначала — доктор Коди. Он осматривал и Райсона, и Флойда Тиббитса. Может быть, даже удастся уговорить его эксгумировать Дэнни Глика.

— Как вы думаете, он на это пойдет? — спросила Сьюзен у Мэтта.

Мэтт потянул через соломинку свой лимонад, прежде чем ответить.

— Тот Джимми Коди, который учился в моем классе, не колебался бы ни минуты. Он был мальчиком с фантазией. Что сделал из него

медицинский колледж, я не знаю.

— Все это кажется мне пустой тратой времени, — объявила Сьюзен. — Особенно идти к доктору Коди и рисковать сделаться посмешищем. Почему бы нам с Беном просто не пойти в Марстен Хауз и не разобраться? Я так поняла, что это стояло на повестке дня позавчера.

— Я тебе скажу, почему, — отозвался Бен. — Потому что мы допускаем, что это правда. Ты стремишься сунуть голову в пасть льву?

— Я думала, вампиры днем спят.

— Кем бы ни был Стрэйкер, он не вампир, — пояснил Бен, — или врут древние легенды. Его днем прекрасно видно. В лучшем случае нас просто выставят. В худшем — он задержит нас до темноты. Получится оживший комикс о графе-вампире.

— Барлоу? — спросила Сьюзен.

Бен пожал плечами:

— Почему бы и нет. Эта поездка за покупками не очень-то правдоподобна.

— А что вы станете делать, если все-таки Коди посмеется над вами? — спросил Мэтт. — При условии, что он не вызовет санитаров немедленно.

— Отправимся на кладбище на заходе солнца, — пояснил Бен, — следить за могилой Дэнни Глика. Можете назвать это тестом.

Мэтт приподнялся на кровати:

— Обещайте мне быть осторожными. Обещайте мне, Бен!

— Мы обязательно будем, — пообещала Сьюзен успокаивающим тоном. — Мы прямо звеним от крестов.

— Не шути, — пробормотал Мэтт. — Если бы ты видела то же, что и я... — он отвернулся и стал смотреть в окно на осенние клены.

— Если она шутит, — вмешался Бен, — то я не шучу. Мы примем все меры предосторожности.

— Поговорите с отцом Кэллахеном, — посоветовал Мэтт. — Пусть даст вам святой воды.

— Что он за человек? — спросил Бен.

Мэтт пожал плечами:

— Чудаковат немного. Может быть, пьяница. Если так — то пьяница тихий и интеллигентный. Возможно, ему слегка неуютно под ярмом просвещенного папства.

— Вы думаете, что отец Кэллахен... что он пьет? — удивилась Сьюзен.

— Не уверен. Но Брэд Кэмпьен, мой бывший ученик, работает в

винном магазине в Ярмуте и говорит, что Кэллахен у них постоянный заказчик. Причем у него хороший вкус.

— С ним можно поговорить? — настаивал Бен.

— Не знаю. Думаю, надо попробовать.

— Так вы совсем с ним не знакомы?

— Да нет, кое-что о нем знаю. Он пишет историю католической церкви в Новой Англии и прекрасно разбирается в поэтах так называемого «золотого века»: Витье, Лонгфелло, Рассел, Холмс и другие. Боюсь, для вас это бесполезно.

— Я посмотрю на него, — решил Бен, — и поступлю так, как нюх подскажет.

С предупреждающим знаком вошла сестра, и через минуту появился Джимми Коди со стетоскопом на шее.

— Беспokoите моего пациента? — осведомился он дружелюбно.

— И вполнину не так, как ты... — сказал Мэтт. — Мне нужна моя трубка.

— Вам нельзя, — машинально отозвался Джимми, читая карточку Мэтта.

— Скотина, — пробормотал тот.

Коди положил карточку на место и взялся за зеленую занавеску, огибающую кровать:

— Боюсь, мне придется попросить вас обоих выйти на минуту. Как ваша голова, мистер Мерс?

— Как будто не протекает.

— Вы слышали о Флойде Тиббитсе?

— Сьюзен рассказала. Если у вас есть время, я хотел бы поговорить с вами после обхода.

— Я закончу обход вами, если хотите. Около одиннадцати.

— Отлично.

— А теперь, если вы со Сьюзен нас извините...

Занавеска отгородила Бена и Сьюзен от кровати. Оттуда послышалась неразборчивая, но въедливая скороговорка Мэтта и слова Коди: «В следующий раз, когда вы окажетесь у меня под наркозом, я вам удалю язык и половину лобной доли». Бен и Сьюзен улыбнулись друг другу, как улыбаются молодые пары, когда у них все хорошо, но обе улыбки почти одновременно растаяли. Каждый задал себе вопрос, не сошел ли он с ума.

В четверть двенадцатого, когда Джимми Коди вошел наконец в палату Бена, тот сразу начал:

— Я хотел говорить с вами о...

— Сначала голова, потом разговоры. — Коди занялся перевязкой, заставившей Бена подпрыгнуть, потом посветил ему в глаз, постучал по колену резиновым молоточком. Со внезапной дрожью Бен подумал, что молоточек, должно быть, тот самый, которым Джим проверял Майка Райсона.

— Как будто удовлетворительно, — резюмировал Коди. — Как девичья фамилия вашей матери?

— Эшфорд. — Бен не удивился. Подобные вопросы ему задали сразу же, как он пришел в себя.

— Второе имя отца?

— Мертон.

— Тошнота, головокружение?

— Нет.

— Странные запахи, цвета или...

— Нет, нет. Я хорошо себя чувствую.

— Это решу я, — чопорно возразил Коди. — В глазах не двоилось?

— Нет — с тех пор, как я в последний раз купил галлон виски.

— Прекрасно, — объявил Коди. — Объявляю вас исцеленным чудесами современной науки и преимуществом дубовой головы. Теперь что у вас на уме? Наверное, Тиббитс и малыш Макдуглас. Во-первых, я рад, что их не занесли в бумаги: нашему разлюбозному городку достаточно одного скандала в столетие. Во-вторых, черт меня побери, если я знаю, кому могла взбрести в голову подобная кретинская шутка. Среди местных таких нет. Мы здесь не ангелы, но...

Он замолчал, видя недоуменное выражение на лицах Бена и Сьюзен.

— Вы не знаете? Не слышали? — удивленно спросил доктор.

— О чем?

— Что-то вроде фильма Бориса Карлова по мотивам Мэри Шелли. Кто-то стащил тела прошлой ночью из Кэмберлендского морга.

— Иисус Христос! — еле выговорила Сьюзен одеревеневшими губами.

— В чем дело? — удивился Коди. — Вам что-нибудь известно?

— Я начинаю действительно думать, что да, — сказал Бен.

Они закончили рассказывать в половине первого. Ленч, принесенный Бену, остался стоять на подносе нетронутым.

Отзвучало последнее слово, и в палате раздавался только отдаленный звон посуды, доносящийся через полуоткрытую дверь.

— Видели вампиров... — произнес Джимми Коди. — Да еще не кто-нибудь, а Мэтт Берк. Раз так, ужасно трудно над этим смеяться.

Бен и Сьюзен хранили молчание.

— И вы хотите, чтобы я эксгумировал мальчонку Гликов... Коди вытащил из своего чемоданчика бутылочку и бросил ее Бену. — Аспирин. Пользуетесь?

— Конечно.

— А знаете, как он действует?

— Нет. — Бен повертел бутылочку в руках, посмотрел на нее. Он недостаточно знал Коди, чтобы читать по его лицу, но понимал, что мало кто из пациентов мог видеть его таким, каким он выглядел сейчас.

— И я не знаю. И никто не знает. Но он помогает от головной боли, от артрита, от ревматизма. И что такое головная боль, артрит и ревматизм, мы тоже толком не знаем. Интересно, что аспирин по химическому составу очень близок к ЛСД, но почему один лечит головную боль, а от другого видится небо в алмазах? Лучший в мире врач стоит на своем крохотном островке знаний в океане невежества. Белая Магия. Почему тогда не быть черной? Мои профессора принялись бы рвать на себе волосы, если бы это услышали. Некоторые и рвали — когда узнали, что я собрался заниматься общей практикой в провинции штата Мэн. — Он улыбнулся. — Они покатались бы по полу в конвульсиях, узнай о том, что я собрался требовать эксгумации маленького Глика.

— Вы сделаете это? — Сьюзен откровенно изумилась.

— Чему это повредит? Если он мертв — значит, он мертв. Если нет — что ж, у меня появится шанс поступить в медицинскую академию. Я собираюсь заявить окружному эксперту, что хочу проверить его на инфекционный энцефалит. Это единственное разумное объяснение, которое приходит мне в голову.

— Так это возможно? — спросила Сьюзен с надеждой.

— Думаю, что да, хотя, пожалуй, это будет чертовски сложно.

— Когда вы сумеете это сделать? — поинтересовался Бен.

— Если все пойдет гладко — завтра, если придется посуветиться — во вторник или в среду.

— Как он будет выглядеть? То есть...

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Глики ведь не стали

бальзамировать мальчика. Прошла уже неделя... Значит, когда откроют гроб, вырвутся газы, будет очень неприятный запах. Тело, вероятно, окажется распухшим. Волосы дорастут до плеч — они продолжают расти поразительно долго — и ногти тоже будут длинными. Глаза, вероятно, ввалятся.

Сьюзен пыталась сохранить выражение научной бесстрастности, но не особенно преуспела в этом. Бен радовался, что не съел ленч.

— Радикальные преобразования тканей, видимо, еще не начались, — продолжал Коди тоном лектора, — но влаги должно быть достаточно, чтобы спровоцировать на обнаженных участках: на руках, щеках — произрастание плесенеобразной субстанции, называемой... — он остановился. — Прошу прощения. Я, кажется, увлекся.

— Есть кое-что похуже разложения, — заметил Бен нейтральным тоном. — Что если ни одного из этих признаков вы не найдете? Как тогда поступить? Вогнать кол в сердце?

— Вряд ли, — усомнился Коди. — При вскрытии будет присутствовать окружной эксперт или его помощник. Не думаю, что даже Brent Norbert счел профессиональным действием с моей стороны подобный поступок.

— Так что же вы сделаете? — спросил Бен с любопытством.

— Прошу, конечно, прощения у Мэтта Берка, но не думаю, чтобы такой вопрос вообще возник. Ну а если тело действительно окажется в каком-то необыкновенном состоянии, я должен буду доставить его в Медицинский центр штата. А там постараюсь проволынить с обследованием до темноты и проследить за всеми феноменами, которые могут при этом случиться.

— А если он встанет?

— Как и вы, я не убежден в этом.

— Я-то убеждаюсь все больше и больше. Могу я при этом присутствовать? Если, конечно, все получится.

— Это можно устроить.

— Отлично. — Бен встал и направился к шкафчику с одеждой. Сьюзен хихикнула, и он вопросительно обернулся.

— Больничные пижамы имеют обыкновение распахиваться сзади, мистер Мерс, — пояснил Коди с усмешкой.

— О, черт! — Бен стремительно развернулся. — Кстати, зовите меня Бен.

— На этом, — Коди поднялся, — мы со Сьюзен откланиваемся. Когда выпишетесь, ищите нас в кофейне на первом этаже. У нас с вами сегодня

есть одно дело.

— Какое?

— Надо рассказать про энцефалит Гликам. Если хотите, будете моим коллегой. Не говорите ничего, только беритесь рукой за подбородок и делайте мудрый вид.

— Им ведь это не понравится, правда?

— А вам бы понравилось?

— Нет, — признался Бен.

— Вам нужно их разрешение для эксгумации? — спросила Сьюзен.

— Формально — нет, но в действительности, вероятно, понадобится. Я знаю об эксгумации только то, что запомнил в колледже. По-моему, если Глики будут резко настроены против, мы можем потерять от двух недель до месяца, причем вряд ли моя энцефалитная теория выдержит такое испытание. — Он помолчал и посмотрел на обоих. — А это меня беспокоит больше всего, ведь Дэнни Глик — единственный труп, за который мы можем зацепиться. Все остальные растворились в воздухе.

* * *

Джимми Коди и Бен добрались до домика Гликов в половине второго. Машина Тони Глика стояла на подъездной дорожке, но дом был абсолютно тих. Когда на третий стук никто не ответил, они направились через дорогу к маленькому сборному домику в стиле ранчо — останку пятидесятих годов. На почтовом ящике значилась фамилия Диккенс. Маленький коккер-спаниель заколотил хвостом при виде гостей.

Паулина Диккенс, официантка и совладелица Замечательного Кафе, открыла дверь приблизительно через две секунды после того, как Коди позвонил. Она была в форменной одежде.

— Привет, Паулина, — сказал Джимми. — Вы знаете, где Глики?

— Вы хотите сказать, что вы не знаете?

— Чего?

— Миссис Глик умерла сегодня утром. Тони Глика увезли в центральную больницу штата. Он в шоке.

Бен посмотрел на Коди. Джимми выглядел как человек, получивший удар в живот.

Бен быстро перехватил инициативу:

— Вы не знаете, куда отвезли ее тело?

— Ну, час назад я говорила с Мэйбл Вертс по телефону, так она

слышала, что Перкинс Джиллесли собрался везти его в похоронную контору того еврея в Кэмберленде. Потому что никто не знает, куда исчез Карл Формен.

— Спасибо, — медленно проговорил Коди.

— Ужасно, — взгляд Паулины обратился к пустому дому через дорогу. — Если бы я была суеверна, я бы испугалась.

— Чего, Паулина? — спросил Коди.

— Ох... всего, — она слабо улыбнулась. Пальцы ее коснулись цепочки на шее.

На цепочке висел медальон святого Христофора.

* * *

Они снова сидели в машине. Без единого слова они проследили, как Паулина выбралась из дому и уехала на работу.

— Что же теперь? — наконец спросил Бен.

— «Этого еврея» в Кэмберленде зовут Мори Грин, — начал Джимми. — Девять лет назад я откачал его мальчишку, когда тот чуть не утонул. Может быть, настало время поступить некрасиво и воспользоваться его благодарностью.

— Для чего? Должно быть, эксперт уже отвез тело на аутопсию, или как там это называется.

— Вряд ли. Не забывайте, что сегодня воскресенье. Эксперт бродит где-то по лесу с молотком: он геолог-любитель. Норберт... Помните Норберта?

— Да.

— Он скорее всего отключил телефон и делает вид, что на вызове. Если мы отправимся к Мори Грину сейчас, думаю, у нас есть шансы застать тело и там проследить за ним до темноты.

— Ладно, — сказал Бен, — поехали.

Он вспомнил про отца Кэллахена, но нельзя было терять времени.

События развивались слишком быстро. Фантазия и реальность соединились.

* * *

Они ехали молча. Бен думал о том, что сообщил ему в больнице Коди.

Исчез Карл Формен. Исчезли тела Флойда Тиббитса и маленького Макдугласа — прямо из-под носа служителя морга. Майк Райсон тоже исчез. И бог знает, кто еще. Сколько людей в Салеме Лоте могут пропасть из виду за неделю... две недели... месяц, чтобы никто не спохватился? Две сотни? Три? У него вспотели ладони.

— Это становится похожим на бред параноика, — заговорил Джимми. — Самое страшное — относительная легкость, с которой можно основать колонию вампиров, — лишь бы обеспечить первого. У нас ведь здесь город-спальня для Портленда, Льюистона, Гэйтс Фолла. В Лоте нет промышленности, никто не заметит роста прогулов. Одна школа на три города. В церковь многие ходят в Кэмберленд, а многие вовсе не ходят. А добрососедские отношения прикончил телевизор. Очень удобное местечко для таких дел.

— Да, — подхватил Бен, — Дэнни Глик заражает Майка. Майк заражает... ох, не знаю. Может быть, Флойда. Малыш Макдуглас заражает... отца? Мать? Как они? Кто-нибудь интересовался?

— Это не мои пациенты. Думаю, доктор Плоумен должен был зайти к ним сегодня утром и сказать, что их сын исчез из морга. Но почему я знаю, заходил он или нет, и застал ли их, если заходил.

— Надо бы проверить. — Бен начал торопиться. — Видите, как легко? Посторонний проедет через город и ничего не заметит. Заштатный городишко, каких много. А кто знает, что там в домах за занавесками? Может, там люди лежат в кроватях... или стоят в чуланах, как метлы... или в подвалах... ждут, пока солнце сядет. А по утрам на улицах все меньше и меньше народу. Меньше и меньше, с каждым днем. — Он сглотнул и ощутил в горле сухой щелчок.

— Спокойнее, — отозвался Джимми. — Ничего еще не доказано.

— Уже есть куча доказательств, — живо отозвался Бен. — Будь это тиф или, скажем, грипп А-2 — уже весь город оказался бы в карантине.

— Сомневаюсь. Не забывайте, что только один человек действительно что-то видел.

— Но он не пьяница какой-нибудь!

— Его распнут, если такая история выйдет наружу, — заметил Джимми.

— Кто? Не Паулина Диккенс, это уж наверное. Она скоро дверь завешает крестами.

— Она — исключение.

Дальше ехали молча. Возле похоронного бюро Грина — в северном конце Кэмберленда — у входа в часовню стояли два катафалка. Джимми

выключил зажигание и вопросительно взглянул на Бена:

— Готовы?

— Пожалуй.

Они вышли из машины.

* * *

Бунт зрел в ней весь день, и около двух часов прорвался. Они валяют дурака, чешут левой рукой правое ухо — и все вокруг чего-то такого, что (простите, мистер Берк) в конце концов окажется лошадиным дерьмом. Сьюзен решила отправиться в Мартен Хауз сейчас же.

Анна Нортон пекла печенье, отец в гостиной смотрел телевизор.

— Ты куда? — спросила миссис Нортон.

— Съезжу прогуляться.

— Ужин в шесть. Не опаздывай.

— Вернусь в пять, самое позднее.

Машиной Сьюзен гордилась больше, чем любой из своих вещей. И не потому, что это была первая ее машина, а потому что Сьюзен оплатила ее сама, своей работой, своим талантом. Она осторожно выехала из гаража и мельком помахала рукой матери, выглянувшей в окно кухни. Между ними все еще оставалась трещина; о ней не говорили, но она не исчезла. Прочие ссоры, даже самые серьезные, время всегда заштопывало, жизнь продолжалась, хороня раны под повязкой дней. Но эта ссора казалась окончательной, перейдя в тотальную войну. Перевязки не лечили, оставалась ампутация. Сьюзен уже почти собрала вещи и чувствовала, что поступает правильно. Давно следовало это сделать.

Она выехала на Брок-стрит. Вместо неловкости за прежнее нелепое поведение она ощущала удовлетворение поставленной целью. Наконец-то она перестала дрейфовать и начала грести.

За пределами города она остановила машину и вышла на пастбище — туда, где лежало, дожидаясь зимы, свернутое снеговое ограждение. Сьюзен не удержалась от усмешки, когда теребила один из кольев до тех пор, пока проволочные петли не раздвинулись, выпуская его. Заполучив острый кол, примерно трех футов длиной, она отнесла его в машину и спрятала под заднее сиденье. Она понимала умом, для чего он нужен, но не задумывалась, способна ли она вбить кол в грудь человека при каких бы то ни было обстоятельствах.

Не сворачивая, она доехала до Кэмберленда. В маленьком

магазинчике, где отец покупал «Санди Таймс», ей помнилась витрина с бижутерией. Сьюзен купила «Таймс» и выбрала маленькое золотое распятие. Принимая четыре доллара пятьдесят центов, толстый продавец едва отвернулся от телевизора.

Она свернула к северу. Кругом все выглядело свежим, бодрящим и живым в ярком свете послеполуденного солнца, и жизнь казалась очень дорогой. Мысли Сьюзен перескочили к Бену. Прыжок был короткий.

Солнечные лучи, струясь сквозь листву деревьев, испещряли дорогу пятнами света и тени. «В такой день, — подумала она, — легко верить, что все, всегда и везде заканчивается счастливо».

Свернув на Брукс-роуд вверх по склону холма, Сьюзен попала в густой лес, скрывавший солнце. Здесь не было ни домов, ни трейлеров, по сторонам дороги через каждые сто футов стояли таблички владевшей лесом бумагопроизводительной компании, запрещающие охотиться и входить в лес. Проезжая мимо поворота на свалку, Сьюзен ощутила приступ беспокойства. На этом мрачном участке пути сверхъестественное казалось вероятнее. Не в первый раз она задала себе вопрос: какой нормальный человек купит развалившийся дом самоубийцы и от рассвета до заката станет держать в нем закрытыми ставни.

Дорога вдруг нырнула вниз, а потом круто поднялась по западному склону Марстен Хилла. Между деревьями показалась крыша Марстен Хауза.

Сьюзен остановила машину на дне оврага. Поколебавшись, она вытащила кол и надела на шею распятие. Она все еще чувствовала себя нелепо — но совсем не так нелепо, как если бы кто-нибудь из знакомых увидал ее шагающей по дороге с колом в руках.

«Привет, Сьюзен, ты куда?»

«Да вот собралась в дом старины Марстена прикончить вампира. Но я должна спешить, чтобы не опоздать к ужину».

Она решила пройти напрямик — через лес.

Осторожно перебравшись через полуразрушенную каменную стену вдоль придорожной канавы, она обрадовалась, что одела тапочки. Конечно, бесстрашной победительнице вампиров полагались бы высокие каблуки, но завалы валежника начались еще раньше самого леса.

Под соснами оказалось градусов на десять прохладнее и еще более мрачно. Землю ковром покрывали старые иглы, ветер шуршал ветвями. Время от времени какой-нибудь зверек шарахался в кусты. Сьюзен вдруг осознала, что если бы свернула налево, то не позднее чем через полмили уперлась бы в кладбище «Гармони Хилл».

Она упорно шла вперед. Поднявшись на вершушку холма, она стала замечать, что впереди между деревьями мелькает тыльная сторона Марстен Хауза. И еще она поняла, что боится. Она не могла определить причину точно, и в этом ее страх походил на тот, который она испытала (и успела уже почти забыть) в доме Мэтта Берка. Было светло, она не сомневалась, что ее никто не мог заметить, но все-таки боялась и страх давил все тяжелей. Казалось, он заливал сознание, исходя из той части мозга, которая обычно остается забытой и бездеятельной, как аппендикс. День больше не радовал. Ощущение игры пропало. Решительность ушла. Она поймала себя на том, что вспоминает фильм ужасов, где героиня забирается на чердак или в подвал посмотреть, «что так напугало старую миссис Кобхэм», и она, Сьюзен, сидя в уютных объятиях своего дружка, думает: «Что за дуреха... я никогда не сделала бы этого». И вот — делает именно это. Она стала понимать разницу между человеческим сознанием и подсознанием: сознание толкает и толкает вперед, несмотря на предостерегающие усилия той части организма, которая по своей конструкции ближе всего к мозгам аллигатора. До тех пор будет толкать, пока не распахнется дверь чердака или подвала и не откроется нечто...

СТОП!

Она взмокла от ужаса. И это при виде обыкновенного дома с закрытыми ставнями. «Не глупи, — приказала она себе. — Ты собираешься немножко пошпионить, вот и все. Отсюда можно увидеть твой собственный дом. Что, во имя Бога, может с тобой случиться неподалеку от собственного дома?»

И все-таки она крепче сжала свой кол, а когда деревья уже не могли надежно скрывать ее из виду — опустила на четвереньки и поползла. Из-за последних деревьев опушки видна была западная сторона дома, оплетенная спутанной жимолостью, уже почти осыпавшейся.

В тишине вдруг взревел автомобильный мотор — этот звук заставил ее сердце взлететь к горлу. Сьюзен вцепилась пальцами в траву и прикусила нижнюю губу. Еще минута — и старый черный автомобиль свернул с подъездной дорожки к городу. Сьюзен успела хорошо рассмотреть водителя: большая лысая голова, глаза так глубоко посажены, что, кажется, будто не видны, темный классический костюм. Стрэйкер. За покупками, наверное.

Она видела, что большинство ставней поломаны. Надо подобраться вплотную и заглянуть в щель. Скорее всего, она ничего не увидит, кроме беспорядка начинающегося ремонта. Приблизительно так же романтично и сверхъестественно, как футбольная телепередача.

Но все-таки — ужас.

Он вспыхнул внезапно, эмоции отменили логику, наполнили рот привкусом меди.

И она знала, что кто-то стоит за ее спиной, еще раньше, чем на ее плечо упала рука.

* * *

Уже почти стемнело.

Бен встал со складного стула, выглянул в окно и не увидел ничего особенного. Удлинились вечерние тени. Трава на заднем дворе похоронного бюро еще зеленела, — видимо, предусмотрительный гробовщик старался сохранить ее такой до самого снега. Символ продолжающейся жизни на фоне смерти года. Эта мысль показалась Бену необыкновенно угнетающей, и он отвернулся от окна.

— Как хочется закурить, — произнес он.

— Никотин убивает, — отозвался Джимми, не оборачиваясь. Он смотрел телевизор.

Бен посмотрел на часы. 6:47. В календаре значилось точное время заката — 7:02.

Джимми прекрасно все устроил. Мори Грин, маленький человечек в расстегнутом черном жилете и белой рубашке, встретил их со всей возможной сердечностью.

— Мы пришли попросить об одолжении, — сказал ему Джимми. — Притом не маленьком.

Грин внимательно взглянул ему в лицо.

— А собственно с какой стати? — весело спросил он. — Что такого ты сделал для меня, чтобы мой сын третьим по успеваемости закончил школу в Нортвестерне?

Джимми покраснел:

— Я сделал только то, что обязан был сделать.

— Не собираюсь спорить с тобой. Проси. Чем это вы с мистером Мерсом так обеспокоены? Попали в аварию?

— Нет, ничего похожего.

Они сидели в маленькой кухоньке за часовней, на плите шипела кофеварка.

— Норберт еще не приехал за миссис Глик? — спросил Джимми.

— Духу его здесь не было. — Грин достал сахар. — Этот припрется в

одиннадцать часов ночи и удивится, почему меня здесь нет. — Он вздохнул. — Бедная леди. Такая трагедия в семье. А она так хорошо выглядит, Джимми. Это твоя пациентка?

— Нет. Но мы с Беном... хотели бы посидеть возле нее этой ночью. Прямо там.

Грин замер, не дотянувшись до кофеварки:

— Посидеть возле нее? Ты хотел сказать, осмотреть ее?

— Нет, — твердо ответил Джимми. — Просто посидеть возле нее.

— Ты шутишь? — Грин внимательно посмотрел на него. — Вижу, что нет. Для чего вам это понадобилось?

— Не могу сказать тебе, Мори.

— О! — Он разлил кофе по чашкам, сел за стол и попробовал его. — Не слишком крепкий. В самый раз. Что, у нее что-нибудь инфекционное?

Джимми и Бен переглянулись.

— Не в общепринятом смысле слова, — ответил в конце концов Джимми.

— Вам бы хотелось, чтобы я держал рот на замке на этот счет, а?

— Да.

— А если придет Норберт?

— С Норбертом я разберусь, — пообещал Джимми. — Я ему скажу, что Реардон попросил меня проверить ее на инфекционный энцефалит. Он в этом не силен. Все в порядке, Мори?

— Конечно, конечно. Я думал, ты собрался попросить о чем-нибудь серьезном.

— Может быть, это серьезнее, чем ты думаешь.

— Когда допью кофе, поеду домой и взгляну, какой там кошмар Рэйчел соорудила на ужин. Вот ключи. Закрой, когда будешь уходить, Джимми. Располагайся. Только за это сделай мне одолжение.

— Конечно! Какое?

— Если она что-нибудь заявит, запиши это для потомства, — он начал было смеяться, но увидев одинаковое выражение их лиц, резко прервал смех.

* * *

Без пяти семь. Бен почувствовал, как в нем нарастает напряжение.

— Перестал бы таращиться на часы, — посоветовал Джимми. — Они от этого быстрее не пойдут.

Бен виновато вздохнул.

— Сомневаюсь, что вампиры — если они вообще существуют — встают в момент астрономического захода. Еще не темно, — сказал Джим и все-таки выключил телевизор.

Тишина опустилась, как одеяло. Они сидели в рабочей комнате Грина, и тело Марджори Глик лежало на сверкающем стальном столе.

Когда Джимми осматривал тело, он отбросил простыню. Миссис Глик была одета в домашнее платье и вязаные тапочки. На ее левой голени виднелся приклеенный кусочек пластыря. Бен старался отвести от него взгляд — и не мог.

— Что скажете? — спросил он у Джимми.

— Не хочу рисковать своей репутацией, раз часа через три все и так решится. Но состояние ее тела очень похоже на то, которое было у Майка Райсона: никакого поверхностного оттока крови, никакого окоченения. — Он натянул простыню обратно и замолчал.

Было 7:02.

Джимми вдруг спросил:

— Где ваш крест?

Бен вздрогнул:

— Крест? Боже мой, у меня его нет.

— Вы никогда не были бойскаутом, — Джимми открыл чемоданчик, — а вот я всегда ко всему готовлюсь.

Он вытащил два ларингологических шпателя, снял целлофановую оболочку и скрепил их клейкой лентой под прямым углом.

— Благословите его.

— Что?.. Я не могу... я не знаю, как, — растерялся Бен.

— Так сочините, — приятное лицо Джимми внезапно сделалось напряженным. — Вы писатель, вам и карты в руки. Ради Христа, поторопитесь. По-моему, что-то сейчас произойдет. Разве вы не чувствуете?

И Бен почувствовал. Что-то назревало в пурпурных сумерках, еще невидимое, но тяжелое и давящее. Во рту пересохло, и ему пришлось облизнуть губы, чтобы заговорить:

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа... — Подумав, он добавил: — И во имя Девы Марии тоже. Благословляю этот крест и... и...

Слова вдруг полились со сверхъестественной легкостью:

«Господь — мой пастырь, и я не нуждаюсь. Он уложит меня на зеленых пастбищах, он проведет меня через тихие воды. Он воскресит мою душу».

Слова падали, как камни в глубокое озеро, и тонули без всплеска. Голос Джимми присоединился к его голосу.

«Он выведет меня на тропы праведные во имя Свое. Идя через долину смертных теней да не убоюсь я зла...»

Стало трудно дышать. Все тело Бена покрылось гусиной кожей, волосы на нем кололись, будто встали дыбом.

«...Ты накроешь передо мной стол при врагах моих, ты умастишь мне голову елеем. Праведность и милосердие станут...»

Простыня, покрывающая тело Марджори Глик, задрожала. Из-под нее вывалилась рука, пальцы танцевали в воздухе, раздвигаясь и скрючиваясь.

— Бог мой, я действительно это вижу? — прошептал Джимми, побледневший так, что веснушки выступили на его лице подобно брызгам грязи на оконном стекле.

«...иди за мной во все дни моей жизни...»

Бен уже говорил один и вдруг замолчал.

— Джимми, взгляните на крест, — наконец выдохнул он.

Крест сиял. Свет лился на руки Бена волшебным потоком.

Сдавленный голос медленно прозвучал в тишине, скрежеча, как осколки глиняной посуды:

— Дэнни...

Язык Бена прилип к гортани. Силуэт под простыней садился. Тени в потемневшей комнате двигались и дрожали.

— Дэнни, где ты, мой дорогой?

Простыня упала с лица на колени.

Лицо Марджори Глик явилось бледным лунообразным кругом с черными провалами глаз. Она увидела Бена и Джимми, рот ее искажился в ужасном злобном рычании. Уходящие отсветы дня замерцали на ее клыках.

Она сбросила ноги со стола, один тапочек свалился и лег подошвой вверх.

— Сиди на месте, — велел ей Джимми. — Не двигайся.

В ответ снова прозвучало собачье рычание. Она соскользнула со стола, качнулась и пошла к ним. Бен поймал себя на том, что смотрит в эти сквозные глаза, и с трудом оторвал свой взгляд от них. Это были черные галактики, обрамленные красным. В этих омутах удобно тонуть.

— Не смотрите ей в глаза, — сказал он Джимми.

Они отступали от нее и позволили прижать себя к двери, ведущей в прихожую.

— Попробуйте крест, Бен.

Бен почти забыл о кресте. Он поднял его — и крест сверкнул новым

сиянием, от которого пришлось зажмуриться. Миссис Глик издала шипящий звук отчаяния и рывком закрыла лицо руками. Черты ее, казалось, извивались, как гнездо змей. Шатаясь, она отступила назад.

— Есть! — закричал Джимми.

Бен наступал, держа крест перед собой. Она выбросила скрюченную руку, пытаясь схватить его. Бен увернулся и снова замахнулся крестом. Вибрирующий вопль вырвался из ее горла.

Для Бена все окрасилось в зловещие цвета дурного сна. Ему предстояли еще худшие ужасы, но это наступление на Марджори Глик всегда оставалось кошмаром его дней и ночей.

Она отступала неохотно, взгляд ее метался между ненавистным крестом и шеей Бена — справа от подбородка. Она издавала шипение, глухо kloчущие звуки, что-то в ее движениях напоминало гигантское отвратительное насекомое. Бен отчетливо понимал: не будь у него креста, она бы рассекла ему горло и упиалась его кровью. Она купалась бы в крови.

Джимми обходил ее слева. Она его не видела. Ее глаза были устремлены только на Бена — полные ненависти... и страха.

Джимми обошел ее с другой стороны и, когда она метнулась было за стол, с криком схватил ее двумя руками за шею.

Она издала высокий свистящий звук. Бен видел, как ногти Джимми содрали кожу на ее плече — и ничего не потекло оттуда; разрез походил на безгубый рот. А затем — он не поверил глазам — она швырнула Джимми через всю комнату. Джимми тяжело рухнул в углу, сбив переносной телевизор Мори Грина.

Марджори метнулась туда как молния. Перед Беном только мелькнуло видение, как она прыгает на Джимми, вцепляется в его воротник, а потом — поворот головы, открытые челюсти...

Джимми Коди закричал — высокий отчаянный вопль проклятого навеки.

Бен бросился туда, споткнулся и чуть не упал на осколки кинескопа. Он слышал ее шелестящее, как солома, дыхание и еще — тошнотворное чмокание сосущих губ.

Он схватил ее за воротник домашнего халатика и дернул вверх, забыв на минуту о кресте. Она обернулась с пугающей быстротой. Ее глаза были расширены и сверкали, на губах и подбородке чернела кровь.

Ее дыхание было неопишимо зловонным дыханием могилы. Как в замедленной съемке он видел язык, облизывающий губы.

Он поднял крест как раз тогда, когда она притянула его к себе — бессильного, как тряпка, в ее железных руках. Закругленный конец шпателя

ткнул ее в подбородок и прошел дальше, не встретив сопротивления. Бена ослепила вспышка не-света, произошедшая не перед глазами, а как бы за ними. Повеяло жарким запахом паленой плоти. На этот раз ее крик был воплем агонии. Бен скорее почувствовал, чем увидел, как она дернулась назад, споткнулась о телевизор и рухнула на пол, выбросив белую руку. Потом снова вскочила, подвижная, как волчица, сузившиеся от боли глаза все еще были переполнены бешеным голодом. Плоть на ее нижней челюсти почернела и дымилась. Она рычала.

— Ну, ты, — выдохнул он, — подходи, подходи...

Он снова протянул вперед крест и загнал ее в угол.

И вдруг она издала высокий режущий смешок, заставивший его содрогнуться. Как будто провели вилкой по фарфору.

— Все-таки я смеюсь. Все-таки вас стало меньше.

Ее тело удлинилось и сделалось прозрачным. Только что она стояла здесь и смеялась над ним — и вот белое сияние уличных ламп освещает уже пустые стены, и осталось только покалывание на кончиках нервов.

Она исчезла.

Как будто дымом просочилась в поры стен.

А Джимми кричал.

* * *

Он обернулся, но Джимми уже был на ногах и зажимал рукой шею. Пальцы блестели красным.

— Она укусила меня! Господи Иисусе, она меня укусила! Бен попытался обнять его, но Джимми отскочил в сторону. Глаза его бешено вращались.

— Не трогай меня. Я нечист.

— Джимми...

— Дай мне мой чемоданчик. Боже, Бен, я чувствую, как это во мне действует. Ради Христа, дай мне мой чемоданчик!

Чемоданчик лежал в углу. Джимми выхватил его у Бена, быстро положил на стол и открыл. Лицо Джимми, смертельно бледное, блестело от пота. Кровь толчками вытекала из рваной раны на шее. Он сел на стол и принялся судорожно рыться в чемоданчике, со свистом дыша через открытый рот.

— Она меня укусила, — бормотал он. — Ее рот... Боже, ее мерзкий грязный рот...

Он вытащил бутылку дезинфицирующего раствора, швырнул пробку на пол. Опершись на одну руку, запрокинул голову и вылил всю бутылку себе на шею, смывая кровь. Он вскрикнул раз, другой, но бутылка не дрожала в его руках.

— Джимми, чем я могу?..

— Минуту, — пробормотал Джимми. — Подожди. Так лучше, я думаю. Подожди.

Он отшвырнул бутылку, достал ампулу и шприц. Теперь его руки дрожали так, что пришлось дважды втыкать иглу в мембрану. Наконец он наполнил шприц и протрянул его Бену.

— Тетанус. Сделай мне инъекцию. Сюда, — он закатил рукав.

— Джимми, это тебя прикончит.

— Нет. Не прикончит. Давай.

Бен взял шприц и вопросительно взглянул Джимми в глаза. Джимми кивнул. Бен воткнул иглу.

Тело Джимми напряглось, как стальная пружина. Он превратился в скульптуру агонии с рельефно обозначенными мышцами и сухожилиями. Понемногу напряжение спало. Началась дрожь реакции, слезы на лице смешались с потом.

— Положи меня на крест, — попросил Джимми. — Я все еще нечист после нее, он... он мне поможет.

— Ты думаешь?

— Я уверен. Когда ты шел за ней, я видел его и... помоги мне Бог, мне захотелось идти за тобой.

Бен положил крест ему на шею. Ничего не случилось. Свечение креста — если оно было — исчезло полностью. Бен убрал крест.

— О'кей, — сказал Джимми. — Пожалуй, больше ничего не сделаешь.

Он снова порылся в чемоданчике, достал две таблетки и разжевал их.

— Допинг, — пояснил он, — великое изобретение. Скажи спасибо, что я недавно побывал в уборной. Ты можешь перевязать мне шею?

— Пожалуй.

Пока Бен перевязывал, Джимми говорил, не умолкая:

— Пару минут я думал, что сойду с ума. Буквально, клинически... Ее губы... она меня кусает... — он сглотнул. — А когда она это делала, мне нравилось, Бен. Вот в чем вся дьявольщина. Ты можешь этому поверить? Если бы ты ее не оттащил, я бы... я бы мог позволить ей...

— Забудь.

— И еще я должен сделать одну вещь, которая мне не нравится.

— Какую?

— Сейчас. Посмотри на меня.

Бен закончил перевязку и слегка отклонился, чтобы посмотреть на Джимми.

— Что?

И вдруг Джимми ударил его. У Бена в глазах засветились звезды; шатаясь, он отступил на три шага и опустился на пол. Потряс головой и увидел, как Джимми осторожно слезит со стола и подходит к нему. Он судорожно зашарил в поисках креста, думая: «Вот это называется концовка. О’Генри, ты болван, безмозглый, идиотский...»

— В порядке? — спросил Джимми. — Мне очень жаль, но это немного легче, если без предупреждения.

— Что, во имя неба?..

Джимми сел рядом с ним на пол.

— Сейчас я расскажу тебе нашу историю. Она чертовски слабая, но Мори Грин нас, наверное, поддержит. Это сохранит мне практику и уберезет нас обоих от тюрьмы или какого-нибудь приюта... а главное — мы сможем остаться на свободе, чтобы когда-нибудь одолеть этих, как бы они не назывались. Ты понимаешь?

— В общих чертах. — Бен потрогал подбородок и вздрогнул. Слева выросла большая шишка.

— Кто-то напал на нас, когда я осматривал миссис Глик, — пояснил Джимми. — Этот кто-то сбил тебя с ног и использовал меня, как половую тряпку. Вырываясь, он меня укусил. Это все, что каждый из нас помнит. Все. Понял?

Бен кивнул.

— Парень носил темную куртку, может — синюю, может — черную и не то зеленую, не то серую трикотажную кепку. Это все, что ты видел. О’кей?

— Ты не думал бросить свое докторство и заняться художественной литературой?

Джимми улыбнулся:

— На искусства я мастак только в крайней личной нужде. Ты в состоянии все запомнить?

— Конечно. И, по-моему, история не так уж плоха. В конце концов, это не единственное исчезнувшее на днях тело.

— Надеюсь, до этого додумаются. Но окружной шериф еще большая штучка, чем Перкинс Джиллспи. Надо будет следить за собой. Не переигрывать.

— Ты не думаешь, что какие-нибудь власти могут наконец разглядеть,

что происходит?

Джимми покачал головой:

— Ни за что на свете. Ни малейших шансов. Нам придется постоять за город самим. И помни, что в его глазах мы — преступники.

Вскоре он пошел к телефону и вызвал Мори Грина и окружного шерифа Гомера Маккэслина.

* * *

Бен добрался к Еве после полуночи и приготовил себе чашку кофе в пустой кухне. Он пил медленно, вспоминая события ночи со всей тщательностью человека, избежавшего падения с обрыва.

Шериф оказался высоким лысеющим человеком. Он был медлителен, но глаза его сверкали наблюдательностью. Он достал огромный блокнот, прикрепленный к карману цепочкой, и, пока двое констеблей делали фотографии и снимали отпечатки пальцев, тщательно допросил Бена и Джимми. Мори Грин спокойно стоял на заднем плане, время от времени бросая на Джимми озадаченные взгляды.

Что их привело в покойницкую Грина?

Джимми продекламировал историю с энцефалитом.

Ну, нет. Джимми решил, что на первых порах лучше обойтись без огласки. Всем известно, что доктор Реардон не большой специалист хранить секреты.

Что, у женщины действительно был энцефалит?

Нет, почти наверняка нет. Джимми успел закончить осмотр до нападения. Он не сможет сказать, от чего умерла эта женщина, но во всяком случае не от энцефалита.

Могут они описать того парня?

Они смогли. Бен добавил пару коричневых ботинок, исключительно чтобы их описания не выглядели как близнецы.

* * *

Еще несколько вопросов — и Бену уже казалось, что они легко отделались, когда Маккэслин обернулся к нему и спросил:

— Как вы в это дело вмешались, Мерс? Вы не доктор.

Его внимательные глаза доброжелательно моргнули. Джимми открыл

было рот, но шериф жестом заставил его молчать.

Если Маккэслин ставил себе целью вырвать у Бена какую-нибудь реакцию виновного, он не достиг цели. Опасность быть пойманным на лжесвидетельствовании казалась мизерной в сравнении со всеми предыдущими опасностями.

— Я не доктор, я писатель. Пишу романы. Сейчас у меня важный персонаж — сын гробовщика. Я только хотел взглянуть на мертвецкую, — он потер подбородок, — и получил больше, чем заказывал.

Маккэслин не выразил ни удовольствия, ни разочарования этим ответом.

— Что да, то да. Вы — тот парень, который написал «Дочь Конуэя»? Моя жена читала отрывок в женском журнале. Чертовски веселилась. Я заглянул и никак не мог понять, что веселого, когда девчонка садится на иглу.

— Да, — Бен взглянул ему в глаза, — я тоже в этом ничего веселого не вижу.

— Ваша новая книга о Лоте? Может, попросить Грина прочесть, не ошибаетесь вы там в чем-нибудь насчет гробовщиков?

— Эта глава еще не написана, — пояснил Бен. — Я всегда изучаю материал раньше, чем пишу. Так легче.

Маккэслин огляделся кругом и покачал головой:

— Подумать только. Какой-то тип вламывается и одолевает двух сильных мужчин, чтобы смыться с телом какой-то бедной женщины, умершей неизвестно от чего.

— Послушайте, Гомер... — начал Джимми.

— Не зовите меня Гомером. Мне это не нравится. Мне ничего здесь не нравится. Энцефалит заразный, ведь так?

— Да.

— И вы приволокли сюда этого писателя? Зная, что труп может быть опасен?

Джимми пожал плечами и принял обозленный вид:

— Я не оспариваю ваши профессиональные суждения, шериф. Придется вам примириться с моими. Энцефалит — медленная инфекция, накапливающаяся в кровотоке. Я знал, что для нас опасности нет. Не лучше ли вам перестать развлекаться нашим допросом и заняться похитителем тела миссис Глик?

Маккэслин глубоко вздохнул и захлопнул книжку.

— Ладно, Джимми, хватит. Сомневаюсь, что мы сумеем выловить этого типа, разве только он примется опять за свое — если, конечно, здесь

был какой-то тип, в чем я сомневаюсь.

Джимми поднял брови.

— Вы мне врете, — терпеливо пояснил Маккэслин. — И я это знаю, и констебли, и, может быть, даже старый Мори. Не знаю, много ли вы наврали, но знаю, что, пока вы говорите одно и то же, поймать вас я не могу. Я бы отправил вас в холодную, но должен позволить позвонить адвокату, а ваш адвокат наверняка не вчера из колледжа.

— Да, — согласился Джимми, — не вчера.

— Я бы вас все равно посадил, если бы не чувствовал, что вы врете не потому, что сделали что-то незаконное. — Он помолчал, потом спросил вкрадчиво: — А может, кто-нибудь из вас вроде как пересмотрит показания? Дело серьезное. В Лоте четыре смерти, и все четыре трупа исчезли. Я хочу знать, что происходит.

— Мы сказали все, что знаем, — ответил Джимми спокойно и твердо, глядя Маккэслину прямо в глаза. — Если бы могли сказать больше, мы сказали бы.

Маккэслин ответил ему точно таким же взглядом.

— Вы в штаны пускаете от страха, — сказал он. — Оба с этим писателем. Вы похожи на кое-каких парней в Корее, когда их притаскивали с передовой.

Констебли глядели во все глаза. Бен и Джимми промолчали.

Маккэслин вздохнул:

— Ладно, пошли отсюда. Вы оба мне понадобятся завтра в десять в конторе — сделать заявление. Если не явитесь в десять — пришлю за вами патрульную машину.

— Не понадобится, — отозвался Бен.

* * *

Бен встал из-за стола и положил чашку в мойку, задержавшись у окна взглянуть на черноту. Что там в эту ночь? Марджори Глик наконец соединилась с сыном? Майк Райсон? Флойд Тиббитс? Карл Формен?

Он отвернулся и стал подниматься по лестнице.

Он проспал остаток ночи под зажженной настольной лампой, положив справа от себя на столике шпательный крест, одолевший миссис Глик. Последней его мыслью перед тем, как заснуть, была мысль о Сьюзен: ничего ли ей не угрожает?

12. Марк (1)

Услышав треск веток, он скользнул за толстый ствол сосны и стоял там, дожидаясь, кто же появится из леса. Они не могут выходить днем, но им нетрудно овладеть людьми — при помощи денег, например, хотя есть и другие возможности. Марк видел в городе этого типа Стрэйкера, глаза у которого, как у жабы, греющейся на солнце. У него такой вид, что кажется, он с состоянием сломать руку младенцу и улыбаться при этом.

Марк тронул в кармане тяжелый спортивный пистолет отца. Против них обычные пули не помогут, но где же взять серебряные? Однако всадить этому Стрэйкеру между глаз и обычную пулю не повредит.

Взгляд его упал на прислоненную к дереву палку, завернутую в старое полотенце. Тонкое осиновое полено из дровяного сарая. Генри Петри методично напил их одинаковой трехфутовой длины: он знал, что желтая осина горит в камине долго и чисто.

Сын его знал об осине совсем другие вещи. Сегодня утром, когда отец с матерью ушли на воскресную прогулку, Марк старательно заострил конец полена своим бойскаутским топориком. Грубовато, но должно сработать.

Он увидел между деревьями яркое пятно и прижался к стволу, глядя одним глазом сквозь трещину в коре. Еще минута — и он ясно разглядел, кто взбирается на холм. Девушка. Облегчение смешалось с разочарованием: дочь мистера Нортон вместо посланца дьявола! И она тоже несла кол! Когда она подошла ближе, Марк захотелось рассмеяться: кол был из снегового заграждения. Обыкновенный молоток в два удара его переломит!

Девушка должна была миновать его, двигаясь с правой стороны. Марк осторожно обошел дерево с таким расчетом, чтобы ствол оставался между ними. Наконец маневр завершился — теперь она поднималась по склону к Марку спиной. «Очень осторожно идет», — отметил он с одобрением. Несмотря на дурацкий снеговой кольшек, видно, знает, с чем имеет дело. Но если еще немного пройдет — попадет в беду. Стрэйкер дома. Марк торчал здесь с половины первого и видел, как тот вышел из дому, посмотрел на дорогу и вернулся обратно. Марк как раз ломал голову, что бы ему предпринять, когда появилась девушка.

Может, и обойдется. Она остановилась за кустами на опушке и присела там на корточки, наблюдая за домом. Очевидно, предупреждена. Кем — неважно, но она не приволокла бы с собой даже этого дрянного

кола, если бы не знала. Придется сообщить ей о Стрэйкере. Оружия-то она наверняка не взяла.

Он размышлял, как бы дать знать о своем присутствии так, чтобы она не наделала визгу на весь лес, когда взревел мотор машины Стрэйкера. Девушка подпрыгнула. Марк испугался, что она кинется бежать напролом, объявив о себе на целую милю вокруг. Но вместо этого она вцепилась в землю, как будто боялась, что та улетит. «Дура, а соображает», — подумал Марк с одобрением.

Машина Стрэйкера поехала по направлению к городу. Марк решил, что пора объединиться. Все лучше, чем забираться в дом одному. Он уже почувствовал здешнюю отравленную атмосферу; он ощутил ее издали, а чем ближе к дому, тем гуще она становилась.

Он легко взбежал на холм по ковру из сосновых игл и положил девушке руку на плечо. Почувствовав, как резко напряглось ее тело, и, понимая, что она вот-вот закричит, он поторопился сказать:

— Не ори. Все в порядке. Это я.

Она не закричала. Вырвался только полный ужаса шумный вздох. Она повернула к нему белое лицо:

— К-кто-я?

Он сел рядом:

— Меня зовут Марк Петри. Я вас знаю, вы — Сьюзен Нортон. Мой па знает вашего.

— Петри?.. Генри Петри?

— Да, это мой отец.

— Что ты здесь делаешь? — ее взгляд блуждал по нему, не останавливаясь, как будто она никак не могла поверить в его реальность.

— То же, что и вы. Только ваш кол не годится. Он слишком... — Марк запнулся о слово, попавшее в его словарь случайно и никогда прежде не употребляемое. — Он слишком хрупкий, этот кол.

Она взглянула на свою палку и залилась краской:

— О, это... Ну, я нашла его в лесу и... и подумала, что кто-то может споткнуться и упасть, так что я...

Он нетерпеливо прервал ее младенческий лепет:

— Вы пришли убить вампира, правда?

— Откуда у тебя такие мысли? О вампирах?

— Вампир добирался до меня этой ночью. И почти добрался, кстати, — ответил он мрачно.

— Чепуха. Такой большой мальчик, а выдумываешь...

— Это был Дэнни Глик.

Она вздрогнула и моргнула, как будто вместо слов он бросил в нее мокрую мочалку. Потом крепко взяла его за руку. Их глаза встретились.

— Ты сочинил это, Марк?

— Нет.

И он рассказал ей все несколькими простыми фразами.

— И ты пришел сюда один? — она не могла успокоиться. — Ты поверил в это и пришел сюда один?

— Поверил? — он взглянул на нее с искренним недоумением. — Конечно, поверил. Я же видел его или как?

На это отвечать было нечего, и Сьюзен вдруг устыдилась своего сомнения (нет, сомнение — слишком мягкое слово) при рассказе Мэтта и предположениях Бена.

— А вы почему здесь? — спросил Марк.

Чуть поколебавшись, она объяснила:

— Кое-кто в городе подозревает, что в этом доме прячется один человек. Что он может оказаться... э-э-э... — все-таки она не смогла произнести этого слова, но Марк кивнул с пониманием. Даже такое короткое знакомство успело продемонстрировать, что он не совсем обычный ребенок.

Не вдаваясь ни в какие подробности, Сьюзен просто закончила:

— Вот я и пришла посмотреть, в чем тут дело.

— И принесли вот это, чтобы проткнуть его?

— Я не знаю, смогу я это сделать или нет.

— Я знаю, — отозвался от тихо. — После того, что видел ночью, — знаю. Дэнни висел у меня за окном, как огромная муха. А зубы его... — Марк затряс головой, отгоняя кошмар, как бизнесмен мог бы прогонять обанкротившегося клиента.

— Твои родители знают, что ты здесь? — она сама понимала, что вопрос глупый.

— Нет, — сказал он совершенно буднично. — По воскресеньям они любят природой. Иногда я хожу с ними, иногда нет. Сегодня они поехали на побережье.

— Ты необыкновенный мальчик.

— Нет, — его спокойствие не нарушилось от похвалы, — просто я хочу покончить с ним, — он взглянул на дом.

— Ты уверен?..

— Конечно. И вы тоже. Разве вы не чувствуете, как здесь плохо? Только посмотреть на дом — и уже страшно становится.

— Да, — просто ответила она, сдаваясь. — Как мы это сделаем?

Автоматически она уступила главенство Марку.

— Просто пойдем и вломимся внутрь. Найдем его, забьем кол — мой кол — ему в сердце и уйдем. Он, наверное, в подвале. Они любят, когда темно. Вы фонарь принесли?

— Нет.

— Черт, и я нет. Креста, наверное, тоже не принесли, да?

— Нет, принесла, — Сьюзен вытащила и показала цепочку. Марк кивнул и вытащил из-под рубашки свою цепочку.

— Надеюсь, успею положить назад, пока предки не вернулись, — объяснил он серьезно. — Я стащил его из маминой шкатулки. Ох и трепка будет, если не успею!

Он оглянулся кругом. Пока они разговаривали, тени удлиннились, и оба почувствовали желание откладывать и откладывать ужасное дело как можно дольше.

— Когда найдем — не смотри ему в глаза, — предупредил Марк. — До темноты он не может встать из гроба, но может поймать нас глазами. Знаете наизусть что-нибудь церковное?

Они шли полосой кустов между деревьями и неухоженными газонами Марстен Хауза.

— Ну, «Отче наш...»

— Хорошо. Я тоже знаю. Будем читать хором, когда я воткну кол. — Он увидел выражение лица Сьюзен и сжал ее руку. Его самообладание поражало. — Слушайте, это надо сделать. Держу пари, до завтра он поймает полгорода. Теперь пойдет быстро.

— Пойдет?

— Мне это снилось, — сказал Марк. — Как они ходят по домам и просят внутрь. Кое-кто понимает — ого как понимает! — но впускают все равно. Это сделать легче, чем подумать, что такой кошмар может быть на самом деле.

— Только сон, — пробормотала она беспокойно.

— Держу пари, полно людей сегодня лежат в кроватях при задернутых занавесках и думают, что схватили грипп. Голова у них кружится, от мысли о еде тошно.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я читал журналы о монстрах, — пояснил он. — И кино смотрю, когда могу. Только надо отличать, когда присочиняют для жуткости.

«Вот и дом. Ну и команда у нас, — подумала Сьюзен. — Старый учитель, помешанный на книгах, писатель, помешанный на своем детском кошмаре, ребенок, проходящий факультативный курс по вампирам... А я?»

Разве паранойя заразительна?

Видимо, да».

Вблизи дома разговаривать стало невозможно — все заглушал неведомый голос, кричащий: «опасность! опасность!» — и кричащий не словами. Древний страж, спящий где-то глубже пяти чувств, наконец проснулся. И с ним невозможно было не считаться.

Сьюзен заглянула в щель нижних ставен.

— Да они ничего здесь не делают, — почти что возмутилась она. — Какой бедлам!

— Пустите меня.

Он увидел заброшенную гостиную с толстым слоем пыли на полу (ее бороздило множество человеческих следов), облупленными обоями, парой старых кресел, исцербленным столом. Паутина собралась по углам фестонами.

Прежде чем Сьюзен успела воспротивиться, Марк выбил замочек ставен тупым концом своего кола. Ставни закрипели и приоткрылись.

— Эй! — запротестовала она. — Нельзя же...

— А что вы хотите? Позвонить в звонок?

Он распахнул ставни и выбил пыльное стекло. Оно зазвенело, упав на пол. Сьюзен охватил ужас, рот наполнился привкусом меди.

— Можно еще убежать, — проговорила она скорее самой себе.

Марк взглянул на нее, и в этом взгляде не было презрения.

— Уходите, если хотите.

— Нет, я должна. Давай скорее.

Он сбил колом остатки стекла, просунул руку внутрь и открыл окно. Низкий протяжный скрип походил на стон.

Минуту они без слов смотрели на окно. Потом Сьюзен шагнула вперед и оперлась рукой на подоконник. Ужас в ней наливался мощью, отягощая живот какой-то кошмарной беременностью. Насильно командуя каждым мускулом, она перенесла ногу через подоконник. Только сейчас ей стало понятно, что чувствовал Мэтт Берк, поднимаясь по лестнице в гостевую комнату.

Внутри была вонь. Она сочилась из стен почти видимыми разводами. Сьюзен пыталась убедить себя, что виновато всего-навсего гнилое дерево или птичий помет, или крысы, но безрезультатно. В этом запахе угадывалось нечто большее. Оно заставляло думать о слезах, о рвоте, о темноте.

— Эй, — тихо позвал Марк, — помогите немного.

Она высунулась наружу и приподняла его, потом он легко справился

сам. Его маленькие ноги стукнули об пол, и в доме снова стало тихо.

Вдруг оказалось, что оба как зачарованные слушают тишину. Предельно глухую тишину — в ней не было даже того слабого жужжания крови в ушах, которое всегда возникает в полном молчании. Кругом стояло мертвое беззвучие, и только неслышно стучали их сердца.

И оба они, конечно, знали. Знали — что не одни.

* * *

— Идем, — сказал Марк. — Осмотримся.

Он очень крепко схватился за кол и на секунду оглянулся назад, на окно.

Сьюзен медленно пошла к двери. Он за ней. За дверью на маленьком столике лежала книга. Марк взял ее:

— Вы знаете латынь?

— Немного, из школы высшей ступени.

— Что это значит?

Она прочла название вслух, сдвинула брови. Потом покачала головой:

— Не знаю.

Он открыл книгу наугад и вздрогнул. На рисунке обнаженный мужчина держал выпотрошенное тело ребенка, — держал перед чем-то, что невозможно было рассмотреть. Марк положил книгу, радуясь возможности от нее избавиться, и они вдвоем направились в сторону кухни. Здесь оказалось темнее. Солнце светило с другой стороны.

— Слышите запах?

— Да.

— Здесь он сильнее, правда?

— Да... Боже, я так боюсь, — еле слышно прошептала Сьюзен.

Марк нашел ее кисть, и они крепко взялись за руки.

В кухне на рваном линолеуме стоял большой стол, а на нем лежали вилка, нож и кусок сырого гамбургера.

Дверь подвала была приоткрыта.

— Нам сюда, — сказал Марк.

— Ох, — слабо выдохнула Сьюзен.

Свет почти не проникал за эту дверь. Наоборот, язык темноты из подвала, казалось, жадно просовывался в кухню, дожидаясь, покуда ночь не позволит заглотнуть все оставшееся. Эти четверть дюйма черноты выглядели невыразимо отвратительно. Сьюзен стояла рядом с Марком

неподвижно и беспомощно. Тогда он шагнул вперед, распахнул дверь и заглянул внутрь. Сьюзен увидела, как дрогнули мускулы его челюсти.

— Я думал, — начал Марк, и тут Сьюзен услышала какой-то звук сзади себя. Она обернулась, чувствуя, что слишком медленно, что поздно. Там стоял Стрэйкер. Он усмехался.

Марк повернулся, увидел Стрэйкера и попытался нырнуть под его руку. Кулак ударил мальчика в подбородок, и больше Марк не видел ничего.

* * *

Когда Марк пришел в себя, его несли вверх по лестнице — не по той, что вела в подвал. Здесь не было ощущения глухих каменных стен, да и воздух казался свежее. Марк позволил векам приподняться на крохотное расстояние, продолжая по-прежнему безвольно мотать головой. Лестница вела на второй этаж. Он заметил, что солнце еще не село. Слабое утешение.

Лестница кончилась, и вдруг руки, державшие его, разжались. Марк тяжело свалился на пол, ударившись головой.

— Думаешь, я не понимаю, когда люди притворяются, молодой господин? — осведомился Стрэйкер. С пола он казался ростом в десять футов. Лысина элегантно блестела в сумерках. Марк с ужасом заметил у него на плече кольцо веревки.

Мальчик схватился за карман, где лежал пистолет.

Стрэйкер откинул голову и расхохотался:

— Я взял на себя смелость забрать оружие, молодой хозяин. Мальчикам нельзя позволять носить при себе то, с чем они не умеют обращаться... тем более — нельзя позволять им приводить молодых леди в дом, куда их не приглашали.

— Что вы сделали со Сьюзен Нортон?

Стрэйкер улыбнулся.

— Я отправил ее туда, куда она хотела попасть. В подвал. Позднее, когда солнце сядет, она увидит человека, которого хотела видеть. Ты сам с ним встретишься, — может быть, ночью — попозже, а, может быть, завтра утром. Он может, конечно, отдать тебя девчонке, но, думаю, захочет иметь с тобой дело сам. У девчонки найдутся свои приятели — такие, как ты — любители совать нос, куда не надо.

Марк попытался ударить Стрэйкера обеими ногами в пах, но Стрэйкер отступил, изящно, как танцор, одновременно ударив Марка ногой в почки.

Марк закусил губу и скорчился на полу.

Стрэйкер хохотнул:

— Вставай, молодой хозяин. На ноги.

— Я... я не могу.

— Ну, так ползи, — велел Стрэйкер презрительно. Он ударил снова, на этот раз в большой мускул бедра. Боль была ужасна, но Марк стиснул зубы. Он поднялся сначала на колени, потом на ноги.

Они отправились к дверям в конце верхнего холла. Боль в почках ослабла, стала тупой и тягучей.

— Что вы хотите со мной сделать?

— Скрутить тебя, как весеннего индюка, молодой хозяин. Позже, когда мой господин побеседует с тобой, тебя отпустят на все четыре стороны.

— Как остальных?

Стрэйкер улыбнулся.

Марк толкнул дверь и вошел в комнату, где Губерт Марстен когда-то покончил с собой. В уме мальчика произошло что-то странное. Ужас не ушел, но, казалось, перестал служить тормозом, заглушая все импульсы. Мысли побежали с поразительной быстротой, отпечатываясь не словами и не образами, а, скорее, некой символической стенографией. Он почувствовал себя электрической лампочкой, вдруг получившей энергию неизвестно откуда.

Сама комната оказалась исключительно прозаической. Обои висели клочьями, обнажая штукатурку. На полу, в густой известковой пыли, виднелась только одна цепочка следов — кто-то когда-то вошел, огляделся и вышел. Две груды журналов, железная кровать без пружин и матраца, зияющее отверстие камина с маленькой жестяной заслонкой. Окно закрывали ставни, но в щели пробивалось достаточно света, чтобы Марк мог понять, что до заката еще около часа. На всей комнате лежал отпечаток застарелой мерзости.

Чтобы открыть дверь, увидеть все это и дойти до середины комнаты, где Стрэйкер приказал Марку остановиться, потребовалось секунд пять. За это время мальчик успел придумать несколько возможных выходов из положения.

Можно было внезапным прыжком попытаться выбить окно вместе со ставнями и выпрыгнуть, не видя куда, как делают герои вестернов. Но тут ему представилось сразу две картины. Одна — пробив окно, он падает прямо на ржавую кучу металлических обломков косилки и проводит последние секунды жизни, корчась на железных остриях, как бабочка на булавке. Вторая — окно пробить не удастся, он разбивает стекло, застревает, а Стрэйкер вытаскивает его оттуда, изрезанного до крови в

дюжине мест.

Затем он представляет, что Стрэйкер связывает его и уходит. Увидел себя на полу в меркнувшем свете дня, увидел, как попытки освободиться делаются все более лихорадочными (хотя остаются безрезультатными), и в конце концов он слышит на лестнице мерные шаги кого-то в миллион раз ужаснее Стрэйкера.

И тут он вспомнил прием, о котором прочел в книге. Когда тебя связывают, надо задержать дыхание на вдохе и напрячь все мускулы. Тогда, если мускулы ослабли, веревки немного поддадутся. Вся штука в том, чтобы расслабиться совсем и медленно высвободиться из веревки, не поддаваясь панике. В книге это казалось совсем легким.

— Повернись, — велел Стрэйкер. — Когда я буду тебя связывать, не шевелись. Если пошевелишься, я вот этим, — он поднял перед носом Марка большой палец, словно голосуя на шоссе, — выдавлю тебе глаза. Понимаешь? Ложись.

Он связал Марку руки за спиной и сделал петлю вокруг шеи.

— Ты привязан к той самой балке, на которой повесился друг и покровитель моего господина в этой стране, молодой хозяин. Ты польщен?

Веревка перехватила бедра Марка, потом колени, лодыжки. Ему уже давно не хватало воздуха, но он упрямо держался.

— Ты дрожишь, молодой хозяин, — издевался Стрэйкер. — Ты весь в твердых жестких узлах. Ты побелел — но будешь еще белее! А ведь бояться тебе нечего. Мой господин умеет быть добрым. Его любят здесь, в его собственном городе. Маленький укол, как у доктора, — и ты свободен. Можешь вернуться к папе и маме. Навести их, когда они лягут спать. — Он встал и доброжелательно взглянул на Марка. — Я должен попрощаться с тобой на время, молодой хозяин. Нужно создать удобства твоей прелестной союзнице. Когда мы увидимся снова, я больше понравлюсь тебе.

Он вышел, хлопнув дверью. Заскрежетал ключом в замке. Когда его шаги послышались на лестнице, Марк с длинным хриплым выдохом расслабил мускулы.

Веревка ослабела — чуть-чуть.

Он неподвижно лежал, сосредоточиваясь. В книге говорилось, что главное — сосредоточенность. Никакой паники. Полная расслабленность. Побег должен полностью совершиться в сознании, прежде чем беглец шевельнет хотя бы пальцем.

Он смотрел на стену, а минуты шли.

Стена напоминала экран старого кино. Постепенно, все больше расслабляясь, он начал видеть на ней изображение: связанного мальчика в

тенниске и джинсах, лежащего на боку. У этого мальчика петля на шее — если он начнет барахтаться, она затянется достаточно, чтобы отключить его сознание.

Он смотрел на стену.

Фигурка на ней начала осторожно шевелиться, хотя сам Марк лежал не двигаясь. Он достиг степени концентрации, необходимой индийским йогам. Он уже не думал ни о Стрэйкере, ни о слабеющем дневном свете. Он больше не видел ни пола, ни кровати, ни даже стены. Он видел только фигурку мальчика, у которого чуть заметно танцевали осторожно контролируемые мускулы.

Он смотрел на стену.

Наконец Марк стал делать круговые движения запястьями. Он не спешил.

Он смотрел на стену.

Когда сквозь поры просочился пот, запястья стали двигаться свободнее. Радиус движения увеличился. Он уже мог соединить тыльные стороны ладоней: петля немного ослабела.

Он остановился.

Переждав минуту, Марк принялся шевелить пальцами, отталкиваясь ими от ладоней, и делать винтообразные движения кистями. Прошло пять минут. Его руки сильно вспотели.

Добившись предельной психической концентрации, он, сам того не зная, получил контроль над некоторыми функциями своей симпатической нервной системы. Пот выделялся из пор куда обильнее, чем следовало бы при таких незначительных движениях, и стал как бы смазкой для тела, выскальзывающего из веревок. Со лба падали капли, оставляя темные пятна в известке на полу.

Легкое пульсирующее напряжение бицепсов ослабило петлю на кистях. Она соскользнула до больших пальцев. Марка охватило волнение, и он совсем перестал шевелиться до тех пор, пока не успокоился совершенно. Когда успокоился — начал снова. Плечи вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Он выигрывал одну восьмую дюйма на каждом движении. И вдруг — совсем неожиданно — его правая рука освободилась.

Подождав, пока к ней вернется подвижность, Марк вытащил из петли левую. На минуту он закрыл глаза. Теперь главное — не думать, что все уже сделано. Главное — двигаться осторожно. Опираясь на левую руку, он правой обследовал бесчисленные узлы. И сразу понял, что придется почти задушить себя, чтобы освободить шею. Он глубоко вздохнул и начал. Он отказался от мысли о спешке. На секунду давление на горло сделалось

нестерпимым — и он смог конвульсивным движением сбросить петлю с головы.

Сердце колотилось как бешеное, отдаваясь режью в следах веревок на руках. Сильная боль в только что сдавленной шее постепенно сделалась ноющей, тупой и тошнотворной.

Немного отдышавшись, он взглянул на окно. Свет, пробивающийся сквозь щели, приобрел оттенок охры — солнце почти садилось. А дверь была заперта.

Узлы на ногах чуть не довели его до сумасшествия, но Марк справился и с ними. Он стоял, тяжело дыша, посреди груды веревочных петель и пошатывался. Потом стал растирать бедра.

Снизу послышался звук шагов.

В панике он кинулся к окну и попытался его открыть. Безнадежно. Окно было заколочено.

Шаги уже звучали на лестнице.

Он вытер пот рукавом и диким взглядом осмотрел комнату. Две груды журналов. Каминная заслонка. Железная кровать.

В отчаянии он кинулся к ней, приподнял с одной стороны. И какие-то далекие боги, видя, может быть, как много везения он себе обеспечил сам, добавили немного от себя.

Шаги уже приближались через холл к двери, когда ему удалось открутить одну из ножек и вытащить ее из гнезда.

* * *

Когда дверь открылась, Марк, подняв над головой ножку кровати, стоял за ней как деревянный индеец с томагавком.

— Молодой хозяин, я пришел, чтобы...

Тут Стрэйкер увидел пустые веревочные кольца и замер на целую секунду в дверях.

Для Марка все затормозилось, как в замедленной съемке на футбольном матче. Как будто у него были минуты, а не секунды, чтобы прицелиться в четверть круга лысины, торчащей из-за двери. Он ударил не в полную силу — пожертвовал ее маленькой долей в пользу лучшего прицела — и угодил точно в висок Стрэйкера, когда тот повернулся посмотреть за дверь.

Стрэйкер зажмурился, кровь фонтаном хлынула из раны. Лицо исказилось ужасной гримасой. Он пошатнулся, но устоял, и Марк ударил

снова. На этот раз железная труба угодила в лоб, и брызнул новый фонтан крови.

Стрэйкер рухнул, как бескостная груда, глаза его закатились.

Огромными круглыми глазами Марк смотрел на тело.

— Я убил его... Боже!

Пальцы Стрэйкера сомкнулись на его лодыжке.

Марк задохнулся от ужаса и попытался вытащить ногу. Рука держала его стальным капканом. Стрэйкер смотрел на Марка холодными и яркими глазами сквозь темную маску крови. Губы его беззвучно шевелились. Марк дернулся еще, но безрезультатно. Со стоном он принялся молотить Стрэйкера по руке ножкой кровати. Два, три, четыре удара. С жутким карандашным звуком сломались пальцы. Рука разжалась, и Марк выдернул ногу и выскочил из комнаты.

Голова Стрэйкера снова упала на пол, но его искалеченные пальцы сжимались и разжимались, зловеще хватая воздух. Ножка кровати вывалилась из ослабевшей руки Марка, и он, дрожа, попятился. Его охватила паника, он повернулся и кинулся вниз по лестнице, прыгая через три ступеньки онемевшими ногами.

В залитой тенью передней было темно.

Марк побежал на кухню, бросил безумный взгляд на открытую дверь подвала. Солнце уходило в мерцающее месиво красного, желтого и пурпурного. В мертвецкой за шестнадцать миль отсюда Бен Мерс смотрел на часы, колеблющиеся между 7:01 и 7:02.

Марк ничего об этом не знал, но чувствовал, что время вампиров на пороге. Остаться здесь означало страшнейшую из битв; спуститься вниз, в подвал, значило вступить в ряды не-мертвых.

И все-таки он подошел к двери подвала и даже спустился на три ступеньки, прежде чем ужас сковал его почти физическими путами, не позволяя ступить ни шагу дальше. Он плакал, его била крупная дрожь, как в лихорадке.

— Сьюзен, — взвизгнул он, — беги!

— М-марк? — голос ее звучал слабо и сонно. — Ничего не вижу.

Темно...

Вдруг раздался гулкий звук, похожий на ружейный выстрел, а затем низкий, бездушный смех.

Сьюзен вскрикнула... крик превратился в стон и медленно растаял до тишины.

И все же он стоял — на обратившихся в перья ногах, дрожащих от нетерпения унести его прочь.

А снизу раздался дружелюбный голос, поразительно похожий на отцовский:

— Спускайся, мой мальчик. Ты мне нравишься.

Этот голос обладал такой силой, что Марк почувствовал, как толчками уходит ужас, а перья превращаются в свинец. Он сделал шаг вниз, но опомнился и, насколько мог, вернул контроль над собой.

— Спускайся.

Теперь голос звучал ближе. Под отцовской доброжелательностью он таил волевою сталь.

— Я вас знаю! Вас зовут Барлоу! — крикнул Марк.

И побежал.

В передней ужас охватил его с новой силой, и, не оказись дверь открытой, он мог бы пробить ее насквозь. Он кинулся во весь дух по дороге — очень похоже на того давнего мальчика Бенджамена Мерса — туда, к городу, к сомнительной безопасности. А разве не может король вампиров погнаться за ним еще и сейчас?

Он свернул с Брукс-роуд и бросился напролом через лес, с плеском свалился в ручей, выкарабкался в кустах на другом берегу и, наконец, оказался на собственном заднем дворе.

Он вошел через кухонную дверь и заглянул через порог в гостиную, где его мать с написанной на лице большими буквами тревогой держала телефонную трубку.

Она подняла глаза, увидела его, и облегчение волной прошло по ее лицу.

— Вот он, пришел...

Она положила трубку, не дожидаясь ответа, и встала навстречу сыну. Увидев, что она плачет, Марк огорчился больше, чем мог предположить.

— О, Марк... где ты был?

— Пришел? — крикнул сверху отец. Его голос предвещал грозу.

— Где ты был?! — мать взяла его за плечи и встряхнула.

— Я упал, когда бежал домой, — пробормотал Марк.

Больше сказать было нечего. Определяющая черта каждого детства — отчуждение. У взрослых нет слов для детских печалей и детских восторгов. Мудрый ребенок понимает это и подчиняется неизбежным последствиям.

Кто считается с последствиями, тот больше не ребенок.

Марк добавил:

— Я не заметил времени. Оно...

И тут спустился отец.

Темнота перед рассветом понедельника.

Кто-то скребется в окно.

Он проснулся без малейшей задержки, без промежутка дремы и неуверенности в окружающем. Безумие сна и безумие пробуждения оказались потрясающе одинаковы. Белое лицо в темноте за стеклом было лицом Сьюзен.

— Марк...пусти меня.

Он встал. Пол охлаждал босые ноги. Марк задрожал.

— Уходи, — сказал он без всякого выражения. Он разглядел, что она одета в ту же блузку и брючки. «Хотел бы я знать, — подумал он, — что делают ее родители? Может, вызвали полицию?»

— Это не так уж плохо, Марк.

Глаза ее казались плоскими и обсидиановыми. Она улыбнулась, показав зубы, блеснувшие между бескровными губами. — Даже очень приятно.пусти меня, и ты увидишь. Я тебя поцелую, Марк. Я зацелую тебя всего так, как твоя мать никогда не целовала.

— Уходи, — повторил он.

— Рано или поздно кто-то из нас доберется до тебя, — сказала она. — Нас теперь гораздо больше. Пусть это буду я, Марк. Я...я так голодна, — она попыталась улыбнуться, но улыбка превратилась в гримасу, от которой у него, казалось, похолодели даже кости.

Он поднял крест и прижал его к окну.

Она зашипела, будто ошпаренная, и отпустила оконницу. Секунду тело висело в воздухе, став туманным и нечетким. Потом исчезло. Но прежде он увидел — или подумал, что увидел, — на ее лице горестное отчаянье.

Ночь снова была спокойной и тихой.

«Нас теперь гораздо больше...»

Мысли Марка обратились к родителям, спавшим сейчас, не подозревая об опасности, и ужас вгрызся в его внутренности.

«Кое-кто знает, — говорила она... — или подозревает».

Кто?

Писатель, конечно. Ее дружок. Мерс его зовут. Он живет у Евы. Писатели много знают. Это наверняка он. Марк пойдет к Мерсу раньше, чем она...

Он замер на пути к постели.

А если она уже?

13. Отец Кэллахен (1)

В тот же воскресный вечер отец Кэллахен нерешительно вошел в больничную палату Мэтта Берка без четверти семь по Мэттовым часам. На столе и на одеяле валялись книги, некоторые из них — ветхие от старости. Лоретта Старчер не только открыла библиотеку в воскресенье, но и привезла книги сама. Она явилась во главе процессии из трех больничных служителей, загруженных по уши. Удалилась она почти в гневе: Мэтт отказался объяснить ей смысл такого странного подбора книг.

Отец Кэллахен смотрел на учителя с любопытством. Тот выглядел потеряннным, но не так заметно, как большинство прихожан отца Кэллахена, которых он навещал при сходных обстоятельствах. Священник давно заметил, что известие о раке, болезни сердца, инсульте сначала воспринимается больными как своего рода предательство. Если уж ближайший друг — собственное тело — может так сильно подвести, теряешь почву под ногами. Следующая мысль обычно бывает такой: такого друга не стоит беречь. Однако ему не откажешь от дома. Из-за невозможности разрыва дело кончается ссорой и постоянной внутренней враждой.

Мэтт Берк не демонстрировал никаких признаков подобной депрессии. Он протянул руку, и Кэллахен удивился крепости ее пожатия.

— Спасибо, что вы пришли.

— Я рад, что вам лучше. Хорошие учителя, как умные жены, не имеют цены.

— Даже такие старые неверующие медведи, как я?

— Особенно такие, — парировал Кэллахен с удовольствием. — Я поймал вас как раз вовремя. Говорят, нет атеистов в окопах. — Думаю, в больничных палатах их тоже немного.

— Увы, я быстро продвигаюсь.

— Отлично. Вы у нас еще будете читать «Отче наш».

— Это не так далеко от истины, как вы, быть может, думаете.

Отец Кэллахен сел в кресло так неловко, что на колени ему свалилась целая куча книг. Укладывая их обратно, он принялся читать вслух названия:

— «Дракула»... «Гость Дракулы»... «В поисках Дракулы»... «Естественная история вампиров» — естественная?! «Венгерские народные сказки»... «Чудовища тьмы»... «Монстры в реальной жизни»... «Питер Куртин, монстр из Дюссельдорфа»... и... — он стер толстый слой

пыли с последней обложки, обнажив призрачную фигуру, угрожающе склонившуюся над спящей дамой, — «Вампир Верней, или Пир на крови». Батюшки, неужели это рекомендуют считать выздоравливающим сердечникам?

Мэтт улыбнулся:

— Бедный старина Верней. Я читал его когда-то для студенческого доклада в университете. Профессор был крайне шокирован — его представления о романтике кончились на Беовульфе.

— Но случай Питера Куртина довольно интересен, — заметил отец Кэллахен, — хотя и мало привлекателен.

— Вы знаете его историю?

— Большую часть. Я интересовался такими вещами в семинарии, объясняя это скептическому начальству тем, что священнику для успеха необходимо знать не только высоту взлета человеческой природы, но и глубину ее падения. Чепуха, конечно. Просто мне нравилось дрожать, как это обычно бывает в таком возрасте. Насколько я помню, Куртин мальчишкой утопил двух своих приятелей — просто спихнул их с плота посреди реки и не давал залезть обратно.

— Да, — подтвердил Мэтт. — А подростком он сжег дом родителей девушки, которая не хотела гулять с ним. Но меня заинтересовала другая часть его карьеры.

— Я догадался по вашему подбору литературы, — отец Кэллахен вытащил из пачки журнал, на обложке которого молодая женщина в весьма скудной одежде сосала кровь юноши. На его лице изображалось нелегкое сочетание предельного ужаса с предельным вожделием. Журнал и, видимо, молодая женщина тоже назывались «Вампирелла». Кэллахен положил его, заинтригованный еще больше.

— Все это имеет какое-то отношение к тому, из-за чего вы хотели меня видеть? — спросил он. — Миссис Керлесс говорила, вы имели в виду что-то важное.

— Да.

— Так что же это такое? Если вы хотели меня заинтересовать, то безусловно преуспели.

Мэтт спокойно посмотрел на него:

— Мой хороший друг Бен Мерс должен был сегодня к вам навеститься. Ваша экономка говорит, что он этого не сделал.

— Совершенно верно. Я никого не видел сегодня с двух часов дня.

— Я не смог его найти. Он уехал из больницы вместе с моим врачом Джеймсом Коди. Его я тоже не смог найти. Не нашел и Сьюзен Нортон,

подругу Бена. Она уехала из дому днем, пообещала родителям вернуться к пяти. Они беспокоятся.

Услышав это, Кэллахен подался вперед. Билла Нортон он знал.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Позвольте вам задать вопрос, — проговорил Мэтт. — Отнеситесь к нему очень серьезно и подумайте, прежде чем отвечать. В последнее время вы не замечали в городе чего-нибудь необычного? — Первое впечатление Кэллахена превратилось теперь в уверенность: этот человек осторожно, чтобы не спугнуть, подводил его к какой-то своей мысли — судя по подбору книг, совершенно потрясающей. — Вампиры в Салеме Лоте?

Когда-то Кэллахен навещал тяжело больного раком пожилого человека, который, несмотря на боль, часами с воодушевлением рассказывал о жителях Урана, вознамерившихся уничтожить человечество. В некоторых случаях психоз может быть благословением — Кэллахен это знал.

Поэтому он просто сложил руки на груди и ждал.

— Мне и так достаточно трудно, — продолжал Мэтт. — Будет еще труднее, если вы не откажетесь от мысли, что я по болезни страдаю слабостью рассудка.

Услышав свои догадки, без промедления высказанные вслух, Кэллахен лишь с трудом сохранил невозмутимость, но сдерживать ему пришлось не беспокойство, а восхищение.

— Наоборот, у вас вполне здоровый вид.

— Физическое здоровье не предполагает духовного, — вздохнул Мэтт, — и вам это хорошо известно. Если есть Бог, он, должно быть, наказывает меня за мою академическую оторванность от жизни. Второй раз в один день мне приходится делать дичайшее заявление без тени доказательств. Все, что я могу сказать в защиту своего здравого рассудка, это то, что мое утверждение легко поддается проверке. Остается только надеяться, что вы воспримете меня достаточно всерьез, чтобы произвести такую проверку прежде, чем станет слишком поздно, — он нервно засмеялся. — Прежде, чем станет слишком поздно... Прямо цитата из этого журнала.

— Жизнь полна мелодрам, — заметил Кэллахен, думая, что если это действительно так, в последнее время он видел их поразительно мало.

— Позвольте мне еще раз спросить, не заметили ли вы чего-нибудь необычного в конце этой недели?

— Связанного с вампирами?

— С чем бы то ни было.

Кэллахен добросовестно подумал.

— Свалка закрыта, — произнес он в наконец, — но ворота были выломаны, и я проехал внутрь. Дада Роджерса там не было.

— Еще?

— Ну... Кроккеты не пришли к мессе, а миссис Кроккет никогда ее не пропускает.

— Еще?

— Бедная миссис Глик, конечно...

Мэтт рывком приподнялся на локте:

— Миссис Глик? Что с ней?

— Умерла.

— От чего?

— Паулина Диккенс, кажется, думает, что от сердечного приступа, — неуверенно ответил Кэллахен.

— Кто-нибудь еще в Лоте умер сегодня?

При обычных обстоятельствах такой вопрос прозвучал бы глупо. В маленьких городках смерти обычно отстоят друг от друга, несмотря на множество стариков.

— Нет, — медленно проговорил Кэллахен, — но смертность действительно в последнее время повысилась, верно? Майк Райсон... Флойд Тиббитс... маленький Макдуглас...

Мэтт устало кивнул:

— Странно. Да. Еще несколько ночей... и я боюсь, что...

— Давайте бросим ходить вокруг да около, — предложил Кэллахен.

— Прекрасно. Давно пора.

Мэтт рассказал свою историю с начала до конца, ничего не оставляя в стороне. К тому времени, как он завершил свой рассказ, вечерний кошмар закончился для Бена и Джимми. Для Сьюзен Нортон он только начинался.

* * *

Закончив, Мэтт с минуту помолчал, потом спросил:

— Ну что? Я сумасшедший?

— Во всяком случае, вы убеждены, что люди решат именно так. Несмотря на то, что вам удалось убедить мистера Мерса и вашего собственного врача. Нет, я не думаю, что вы сумасшедший. В конце концов, сверхъестественное — это моя профессия.

— Но...

— Я вам расскажу одну историю. Не знаю, правда это или нет, но я этому верю. Лет пять назад один мой хороший друг — отец Раймонд Биссонет из Корнуэллэлла — написал мне, что его пригласили в отдаленный угол прихода хоронить девушку, которая «просто угасла». Его поразило, что гроб девушки оказался полон шиповника, а рот набит чесноком.

— Но это...

— Традиционная защита от встающих мертвецов. Народное средство. На вопрос Рэя отец девушки совершенно буднично ответил, что ее убил инкуб. Вы знаете, что это такое?

— Сексуальный вампир.

— Девушка была обручена с парнем, которого насмерть сбила машина за две недели до свадьбы. У этого парня — его звали Бэннок — на шее было большое родимое пятно клубничного цвета. Через два года девушка обручилась с другим. За неделю до второго оглашения она вдруг разорвала помолвку. Сказала родителям и друзьям, что Джон Бэннок приходил к ней ночью и она согрешила с ним. Ее теперешнего жениха, как писал Рэй, больше беспокоила мысль о ее умственном расстройстве, чем о возможности демонического визита. Но девушка умерла, и ее похоронили по старым церковным традициям.

Рэй решил написать не поэтому. Через два месяца после похорон во время утренней прогулки он заметил у могилы девушки молодого человека, — молодого человека с красным родимым пятном на шее. У Рэя с собой оказался фотоаппарат: он делал снимки живописных уголков для своих родителей. Так что смог несколько раз снять этого юношу. Когда он показал фотографии в деревне, реакция была поразительная. Женщины падали в обморок и принимались молиться посреди улицы.

А на следующий день фотография молодого человека со всех снимков исчезла. Выцвела.

— И вы этому верите?

— Да. И подозреваю, что поверит большинство. Обычный человек вовсе не так предубежден против сверхъестественного, как это часто думают и пишут в художественной литературе. Писатели-мистики обыкновенно в сто раз меньше верят в духов и демонов, чем средний человек с улицы.

— Тогда... вы попытаете выяснить кое-что для меня? И не станете возражать против того, чтобы носить с собой святую воду или еще что-нибудь в этом роде?

— Вы сейчас встали на неверную теологическую почву, — серьезно сказал Кэллахен.

— Почему?

— Когда я выступаю, вооружаясь теми священными атрибутами, о которых вы говорите, я не просто Кэллахен, а агент Священной Католической Церкви. Тогда я — представитель Христа на земле. Я все еще достаточно верю в мистическую силу церкви, стоящей за мной, чтобы содрогнуться при мысли о легком согласии на ваше предложение. Церковь не что-то вроде духовного бойскаутского отряда. Церковь — это Сила... а Силу нельзя бездумно приводить в движение, — он сурово нахмурился. — Вы понимаете это? Жизненно важно, чтобы вы это понимали.

— Я понимаю.

— Видите ли, в этом столетии в католической церкви концепция зла претерпела радикальное изменение. Вы понимаете, что тому причиной?

— Наверное, Фрейд.

— Очень хорошо. В двадцатом веке католическая церковь выработала новое представление: Зло с маленькой «з». Нет больше рогатого чудовища с хвостом и копытами, нет Змея в райском саду. Дьявол по евангелию от Фрейда — не что иное, как гигантская совокупность нашего подсознания. Безличная. Безжалостная. Неприступная. Изгнание Фрейдовского дьявола так же невозможно, как сделка Шейлока — взять фунт плоти без капли крови. Католической церкви приходится пересматривать весь поход к злу: бомбардировщики над Камбоджей, война в Ирландии, восстания в гетто, миллиард еще меньших зол, кружащих над миром тучей москитов. Сейчас церковь меняет свою старую кожу духовного целителя на облик социально активной, общественно сознательной фигуры. Церковные общины подыгрывают гражданским правозащитным движениям. Церковь обеими ногами вступает в мир.

— Где нет колдунов, инкубов и вампиров, — продолжил Мэтт, — а есть избивание детей, кровосмешение и загрязнение окружающей среды.

— Вот именно.

— И вам это ненавистно...

— Да, — спокойно признался Кэллахен. — Мне это кажется позорным. Все равно как если бы католическая церковь объявила, что Бог не умер, а только слегка одряхлел. По-моему, я вам ответил, правда? Что вы хотите, чтобы я сделал?

Мэтт объяснил.

Кэллахен подумал и спросил:

— Вы понимаете, насколько это идет вразрез со всем, что я вам сейчас говорил?

— Напротив, по-моему, это шанс для вас подвергнуть церковь — вашу

церковь — испытанию.

Кэллахен глубоко вздохнул:

— Хорошо, я согласен. При одном условии.

— Каком же?

— Все мы, кто отправится в эту маленькую экспедицию, сначала пойдем в магазин мистера Стрэйкера. Там мистер Мерс, как наш глашатай, прямо объяснит ему, в чем дело. И у нас будет возможность наблюдать его реакцию. А у него будет возможность рассмеяться нам в лицо.

— Так мы его предупредим, — нахмурился Мэтт.

Кэллахен покачал головой:

— Предупреждение немного ему даст, если мы все трое — мистер Мерс, доктор Коди и я — твердо решим, несмотря ни на что, выполнить свое намерение.

— Хорошо, — отозвался Мэтт без энтузиазма, — я согласен, если согласятся Бен и Джимми Коди.

— Ладно, — вздохнул Кэллахен. — Вас не обидит моя горячая надежда, что все это существует только в вашем воображении? От души надеюсь, что этот Стрэйкер действительно рассмеется нам в лицо.

— Ничуть не обидит.

— Я действительно надеюсь. Признаюсь вам: я боюсь.

— Я тоже, — тихо сказал Мэтт.

* * *

Но возвращаясь в церковь, Кэллахен вовсе не ощущал страха. Он был в приподнятом настроении, чувствуя себя обновленным. Впервые за многие годы ему, трезвому, не хотелось выпить.

У себя он направился прямо к телефону и позвонил в пансион Евы Миллер.

— Алло? Миссис Миллер? Могу я говорить с мистером Мерсом?.. Его нет? Да, понимаю... Нет, ничего передавать не надо. Я позвоню завтра. Да, до свидания.

Он повесил трубку и подошел к окну.

Что же, Мерс сидит где-нибудь за кружкой пива или старый учитель сказал чистую правду?

Если так... если так...

Он не мог оставаться в доме. Вышел на заднее крыльцо и стоял там, вдыхая резкий октябрьский воздух и глядя в вязкую темноту. Может быть,

дело не только во Фрейде — немалую роль сыграло изобретение электрического света, убившее тени в человеческих умах надежнее — да и чище — чем вампира убивает кол в сердце.

Зло продолжается, но продолжается под холодным светом неоновых ламп, в бездушных механизмах современного порядка. «Я исполнял приказания...» Да, совершенно верно. Все мы — солдаты, исполняющие данные нам предписания. Но откуда они исходят?

Что-то пролетело над головой, заставив Кэллахена взглянуть вверх и отвлечься от своих путаных мыслей. Птица? Летучая мышь? Улетело. Неважно.

Он прислушался к звукам города и не услышал ничего, кроме жужжания телефонного провода.

«В ночь, когда кудзу забирает твои поля, ты спишь, как мертвец».

Кто это написал? Диккей?

Ни звука кругом. Никакого света, кроме слабого сияния перед дверьми церкви и отдаленной пульсации желтого огонька светофора на перекрестке Брок-стрит и Джойнтер-авеню. Нигде не плакал ребенок.

«В ночь, когда кудзу забирает твои поля, ты спишь, как...»

Возбуждение растаяло. Ужас будто нанес физический удар в область сердца. Не тот ужас страха за жизнь или честь, или что экономка узнает о его пьянстве. Такой ужас не приходил к нему даже во сне, даже в пыточные дни взросления.

Он испугался за свою бессмертную душу.

Часть третья. Покинутый город

*Я слышал зов из тьмы без дна:
«Приди ко мне, дитя, для бесконечного сна».*

Старый рок-н-ролл

*И нынче путники расскажут,
Как в окнах свет зажжется вдруг,
Там тени вычурные пляшут
Под музыки нестройный звук
И отвратительной рекою
Несутся прочь, покинув дом,
И хохот слышится порою —
Но нет улыбки в смехе том.
Дворец с призраками*

Эдгар Аллан По

*Скажу тебе сейчас,
что весь город пуст.*

Боб Дилан

14. Лот (4)

Из «Альманаха старого фермера»:

Закат в воскресенье 5 октября 1975 года — в 7:02 пополудни, восход в понедельник 6 октября 1975 года — в 6:49 утра. Период темноты в Джерусалемз Лоте во время этого конкретного обращения Земли, на тридцать дней отстоящего от осеннего равноденствия, составил одиннадцать часов и сорок семь минут. Луна молодая. Изречение Старого Фермера на этот день гласило: «Солнце на покой — земля на урожай».

От Портлендской синоптической станции:

Высшая температура за темное время суток составила 62 градуса^[4], отмечена в 7:05 пополудни. Низшая температура — 47 градусов^[5] отмечена в 4:06 утра. Переменная облачность, осадки нулевые. Ветер северо-западный, от пяти до десяти миль в час.

Из журнала дежурств Кемберлендской окружной полиции:

Ничего.

* * *

Никто не объявил Джерусалемз Лот умершим наутро шестого октября — никто этого не знал. Как и трупы последних дней, он хранил все признаки жизни.

Рути Кроккет, все выходные пролежавшая бледной и нездоровой в

постели, в понедельник утром исчезла. Это исчезновение осталось незамеченным. Мать ее лежала в подвале возле полок со своими консервациями, накрытая просмоленным полотном, а Ларри Кроккет, который проснулся поздно, просто подумал, что дочка ушла в школу. Сам он решил сегодня не идти в контору. Он чувствовал пустоту, слабость и головокружение. «Грипп какой-то, что ли», — подумал он. Свет резал ему глаза. Он встал и задернул занавески, вскрикнув, когда солнечный луч упал ему на руку. Надо будет заменить стекла, как только ему станет лучше. Такой дефект стекла не шутка. В один прекрасный солнечный день обнаружишь, что твой дом сгорел дотла, а крючокотворы из страховой компании объявят это самопроизвольным возгоранием и не выплатят ни цента. Он подумал о чашке кофе и почувствовал тошноту. Слабо удивился, где бы это могла быть жена, и тут же забыл об этом. Отправился обратно в постель, ощупывая пальцами странный бритвенный порез под подбородком, натянул простыню на впалую щеку и снова заснул.

А дочь его в это время спала в эмалевой темноте внутри выброшенного холодильника рядом с Дадом Роджерсом: в ночном мире своего нового существования она нашла его авансы между кучами мусора весьма привлекательными.

Лоретта Старчер, библиотекаря, тоже исчезла, хотя в ее одинокой жизни старой девы не нашлось, кому это заметить. Теперь она обитала на темном и пыльном третьем этаже публичной библиотеки Джерусалемз Лота. Третий этаж всегда стоял закрытым (единственный ключ она всегда носила на цепочке на шее), за исключением тех случаев, когда какому-нибудь просителю удавалось убедить ее в своей достаточной важности, интеллигентности и нравственности, чтобы получить специальный допуск.

Сейчас она распоряжалась здесь сама — первое издание особого рода — новенькая, как будто только появилась на свет. Ее, так сказать, пуповина еще не оторвалась.

Исчезновение Вирджила Рэтберна также прошло незамеченным. Франклин Боддин проснулся в их общей хибаре в девять, удивился, что койка Вирджила пуста, но не стал раздумывать об этом и принялся выбирать из постели, чтобы поискать пива. Голова у него кружилась, ноги казались резиновыми, и он снова лег.

«Боже, — подумал он, прежде чем заснуть опять, — чего же это мы надрались вчера? Керосина?»

А под полом хижины в прохладе двадцатилетнего слоя сухих листьев, посреди галактики заржавевших пивных крышечек, провалившихся в щели, Вирджил дожидался ночи. В темной глине его мозга витали, может

быть, видения жидкости — горячего шотландского виски, которое привлекательнее тончайшего вина.

Ева Миллер заметила отсутствие Хорька Крэйга за завтраком, но думала об этом мало. Она слишком захлопоталась у печи с завтраками для постояльцев, готовящихся взглянуть в глаза новой трудовой неделе. Потом ее поглотила уборка и мытье тарелок для этого проклятого Гровера Веррилла и этого негодного Мики Сильвестра, которые стойко игнорировали надпись: «Пожалуйста, мойте за собой посуду», висящую на кухне многие годы.

Но когда в дом возвратилась тишина и лихорадочный сгусток утренней работы выродился в спокойную ежедневную рутину, она опять заметила, что Крэйга нет. В понедельник с их улицы вывозили мусор, а Хорек всегда носил большие зеленые корзины в грузовик Рояла Сноу. Сегодня корзины все еще стояли на заднем крыльце.

Она поднялась к нему и тихо постучала в дверь:

— Эд!

Никакого ответа. В другое время она решила бы, что он пьян, и просто вынесла бы корзины сама, чуть больше обычного сжав губы. Но в это утро слабое беспокойство червячком шевелилось в ней, и она повернула дверную ручку.

— Эд, — снова позвала она, просунув голову в комнату.

Комната оказалась пустой. Занавеси открытого окна у изголовья кровати трепетали на утреннем ветерке. Постель была в беспорядке, и Ева, не думая, автоматически убрала ее. Под ногой что-то хрустнуло. Ева взглянула вниз и увидела разбитое настольное зеркало Хорька. Она подняла его и повертела в руках, потом нахмурилась. Зеркало досталось Хорьку от матери, он как-то раз отказался отдать его антиквару за десять долларов. Уже после того, как спился.

В холле Ева достала тряпку и принялась вытирать пыль медленными задумчивыми движениями. Она знала, что Хорек вчера ушел спать трезвым и что негде ему было купить пива после девяти вечера, если не ехать к Деллу или в Кэмберленд. Выбрасывая осколки зеркала в мусорную корзину, Ева убедилась, что там не было пустых бутылок. Да и не в стиле Хорька тайное пьянство.

Ладно. Объявится.

Но беспокойство не ушло. Ее чувство к Хорьку было глубже дружеской привязанности, хотя она не сознавалась в этом даже самой себе.

— Мэм!

Она вздрогнула и наконец увидела в своей кухне постороннего.

Посторонний оказался мальчишкой, опрятно одетым в джинсы и свежую голубую тенниску. «Похоже, мальчик слегка не в себе», — подумала она. Паренек выглядел знакомым, но точно вспомнить его никак не удавалось. Скорее всего, он из этих новых семей с Джойнтер-авеню.

— Мистер Бен Мерс живет здесь?

Ева открыла было рот спросить, почему он не в школе, но удержалась. Мальчик выглядел очень серьезным, даже мрачным. Под глазами обозначились синие круги.

— Он спит.

— Могу я подождать?

* * *

...Гомер Маккэслин из мертвецкой Грина напрямик отправился в дом Нортон на Брок-стрит. Он добрался туда к одиннадцати. Миссис Нортон заливалась слезами, Билл Нортон казался довольно спокойным, но осунулся и постоянно курил.

Маккэслин согласился разослать описание девушки по всем полицейским постам. Да, он позвонит, как только узнает что-нибудь. Да, он проверит все больницы — это часть процедуры (морги, кстати, тоже). Про себя он подумал, что девушка, должно быть, загуляла из протеста. Мать призналась, что они поссорились и дочка собиралась отселяться.

Тем не менее он объехал кое-какие из проселочных дорог, внимательно приглядываясь и прислушиваясь. Через несколько минут после полуночи, возвращаясь в город по Брукс-роуд, он заметил, как свет подфарников сверкнул на металле, — в лесу стояла машина.

Он вышел из автомобиля. Машина обнаружилась за поворотом на заброшенной лесной дороге. «Вега», светло-коричневая, два года. Он вытащил из кармана тяжелый блокнот на цепочке, пролистал запись интервью с Беном и Джимми, нашел лучом фонарика номер машины, названный ему миссис Нортон. Номер совпал. Да, машина девушки. Оказывается, дело серьезное. Он потрогал капот. Холодный. Давно стоит.

— Шериф!

Легкий беззаботный голос, как звон колокольчика. Почему же рука его упала на кобуру пистолета?

Он обернулся и увидел девочку Нортон, выглядывшую невозможно красивой. Она подходила рука об руку с незнакомцем — молодым человеком с черными волосами, немодно зачесанными назад со лба.

Маккэслин направил фонарь им в лица и поразился: ему показалось, что свет пронизывает их насквозь, совсем не освещая. Они шли, но не оставляли в мягкой земле никаких следов. Он ощутил страх, нервы предостерегающе натянулись, рука стиснула револьвер... и разжалась. Он выключил фонарь и пассивно ждал.

— Шериф, — повторила она тихим ласкающим голосом.

— Как хорошо, что вы пришли, — сказал незнакомец.

Они бросились на него.

Теперь его патрульная машина стояла в дальнем, заросшем ежевикой конце лесной дороги, и едва ли хоть один проблеск хрома виднелся сквозь листву. Маккэслин скорчился в багажнике. Радио вызывало его через правильные интервалы — безрезультатно.

...Ранним утром Сьюзен нанесла короткий визит матери, но причинила немного вреда: как пиявка, насытившаяся на медлительном пловце, она была удовлетворена. Однако ее пригласили, и теперь она могла приходить и уходить, когда вздумается. Этой ночью будет новый голод... каждой ночью.

Чарльз Гриффин в утро понедельника разбудил жену чуть позднее пяти, гнев исказил его лицо сардонической гримасой. Снаружи ревели с полным выменем недоенные коровы. Гриффин высказал суть произошедшего четырьмя словами:

— Эти проклятые мальчишки сбежали.

Но они не сбежали. Дэнни Глик отыскал Джека Гриффина, а Джек отправился в комнату брата Хола и навсегда положил конец его волнениям по поводу школы, книг и несговорчивого отца. Сейчас оба мальчика лежали внутри большой копны сена на верхнем пастбище. В волосах у них запутались травинки, и сладкие облачка пыльцы танцевали в темных, лишенных движения воздуха, проходах их носов. Время от времени по их лицам пробегали мышцы.

Свет излился на землю, и все порождения зла спали. Собирался красивый осенний день, хрупкий, ясный и полный солнечного света. Постепенно город (не знающий о своей гибели) пробуждался для повседневных занятий, не связанных с идущей здесь ночной работой. По Старому Фермеру, закат в понедельник должен был состояться ровно в 7:00.

Когда без четверти девять Бен спустился вниз, Ева Миллер повернулась к нему от раковины:

— Вас там ждут на крыльце.

Бен кивнул и прямо в тапочках вышел к задней двери, ожидая увидеть Сьюзен или шерифа Маккэслина. Но гость оказался невысоким щуплым мальчиком, который сидел на верхней ступеньке, глядя на медленно просыпающийся город.

— Привет, — произнес Бен, и мальчик быстро обернулся.

Они недолго смотрели друг на друга, но Бен испытал странное напряжение, его окатило чувство нереальности. Мальчик внешне напоминал его самого ребенком, но дело было не только в этом. Бена как будто придавило тяжестью и странным образом показалось, что их жизни сейчас соединит нечто большее, чем случай. Это напомнило ему тот день, когда он встретил в парке Сьюзен, когда их легкую беседу первого знакомства отяготило пугающее предчувствие будущего.

Должно быть, мальчик почувствовал что-то похожее, потому что глаза его слегка расширились, а руки нашли перила крыльца, как будто для поддержки.

— Вы мистер Мерс, — он не спросил это, а произнес утвердительно.

— Да. Боюсь, что у тебя преимущество.

— Мое имя Марк Петри. У меня для вас плохие новости.

«Держу пари, так и есть», — подумал Бен в отчаянии и попытался укрепить свой дух перед этой новостью, какой бы она ни была. Но все-таки сюрприз оказался оглушительным.

— Сьюзен Нортон — одна из них. Барлоу поймал ее в доме. Но я убил Стрэйкера. То есть думаю, что убил.

Бен попытался заговорить и не смог. Намертво перехватило горло.

Мальчик кивнул:

— Может быть, поедem куда-нибудь, если вы можете вести машину и разговаривать. Не хочу, чтобы меня здесь видели. Я прогуливаю школу, а с родителями уже и так поругался.

Бен что-то сказал — он не знал, что. После аварии, убившей Миранду, он поднялся с тротуара, потрясенный, но целый (кроме царапины на тыльной стороне левой руки — не надо забывать об этом, поскольку медали «Багровое сердце»^[6] выдавались и за меньшее), а водитель грузовика подошел к нему, отбрасывая две тени в свете уличного фонаря и фар, — высокий, лысеющий, с ручкой в нагрудном кармане белой рубашки, и Бен прочел надпись золотыми буквами на ручке: «Перевозочная ста...» — остальное скрывал карман, но Бен проницательно догадался, что

там должны быть буквы «нция», — элементарно, дорогой мой Ватсон, элементарно. Водитель грузовика что-то сказал — Бен не помнил что — потом осторожно взял Бена за руку, пытаясь увести прочь. Бен увидел туфлю Миранды, лежащую возле огромного колеса, стряхнул руку шофера и направился туда, а шофер шагнул за ним, говоря: «Я бы этого не делал, приятель». И Бен тупо смотрел на него, ошеломленный и не раненый, если не считать царапины на тыльной стороне левой руки, и очень хотел сказать шоферу, что еще пять минут назад ничего этого не случилось, что в каком-то параллельном мире они с Мирандой свернули налево кварталом раньше и теперь ехали к совершенно иному будущему.

Собиралась толпа, выливаясь из распивочной на одном углу и молочного бара на другом. И Бен почувствовал то, что чувствовал теперь: ужасное взаимодействие ума и психики, означающее начало понимания и сравнимое только с изнасилованием. Летящий в пропасть желудок. Онемевшие губы. Горькая пена, приставшая к небу. Звон в ушах. Ум отворачивается, прячет лицо, как от слишком яркого света, который невозможно вынести. Бен второй раз вырвался из доброжелательных рук водителя грузовика, подбежал к туфле, схватил ее. Засунул руку внутрь — подкладка все еще хранила тепло ноги Миранды. С туфлей в руках он прошел еще два шага и увидел под колесом ее распростертые ноги, в желтых брючках, которые она так небрежно, со смехом, одевала там, дома. Невозможно было поверить, что девчонка, которая их натягивала, умерла, — но вера уже поселилась в нем, в его животе, во рту, в ушах.

Он громко застонал, и как раз в этот момент фотограф сделал снимок для газеты Мэйбл Вертс. Одна туфля на ноге, другая в руках у Бена. Люди смотрели на голую ногу Миранды, как будто никогда раньше не видели голых ног. Бен отступил на два шага назад, наклонился и...

— Мне тошно, — сказал он Марку.

— Ладно.

Бен отступил за свой «ситроен» и согнулся вдвое, держась за ручку дверцы. Он закрыл глаза, чувствуя, как его укутывает тьма, и в этой тьме появляется лицо Сьюзен, улыбающейся и глядящей глубоким, полным любви взглядом. Он открыл глаза опять. Ему пришло в голову, что мальчишка, может быть, врет, пугает или болен психически. Но эта мысль не принесла ему надежды. Мальчик выглядел совсем не так. Бен обернулся взглянуть ему в лицо — и увидел уверенность, ничего больше.

— Садись.

Они сели в машину и уехали. Ева Миллер следила за ними из окна кухни, нахмутив брови. Что-то происходило. Она чувствовала это,

переполнялась этим, так же как переполнялась мрачным глухим оцепенением в день смерти мужа. Она поднялась и позвонила Лоретте Старчер. Телефон звонил и звонил без ответа, пока Ева не положила трубку. Куда Лоретта могла деваться? Во всяком случае, она не в библиотеке, — библиотека по понедельникам закрыта.

Ева села, задумчиво глядя на телефон. Она ощущала в воздухе огромную катастрофу, — может быть, что-нибудь такое же ужасное, как пожар 51-го.

Наконец она опять взяла трубку и позвонила Мэйбл Вертс, исполненной сплетен дня и жаждущей большего.

Город не знал таких выходных долгие годы.

* * *

Бен вел машину без цели, пока Марк рассказывал свою историю. Он рассказал основательно, начиная с той ночи, когда к его окну прилетал Дэнни Глик, и кончая сегодняшней ночной посетительницей.

— Ты уверен, что это была Сьюзен? — спросил Бен.

Марк Петри кивнул.

Бен сделал резкий разворот на Джойнтер-авеню и нажал на педаль акселератора.

— Куда вы едете? В...

— Нет. Еще не туда.

* * *

Они медленно ехали по Брукс-роуд у подножья Марстенова Холма. Вот и лесная дорога, где Гомер Маккэслин нашел «Вегу» Сьюзен. Оба заметили отблеск солнца на металле. Они свернули на заброшенную дорогу без слов. Между глубокими пыльными колеями росла густая трава. Где-то щебетала птица.

Вскоре они машину.

Бен заколебался, потом остановился. Он снова ощутил тошноту. Руки покрылись холодным потом.

— Пойди взгляни, — сказал он.

Марк подошел к машине и сунул голову в водительское окошко.

— Ключи здесь.

Бен направился к машине и обо что-то споткнулся. Он взглянул под ноги и увидел револьвер 38-го калибра, лежавший в пыли. Он поднял револьвер и повертел в руках. Как будто похож на полицейский.

— Чей это? — спросил Марк, подходя с ключами от машины Сьюзен в руках.

— Не знаю, — Бен проверил предохранитель и положил пистолет в карман.

Взяв у Марка ключи, он подошел к «Веге», чувствуя себя, как во сне. Руки у него дрожали, ключ попал в скважину только с третьего раза. Бен распахнул багажник, не позволяя себе думать.

Внутри они заглянули вдвоем. В багажнике лежало запасное колесо, домкрат и ничего больше. Дыхание Бена восстановилось.

— Что теперь? — спросил Марк.

С минуту Бен не отвечал. Когда почувствовал, что опять владеет своим голосом, он сказал:

— Теперь мы навестим моего друга по имени Мэтт Берк, он лежит в больнице. Он изучал вампиров.

Напряженность во взгляде мальчика осталась.

— Вы мне верите?

— Да. — Слово прозвучало, и это, казалось, утвердило его и придало вес. Теперь не вернешь. — Да, я верю тебе.

— Мистер Берк из школы высшей ступени, да? Он знает об этом?

— Да. И доктор тоже.

— Доктор Коди?

— Да.

Разговаривая, оба смотрели на машину, как будто на реликт некой темной погибшей породы, обнаруженный ими в лесах к западу от города. Раскрытый багажник казался пастью. Когда Бен его захлопнул, звук отдался в самом сердце.

— А когда мы с ним поговорим, — закончил он, — то отправимся в Марстен Хауз и доберемся до сволочи, которая творит такое.

Марк глядел на него, не шевелясь:

— Может быть, это не так легко, как вам кажется. Она тоже была там. Теперь она его.

— Он пожалеет, что попал в Салем Лот, — тихо пообещал Бен. — Пошли.

В больницу приехали в половине десятого. Джимми Коди оказался в палате Мэтта. Врач взглянул на Бена без улыбки, мельком и с любопытством посмотрел на Марка Петри.

— У меня плохая новость для тебя, Бен. Сьюзен Нортон исчезла.

— Она теперь вампир, — отозвался Бен без всякого выражения, и Мэтт крикнул на постели.

— Ты уверен? — резко спросил Джимми.

Бен показал пальцем на Марка Петри и представил его:

— Вот Марк, ему в субботу ночью нанес небольшой визит Дэнни Глик. Остальное он вам расскажет.

Марк рассказал им все от начала до конца, так же, как и Бену.

Когда он закончил, первым заговорил Мэтт:

— Бен, у меня нет слов сказать, как мне жаль.

— Могу дать тебе что-нибудь успокаивающее, — предложил Джимми.

— Я тебе скажу, какое лекарство мне нужно. Я хочу пойти к Барлоу сегодня. Сейчас. Пока не стемнело.

— Хорошо, — сказал Джимми. — Я отменил все вызовы. И позвонил в контору шерифа. Маккэслин тоже исчез.

— Может быть, его исчезновение объясняет вот это, — Бен вынул из кармана револьвер и бросил его на тумбочку у кровати. В больничной палате этот предмет выглядел странным и неуместным.

— Где ты его взял? — Джимми взял оружие.

— На дороге у машины Сьюзен.

— Тогда, наверное, Маккэслин сразу после нас поехал к Нортонам. Узнал, что Сьюзен исчезла, выяснил марку и номер ее машины, объехал на всякий случай проселочные дороги и...

В комнате воцарилась тишина. И никто не хотел ее нарушить.

— У Формена по-прежнему закрыто, — сообщил наконец Джимми. — И старики, которые болтаются у Кроссена, жалуются насчет свалки. Никто не видел Дада Роджерса уже целую неделю.

Они потеряно смотрели друг на друга.

— Вчера вечером я говорил с Кэллахеном, — сообщил Мэтт. — Он согласился идти, если вы двое — плюс Марк, разумеется, — сначала зайдете в этот новый магазин и поговорите с Стрэйкером.

— Не думаю, чтобы он стал сегодня с кем-нибудь разговаривать, — спокойно заметил Марк.

— Вы нашли что-нибудь о них? — спросил Джимми у Мэтта. — Что-нибудь полезное?

— Пожалуй, кое-что нашел. Стрэйкер должен быть чем-то вроде их

телохранителя, человекообразной собаки... так называемый «доверенный» колдуна или ведьмы. Он должен был попасть в город значительно раньше, чем Барлоу. Требовались опеределенные ритуалы, чтобы умилостивить Темного Отца. Как видите, у Барлоу есть хозяин, — Мэтт мрачно обвел всех взглядом. — Боюсь, никто никогда не найдет следов Ральфи Глика. Это был входной билет для Барлоу. Стрэйкер принес его в жертву.

— Сволочь, — проговорил Джимми.

— А Дэнни Глик? — спросил Бен.

— Стрэйкер пустил ему кровь первому, — пояснил Мэтт. — Дар Хозяина: первая кровь — для верного слуги. Позже Барлоу, вероятно, принялся за дело сам. Но прежде чем он приехал, Стрэйкер сослужил ему еще одну службу. Вы знаете, какую?

Несколько мгновений все молчали, потом Марк четко произнес:

— Собака на воротах кладбища.

— Что? — переспросил Джимми. — Причем здесь собака?

— Белые глаза, — добавил Марк. Все вопросительно взглянули на Мэтта. Тот утвердительно кивнул и с удивлением посмотрел на Марка.

— А я-то всю ночь просидел над книгами, не зная, что среди нас есть специалист, — сказал Мэтт, и мальчик слегка покраснел. — Марк совершенно прав. Есть повторяющиеся упоминания в фольклоре о сверхъестественном, что один из способов отпугнуть вампира — это нарисовать белые «ангеловы» глаза вокруг настоящих глаз черной собаки. Док Ирвина был весь черный, кроме двух белых пятен. Вин еще называл их фарами: они были как раз вокруг глаз. Его собака бегала всю ночь на свободе. Стрэйкер, должно быть, выследил ее, убил и повесил на воротах.

— А как с Барлоу? — спросил Джимми. — Как он попал в город?

Мэтт пожал плечами:

— Не могу ничего сказать. Думаю, надо предполагать, что он стар... очень стар. Он мог менять свое имя десятки раз, даже тысячи. Вероятно, он жил во всех странах мира, хотя подозреваю, что по происхождению он, должно быть, румын или венгр. Как бы то ни было, неважно, как он сюда попал... хоть я и не удивился бы, узнав, что к этому приложил руку Ларри Кроккет. Барлоу здесь. Только это важно.

Теперь вот что вы должны делать. Возьмите с собой колья. И огнестрельное оружие — на случай, если Стрэйкер еще жив. Револьвер шерифа как раз подойдет. Кол должен пронзить сердце, иначе вампир встанет. Джимми может это проверить. Потом надо отрезать голову, набить рот чесноком и повернуть голову в гробу лицом вниз. В голливудских и прочих сочинениях пробитые колом вампиры почти мгновенно истлевают в

пыль. В реальности этого может не случиться. Тогда надо к гробу привязать груз и утопить его в текущей воде. Я бы предложил Роял. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Отлично. Надо взять с собой святую воду, и каждому, прежде чем идти, следует исповедаться у отца Кэллахена.

— По-моему, среди нас нет католиков, — возразил Бен.

— Я католик, — сказал Джимми, — но я не хожу в церковь.

— Неважно, это обряд очищения. Тогда вы пойдете чистыми, омытыми Христовой неоскверненной кровью.

— Ладно, — сказал Бен.

— Бен, вы спали со Сьюзен? Простите меня, но...

— Да.

— Тогда забивать кол должны вы — сначала в Барлоу, потом в нее. И вы должны не дрогнуть. Этим вы освободите ее.

— Хорошо.

— Главное, — взгляд Мэтта обошел всех, — **ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ СМОТРЕТЬ ИМ В ГЛАЗА!** Если посмотрите — они овладеют вами и обратят против своих, даже ценой жизни. Вспомните Флойда Тиббитса! Поэтому пистолет носить опасно. Его возьмет Джимми и будет держаться сзади. Если понадобится осмотреть Барлоу или Сьюзен, он отдаст пистолет Марку.

— Понял, — сказал Джимми.

— Не забудьте купить чеснока. И розы, если сможете. Цветочный магазинчик в Кэмберленде еще открыт, Джимми?

— «Северная красавица»? Кажется, да.

— Каждому — белую розу. Привяжите к волосам или на шею. И — повторяю! — не смотрите им в глаза! Я мог бы вас задержать еще сотней всяких подробностей, но лучше идите. Уже десять часов, а отец Кэллахен может передумать. С вами мои добрые пожелания и мои молитвы. Самое лучшее, что может придумать такой старый атеист, как я, — это молиться. Но, кажется, я уже не такой атеист, как раньше. Карлайль, по-моему, сказал, что если человек свергает в своем сердце Бога, на его место спускается Сатана? — Никто не ответил, и Мэтт вздохнул. — Джимми, я хотел бы взглянуть на твою шею.

Джимми придвинулся к кровати и поднял подбородок. Раны виднелись ясно, но они затянулись и, казалось, хорошо заживали.

— Болит? Зудит? — спросил Мэтт.

— Нет.

— Тебе очень повезло, — Мэтт серьезно смотрел на Джимми.

— Начинаю думать, что мне повезло гораздо больше, чем я мог вообразить.

Мэтт откинулся на подушку. Он сильно осунулся, глаза его глубоко запали.

— Я возьму таблетки, от которых отказался Бен, если не возражаешь.

— Я скажу сестре.

— Буду спать, пока вы поработаете. Потом — другое дело... ну, ладно, хватит. — Взгляд Мэтта обратился к Марку. — Вчера ты сделал поразительную вещь, мальчик. Глупую и безрассудную, но поразительную.

— Она за это расплатилась, — тихо проговорил Марк, сжав дрожащие руки.

— Да и вам тоже, может быть, придется расплатиться. Любому из вас или вам всем. Берегитесь недооценить его! Не думайте, что если он не может встать при свете, — он вам не опасен. А сейчас, если вы не обидитесь, я очень устал. Я читал почти всю ночь. Сообщите мне в любую минуту, когда закончите.

Они вышли.

* * *

В четверть одиннадцатого Ева Миллер спустилась в подвал достать кукурузную муку для миссис Нортон, лежавшей, по словам Мэйбл Вертс, в постели. Большую часть сентября Ева провела в жаркой кухне, трудясь над консервированием: бланшируя овощи, заливая парафином банки домашнего желе. Теперь в ее подвале с земляным полом гордо красовалось на полках больше двухсот банок — она всегда любила консервировать.

Чуть только Ева открыла дверь подвала, в нос ударила вонь.

— Скотство, — пробормотала она и с отвращением стала спускаться.

Муж сам выкопал подвал и выложил камнем стены. Иногда ондатра или выхухоль пробирались в одну из широких щелей и дохли там. Видно, опять так случилось, хотя такого сильного запаха она не помнит.

Ева добралась до нижней двери и пошла вдоль стены, напрягая глаза в слабом свете двух пятидесятиваттных ламп. «Давно пора заменить на семидесятипятиваттные», — подумала она, найдя нужную муку, аккуратно подписанную ее четким почерком, и продолжая инспекцию. Она протиснулась даже в щель за огромной пропыленной печью. Ничего.

Она вернулась к лестнице и недовольно огляделась кругом, уперев руки в бедра. Большой подвал выглядел гораздо аккуратнее с тех пор, как

Ева пару лет назад наняла двоих парней Ларри Кроккета построить на заднем дворе сарай для всякого инвентаря. Теперь здесь стояла только печь, похожая со своими торчащими во все стороны трубами на импрессионистскую скульптуру богини Кали, и затянутый сукном биллиардный стол Ральфа. Она старательно пылесосила этот стол каждую весну, хотя никто не играл на нем с тех пор, как Ральф погиб в 59-ом. Больше здесь почти ничего и не было. Снеговая лопата со сломанной рукояткой, доска, на которой висели инструменты Ральфа, сундук со старыми тряпками, должно быть, уже совсем побитыми молью.

Откуда же запах? Взгляд Евы остановился на маленькой дверце, ведущей в подвальчик, где хранились овощи. Ну уж туда-то она сейчас не полезет. Да и ни к чему: там стены цельные, вряд ли какое-нибудь животное могло туда залезть. И все-таки...

— Эд!.. — вдруг позвала она без всякой видимой причины. Звук собственного голоса испугал ее.

Слово утонуло в тускло освещенном подвале. Да с чего ей вдруг вздумалось звать? Что, во имя Бога, делать здесь Эду Крэйгу, даже найди он, где тут спрятаться? Пить? Размышляй она сто лет, ей не пришло бы на ум более угнетающее место для пьянства во всем городе, чем ее подвал. Скорее всего, он просто где-то в лесу, с этим своим беспутным приятелем Вирджилом Рэтберном пропивает чью-нибудь подачку.

Но она задержалась еще на минуту, осматриваясь вокруг. Запах тления был ужасен, просто ужасен. Придется еще проводить дезинфекцию.

Бросив последний взгляд на маленькую дверцу, она поднялась обратно в кухню.

* * *

Отец Кэллахен выслушал всех троих. Когда его полностью ввели в курс дела, было уже половина двенадцатого. Они сидели в прохладной комнате дома священника, солнечный свет падал из больших окон брусьями, достаточно плотными на вид, чтобы резать их ножом. Следя за танцующими в луче пылинками, Кэллахен вспомнил виденный когда-то мультфильм.

Уборщица с половой щеткой с изумлением глядит себе под ноги: она только что стерла часть собственной тени. Сейчас он чувствовал, что с ним случилось что-то похожее. Второй раз за двадцать четыре часа он предстал перед чем-то абсолютно невозможным — только теперь это невозможное

исходило от писателя, явно уравновешенного на вид мальчика и уважаемого в городе врача. И все-таки невозможное есть невозможное. Нельзя стереть собственную тень. Вот только именно это, кажется, и произошло.

— Было бы гораздо легче вам верить, если бы вы могли устроить грозу или аварию электричества, — заметил он.

— Это все чистая правда, — рука Джимми потянулась к шее. — Уверяю вас.

Отец Кэллахен встал и вытащил из черной сумки Джимми две бейсбольные биты с заостренными концами. Он повертел одну из них в руках и продекламировал:

«Потерпите, мистер Смит, это долго не болит».

Никто не рассмеялся.

Кэллахен положил биты обратно, подошел к окну и выглянул на Джойнтер-авеню.

— Вы говорите очень убедительно, — признался он. — И, пожалуй, я могу добавить в вашу картину одну маленькую черточку. — Он повернулся к ним. — В окне лавочки Барлоу и Стрэйкера висит: «Закрито до особого объявления». Часов в десять я сам ходил туда обсудить соображения мистера Берка с вашим таинственным Стрэйкером. Магазин заперт и спереди, и сзади.

— Вы должны признать, что это согласуется с рассказом Марка, — заметил Бен.

— Возможно. А возможно и простое совпадение. Позвольте мне спросить вас еще раз: вы уверены, что в этом деле должна участвовать католическая церковь?

— Да, — сказал Бен. — Но если придется, мы обойдемся и без вас. Если понадобится, я пойду и один.

— В этом нет нужды, — отец Кэллахен встал. — Следуйте за мной в церковь, джентльмены, я выслушаю ваши исповеди.

* * *

Бен неуклюже встал на колени в полутьме исповедадьни, в голове его метались неоформившиеся мысли, сменяли друг друга мимолетные образы: Сьюзен в парке; миссис Глик отшатывается от самодельного креста, и рот у нее — словно зияющая рана; Флойд Тиббитс, одетый, как чучело, вылезает из машины драться с Беном; Марк Петри заглядывает в

окно машины Сьюзен... В первый раз за все время ему пришло в голову, что все это, может быть, только сон, и он жадно ухватился за эту мысль.

Взгляд его упал на какой-то предмет в углу исповедальни. Бен подобрал его. Это оказалась пустая коробочка из-под леденцов, выпавшая, должно быть, из кармана ребенка. Прикосновение к реальности не оставляло сомнений. Жест упруго гнулся под пальцами. Он не спал, кошмар происходил в действительности.

Открылась маленькая раздвижная дверца. Он заглянул туда, но ничего не увидел: отверстие закрывал тяжелый полог.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Сказать: «Благословите меня, отец мой, ибо я согрешил».

— Благословите меня, отец мой, ибо я согрешил, — голос звучал тяжело и глухо в закрытом пространстве.

— Теперь расскажите мне о своих грехах.

— Обо всех? — Бен испугался.

— Постарайтесь быть кратким, — сухо посоветовал Кэллахен. — Как мне известно, нам еще предстоит кое-что сделать до темноты.

Старательно думая и держа перед мысленным взором Десять Заповедей в качестве некоего эталона, Бен начал. Ему не становилось легче. Он не испытывал никакого чувства очищения — только стесненность от необходимости рассказывать тайны своей жизни постороннему человеку. Все же он мог понять, как этот ритуал мог стать потребностью, приобрести такую же нездоровую притягательность, как спирт для алкоголика или тени на матовом стекле ванной комнаты для подростка. Тут было что-то средневековое, что-то проклятое. Он вспомнил сцену картины Бергмана «Седьмая печать», где толпа кающихся в рубищах проходит через город, пораженный чумой. Кающиеся секли себя березовыми ветками до крови. Отвращение к тому, что он должен был делать (а он упрямо не позволял себе врать, хотя обычно не находил в этом никакого затруднения), заставило его окончательно и полностью осознать их сегодняшнюю цель, и он почти видел слово «вампиры» перед собой отпечатанным — не пугающими готическими буквами из кинофильма, а самыми обычными. Он чувствовал себя беспомощным в когтях чуждого ему устаревшего ритуала. Эта исповедальня могла, должно быть, служить прямым проводом в те дни, когда оборотни, инкубы и ведьмы оставались общепризнанной частью окружающей тьмы, а церковь служила единственным источником света. Впервые он ощутил медленное ужасающее биение столетий и увидел свою жизнь всего лишь слабой мгновенной искрой такого огня, который свел бы людей с ума, если бы

показался им целиком. Мэтт не передал ему слов отца Кэллахена о церкви как о силе, но Бен сейчас мог бы их понять. Он чувствовал, как эта сила устремилась на него, делая его обнаженным и презираемым. Он чувствовал это так, как ни один католик, воспитанный на исповедях с раннего детства, почувствовать бы не смог.

Когда он шагнул наружу, свежий воздух из открытых дверей показался благословением. Он вытер обеими ладонями шею, покрывшуюся потом.

Кэллахен вышел к нему:

— Мы еще не закончили.

Без единого слова Бен вернулся, но на колени не встал. Кэллахен назначил ему епитимью: десять «Отче наш» и десять «Богородице».

— Я ее не знаю, — сказал Бен.

— Я дам вам карточку с текстом, — пообещал голос из-за полога. — Вы можете прочитать ее про себя по дороге в Кэмберленд.

Немного поколебавшись, Бен все-таки сказал:

— Знаете Мэтт был прав, когда говорил, что дело может оказаться труднее, чем мы думаем. Пока все кончится, мы потом изойдем.

Он опустил глаза — и обнаружил, что все еще сжимает в руке коробочку из-под леденцов.

* * *

Только в час дня они в большом «бьюике» Джимми Коди отправились в путь. Никто из них не говорил ни слова. Отец Дональд Кэллахен был в полном облачении: стихарь и белая епитрахиль, окаймленная пурпуром. Он каждому дал небольшой пузырек святой воды и осенил знаком креста.

У дома Джимми в Кэмберленде они остановились, и Джимми вышел, не выключая мотора. Вернулся он в свободной спортивной куртке, прячущей револьвер Маккэслина, а в руке нес обыкновенный плотницкий молоток.

Бен смотрел на молоток как зачарованный и краем глаза видел, что Марк и Кэллахен смотрят туда же. Сталь молотка отливала голубым, на ручку была наклеена рубчатая резина.

— Отвратительно, правда? — произнес Джимми.

Бен представил этот молоток — и Сьюзен, — представил, как забивает кол ей в грудь...

— Да, — выговорил он и облизнул губы, — отвратительно.

Оставались еще дела. Бен и Джимми зашли в супермаркет и купили

весь выставленный там чеснок — двадцать коробок серовато-белых луковиц. Девушка на контроле подняла брови и заметила:

— Я рада, что не еду кататься с вами сегодня вечером, мальчики.

Выходя, Бен поинтересовался:

— Хотел бы я знать, как чеснок работает? Что-нибудь из Библии, какое-то древнее проклятие или...

— Подозреваю, что аллергия, — отозвался Джимми.

— Аллергия?

Кэллахен расслышал это слово, когда они садились в машину, и по дороге к цветочному магазину попросил объяснить.

— Да, я согласен с доктором Коди, — объявил он, выслушав. — Может быть, аллергия... если, конечно, он вообще действует. Помните, что это еще не доказано.

— Странная мысль для священника, — сказал Мэтт.

— Почему? Если мне приходится признать существование вампиров — а, кажется, приходится — разве я должен признать их свободными от всех законов природы? От некоторых — очевидно. Фольклор утверждает, что их нельзя видеть в зеркале, что они могут превращаться в летучих мышей, волков или птиц, что они умеют просачиваться в тончайшие щели. Но мы знаем, что у них есть зрение, слух, речь... и совершенно очевидно — вкус. Возможно, им знакомы также и неудобства, боль...

— И любовь? — спросил Бен, глядя прямо перед собой.

— Нет, — ответил Джимми, — подозреваю, что любовь им недоступна.

Наконец Коди вырулил на маленькую стоянку возле цветочного магазина с оранжереей.

Когда они вошли, в дверях зазвонил маленький колокольчик. Навстречу хлынул густой цветочный аромат, напомнивший Бену похороны.

— Привет, — высокий мужчина в полотняном фартуке вышел к ним с букетами в обеих руках.

Бен только начал объяснять, что им нужно, как хозяин магазина покачал головой и перебил его:

— Боюсь, вы опоздали. В пятницу приехал один человек и купил все мои розы — и красные, и белые, и желтые. Ни одной больше не будет по крайней мере до среды. Если хотите заказать...

— Как выглядел этот человек?

— Очень странно. Высокий, совершенно лысый. Пронзительные глаза. Иностранные сигареты, судя по запаху. Ему пришлось выносить цветы

тремя охापками. Он еще погрузил их в какую-то древнюю машину — «додж», что ли...

— «Паккард», — поправил Бен. — Черный «паккард».

— Так вы его знаете?

— В некотором роде.

— Он заплатил наличными. Очень странно для такой крупной покупки. Но, может быть, если вы с ним свяжетесь, он вам продаст?..

— Возможно, — сказал Бен.

В машине они обсудили положение.

— Есть еще магазин в Фолмауте, — начал с некоторым сомнением отец Кэллахен.

— Нет! — воскликнул Бен. — Нет! — нотка истерики в его голосе заставила всех оглянуться. — А попадем в Фолмаут, узнаем, что Стрэйкер побывал и там, — что тогда? Портленд? Киттери? Бостон? Разве вы не понимаете, что происходит? Он предвидел наши шаги! Он обводит нас вокруг пальца!

— Бен, будь рассудительным, — начал Джимми. — Разве мы не должны хотя бы...

— Помнишь, что сказал Мэтт? «Не позволяйте себе думать, что раз он не может встать днем, он вам не опасен». Взгляни на часы, Джимми!

— Четверть третьего, — медленно проговорил Джимми и посмотрел на небо, словно не доверяя циферблату. Но часы не ошибались.

— Он нас ждет, — настаивал Бен. — Он все время видел на четыре хода вперед. Разве можно было надеяться, что он так и останется в благословенном неведении на наш счет? Что он никогда не учитывал возможности сопротивления? Надо ехать немедленно, иначе остаток дня мы можем потратить на спор, сколько ангелов уместится на острие иголки.

— Он прав, — спокойно сказал Кэллахен. — Пожалуй, лучше нам перестать говорить и начать двигаться.

— Тогда едем, — потребовал Марк.

Джимми быстро выехал со стоянки, чиркнув шинами по тротуару. Хозяин цветочного магазина ошарашенно смотрел им вслед: трое взрослых мужчин, один из которых священник, и мальчик сидят в машине с медицинской эмблемой и орут друг другу что-то совершенно безумное.

* * *

Коди подъезжал к Марстен Хаузу со стороны Брукс-роуд, и Дональд

Кэллахен, глядя на дом с непривычной стороны, подумал: «Да, он действительно нависает над городом. Странно, что я не замечал этого раньше. Это, должно быть, командная высота — высокий холм над перекрестком Джойнтер-авеню и Брок-стрит. Полный круговой обзор, и город полностью виден. Огромный заброшенный дом при закрытых ставнях как-будто неприятно вырастает, становится саркофагообразным монолитом, воплощением судьбы.

И он вместилище одновременно убийства и самоубийства, то есть стоит на нечистой земле».

Кэллахен открыл было рот сказать все это, но передумал.

Коди свернул, и дом на некоторое время скрылся за деревьями. У поворота на подъездную аллею деревья поредели. «Паккард» стоял перед гаражом, и, останавливая свой «бьюик», Джимми вынул револьвер.

Кэллахена атмосфера этого дома охватила немедленно. Он достал из кармана распятие, принадлежащее его матери, и одел на шею рядом со своим собственным. Ни одна птица не пела в обнаженных осенью деревьях. Длинная сухая трава казалась даже более мертвой и обезвоженной, чем требовало время года, земля выглядела посеревшей и истощенной.

Ступени крыльца нелепо корбились; на одном из столбиков виднелось яркое пятно краски — там, где сняли табличку, запрещающую вход. Рядом со старым ржавым засовом на парадной двери оловянным блеском сиял новый замок.

— Может, через окно, как Марк? — неуверенно предложил Джимми.

— Нет, — сказал Бен. — Через парадную дверь. Выломаем, если понадобится.

— Не думаю, чтобы это понадобилось, — голос Кэллахена принадлежал, казалось, кому-то другому. Когда они вышли из машины, он, не задумываясь, пошел впереди. Прежнее рвение — навсегда, как он думал, забытое — вернулось к нему у двери. Дом буквально источал зло всеми порами старой краски, трещин и щелей. Но Кэллахен не колебался. Всякая мысль о промедлении ушла. Сейчас он не столько вел других, сколько сам был призван. Призван Им.

— Именем Бога-Отца! — крикнул он, и повелительная нота в его голосе заставила всех придвинуться к нему ближе. — Повелеваю злу покинуть этот дом. Бесы, прочь! — и сам не подозревая, что собрался это делать, он ударил в дверь распятием, которое держал в руке.

Вспыхнул свет — после все они согласились, что именно так и было, — повеяло озоном, раздался резкий скрип, словно взвизгнули в

испуге сами доски. Вычурное веерообразное окно над дверью вдруг взорвалось наружу, и в ту же секунду на траву выплонуло свои стекла большое окно слева. Джимми вскрикнул. Новый замок лежал на досках у них под ногами, искореженный в почти неузнаваемую массу. Марк наклонился к нему и отдернул руку:

— Горячий!

Кэллахен, дрожа, отступил от двери. Он взглянул на крест в своей руке.

— Это самая поразительная вещь в моей жизни, — проговорил он и бросил взгляд на небо, словно надеясь увидеть божий лик, но небо было бесстрастно.

Бен толкнул дверь, и она легко открылась. Он пропустил вперед Кэллахена. В холле священник вопросительно взглянул на Марка.

— Подвал, — сказал тот. — Надо идти через кухню. А Стрэйкер наверху. Но, — Марк нахмурился, — что-то не так. Не знаю, что. Но что-то не так, как было.

Сначала они пошли наверх, и Бен, хотя и не шел первым, почувствовал укол старого ужаса. Сейчас, почти через месяц после возвращения в Салем Лот, он второй раз увидит эту комнату. Когда Кэллахен распахнул дверь, Бен взглянул вверх... и ощутил вопль в своем горле прежде, чем успел сдержать его. По-женски высокий, истеричный вопль.

Но с потолочной балки свисал не Губерт Марстен.

Это был Стрэйкер. Он висел вверх ногами, с перерезанным горлом, как свинья на бойне. Его стеклянные глаза уставились на них, сквозь них, за них.

Он был обескровлен. До полной белизны.

* * *

— Боже правый, — без конца повторял Кэллахен.

Они медленно вошли в комнату: Коди с Кэллахеном впереди, Бен и Марк сзади, прижавшись друг к другу.

Ноги Стрэйкера были связаны вместе. Бену пришлось в голову, что поднять мертвый вес Стрэйкера на такую высоту, где его опущенные руки едва касались пола, мог только человек исключительной силы.

Тыльной стороной руки Джимми прикоснулся ко лбу висящего, потом поднял его кисть:

— Он мертв не меньше восемнадцати часов, — и, содрогнувшись,

бросил руку. — Боже мой, какой ужас! Я не могу понять... почему... кто...

— Барлоу, — пояснил Марк. Он смотрел на Стрэйкера недогнущим взглядом.

— И конец Стрэйкеру, — проговорил Джимми. — Никакой ему вечной жизни. Но почему так? Вешать вверх ногами?

— Это македонский обычай, — ответил отец Кэллахен, — вешать врага или предателя вверх ногами, лицом к земле, а не к небу. Таким образом распяли Святого Павла.

Бен заговорил, и собственный голос показался ему старым и пыльным:

— Опять он нас отвлекает. У него сотня фокусов. Пойдемте.

Вслед за ним все спустились в холл, затем по черной лестнице — на кухню. Здесь они снова сгрудились вокруг отца Кэллахена. Сначала долго смотрели друг на друга, потом на дверь в подвал — туда, вниз, точно так же, как двадцать пять с чем-то лет назад Бен смотрел на лестницу, ведущую вверх, прежде чем предстать перед непосильной загадкой.

* * *

Когда священник открыл дверь, Марк снова услышал отвратительный запах — но и он переменялся. Потерял силу. Стал не таким угрожающим.

Кэллахен пошел вниз. Несмотря ни на что, требовалась вся сила воли, чтобы последовать за ним.

Джимми достал из сумки фонарик. Луч осветил пол, пересек стену и метнулся назад. На секунду он задержался на длинном упаковочном ящике, потом упал на стол.

— Вот, — воскликнул Джимми, — смотрите!

Там лежал конверт, чистый и сияющий в отвратительной темноте, толстый конверт из желтой бумаги.

— Это ловушка, — сказал отец Кэллахен. — Лучше его не трогать.

— Нет, — заговорил Марк; он чувствовал сразу и облегчение, и разочарование, — его здесь нет. Он ушел. Это для нас. Там масса гадостей, наверное.

Бен шагнул вперед и взял конверт. Он дважды перевернул его в руках — Марк видел в луче фонаря, как дрожали эти руки, — потом вскрыл.

Внутри лежал один лист толстой восковой бумаги — из такой же был сделан конверт. Джимми направил луч на страницу, густо исписанную элегантно паучообразным почерком. Читали все одновременно, Марк

немного медленнее других.

«Октябрь, 4.

Дорогие мои юные друзья!

Как мило с вашей стороны заглянуть ко мне!

Я всегда любил общество, это одна из величайших радостей моей долгой и часто одинокой жизни. Если бы вы пришли вечером, я бы с величайшим удовольствием приветствовал вас сам. Однако подозревая, что вы изберете для визита дневные часы, я предпочел удалиться.

Я оставил вам маленький знак своего расположения: некто весьма дорогой и близкий одному из вас находится сейчас в том месте, в котором я коротал свои дни, пока не решил, что пора сменить место жительства. Она очень мила, мистер Мерс, очень аппетитна, если я могу себе позволить небольшое *bon mot*. Я в ней уже не нуждаюсь, поэтому оставил ее вам — как у вас говорится? — заморить червячка. Удовлетворить ваши аппетиты, если хотите. Посмотрим, как вам понравится такого рода аперитив перед главным блюдом, к которому вы стремитесь. Итак?..

Мастер Петри, вы меня лишили самого верного и изобретательного слуги, какой у меня когда-либо был. Вы принудили меня — косвенно — принять участие в его уничтожении: из-за вас мои аппетиты взяли надо мной верх. Вы последуете за ним, не сомневайтесь. Я намерен получить от этого полное удовольствие. Начну, думаю, с ваших родителей. Этой ночью... или завтрашней... или следующей. А потом — вы. Но вы войдете в мою церковь как певчий *castratum*.

А вы, отец Кэллахен, — вас убедили явиться? Думаю, что да. Я наблюдал за вами с некоторого расстояния все время своего пребывания в Джерусалемз Лоте... Так хороший шахматист изучает игры своего противника, верно? Католическая церковь, однако, не старейший из моих противников. Я уже был стар в эпоху ее молодости, когда христиане прятались в катакомбах Рима и рисовали у себя на груди рыб, чтобы отличаться от окружающих. Я уже был силен, когда этот жеманный сброд хлебоедов и винопивцев, обожающий самоунижение, был слаб. Мои ритуалы состарились до рождения ваших. И все же я не

страдаю излишней самоуверенностью. Я знаю обычаи добра не хуже собственных. Это меня не утомляет.

И я вас наверняка одолею. Как? — спросите вы. Разве Кэллахен не носит символа Света? Разве Кэллахен не дееспособен днем так же, как и ночью? Разве нет чар и зелий — как христианских, так и языческих — о которых мой столь добрый друг Мэттью Берк информировал меня и моих соратников? Да, да, и еще раз да. Но я жил дольше вас. Я полтеник. Я не змий, но отец змиев.

Все же, скажете вы, этого мало. И этого действительно мало. В конце концов, „отец“ Кэллахен, вы одолеете сами себя. Ваша вера в Свет слаба и нетверда. Ваша болтовня о любви — не более чем предрассудки. Лишь когда вы говорите о бутылке — вы на твердой почве.

Мои добрые, добрые друзья — мистер Мерс, мистер Коди, мастер Петри, отец Кэллахен — почувствуйте себя как дома. Винный подвал великолепен — его специально предоставил мне последний владелец дома, человек, чьим обществом я, к сожалению, никогда не имел возможности насладиться лично. Прошу вас не стесняться — если сохраните вкус к вину по окончании ваших трудов. Мы еще встретимся, и я принесу тогда свои поздравления каждому из вас персонально.

До тех пор — адью.

БАРЛОУ.»

Дрожа, Бен уронил письмо на стол и взглянул на остальных. Марк стоял, сжав кулаки, рот его одеревенел в гримасе человека, случайно откусившего гнилье; мальчишеское лицо Джимми осунулось и побледнело; глаза отца Дональда Кэллахена блестели, углы рта опустились.

И каждый из троих в конце концов поднял глаза на Бена.

— Пошли, — сказал Бен.

Когда Нолли Гарднер подъехал к зданию муниципалитета и, затягивая на ходу ремень, выскочил из полицейской машины, Перкинс Джиллеспи

стоял на переднем крыльце и смотрел в мощный цейсовский бинокль.

— Что стряслось, Перк? — спросил Нолли, поднимаясь по ступенькам.

Перкинс без слов протянул ему бинокль и показал желтым от табака пальцем на Марстен Хауз.

Нолли взглянул туда. Он увидел старый «паккард», а впереди него — новенький «бьюик». Бинокль все же достаточно увеличивал, чтобы позволить прочитать номер. Нолли опустил бинокль:

— Это ведь машина доктора Коди, да?

— По-моему, да, — Перкинс пристроил «Пэлл-Мэлл» между губ и чиркнул кухонной спичкой о соседнюю стену.

— Я никогда там ни одной машины не видел, кроме этого «паккарда».

— Да, я тоже, — задумчиво отозвался Перкинс.

— Думаешь, надо смотаться туда взглянуть? — Нолли явно не хватало его обычного энтузиазма (пять лет он представлял закон, и свое положение все еще принимал всерьез).

— Нет, — ответил Перкинс, — я думаю, мы оставим все это в покое.

Он вытащил из кармана часы и щелкнул крышкой. Часы показывали только 3:41. Перкинс проверил их по башенным часам и вернул на место.

— Что там выяснилось насчет Флойда Тиббитса и малыша Макдугласа? — поинтересовался Нолли.

— Понятия не имею.

— Ох, — Нолли даже растерялся на минуту. Перкинс славился своей ленью, но теперь он превзошел самого себя. Нолли еще взглянул в бинокль: никаких перемен. — Сегодня в городе тихо, — с деланным равнодушием бросил он.

— Да... — Перкинс смотрел выцветшими голубыми глазами сквозь Джойнтер-авеню и парк.

И улица, и парк были пустынные. Они оставались пустынными почти весь день. Парку поразительно не хватало матерей с детишками на прогулке и прохожих, слоняющихся у Военного Мемориала.

— Странные дела творятся, — продолжал разведку Нолли.

— Да, — вот и все, что он получил в ответ.

Теряя всякую надежду, Нолли обратился к теме, на которую Перкинс никогда не отказывался разговаривать, — к погоде.

— Тучи собираются, — сообщил он. — Ночью дождь будет.

Перкинс исследовал небо. Над головой висели несколько облачков, а на юго-западе гроздилась облачная стена.

— Да, — сказал Перкинс и отбросил окурок.

— Перк, ты хорошо себя чувствуешь?

Перкинс Джиллеспи подумал над вопросом и ответил:

— Нет.

— Ну, так в чем, черт побери, дело?

— По-моему, — сообщил Джиллеспи, — я до смерти боюсь.

— Что? — ошалел Нолли. — Чего?

— Не знаю, — сказал Перкинс и забрал свой бинокль обратно. Потом принялся снова изучать Марстен Хауз, а Нолли, потеряв дар речи, стоял рядом.

* * *

За столом, на котором лежало письмо, подвал поворачивал под прямым углом. Свернув туда, они оказались в винном погребе. «Губерт Марстен был, видимо, знатоком и ценителем», — подумал Бен. Всюду виднелись большие и маленькие бутылки, покрытые паутиной и пылью. Одну стену целиком занимал специальный винный стеллаж; несколько горлышек древних бутылок еще торчало из шестиугольных гнезд. Некоторые из бутылок взорвались, и там, где когда-то сверкающее бургундское дождалось своего дегустатора, теперь строил себе дом паук. Содержимое других несомненно превратилось в уксус, острый запах которого витал в воздухе, смешиваясь с вонью застарелого гнилья.

— Нет, — сказал Бен спокойно, как говорят о чем-то неоспоримом, — я не могу.

— Вы должны, — отозвался отец Кэллахен. — Не говорю, что это легко или что это к лучшему. Попросту вы должны. Должны!

— Я не могу! — крикнул Бен, и на этот раз слова отозвались в подвале эхом.

На возвышении посредине погреба, в пятне света фонаря Джимми лежала Сьюзен. Простое белое полотно покрывало ее до плеч. Подойдя ближе, все потеряли дар речи.

В жизни это была хорошенькая девушка, промахнувшаяся мимо красоты (может быть, всего на несколько дюймов) не из-за какой-то ущербности черт, а, скорее всего, просто потому, что жила так спокойно и непримечательно. Но теперь она приобрела красоту. Красоту тьмы.

Смерть не наложила на нее отпечатка. Лицо светилось румянцем, губы краснели глубоко и ярко. Темные ресницы закрытых глаз тонко рисовались на фоне щек. Одна рука лежала сбоку, другая свободно перебросилась

через талию. Но в этой картине ничего не было от ангельской прелести — от нее веяло холодной обособленной красотой. Что-то в ее лице напомнило Джимми девушек из Сайгона — некоторым не исполнилось еще тринадцати, — эти девушки бросались на колени перед солдатами в темных улицах между кабаками, и не в первый раз — и не в сотый. Но у них разврат был не злом, а только знанием жизни, пришедшим слишком рано. В лице Сьюзен произошла совсем иная перемена, но Джимми не мог ее определить.

Наконец Кэллахен шагнул вперед и прижал пальцы к упругости ее левой груди.

— Сердце здесь, — сказал он.

— Нет, — повторил Бен, — я не могу.

— Будьте ей любовником, — мягко проговорил отец Кэллахен. — А лучше — будьте ей мужем. Вы не повредите ей, Бен. Вы освободите ее. Единственный, кто испытает боль, это вы.

Бен тупо смотрел на него. Марк взял кол из сумки Джимми и без слов передал его Бену. Бен взял кол — рука его, казалось, протянулась на несколько миль.

«Если я не стану думать о том, что делаю, может быть...»

Но как же возможно не думать об этом! И вдруг Бену вспомнилась строка из Дракулы, этого развлекательного чтения, которое никогда больше его не развлечет. Эту фразу Ван Гельзинг сказал Артуру Холмвуду, когда Артур предстал перед той же ужасающей необходимостью: «Мы должны пройти сквозь горькие воды, прежде чем достигнем сладостных».

Возможна ли сладость для кого-то из них когда-нибудь впредь?

— Не надо, — простонал Бен, — не заставляйте меня...

Тишина.

Он почувствовал, как на лбу, на щеках, на плечах выступает густой холодный пот. Кол, четыре часа назад служивший простой бейсбольной битой, налился зловещей тяжестью потусторонней силы.

Бен поднял кол и приставил к ее груди, как раз над последней застегнутой пуговицей блузки. Плоть прогнулась под острием, и Бен почувствовал, как рот его кривится в неуправляемой конвульсии.

— Она не мертва, — сказал он низким хриплым голосом. Это была последняя линия обороны.

— Нет, — отозвался Джимми. — Она из не-мертвых, Бен.

Он проверил это: обернул манжету для измерения давления вокруг ее неподвижной руки. Аппарат показал 00/00. Он приложил к ее груди стетоскоп, и каждый послушал в него тишину.

Кто-то — годы спустя Бен не мог вспомнить, кто именно, — сунул ему в другую руку молоток. Плотницкий молоток с резиной на рукояти. Сталь засверкала в луче фонаря.

— Делайте это скорее, — сказал Кэллахен, — и выходите на свет. Мы закончим сами.

«Мы должны пройти сквозь горькие воды, прежде чем достигнем сладостных».

— Прости меня, Боже, — прошептал Бен.

Он поднял молоток и резко опустил его.

Молоток точно упал на торец кола — рвущая руку вибрация будет всю жизнь преследовать Бена во сне. Ее глаза распахнулись — голубые, дикие — словно раскрытые силой удара. Кровь хлынула из отверстия поразительно ярким фонтаном, обливая ему руки, рубашку, щеки. В секунду подвал наполнился ее горячим медным запахом.

Сьюзен корчилась на столе. Руки бешено рвали воздух, как крылья птицы. Ноги выбивали бессмысленную дробь. Рот широко раскрылся, обнажая кошмарные волчьи клыки, она принялась издавать визг за визгом, будто адский кларнет. Кровь хлынула из углов рта.

Молоток поднимался и падал: снова... и снова... и снова.

Мозг Бена переполнился воплями огромных черных ворон. Руки его окрасились алым, кол окрасился алым, безжалостно взлетающий и падающий молоток окрасился алым. Кровь залила полотняную простыню. Фонарь прыгал в дрожащих руках Джимми, озаряя безумно корчащееся лицо Сьюзен пробегающими вспышками. Зубы ее пронзили плоть губ, разрывая их на ленты.

А потом спина ее вдруг изогнулась, рот раскрылся так, что челюсть, казалось, вот-вот сломается. Огромный фонтан более темной крови взлетел из раны, — крови почти черной в фонарном свете, крови сердца. Вопль, прозвучавший в резонаторе этого рта, вырвался из подвалов глубочайшей расовой памяти и того, что лежит еще глубже — влажного мрака человеческой души. Изо рта и носа внезапно хлынула потоком кровь... и что-то еще. В слабом свете это явилось только намеком, тенью чего-то бьющегося в конвульсиях, оскверненного и разрушенного. Оно смешалось с темнотой и исчезло.

Она упала назад, рот ее закрылся. На мгновение дрогнули ресницы, и Бен увидел — или ему показалось, что он увидел ту Сьюзен, которую встретил в парке, читающей книгу.

Он сделал это.

Он кинулся прочь, бросив молоток, вытянув вперед руки.

Кэллахен положил было ему руку на плечо.

Он убежал.

Он споткнулся на лестнице, упал и добрался на четвереньках до света. Детский ужас и ужас взрослого смешались. Сейчас он оглянется и увидит Губи Марстена (а может, Стрэйкера) позади себя, на расстоянии протянутой руки, увидит усмешку распухшего зеленого лица, веревку, глубоко впившуюся в шею, зеленые когти... Бен вскрикнул коротко и отчаянно. Смутно он слышал позади восклицание Кэллахена: «Нет, пусть идет...»

Он бросился прочь через кухню и заднюю дверь. Ступеньки крыльца ушли у него из-под ног, и он растянулся ничком в пыли. Он встал на колени, потом, кое-как, на ноги и оглянулся.

Там ничего не было.

Дом стоял пусто и бесцельно, последнее зло покинуло его. Он снова сделался просто домом.

Бен Мерс стоял в великой тишине, закинув голову и вдыхая огромным глотками воздух.

* * *

Осенью ночь приходит в Лот так:

Солнце сперва покидает воздух, заставляя его холодеть, напоминая, что идет зима, и зима долгая. Образуются узкие облака и удлиняются тени. У этих теней нет объема, как у теней лета: деревья лишились листьев, в небе нет пухлых облаков. Это резкие, тощие тени, они вгрызаются в землю, как зубы.

Когда солнце приближается к горизонту, его желтизна становится глубже, воспаляется до яростного оранжевого цвета. Горизонт заливается переменчивыми отсветами — красным, оранжевым, фиолетовым, багровым. Иногда лучи пропускают в отверстия снопы невинного желтого солнечного света, ностальгически напоминающие лето, которое ушло.

Шесть часов — в Лоте время ужина (здесь обедают в полдень).

Мэйбл Вертс, обвисая нездоровым жиром старости, сидит над цыплячьей грудкой и стаканом липтонского чая, касаясь локтем телефона.

У Евы постояльцы собираются вокруг того, что Бог послал: консервированной говядины, бобов, печально непохожих на те, что мать готовила по субботам в давно минувшие года, макарон или гамбургеров, подхваченных в Фолмаутском «Макдональдсе» по дороге с работы. Ева

сидит за столом в передней комнате, раздраженно переругиваясь с Гровером Веррилом и в промежутках покрикивая на остальных, чтобы убирали за собой и прекратили эту проклятую суету. Здесь не помнят ее такой — нервной и раздражительной. Но все понимают, в чем дело, даже если этого не понимает она сама.

Мистер и миссис Петри едят сэндвичи у себя на кухне, пытаются понять только что закончившийся телефонный разговор — звонок местного католического священника отца Кэллахена: «Ваш сын со мной. Он в полном порядке. Я скоро привезу его домой. До свидания». Они обсудили возможность вызова местного представителя закона — Перкинса Джиллеспы — и решили еще немного подождать. Они чувствуют какую-то перемену в сыне, но призраки Ральфи и Дэнни Глика витают над ними, оставаясь неузнанными.

Милт Кроссен ест хлеб с молоком в задней комнате своего магазина. Чертовски плохой стал у него аппетит после смерти жены в 68-м.

Делберт Марки — «Делл» — методически ликвидирует пять гамбургеров, поджаренных самолично. Он ест их с горчицей и обилием сырого лука, а потом всю ночь будет жаловаться каждому, кто станет слушать, на эту проклятую кислотную индигестию, которая его доконает.

Экономка отца Кэллахена, Рода Керлс, не ест ничего. Она беспокоится о Кэллахене, который мотается где-то по дорогам.

Гарриет Дархем с семьей ест свиное жаркое.

Дерек Боддин, брат Франклина и отец Ричи, кушает ветчину с брюссельской капустой. «Фу-у-у, — говорит Ричи Боддин, свергнутый гроза школы, — брюссельская капуста!» — «Да, брюссельская капуста. И ты ее слопаешь, или я твою задницу выверну наизнанку», — говорит Дерек. Он сам ненавидит капусту.

У Рэджи и Бонни Сойеров на ужин жареные говяжьи ребра, картофель по-французски, а на десерт — шоколадный пудинг с густой подливкой. Все это — любимые блюда Рэджи. Бонни с только начинающими бледнеть синяками прислуживает молча, опустив глаза. Рэджи ест серьезно и внимательно, поливая ужин тремя банками пива. И сосредоточенно пережевывая каждый кусочек. Бонни ела стоя, все еще не решаясь присесть. У нее не было аппетита, но, чтобы Рэджи этого не заметил, она была вынуждена есть. После той ночи, когда он ее побил, она боялась мужа.

К четверти восьмого большая часть еды была съедена, большая часть традиционных сигар и сигарет была выкурена, большая часть столов была убрана. Посуда была вымыта, вытерта и расставлена по местам. Детей

отослали в соседнюю комнату посмотреть перед сном телевизор.

Ройс Макдуглас снял пиджак и сел рядом с Деллом, предоставляя своей толстухе-жене идти спать одной. Пришло время для выпивки.

В это же время в крошечной квартирке на Тэггерт-стрит с Джо Крэйном происходило что-то странное. Он как раз смотрел телевизор, когда левую сторону его тела парализовала внезапная сильная боль. Он подумал: «Что это? Что случилось?». Ему удалось преодолеть полпути до телефона, и тут боль внезапно стала настолько нестерпимой, что он без чувств рухнул на пол. Крэйна обнаружили только спустя двадцать четыре часа. Смерть его, наступившая в 18:52, была единственной естественной смертью, случившейся 6 октября в Джерусалемз Лоте.

К 19:00 солнце на западе почти скрылось за линию горизонта. На востоке появились первые звезды. Они слабо мерцали в вышине, и их свет делал атмосферу неуютной для этого времени года. Они таили в себе восхитительное безразличие ко всему происходящему.

Для маленьких детей наступило время идти спать. Время перестать капризничать и уйти в кровати, чтобы дать возможность взрослым спокойно вздохнуть.

И сразу после этого ночь приобрела совсем другую сущность.

Наступало время вампиров.

* * *

Мэтт дремал, когда вошли Джимми и Бен. Он тут же проснулся, судорожно сжимая в правой руке крест.

Его глаза уставились на Бена... на Джимми...

— Что случилось?

Джимми объяснил. Бен не проронил ни звука.

— А ее тело?

— Кэллахен и я перевернули его лицом вниз в гробу, стоящем в подвале. Очевидно, именно в этом гробу прибыл в город Барлоу. Менее часа назад мы спустили гроб в Роял. Крышку придавили камнями. Мы воспользовались автомобилем Стрэйкера. Если кто-нибудь с моста заметит его, то подумают именно на Стрэйкера.

— Вы все сделали правильно. А где Кэллахен? И мальчик?

— Пошли к Марку домой. Нужно все объяснить его родителям.

— А они поверят?

— А если не поверят, Марк заставит отца позвонить вам.

Мэтт кивнул. Он выглядел очень усталым.

— Что ж, — сказал он, — идите сюда. Присаживайтесь на мою кровать.

Бен осторожно приблизился, сел и сложил руки на груди. Под глазами у него чернели круги.

— Так тебе будет не слишком удобно, — сказал Мэтт, взяв Бена за руку. Этот жест не встретил протеста. — Нужно расслабиться.

— Он считает нас дураками, — насмешливо сказал Бен. — Джимми, дай ему письмо.

Джимми протянул Мэтту конверт. Тот достал оттуда лист бумаги и, поднеся его чуть ли не к самому носу, внимательно прочел, беззвучно шевеля губами. Потом отложил письмо и сказал:

— Да. Это Он. Его «эго» даже сильнее, чем я предполагал. Он хочет, чтобы я дрогнул.

— Он оставил письмо и Сьюзен, чтобы подшутить над нами, — возмущенно сказал Бен. — Сам Он уже давно ушел. Борьба с ним подобна борьбе с ветряными мельницами. Мы для него не более чем мухи. Маленькие мухи, чересчур назойливые. Но — мухи.

Джимми открыл рот, чтобы что-то сказать, но Мэтт движением головы остановил его.

— Это далеко от правды, — бросил учитель. — Если бы Он мог забрать Сьюзен с собой, Он сделал бы это. Но Он не может растрачивать свое бессмертие, когда зараженных становится все больше. Задумайся на мгновение, Бен, и ты поймешь, как много вы уже успели сделать. Вы убили Его помощника, Стрэйкера. Пробудили его от сна, показав, что совсем еще мальчик, причем совершенно безоружный, смог победить столь могущественное существо.

Мэтт с трудом сел в постели. Бен повернул к нему голову и впервые за все время с интересом посмотрел на него.

— Может быть, это и не самая главная победа, — продолжал Мэтт. — Но ты выжил Его из логова. Джимми сказал, что отец Кэллахен очистил подвал с помощью святой воды и освятил все двери в дом. Следовательно, если Он вернется туда, Он умрет... и Он это знает.

— Но Он исчез, — задумчиво сказал Мэтт. — И где же, по-твоему, Он будет спать сегодня? В багажнике автомобиля? В погребе кого-нибудь из своих новых сподвижников? Или под фундаментом сгоревшей в 1951-м году методистской церкви? И как ты думаешь, понравится это Ему? Будет Он чувствовать себя в безопасности?

Бен не ответил.

— Завтра ты выйдешь на охоту, — твердо сказал Мэтт, и его рука сжала руку Бена. — Не сразу на Барлоу — сперва на разную мелкую рыбешку. После сегодняшней ночи мелкой рыбешки здесь будет достаточно. Их голод никогда не будет удовлетворен. Они будут нуждаться в еде, пока будут дышать. Ночь принадлежит Ему, но днем ты можешь преследовать Его, пока Он в страхе не обнаружит себя. И ты сможешь сделать это при свете дня!

Бен в такт его словам кивал головой. На его лице заиграло воодушевление, по губам пробежала тень улыбки.

— Да, это верно, — прошептал он. — Только не завтра, а сегодня. Сейчас же...

Рука Мэтта с неожиданной силой сжала плечо Бена:

— Не сегодня. Эту ночь мы проведем вместе: ты, я, Джимми, отец Кэллахен, Марк, родители Марка. Ему теперь известно... и Он боится. Но только безумец или святой решится сразиться с Барлоу, когда тот находится под покровом своей матери-ночи. Никто из нас на это не способен, — он устало прикрыл глаза и тихо добавил: — Мне кажется, я начинаю понимать Его. Лежа здесь, в больнице, я имел достаточно возможностей поиграть в Майкрофта Холмса и попытаться поставить себя на Его место. Барлоу прожил тысячелетия, и Он — очень яркая личность. Но Он еще и эгоцентрик, что явствует из его письма. А почему бы и нет? Его «эго» с каждым днем становится все сильнее и сильнее. Он очень высоко ценит себя и, похоже, переоценивает. Его жажда крови — страшная вещь, но нам она может оказаться полезной.

Он открыл глаза и грустно взглянул на своих гостей. Потом поднял перед собой крест:

— Это остановит Его, но это может не остановить кого-нибудь, кого Он решит использовать, как Он уже использовал Флойда Тиббитса. Думаю, сегодня ночью Он попытается добраться до кого-нибудь из нас... или до всех нас. Мэтт посмотрел на Джимми и с тревогой добавил: — Я думаю, не стоило посылать Марка и отца Кэллахена в дом к родителям Марка. Туда мог кто-нибудь позвонить и обманом выманить их. Мы сейчас вместе... и я особенно волнуюсь за мальчика. Джимми, лучше позвони им... позвони им прямо сейчас.

— Хорошо, — Джимми поспешно встал и вышел.

— Так ты останешься с нами? Будешь бороться с нами? — Мэтт внимательно смотрел на Бена.

— Да, — торжественно ответил Бен. — Да.

...Выйдя из комнаты, Джимми спустился в комнату медсестер и

поискал номер телефона Петри в справочнике. Он снял трубку и с ужасом услышал вместо обычных гудков, свидетельствующих о соединении, какие-то сиреноподобные звуки.

— Они в Его руках! — воскликнул он, и стоящая рядом медсестра, испуганная выражением его лица, отпрянула в сторону.

* * *

Генри Петри был достаточно образованным человеком, всю свою жизнь занимающийся вопросами экономики. По убеждениям он был демократ и поддерживал избрание президентом Никсона. Кроме того, он был хорошим семьянином и любил жену и сына.

Сейчас он сидел за столом с чашкой кофе в руке и слушал историю, которую рассказывали ему сын и деревенский аббат, изредка перебивая их уточняющими вопросами. Его жена Джун не проронила ни звука. Когда Марк и Кэллахен закончили свой рассказ, было почти без пяти семь. Подумав, Генри Петри безапелляционно вынес вердикт:

— Невозможно.

Марк моргнул, посмотрел на Кэллахена и сказал:

— Я же говорил!

Он действительно пытался доказать по дороге, что его отец не поверит ни слову.

— Генри, вы же не думаете, что мы...

— Подождите. — Генри Петри предостерегающе поднял руку, и, словно по команде, его жена подседа к сыну, обвив руками его плечи. Мальчик съежился. Генри Петри доброжелательно посмотрел на отца Кэллахена и мягко произнес: — Давайте попробуем проанализировать ваш рассказ с точки зрения здравого смысла.

— Это невозможно, — перебил его Кэллахен, — но попытаться, конечно, стоит. Мы здесь, мистер Петри, чтобы уберечь вас и вашу жену от Барлоу.

— Вы действительно проткнули тело девушки колом?

— Не мы. Мистер Мерс.

— И тело все еще там?

— Его сбросили в реку.

— Если это действительно правда, — сказал Петри, — то вы втянули моего сына в преступление. Вам это известно?

— Да. Но это было необходимо. Мистер Петри, если бы вы позвонили

в больницу Мэтту Берку...

— О, я уверен, что вы все несколько преувеличиваете, — сказал Петри, улыбаясь странной улыбкой. — Все это напоминает легкое помешательство. Можно мне взглянуть на письмо?

Кэллахен медленно ответил:

— Оно у доктора Коди. Мы можем проехать в Кэмберлендский госпиталь, и, если вы поговорите...

Петри отрицательно покачал головой:

— Сначала давайте поговорим здесь. Все мы знаем и любим нашего доброго доктора Коди. Он наш семейный врач. И Мэттью Берк, как учитель, тоже, безусловно, заслуживает доверия.

— Тогда какие у вас возражения?

— Сейчас я изложу их вам, отец Кэллахен. То, что вы рассказываете, совершенно невероятно. А я — человек трезвый и прагматичный.

— Вы просто не хотите понять.

— Это невозможно понять. Ваша история, безусловно, трогательна. Как я понял из нее, вы вовлекли моего сына в опасную игру. Будет странно, если вы не предстанете перед судом. Я собираюсь позвонить вашим друзьям и сообщить им об этом. Потом, мне кажется, нам стоит действительно поехать в больницу к мистеру Берку и обсудить ситуацию.

— Лучшего решения принять невозможно, — саркастически сказал Кэллахен.

Петри прошел в гостиную и поднял там телефонную трубку. В трубке была тишина. Линия молчала. Слегка удивленный, он пару раз нажал на рычажки. Никакой реакции. Он повесил трубку и вернулся на кухню.

— Похоже, телефон отключен, — сказал он.

Он увидел взгляд, которым обменялись Кэллахен и его сын, и это вызвало в нем раздражение.

— Могу заверить вас, — несколько более язвительно, чем требовалось, сказал он, — что для того, чтобы нарушить телефонную связь в Джерусалемз Лоте, не нужны вампиры.

И тут погас свет.

* * *

Джимми бегом вернулся в комнату Мэтта:

— Телефон в доме Петри не отвечает. Я думаю, Он там. Боже, как же мы глупы...

Бен вскочил на ноги. Лицо Мэтта побледнело.

— Вы видите, как Он действует? — пробормотал Мэтт. — Если бы у нас оставался хотя бы час светлого времени суток, мы бы смогли... но теперь поздно. Дело сделано.

— Мы должны ехать туда, — сказал Джимми.

— Нет! Ни в коем случае! Во имя спасения своих жизней, да и моей тоже, вы не должны этого делать!

— Но они...

— У каждого своя судьба! То, что должно случиться, или как раз сейчас случается, до вашего приезда будет сделано.

Они в нерешительности стояли возле двери.

Мэтт тихо, но с нажимом продолжал:

— Его «эго» огромно, и Его гордыня — тоже. Возможно, это нам на руку. Но Его мозг велик, и Он чертовски умен. Мы должны с этим считаться. Вы показали мне Его письмо. Он говорит о шахматах. Я уверен, что Он — превосходный игрок. Как вы не можете понять, что он в состоянии сделать в этом доме все, что захочет, без помощи телефона? Он сделал это — просто чтобы напомнить о себе. Он прекрасно знает расстановку сил и просто пытается внести сумятицу в ряды противника... Ему нужно только одно — прислать сюда кого-нибудь, кто застрелит меня или убьет ударом ножа. Для этой цели подходят только два человека: ты, Джимми, и Бен. Тогда Салем Лот — Его. Как вы не можете этого понять?

— Да, — согласился Бен.

Мэтт в изнеможении откинулся на подушку:

— Я говорю так не потому, что боюсь за свою жизнь, Бен. Можете мне поверить. Дело даже не в страхе за ваши жизни. Я боюсь за город. Неважно, что случится потом. Главное, чтобы кто-нибудь завтра остановил Его.

— Да. И Он не сделал мне ничего, когда я издевался над телом Сьюзен.

Воцарилась тишина.

Джимми Коди первым прервал ее.

— Они могут каким-нибудь образом ускользнуть от Него, — задумчиво сказал он. — Мне кажется, Он недооценивает Кэллахена, и я уверен, что Он совсем недооценивает мальчика. Этот парнишка стоит многих.

— Будем надеяться, — сказал Мэтт и закрыл глаза.

Они сели и стали ждать.

Отец Дональд Кэллахен стоял у стены небольшой кухоньки Петри, держа крест своей матери высоко над головой. Напротив стоял Барлоу, крепко держа одной рукой заведенные за спину руки Марка и вцепившись другой в его шею. Между ними в груди осколков на полу лежали Генри и Джун Петри.

Кэллахен был ошеломлен. Все произошло так быстро, что он не успел прийти в себя. Казалось, только что он пытался обсудить с Петри сложившуюся ситуацию — и вот отец Марка лежит поверженный на полу.

Он пытался понять, что же случилось.

...Петри вернулся из кухни и сообщил им, что телефон отключен. Через секунду в доме погас свет. Джун Петри вскрикнула. Рядом упал стул. Несколько секунд они находились в полной темноте, окликая друг друга. Потом оконное стекло звякнуло и с треском разлетелось на мелкие осколки.

В кухне тут же появилась тень, и присутствие духа оставило Кэллахена. Он вцепился руками в висящий на шее крест, и, лишь только коснулся его, как комнату залил мерцающий свет.

Священник увидел Марка, пытающегося втащить свою мать в гостиную. Позади них с удивленным выражением на лице стоял Генри. А за ним, возвышаясь над всеми, с белым, будто восковая маска, лицом стоял Барлоу. Резкое движение — и в одной его руке оказалась голова Джун, в другой — Генри Петри. Он стукнул одну голову о другую — и они раскололись, как орехи. Барлоу отшвырнул трупы прочь.

Марк дико вскрикнул и в порыве отчаяния бросился на Барлоу.

— А, вот и ты! — сказал Барлоу громовым голосом и схватил Марка за руки.

Кэллахен, вытянув перед собой крест, шагнул вперед.

Триумфальная улыбка Барлоу сменилась вдруг агонией ярости. Он рывком выставил мальчика перед собой. Их ноги скользили по усыпанному осколками полу.

— Во имя Господа... — начал Кэллахен.

При упоминании имени Господа Барлоу громко застонал, как если бы его огрели хлыстом, и его лицо исказилось в болезненной гримасе. Мышцы на шее напряглись.

— Не приближайся! — воскликнул он. — Не приближайся, шаман! Или я сверну мальчишке шею раньше, чем ты успеешь моргнуть!

Когда он говорил это, его губы дрожали, обнажая желтые кривые зубы.

Кэллахен умолк.

— Назад, — скомандовал Барлоу, вновь улыбаясь. — Ты стоишь на своем берегу, а я на своем, верно?

Кэллахен медленно отошел, все еще держа перед собой на уровне глаз крест. Крест излучал священный свет, дававший силы рукам священника.

Они смотрели в глаза друг другу.

— Ну, вот мы, наконец, и вместе! — насмешливо сказал Барлоу. Его лицо было спокойно. Он был вполне уверен в себе. Где же Кэллахен мог видеть раньше подобное лицо? И вдруг он вспомнил. Это было лицо мистера Флипа, его гувернера.

— Что же дальше? — спросил Кэллахен голосом, так не похожим на его обычную манеру говорить. Он смотрел на длинные пальцы Барлоу, сжимающие горло мальчика. На них виднелись тоненькие голубые прожилки.

— Приятно видеть, что ты боишься меня, — ухмыльнулся Барлоу, немного крепче сжав шею Марка.

— Прекрати! — потребовал Кэллахен.

— Зачем? — теперь на лице Барлоу была только ненависть. — Чтобы оставить его для следующей ночи?

— Да!

Медленно, почти по слогам, Барлоу произнес:

— Тогда почему бы тебе не спрятать свой крест и не поговорить со мной лицом к лицу? Ты — и я?

— Хорошо, — сказал Кэллахен, но голос его дрогнул.

— Так сделай это! — с насмешливой издевкой воскликнул Барлоу.

— И я могу поверить, что ты отпустишь его?

— Но я же верю тебе!.. Смотри!

Он отпустил Марка и поднял вверх руки.

Не веря своему счастью, Марк на мгновение застыл неподвижно, а потом, не глядя в сторону Барлоу, бросился к родителям.

— Беги, Марк! — воскликнул Кэллахен. — Беги!

Марк расширившимися глазами смотрел на него:

— Мне кажется, они мертвы...

— БЕГИ!

Марк медленно выпрямился. Он повернулся и посмотрел на Барлоу.

— Скоро, дружок, — пропел Барлоу, — очень скоро ты и я...

Марк плюнул ему в лицо.

В глазах Барлоу внезапно сверкнул гнев, граничащий с безумием.

— Ты плюнул на меня, — прошептал он. Его тело задрожало, и он, как

сомнабула, сделал шаг вперед.

— Назад! — выкрикнул Кэллахен, бросаясь ему наперерез.

Барлоу застонал и закрыл лицо руками.

— Я убью тебя! — прошептал Марк и выскочил из дома.

Барлоу, казалось, сразу же стал выше. Его глаза метнули молнии в сторону двери.

— Сейчас тебя настигнет чаша твоя, безумец...

— Я священнослужитель! — напомнил ему Кэллахен.

Барлоу зарычал:

— Священнослужитель!

Мерзкое для него слово словно льдом сковало горло, и вампир осекся.

Кэллахен стоял неподвижно. Почему он ничего не делает? Почему не читает молитву, не осеняет нечистую силу крестом? Почему...

И вдруг он увидел: сияние креста начало медленно угасать.

Он расширенными глазами смотрел на крест. И тут заметил, что к нему подходит Барлоу.

— Отойди! — вне себя завопил Кэллахен, отступая на шаг. — Я приказываю тебе во имя Господа!

Барлоу рассмеялся.

Крест светился уже совсем тускло. Вокруг лица вампира вновь сгустились тени. Крест задрожал в руках Кэллахена, и, вспыхнув в последний раз, — погас. Теперь это был всего лишь бесполезный кусочек металла.

Барлоу протянул руку и выхватил крест. Кэллахен беспомощно вскрикнул, этот крик, казалось, эхом отозвался в его душе. Он увидел, что Барлоу швырнул крест на пол и топчет его каблуком.

— Будь ты проклят! — закричал Кэллахен.

— Слишком поздно для того, чтобы устраивать мелодраму, — сказал из темноты Барлоу. В его голосе звучало нечто, напоминающее сожаление. — Теперь в этом нет необходимости. Ты забыл доктрины собственной церкви, разве не так? Крест... вино и хлеб... причастие... только символы. Крест — это ведь всего лишь кусок дерева, хлеб — это пшеница, вино — гнилой виноград. Если бы ты не согласился убрать крест, следующей ночью ты победил бы меня. Во всяком случае, это могло случиться. Я давно не мог встретить в реальном мире достойного противника! Мальчишка стоит десяти таких, как ты!

И он положил на плечи Кэллахена тяжелые руки.

— Теперь ты причастишься тела моего. Ты не получишь бессмертия. Останется только голод и потребность служить Господину. Я намерен

извлечь из тебя пользу. Я пошлю тебя в стан твоих друзей. Ведь в этом все еще есть необходимость? Им будет нужен такой вождь, как ты. И мальчишка расскажет о твоём героизме... Вот твоё истинное назначение, лжесвященнослужитель!

Кэллахен вспомнил слова Мэтта: «Некоторые вещи хуже, чем смерть». Он попытался бороться, но руки, державшие его, были сильнее. Они скользили по его шее.

— Приди же, лжесвященник! Вкуси истинной религии! Вкуси тела моего!

Поняв, что сейчас произойдет, Кэллахен в ужасе содрогнулся:

— Нет! Не надо... не надо...

Но руки были неумолимы. Его голову клонило вперед, вперед...

— Давай же, поп! — прошептал Барлоу.

И Кэллахен почувствовал, что его губы касаются пульсирующей жилки на шее вампира. Он задержал дыхание, пытаясь увернуться, но тут жилка лопнула и он почувствовал привкус крови.

И наконец он сделал глоток.

* * *

Анна Нортон вышла из машины, не заперев ее, и пошла вдоль принадлежавшей больнице автостоянки. Тучи напоззли на звезды, и скоро должен был пойти дождь. Но Анна не обращала на это внимания, сосредоточенно глядя перед собой.

Она очень отличалась теперь от той Анны, с которой когда-то познакомила Бена Мерса Сьюзен. Если прежняя Анна очень заботилась о своей внешности, то нынешняя скорее напоминала нищенку в матерчатых туфлях на босу ногу.

В свое время она предупреждала Сьюзен, что не доверяет этому Мерсу и его друзьям. Она всегда знала, что им нельзя доверять. Он сказал ей это.

Весь день она, полубольная, спала, и у нее не было сил подняться с постели. Но потом во сне к ней пришел Он. Его глаза... они гипнотизировали ее своим красным светом. Когда на тебя смотрят такими глазами, невозможно отвести взгляд... да и не хочется.

Он рассказал ей все: и что она должна сделать, и как она потом окажется со своей дочерью и многими другими... и с ним.

В кармане у нее лежал револьвер 38-го калибра, принадлежавший мужу.

Она вошла в приемный покой больницы. Если кто-нибудь сейчас попытается остановить ее, она сметет его на своем пути. Не выстрелом, нет! Ни один выстрел не должен прозвучать, покуда она не окажется в палате Берка. Так приказал он. Если они попытаются остановить ее и если помешают сделать то, что она должна сделать, он не придет к ней ночью и не поцелует ее.

За столиком сидела совсем молоденькая девушка в белом халате. Она сосредоточенно разгадывала кроссворд. Это была дежурная медсестра.

Медсестра с профессиональной улыбкой посмотрела на Анну, но тут же переменилась в лице, когда увидела ближе подходящую к ней женщину. Наверное, это сбежавшая пациентка...

— Мадам, если вы...

Анна достала из кармана револьвер и направила его на медсестру:

— Отвернись.

Рот медсестры беззвучно зашевелился. Она учащенно дышала.

— Ни звука. Иначе я убью тебя.

Медсестра побледнела.

— Отворачивайся же!

Девушка медленно отвернулась. Анна Нортон, держа наготове пистолет, замахнулась, чтобы ударить девушку рукояткой по голове.

И в этот момент она оступилась.

* * *

Пистолет выскочил у нее из рук.

Медсестра не просто вскрикнула — она начала вопить на высоких тонах, переходя от воя к визгу. Проходящий недалеко санитар бросился на этот крик. Мгновенно оценив ситуацию, он ногой отшвырнул пистолет в сторону.

— Эй! — закричал он. — Эй, помогите!

Анна Нортон бросилась на него. Ее лицо было искажено ненавистью. Она тянулась к пистолету. Санитар опередил ее и схватил оружие.

— Остановитесь, ради Бога, — уговаривал он женщину. — Эта штука стреляет!

Анна прыгала, пытаясь дотянуться до пистолета. Ее руки, на которых появились длинные когти, почти касались лица санитаря. Вот они добрались до затылка, оставляя кровавые полосы. Санитар старался держать пистолет так, чтобы она не могла добраться до оружия, и звал на

помощь.

Из какой-то комнаты выскочил охранник и схватил Анну. Позже он скажет, что ощущение у него при этом было, будто он прикоснулся к клубку змей.

Она пыталась высвободиться, затем ее глаза побелели и женщина обмякла в держащих ее руках.

Санитар и охранник смотрели друг на друга.

Медсестра, спрятавшись за столом, продолжала визжать. Ее руки судорожно сжимали газету с кроссвордом.

— Почему она пришла сюда? — спросил охранник.

— Будь я проклят, если знаю, — ответил санитар. — Что произошло?

— Ко мне в комнату вбежал этот парнишка и сказал, что в больницу вошла женщина с револьвером и...

— Какой парнишка?

Холл постепенно наполнился людьми, большинство из которых давно миновало рубеж младенчества.

— Сейчас я его не вижу. Но он был здесь. Пистолет заряжен?

— Да.

— И все же странно: какого черта она тут делала? — задумчиво сказал охранник.

* * *

Они увидели двух медсестер, пробегающих мимо двери палаты к лифту, и услышали какой-то шум. Бен и Джимми обменялись многозначительными взглядами, Джимми вздрогнул. В это время Мэтт дремал.

Бен запер дверь и выключил свет. Джимми на цыпочках подошел к кровати Мэтта, и затем оба они услышали осторожные шаги за дверью. Раздался тихий стук, и Бен выставил перед собой крест.

— Дайте мне войти!

Это был Марк Петри.

Джимми отпер дверь и обнял мальчика.

— Парень, я никого в своей жизни не был так рад видеть. А где святой отец?

— Не знаю, — потерянно сказал Марк. — Барлоу схватил меня... убил моих родных... Теперь они мертвы. Мои родители мертвы. Он разбил их головы вдребезги. Потом он схватил меня и сказал отцу Кэллахену, что

отпустит меня, если тот пообещает выбросить крест. Отец Кэллахен пообещал. Я убежал. Но перед тем как убежать, я плюнул в Барлоу. Плюнул и пообещал его убить.

Он тяжело дышал, потому что бежал всю дорогу. Он мчался через лес, и его ноги до колен были мокры от росы. Он кого-то сбил по пути, но не помнил, кого именно. Он помнил только, что где-то играло радио.

Бен, потрясенный, молчал. Он не находил нужных слов.

— Бедный мальчик, — грустно сказал Мэтт. — Бедное, мужественное дитя.

По щекам Марка побежали слезы. Он закрыл глаза и дрожащими губами прошептал:

— Моя ма-ма-мамочка...

Бен схватил мальчика на руки и прижал к груди, чувствуя телом его горячие слезы.

* * *

Отец Дональд Кэллахен не имел представления, сколько времени он уже блуждает в темноте. Он брел по окраине города. Мимо него проносились автомобили, но священник, не обращая на них внимания, брел прямо по проезжей части. Начинался дождь.

Он не встретил ни одного знакомого: Салем Лот теперь вымирал. Ночью.

Наконец впереди зажглась неоновая надпись:

«АВТОБУС»

«Они боятся», — подумал Кэллахен. И у них есть на то причины. Они подсознательно чувствуют опасность, поэтому и запирают все двери, хотя еще недавно в Салеме вообще не знали, что такое замок.

На улицах города он был один. И он ничего не боялся. Он громко смеялся. Ему не страшен ни один вампир. Другим — возможно, но не ему. Хозяин пометил его, и теперь он может безбоязненно бродить, где захочет.

Церковь Сент-Эндрю возникла перед ним внезапно.

На мгновение заколебавшись, он двинулся дальше.

Нет, он будет верно служить. Не новому Богу, а прежнему, принесшему в жертву собственного сына. Еще один шанс, Господи. В качестве искупительной жертвы — вся моя жизнь. Только... дай мне еще один шанс.

Он шел широкими шагами, и на губах его был привкус крови Барлоу.

Поднявшись по ступенькам, он остановился и потянулся рукой к двери.

Когда он коснулся ее, все вокруг осветила вспышка голубого света и Кэллахена отбросило назад. Он неуклюже упал на землю, прямо в лужу под восточной трубой.

Бывший священник лежал в луже и дрожал.

— Плохо, Господи! — шептал он. — О, как плохо, Господи!

С трудом встав, он, опустив голову, зашагал прочь от церкви, закрывшей для него двери.

* * *

Марк Петри сел на кровать Мэтта, на то самое место, где прежде сидел Бен. Он заливался слезами, но старался взять себя в руки.

— Не правда ли, — начал Мэтт, — тебе известно, что Салем Лот находится сейчас в критической ситуации?

Марк кивнул.

— И все больше людей становятся Его приверженцами, — продолжал Мэтт. — После нынешней ночи их станет еще больше.

— Мэтт, — сказал Джимми, — тебе нужно поспать. Мы будем с тобой, не беспокойся. Ты неважно выглядишь...

— Мой город разваливается у меня на глазах, а ты хочешь, чтобы я спал? — глаза Мэтта гневно сверкнули в темноте.

Джимми упрямо заявил:

— Если ты хочешь дотянуть до конца этого кошмара, ты должен выполнять мои предписания. Я — твой лечащий врач.

— Хорошо. погоди минутку, — Мэтт обвел всех присутствующих взглядом. — Завтра вы трое должны будете пойти в дома Марка. Там вы разбросаете чеснок.

Между собравшимися промелькнуло понимание.

— И сколько же головок нужно? — спросил Бен.

— Не знаю. Сто, двести... пятьсот. Его Бессмертие захочет пить. И поэтому нужно подготовиться. Вы пойдете втроем. Теперь даже днем вам нельзя разлучаться. Это будет похоже на облаву. Вы начнете с одного конца города и закончите в другом.

— Но нам никогда не удастся обнаружить их всех, — возразил Бен. — Даже если мы начнем с рассветом и будем работать дотемна.

— Вы сделаете все, что сможете, Бен. Люди начнут верить вам.

Некоторые будут помогать, если вы докажете, что делаете правое дело. И тогда к темноте большая часть работы будет вами переделана, — он вздохнул. — Нет сомнений, что отец Кэллахен потерян для нас. Это плохо. Вы должны быть предельно внимательны. Будьте готовы к тому, что вам станут лгать. Если вы клюнете на удочку, вы сыграете на руку Ему. Только так мы сможем выжить и победить.

Он поочередно взглянул каждому в глаза. То, что он увидел, удовлетворило его, потому что он целиком переключился на Марка:

— Ты ведь знаешь, что теперь самое главное, верно?

— Да, — кивнул Марк. — Убить Барлоу.

Мэтт грустно усмехнулся:

— Боюсь, думать об этом пока еще рано. Сперва Его нужно найти. — Он пристально посмотрел на мальчика. — Не заметил ли ты прошлой ночью чего-нибудь, что могло бы выдать Его местонахождение? Подумай, прежде чем отвечать! Ты лучше любого из нас знаешь, насколько это важно!

Марк задумался. От напряжения он даже прикрыл глаза. Все ждали, затаив дыхание. Наконец Марк отрицательно покачал головой:

— Ничего. Только...

— Что?!

— На Его пальцах были голубые следы. Я хорошо рассмотрел, когда Он схватил меня. Может быть, это следы от мела?

— Голубой мел, — задумчиво сказал Мэтт.

— Школа, — сообразил Бен. — Скорее всего, школа.

— Наверное... Тогда это может быть только школа на Брок-стрит. Она была построена почти одновременно с Марстен Хаузом. Три года назад в ней случился пожар. Школа сгорела. Остался только первый этаж.

— Барлоу могло бы понравиться это место?

— Пожалуй. Но это было бы слишком просто. Слишком очевидно.

Джимми открыл сумку и достал оттуда несколько маленьких склянок.

— В двух из них святая вода, — сказал он. — Можно пойти прямо сейчас...

— Нет. Мы должны еще многое сделать. Слишком многое...

— Слишком многое, чтобы рисковать, — поддержал Мэтта Бен. — Если отец Кэллахен действительно потерян для нас, мы не имеем права на риск.

Марк принес из ванной стакан воды и дал Мэтту напиться.

Часы показывали четверть одиннадцатого.

В комнате стало тихо. Бен думал о том, что Мэтт выглядит больным и

старым. Что ему очень немного осталось жить.

— Он беспокоит меня, — тихо сказал Джимми.

— Меня тоже, — отозвался Бен.

— У него уже был сердечный приступ. Следующий может убить его.

Мы должны поскорее принять меры, иначе нас ожидает трагедия, — он взял Мэтта за руку и стал прощупывать пульс.

Они сидели у кровати и ждали. Мэтт проспал всю ночь. Барлоу не появился. Он делал свое дело в другом месте.

* * *

Мисс Куген, сидя у окошка, читала интересный роман. В это время она никого не ждала. Внезапно перед ней возник человек, которого она вначале не узнала. Но затем девушка разглядела знакомые черты.

— Отец Кэллахен! — воскликнула она, не в состоянии скрыть удивления. Раньше ей не приходилось видеть его без сутаны. Сейчас на нем были какие-то брюки и светло-голубая рубашка.

Мисс Куген внезапно стало страшно. В его лице было что-то пугающее.

— Я хочу купить билет, — сказал он.

«Вот оно что, — подумала девушка. — Кто-нибудь умер, и его вызывают на похороны».

— Конечно, — с готовностью кивнула она. — Куда...

— Когда отходит ближайший автобус?

— В каком направлении?

— В любом, — сказал он, удивляя девушку этим ответом еще больше.

— Ну... я... дайте посмотреть... В одиннадцать идет автобус в Нью-Йорк. Он проезжает Портленд, Бостон, Хартфорд и...

— Этот подходит, — перебил Кэллахен. — Сколько я должен?

— До какой остановки?

— До конца, — сказал он и улыбнулся. Ей еще не приходилось видеть такую отрешенную улыбку на лице этого человека. «Если он прикоснется ко мне, — подумала она, — я закричу».

— Д-д-д-вадцать девять долларов и семьдесят пять центов.

Он достал из кармана потертый кошелек и отсчитал деньги.

Мисс Куген выписала билет. Она чувствовала, что он смотрит на нее, и поэтому торопилась. Ей хотелось, чтобы священник поскорее покинул помещение кассы.

— В-в-вам лучше подождать снаружи, отец Кэллахен. Я должна сейчас закрыть кассу.

— Хорошо. Конечно... — он направился к выходу, но у самой двери обернулся. — Вы живете в Фолмауте, мисс Куген, не так ли?

— Да...

— Есть у вас машина?

— Да, конечно. Но я действительно попросила бы вас подождать на улице...

— Побыстрее уезжайте домой, мисс Куген. Садитесь за руль и мчитесь домой без остановки. Не останавливайтесь, даже если увидите кого-нибудь знакомого.

— Я никого никогда не подбираю на дороге, — пуритански поджала губы мисс Куген.

— А когда доберетесь домой, держитесь подальше от Джерусалемз Лота. — Кэллахен пристально смотрел на нее, — здесь сейчас происходят плохие вещи.

— Не могу понять, о чем вы говорите, но...

— Ладно. Все в порядке.

Он вышел.

Встревоженная мисс Куген начала собираться. Она наде-ялась, что сегодня больше никому не понадобятся билеты. Она хотела попасть домой.

Собравшись, она погасила свет.

* * *

Город окутала тьма.

* * *

Анна Нортон скончалась, когда ее перевозили в лифте с первого на второй этаж. Она вся обмякла, и из уголка ее рта потекла струйка крови.

— Отлично, — сказал один из державших ее санитаров. — Теперь можно выключить сирену.

* * *

К трем часам утра кровь затопила город.

Этой ночью очень немногих горожан не коснулась чума вампиризма. Большею частью это были те, у кого в городе не было близких друзей или родственников. Многие из них даже не подозревали о том, что происходит вокруг.

Кроме тех, кто стал в эту ночь вампиром, почти никто в Джерусалемз Лоте, не знал правды. И все же некоторые поизвлекали из старых сундуков большие кресты и изображения святых. Люди инстинктивно старались уберечь себя от чего-то. Они просыпались в холодном поту, включали во всем доме свет и, боясь уснуть, бродили из комнаты в комнату.

И все они боялись выглянуть в окно.

Боялись посмотреть в глаза Горгоне.

* * *

— Эй, — сказал водитель автобуса, — приехали. Это Харт-форд.

Кэллахен выглянул в окно. Занимался рассвет. Вампиры в Салеме, должно быть, начинали забиваться по щелям.

— Я знаю, — сказал он.

— Стоянка двадцать минут. Не хотите ли вы выйти и перекусить?

Порывшись в карманах, Кэллахен извлек двадцатидолларовую купюру.

— Не могли бы вы мне купить бутылку?

— Мистер, правила...

— Сдачу, конечно, оставьте себе.

— Я не могу оставить без присмотра автобус, мистер. Через два часа мы будем в Нью-Йорке. Там вы сможете купить все, что вам угодно.

«Ты ошибаешься, приятель», — подумал Кэллахен.

Он добавил к двадцати долларам еще десять:

— Так принесите же мне бутылку. Сдачу оставьте себе.

Шофер завороченно смотрел на деньги. Наконец он улыбнулся:

— Что ж, мистер, как вам угодно. Только не сделайте ничего с автобусом.

Кэллахен послушно кивнул. Водитель повернулся и вышел.

«Выпить... — думал Кэллахен, — немедленно выпить...

Скорее, водитель!»

Он выглянул в окно. На мостовой неподвижно сидел подросток. Кэллахен не сводил с него глаз, но даже когда автобус тронулся, тот не пошевелился.

* * *

Мерс проснулся от голоса Марка, прямо в ухо сказавшего ему:

— Утро!

Бен сонно заморгал, не сразу вспомнив, где находится, и выглянул в окно. Моросил редкий осенний дождик. Деревья наполовину потеряли листву. Мостовая, казалось, была по колено залита водой.

Бен встал и оглянулся. Мэтт спал; его грудь вяло, но ритмично вздымалась при каждом вдохе. Джимми тоже спал, сидя на стуле.

— Пора вставать, верно? — бросил Марк.

Бен кивнул. Он подумал о предстоящем дне и вздохнул. Потом он подошел к Джимми и потряс его за плечо.

— А? — встрепенулся Джимми. От неожиданности он подскочил со стула и теперь неузнавающими глазами глядел на Бена. Потом сознание вернулось к нему, и он несколько расслабился. — Уже утро! — удивленно сказал он.

Потом он подошел к кровати Мэтта и нащупал пульс.

— Ну как? — спросил Марк.

— Несколько лучше, чем ночью. Бен, мне кажется, нам лучше спуститься на служебном лифте, чтобы никто не заметил Марка. Так мы меньше рискуем.

— А мистер Берк? С ним все будет в порядке? — спросил Марк.

— Думаю, что да. Пора заняться Барлоу.

Никем не замеченные, они спустились вниз.

— Итак, — спросил Джимми, — куда сначала? В школу на Брок-стрит?

— Нет, — ответил Бен. — Сейчас на улицах слишкомлюдно. Сперва домой к Марку. Чеснок.

* * *

Чем ближе подходили они к дому, тем больше сгущалась атмосфера.

— Боже, — прошептал Джимми, — я, кажется, просто нюхом чую это.

«Не ты один», — подумал Бен.

Перед домом Петри стоял старенький «седан» отца Кэллахена. При виде его Марк закрыл лицо руками и отвернулся.

— Я не могу, — прошептал он, — не могу войти. Мне очень жаль. Я

подожду вас в машине.

— Поступай, как хочешь, — потрепал его по плечу Джимми. —
Смотри, чтобы все было в порядке.

— Конечно.

Но по лицу Марка было видно, что отнюдь не все в порядке. Он весь дрожал, и в глазах его стояли слезы.

— Накройте их, хорошо? Если они мертвы, хотя бы накройте их.

— Конечно, — ответил Бен.

— Лучше, если они мертвы, — продолжал Марк. — Мой отец... он мог бы вполне успешно стать вампиром. Он... он всегда преуспевал во всем, чем занимался. Даже слишком преуспевал.

— Постарайся не думать об этом, — посоветовал Бен, ненавидя себя за этот совет. Марк посмотрел на него и вяло усмехнулся.

Бен и Джимми подошли к заднему крыльцу и вошли в дом.

* * *

— Кэллахена здесь нет, — тихо сказал Джимми, когда они обошли весь дом.

— Наверное, его забрал с собой Барлоу, — с трудом выдавил из себя Бен.

В руке он держал ставший бесполезным крест священника, еще вчера висевший на шее Кэллахена. Это все, что осталось от него в доме. Крест лежал возле трупов супругов Петри.

— Пойдем, — позвал Бен. — Мы еще должны укрыть их тела. Я обещал мальчику.

* * *

В гостиной они нашли одеяло и укрыли тела родителей Марка. Бен старался не смотреть на них, но это было невозможно. Рука Джун Петри торчала из-под одеяла, и ему пришлось ногой поправить ее. Бену вспомнились фотографии погибших во Вьетнаме.

Потом они спустились в подвал, встретивший их пыльным застоявшимся воздухом, и разбросали там чеснок.

— Что же дальше? — спросил Бен.

— Думаю, ты останешься здесь, — ответил Джимми.

— Почему?

— Потому что я знаю город, а город знает меня. Те, кто в Салеме еще сегодня жив, сидят сейчас за закрытыми дверями и дрожат. Если в их двери постучишь ты, они не откроют. Если же я — все будет иначе. Ты считаешь, что я не прав?

Конечно, Джимми был прав, но Бену очень не хотелось оставаться самому в доме Петри.

— Но ты вернешься к трем часам? Нам ведь еще нужно будет засветло попасть в школу!

— Хорошо.

Джимми начал подниматься по ступенькам. Внезапно что-то — то ли мысль, то ли предчувствие — заставило его оглянуться. Что-то... и это «что-то» тут же исчезло.

Он вышел.

Дождь моросил, не переставая.

* * *

Посреди улицы стоял автомобиль Роя Макдугласа, и это всерьез обеспокоило Джимми.

Они с Марком вышли из машины. Джимми нес в руке свою старую черную сумку. Подойдя к двери, они позвонили. Звонок не работал, и Джимми негромко постучал. На стук никто не вышел. Дверь была заперта.

Марк поднял камень и ударом выбил стекло на веранде. Они влезли в окно. Дверь изнутри была открыта.

В доме тоже был запах. Не такой сильный, конечно, как в Марстен Хаузе, но достаточно ощутимый — запах тлена и смерти.

— Они здесь, — сказал Марк. — Где-то здесь.

Джимми и Марк принялись обыскивать дом. Ни в комнатах, ни в кухне, ни даже в ванной ничего не было. Выходя из кухни, они заметили вдруг маленькую дверцу, запертую на огромный заржавленный замок. Ножом Марк попытался сделать щель между дверью и коробкой, и когда это ему удалось, все тот же запах резко ударил им в нос.

— Они здесь, — прошептал Марк.

Джимми сделал на двери отметку химическим карандашом и собрался уходить.

— Подождите, — остановил его Марк, — я хочу вытащить одного из них.

— Зачем?!

— Может быть, солнечный свет убивает их. Может быть, для этого не нужен осиновый кол.

В Джимми проснулась надежда:

— Что ж, хорошо. Которого?

— Не ребенка, — задумчиво сказал Марк. — Мужчину. Подтяните его за ногу.

— Ладно, — Джимми с трудом сглотнул подступивший к горлу комок.

Приоткрыв дверцу, они с трудом выволокли тело Роя на середину комнаты, куда лучше всего падал свет из окна.

То, что произошло потом, было совершенно неожиданно. Тело Роя начало ворочаться, будто он спал, а его потревожили. Кожа на лице сразу пожелтела, глаза закатились. Ноги, словно сведенные судорогой, задергались. Руки начали тянуться к чему-то невидимому, потом одна из них схватила за рубашку Марка и мальчик с криком отскочил в сторону.

Рой стал перекатываться в сторону места, откуда его только что извлекли. Джимми вдруг подумал, что его дыхание напоминает описание в литературе дыхание Чайна-Стокса. Но тут Макдуглас оказался в тени и перестал дышать. Он безжизненно замер.

— Запри его, — дрожащим голосом сказал Марк. — Пожалуйста, запри его.

Джимми втолкнул тело в каморку и запер дверь, думая, что до самой смерти не забудет увиденного.

* * *

Дрожа, они стояли под дождем и смотрели друг на друга.

— Следующая дверь? — спросил Марк.

— Да. Очевидно, те, кто побывал у Макдугласов, посетили и эти дома.

На двери висела табличка: «Давид Эванс с семьей».

Звонок сработал, но за дверью не было слышно ни звука. Войдя в дом, вампиры нашли миссис Эванс в постели, а ее мужа в гараже. Поэтому звонок не был отключен.

На этой двери Джимми тоже сделал пометку.

* * *

Они сидели в машине. Будто в полудреме, Джимми прикрыл глаза.

Внезапно он воскликнул:

— Теперь я знаю, где Он. Знаю, где Барлоу. Он скрывается в мебелирашке Евы Миллер!

Он чувствовал, что это действительно так. Он был совершенно уверен.

Глаза Марка сверкнули:

— Так давай же поскорее поедem туда.

— Подожди.

Доктор вышел из машины и подошел к телефонной будке. Найдя номер телефона обиталища Евы, он набрал его. Никто не ответил. Десять гудков. Одиннадцать... пятнадцать... Испуганный, он бросил трубку. У Евы обычно жило не менее десяти квартирантов, в большинстве своем пожилые люди. Трудно было представить, что все они одновременно куда-нибудь ушли. Такого прежде не бывало.

Джимми взглянул на часы. Они показывали четверть четвертого.

Он вернулся к машине:

— Поехали.

— А как же Бен?

— Мы не можем позвонить ему, — сердито отрезал Джимми. — Линия в твоem доме повреждена. Если мы быстро доберемcя до Евы, то у нас останется еще достаточно времени. Если я ошибcя. Если же я прав, то мы вернемcя к Бену. После.

* * *

Возле дома Евы все еще стоял ее «ситроен», наполовину засыпанный упавшими листьями. Дождь стучал по его крыше. На доме висела табличка: «Комнаты Евы». Вокруг было тихо, будто дом выжидал. Джимми предположил, что кто-нибудь в доме, возможно, покончил жизнь самоубийством. Ева должна знать это... но он сомневался, сможет ли Ева что-нибудь рассказать.

— Вы уверены, что нам не стоит все же заехать сейчас за Беном? — спросил Марк.

— Позже. Пошли.

Они вышли из машины и направились к крыльцу.

Казалось, все обитатели оставили дом.

— Ты чувствуешь? — спросил Джимми.

— Да. Лучше, чем обычно.

— Ты готов?

— Да, — ответил Марк. — А вы?

— Мне кажется, тоже.

Джимми толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Войдя в дом, Джимми и Марк почти сразу же оказались на кухне, где запах был наиболее сильным. Тут же была дверь в подвал. Джимми открыл ее. Он достал из сумки фонарик и осветил им вниз, но ничего не увидел.

— Посмотри вокруг, — велел он Марку. — Где-то должны быть свечи.

Марк начал искать, заглядывая в каждый ящик. Он заметил, что на столе лежат пустые футляры от ножей, но не придал этому никакого значения. Сейчас он не мог думать. Он, как заводной, мог только выполнять распоряжения. Краем глаза он заметил в углу какое-то движение и поднял голову, но ничего не увидел. Ветеран войны в подобном случае сказал бы, что это симптом приближающейся опасности.

Марк вышел в холл и стал заглядывать в шкафы. В третьем по счету он обнаружил довольно мощный фонарик. Взяв его, он вернулся на кухню.

— Вот что я...

Дверь подвала была открыта.

* * *

Когда Марк вернулся в кухню, было без двадцати пять.

Увидев открытую дверь в подвал и услышав захлебывающиеся крики, он как безумный бросился к выходу, всем своим существом чувствуя присутствие Барлоу.

Марк выскочил на крыльцо и открытым ртом вдохнул свежий воздух. Бен. Он должен спасти Бена. Безумие бороться против Барлоу. За это безумие уже заплатили сполна Сьюзен, Кэллахен, Джимми...

«Спаси Бена. Хотя бы попытаться.»

Он подбежал к «бьюику» Джимми, рывком открыл дверь и сел за руль.

«Но я не умею водить машину!»

И тут в его ушах зазвенел голос отца: «Вспомни, Марк. Ты много раз видел, что я делаю, садясь за руль. Сосредоточься и делай то же самое. Поворачивай ключ и жми на газ».

Следуя этим мысленным инструкциям, Марк повернул ключ зажигания и осторожно нажал на педаль. Машина тронулась с места. Судорожно вцепившись руками в руль, Марк вел машину по пустынной дороге и плакал.

Бена он встретил на полпути к своему дому. Не дождавшись Джимми и Марка, тот направился на поиски.

И тут он увидел «бьюик». За рулем сидел Марк... он был один. Он смотрел на Бена и беззвучно шевелил губами.

— Что случилось? Где Джимми? — бросился к нему Бен.

— Джимми мертв, — одеревеневшими губами сказал Марк. — Барлоу вновь опередил нас. Он прячется в подвале меблированных комнат миссис Миллер. Джимми тоже там. Я хотел помочь ему — и не смог. Я... я...

— Так что же случилось? О чем ты говоришь?

— Джимми вспомнил, где есть голубой мел. И мы поехали туда, к миссис Миллер, — мальчик поднял залитое слезами лицо. — Джимми велел мне найти свечи, потому что в подвале, как и в Марстен Хаузе, не было света. И я начал искать. Я... я заметил, что в кухне не было ножей, но не задумался об этом. Так что это я убил его. Я. Это моя вина, только моя...

Бен встряхнул его за плечи:

— Прекрати, Марк! Прекрати!

Марк зажал руками рот, глядя полными ужаса глазами на Бена. Потом он продолжил:

— Мне удалось найти фонарик, и я хотел сказать об этом Джимми. Но тут Джимми упал вниз и начал кричать и стонать. Последнее, что я услышал, было «Берегись, Марк!».

— Что же было внизу?

— Они просто убрали лестницу, — обреченно сказал Марк. — Джимми в темноте показалось, что она там есть. Понятно?

— Да, — сказал Бен. Ему было понятно. — А ножи?

— Они укрепили их в подвале лезвиями кверху, так что тот, кто упадет в подвал...

— Ох, — беспомощно сказал Бен. — О, Боже! Ты уверен, что он умер, Марк?

— Да. Он... кровь...

Бен посмотрел на часы. Было без десяти пять. Он почувствовал, что упускает время.

— Что мы будем теперь делать? — тихо спросил Марк.

— Поедем в город. Поговорим с Мэттом по телефону и еще поговорим с Перкинсом Джиллесли. Мы покончим с Барлоу до наступления темноты. Мы должны сделать это.

Марк вымученно улыбнулся:

— Джимми тоже так говорил. Он тоже обещал, что мы покончим с Барлоу. Но Барлоу переиграл нас. Ребята посильнее нас пытались это сделать.

— Ты боишься?

— Да, боюсь, — просто ответил Марк. — А вы?

— Я тоже боюсь, — сказал Бен, — но я несколько ненормальный. По вине этого чудовища я потерял девушку. Мне кажется, я любил ее. Мы оба потеряли, Марк. Потеряли Джимми. Ты потерял отца и мать. Они лежат сейчас в гостиной, накрытые одеялом, — он заставлял быть себя жестоким. — Хочешь пойти и посмотреть?

Марк отшатнулся; на его лице теперь был гнев.

— Я хочу, чтобы ты был со мной, — несколько спокойнее сказал Бен. — Меня не интересует, кто пытался остановить его прежде. Теперь этим намерен заняться я. И ты мне нужен.

И это была чистая правда.

— Хорошо, — сказал Марк. Он сосредоточенно изучал свои ботинки.

— Возьми себя в руки, — сказал Бен.

— Я пытаюсь, — услышал он беспомощный ответ мальчика.

* * *

Подъехав к автозаправочной станции, Бен вышел из машины, и, приказав Марку ждать, направился к телефону. Он попросил телефонистку связать его с Кэмберлендским госпиталем.

— Мне бы хотелось поговорить с мистером Берком из палаты 402.

— Кто это звонит?

— Бенджамен Мерс. С ним все в порядке?

Внезапно Бену стало страшно. Он представил себе, что Мэтт умер. Но это невозможно — это было бы уже слишком.

— Вы родственник?

— Нет, близкий друг. Он не...

— Мистер Берк умер сегодня в 15:07, мистер Мерс. Если вы немного подождете, я проверю, не пришел ли доктор Коди. Он мог бы...

Голос стал куда-то исчезать, хотя Бен прижимал трубку к уху. Понимание того, как много значил для него Мэтт, заполнило его. Мэтт мертв. Поистине Господь отвернулся от них.

Только я и Марк. Остались только мы.

Сьюзен, Джимми, отец Кэллахен, Мэтт. Они ушли.
Он беззвучно боролся с обуявшей его паникой.
Повесив трубку, он постоял несколько секунд и вернулся к машине.
Увидев его, Марк дрожащим голосом спросил:
— Мэтт умер?
— Да. Сердечный приступ. А как ты узнал?
— По твоему лицу.
Было 17:15.

* * *

Перкинс Джиллеспи стоял возле входа в муниципалитет, докуривая сигарету и поглядывая на небо. Он тускло взглянул на приближавшихся к нему Бена и Марка. Перкинс выглядел старым и усталым.

— Как поживаете, констебль? — спросил Бен.

— Приемлемо, — ответил Перкинс.

— Констебль, мы хотели бы поговорить с вами о том, что происходит вокруг.

Перкинс Джиллеспи щелчком выбросил недокуренную сигарету. Не глядя на Бена, он ответил:

— Я не хочу об этом слышать. — Он извлек из пачки новую сигарету, но, не прикурив, принялся крутить ее в пальцах. — Все, что происходит вокруг, скоро убьет меня, — после паузы добавил он.

Бен попытался еще раз:

— Человек, купивший Марстен Хауз, не совсем человек. Его имя — Барлоу. Сейчас он прячется где-то в подвале мебелирашек Евы Миллер.

— И что же? — ничуть не удивленный, спросил Перкинс. — Он ведь вампир?! Как и в сказках, он предпочитает подвалы.

Бен не стал ничего возражать. Он почувствовал себя вдруг очень больным и усталым. Он был не в силах противиться обстоятельствам.

— Я покидаю город, — сказал Перкинс. — Мой багаж уже лежит в машине. Я оставлю здесь пистолет и бляху. Хочу проведать сестру в Киттери. Думаю, это достаточно далеко отсюда и там я буду в безопасности.

Бен будто издали услышал собственный голос:

— Ты кусок дерьма. Ты трус и подонок. Этот город все еще жив, а ты собрался бежать.

— Город не жив, — прикуривая, возразил Перкинс. — Именно

поэтому он и оказался здесь. Город мертв, как и он. Мертв уже больше двадцати лет. То же самое скоро можно будет сказать про всю страну, — он сделал широкий жест рукой, будто пытаюсь охватить эту «всю страну». — Все вокруг уже стали вампирами или скоро станут. Но не я. Я уезжаю.

Бен беспомощно смотрел на него.

— Советую вам сделать то же самое, — сказал Перкинс. — Этот город прекрасно обойдется без нас... некоторое время. Потом все это будет уже неважно.

«Да, — подумал Бен. — Почему бы и нам не поступить так же?»

Внезапно заговорил Марк:

— Потому что это плохо, мистер. Очень плохо. Вот и все.

— Да что ты говоришь? — насмешливо сказал Перкинс. — Все, кто в состоянии думать, уже покинули город.

Думая о Мэтте, Бен возразил:

— Не все.

— И все равно это неважно. Неужели ты намерен попытаться выжить отсюда этого парня?

— Да.

— Тогда могу предложить тебе мой пистолет. Он очень нравился Нолли.

Марк в ужасе посмотрел на Перкинса, и Бен понял, что должен немедленно увести мальчика отсюда. Перед ними стоял конченный человек.

— Пошли, — позвал он Марка, — нам пора.

— Да, наверное, пора, — согласился Перкинс, посмотрев на них отсутствующим взглядом.

Бен и Марк вернулись к машине. Было почти 17:30.

* * *

Без четверти шесть они подъехали к церкви Сент-Эндрю. Бен взял с заднего сиденья сумку Джимми и стал вытряхивать оттуда разные пузырьки и бутылочки.

— Что вы делаете?

— Хочу набрать святую воду, — сказал Бен. — Пошли.

Они подошли к двери церкви, и тут внимание Бена привлекла дверная ручка, сверкающая, будто по ней пробегали электрические разряды.

— Видел ли ты когда-нибудь такое?

— Нет. Нет, но... — Марк покачал головой, отгоняя от себя какую-то

мысль, и решительно открыл дверь. Они вошли в пустую церковь.

Со стен на них смотрели понимающие лица святых. Бен перекрестился, велел Марку сделать то же самое.

Они приблизились к чаше со святой водой. Бен омыл лицо и руки. Марк повторял за ним каждое движение. Затем они набрали воды во все имевшиеся у них емкости.

Больше медлить было нельзя. Приближался вечер. И ночь. Бен и Марк быстро вышли из церкви и сели в машину.

* * *

И наконец в десять минут седьмого они вновь были возле «Комнат Евы». Солнце с трудом пробивалось из-за туч, освещая землю красным, как кровь, солнцем.

Бен сосредоточенно посмотрел на окно своей комнаты. Отсюда были видны его пишущая машинка и рулон бумаги, брошенный рядом. Было странно так отчетливо видеть с большого расстояния все эти предметы, будто в мире царило спокойствие.

Потом он поискал взглядом черный ход. Возле него так и стояли два кресла, в которых он и Сьюзен сидели в тот день, когда состоялся их первый поцелуй. Дверь, ведущая в кухню, была приоткрыта — ее бросил, убегая, Марк.

— Я не могу, — прошептал мальчик. — Я не могу...

Он побелел и крепче вжался в кресло, будто надеясь слиться с ним.

— И все же мы должны идти вдвоем, — сказал Бен. В руках он держал две бутылочки со святой водой. Марк оттолкнул его руку, но Бен настойчиво протягивал одну из бутылочек ему.

— Пойдем же! — звал он.

— Нет.

— Марк!

— Нет!

— Марк, ты нужен мне. Ты и я — вот все, что осталось.

— Я уже достаточно сделал! — крикнул Марк. — Больше я не могу ничего сделать! Как ты не понимаешь, что я не могу видеть его!

Но Бен настаивал. И Марку пришлось покориться.

Они поднимались по ступенькам, и ветер рвал на них одежду.

Солнце сверкало багровым огнем сквозь облака, и в его лучах все предметы казались мертвенными и нереальными.

На кухне ничего не изменилось. Дверь в подвал была по-прежнему открыта.

— Я так боюсь! — вздрогнув, прошептал Марк.

— Держись. Где же фонарь?

— В подвале. Я уронил его...

— Ладно. Иди за мной.

И Бен начал спускаться в зияющее чрево подвала.

* * *

В голове Бена промелькнуло: «Я иду навстречу собственной смерти».

Мысль выглядела вполне естественной и спокойной; Бен почему-то не чувствовал страха. За ним следовал побелевший Марк, его руки дрожали.

Пусть бы скорее наступил конец. Нужно достать пистолет Мак-Кослина; оружие оттягивало задний карман брюк...

Он спрыгнул с высокой последней ступеньки и помог Марку сделать то же самое. Глаза мальчика были зажмурены.

— Я не смогу смотреть на это, — тоскливо прошептал он.

— Все в порядке. Если бы я был тобой, то тоже не смог бы на это смотреть.

Бен осветил фонариком подвал. Ничего. Он заглянул в один угол, затем в другой... Посветил под столом... Пусто.

— Где же они? — пробормотал Бен. Его часы показывали 18:23. Когда же зайдет солнце? Он не помнил. Но не позже 18:55. У них есть еще полчаса.

— Где он? — воскликнул Бен. — Я чувствую его присутствие, но где же он?

— Здесь! — выкрикнул Марк, указывая дрожащей рукой на что-то. — Что там?

Бен осветил фонариком в указанном направлении. Манекен. Просто прислоненный к стене манекен. И все же он решил заглянуть за него.

Бен посмотрел вверх, на вход в кухню. Смеркалось.

— Все это слишком тяжело для меня, — простонал Марк.

— Неважно. Держись. Мы справимся. Давай попробуем отодвинуть его.

Манекен был тяжел, но вдвоем им удалось сдвинуть его с места.

Марк торжествующе воскликнул:

— Так я и знал!

В том месте, где манекен был прислонен к стене, виднелась маленькая дверца. На ней висел новенький замок.

Пошарив рукой, Бен нащупал ломик и попытался сбить замок. Ничего не получалось. Замок был вполне крепким. Но Бен сейчас был готов зубами грызть дерево, лишь бы добраться до цели.

Он посветил фонариком, осмотрел замочную скважину и потом, неожиданно приняв решение, брызнул на замок святой водой. Замок внезапно начал дымиться, как тлеющий костер. Вокруг него распространилось сияние. Бен почувствовал себя необычайно сильным. Он нажал плечом на дверь раз, затем другой. Марк изумленно смотрел на него. Еще раз... еще...

И дверь не смогла устоять. Она поддалась и открылась.

— Я люблю тебя, — прошептал Марк.

И они с Беном торжественно пожали друг другу руки.

* * *

Они увидели небольшую комнатку. На полу валялось несколько бутылок и лежала кучка старой гнилой картошки. Почему-то это было первым, что бросилось в глаза. В дальнем конце комнаты стоял гроб Барлоу; по его краям, подобно огням святого Эльма, вспыхивали искры.

Перед гробом в беспорядке валялись тела. Ева Миллер, Эд Крэйг, Мабель Малликен, Джон Стоун; чуть поодаль — Винни Апшоу и Гровер Веррил.

Мужчина и мальчик приблизились к гробу. Часы Бена показывали 18:40.

— Их нужно вынести отсюда, — сказал Бен.

— Они вместе, наверное, весят целую тонну.

— И все же мы успеем сделать это.

Бен ухватил гроб за ближний к нему угол. Другой рукой взялся за крышку. Дерево было скользким и неприятным на ощупь, но его оказалось несложно сдвинуть с места. Достаточно было и одной руки.

Марк попробовал подтолкнуть гроб и изумленно сказал:

— Я смог был сделать это одним пальцем!

— Возможно. Но сейчас не время для экспериментов. Мы должны поторопиться.

Они вытащили гроб сквозь маленькую дверцу, вернулись туда, где лежал Джимми, и укрыли его стареньким пледом Евы Миллер. Теперь

просвет над подвалом стал совсем тусклым. Было 18:45.

— Итак? — спросил Марк.

Они переглянулись и дружно перевели взгляды на гроб.

— Да, — сказал Бен.

Они принялись открывать замки. Наконец крышка открылась.

Перед ними лежал Барлоу.

Сейчас на его щеках играл румянец и он казался совсем молодым человеком.

— Он... — начал Марк, но закончить так и не сумел.

Глаза Барлоу внезапно открылись, и он с триумфом взглянул на Бена. Потом он поискал взглядом Марка, и Марк почувствовал, что тонет в этих черных с красным глазах.

— Не смотри на него! — закричал Бен, но было слишком поздно.

Он оттолкнул Марка. Тот судорожно сглотнул, как будто к его горлу подступил комок, и внезапно бросился на Бена. Удивленный, Бен отступил назад. Через секунду руки мальчика пытались достать из кармана Бена пистолет.

— Марк! Не...

Но мальчик не слышал. Его лицо потемнело, как вымытая школьная доска. Он рычал, как рассерженное животное. Он тянулся к пистолету.

— Марк! — отчаянно кричал Бен. — Марк, очнись! Во имя Господа!

Он схватил Марка руками за плечо и сильно ударил ногой. Марк отлетел назад, но, оказывается, ему уже удалось завладеть пистолетом; от толчка он выронил его. Оружие лежало между ним и Беном. Марк бросился к пистолету, но Бен ногой отшвырнул мальчика в сторону.

Силы оставили Марка, и он забился на полу в судорогах.

Теперь Бен Мерс испугался по-настоящему.

Луч света попал на циферблат его часов. 18:51.

На полу стонал Марк:

— Мама! Мамочка, где ты? У меня раскалывается голова... здесь темно...

Бен достал из-за пояса заранее приготовленный осиновый кол. Снаружи садилось солнце, освещая прощальными лучами Джерусалемз Лот. Где же молоток?! Где он?!

У входа в маленькую комнатушку. Он видел его там.

Бен бросился за молотком.

Марк сидел на полу, и его губы были залиты кровью.

— Мамочка, — плакал он, — где ты?

18:55. Игра света и тьмы.

* * *

Бен говорил себе, что мальчик просто испуган. Наверное, это было правдой: его пульс был ритмичным и отчетливо прослушивался.

Бен поднял Марка на руки и понес к «ситроену».

Он сел за руль и завел мотор.

Они ехали по мертвым улицам.

Ехали куда глаза глядят, лишь бы подальше от Салема Лота.

* * *

На следующий день, оставив Марка в мотеле, Бен вернулся в город. Салем Лот встретил его тишиной, прерываемой стуком дождя по крышам да шуршанием шин редких машин. Пустые улицы напоминали о том, что обитатели города теперь живут только ночью.

Он направился к меблированным комнатам и поднялся к себе. Там он собрал вещи, с грустью думая о том, что так не хотел покидать этот город.

Собравшись, он не стал задерживаться. Не время предаваться ностальгии. Его ждет Марк.

* * *

Потом он спустился в подвал, чтобы забрать оттуда тело Джимми, и это оказалось тяжелее всего. Гроб Барлоу был там же, где и вчера, пустой и пыльный. Нет... не совсем пустой. Там был кол и кое-что еще. К горлу Бена подступила тошнота. Зубы. Зубы Барлоу — все, что осталось от него. Бен нагнулся, поднял их — и они показались ему похожи на маленьких белых зверьков, пытающихся соединиться вместе.

С возгласом отвращения он отшвырнул их в сторону.

— Боже, — прошептал он. — О, мой Боже, положи этому конец! Положи конец этому кошмару!

* * *

Он вытащил тело Джимми из подвала и положил в багажник «бьюика». Потом направил машину к дому Петри. В саду он выкопал могилу, куда положил тела Джимми и родителей Марка, все еще завернутые в одеяло.

Он начал засыпать их землей в 14:30. Он торопился. Он хотел справиться засветло. По лицу и спине струился пот, но Бен не вытирал его.

В четыре холм над могилой был насыпан полностью. Теперь Бен направился к центру города. Там он вышел из автомобиля Джимми, оставив в нем ключи.

Пешком он прошел к дому Евы, так и не встретив никого по дороге. Там, уже открыв дверцу своей машины, он в последний раз оглянулся.

Никакого движения. Все было мертво.

Весь город был мертв. Теперь он точно знал это, как знал, что умерла Миранда, когда увидел на дороге ее туфлю.

И он заплакал.

Он все еще плакал, когда выезжал из города, а из-за поворота выплыл красочный плакат: «Вы покидаете Джерусалемз Лот, чудесный маленький городок. Приезжайте к нам еще!».

За деревьями скрывался Марстен Хауз. Бен мчал навстречу Марку, навстречу своей жизни.

Вы покидаете Джерусалемз Лот. Приезжайте к нам еще!..

Эпилог

*Теперь она ослепла.
Змеи, которых она так бесстрашно
когда-то держала,
Искусали ее руки.*

Джордж Сеферис

Из коллекции газетных вырезок, принадлежащей Бену Мерсу (по страницам газеты «Портлендский Пресс-Геральд»):

19 ноября 1975 года

ДЖЕРУСАЛЕМЗ ЛОТ. Семья Чарльза В. Причетта, недавно приобретя ферму «Кэмберленд Каунти» в городке Джерусалемз Лот и проведя там не больше месяца, неожиданно решила выехать оттуда, потому что, по словам Аманды и Чарльза Причеттов, на ферме стали происходить странные вещи. Ферму у них купил Чарльз Гриффин, отец которого владеет компанией «Саншайн Дэйри». Чарльз Гриффин, которому удалось приобрести ферму за баснословно маленькую сумму, воздерживается от комментариев. Аманда Причетт первая заметила какой-то, по ее словам, «странный шум» по ночам и рассказала об этом своему мужу...

4 января 1976 года

ДЖЕРУСАЛЕМЗ ЛОТ. Прошлой ночью неподалеку от маленького городка Джерусалемз Лот произошла странная автокатастрофа. На большой скорости «седан» последней модели

слетел с шоссе и ударился о телеграфный столб. Машина имеет тяжелые повреждения, но, хотя в салоне обнаружены следы крови, пассажиров там не оказалось. Автомобиль был зарегистрирован на имя мистера Гордона Филлипса из Скарборо. Свидетели показывают, что Филлипс с семьей направлялся к родственникам в Ярмут. Полиция предполагает, что Филлипс, его жена и двое детей решили попытаться добраться пешком и заблудились. План поисков...

14 февраля 1976 года

КЭМБЕРЛЕНД. Миссис Фиона Коггинс, вдова, проживающая одна в Западном Кэмберленде, исчезла. Об этом сообщила шерифу Кэмберленда ее племянница, миссис Гертруда Херси. Миссис Херси рассказала офицеру полиции, что ее тетьа давно себя плохо чувствовала. Пока трудно сказать что-нибудь о местонахождении...

27 февраля 1976 года

ФОЛМАУТ. Джон Фаррингтон, один из старожилов здешних мест, был найден мертвым в своем сарае его пасынком Фрэнком Вилкери. Вилкери сказал, что Фаррингтон лежал лицом вниз, вытянув вперед правую руку в оборонительном жесте. Судмедэксперт Дэвид Райс заявил, что смерть, очевидно, наступила от внутреннего кровотечения...

20 мая 1976 года

ПОРТЛЕНД. Ферма «Кэмберленд Каунти» подверглась

нашествию бродячих собак, которых в последнее время развелось особенно много в районе Джерусалемз Лот — Кэмберленд-Фолмаут. За последний месяц несколько овец пало от их зубов. В некоторых случаях овцы оказались обезглавленными. Принимаются меры по нормализации...

29 мая 1976 года

ДЖЕРУСАЛЕМЗ ЛОТ. Вчера в этом городке при странных обстоятельствах исчезла семья Дэниела Холлоуей. Полицию вызвал дедушка Дэниела, сообщивший, что его внук нередко жаловался на возникающий по ночам вблизи его дома «странный шум».

За последнее время это не первый случай загадочного исчезновения людей в Джерусалемз Лоте...

4 июня 1976 года

КЭМБЕРЛЕНД. Сегодня утром в Кэмберлендский госпиталь была доставлена с тяжелым сердечным приступом миссис Элен Тремонт, вдова, проживающая в Западном Кэмберленде. Она сообщила нашему корреспонденту, что ее напугал шум, возникший под окном ее спальни, когда она смотрела телевизор. Она решила посмотреть, что это за шум, и, выглянув в окно, увидела перед собой какое-то лицо.

— Это было ужасно, — сказала миссис Тремонт. — Никогда за всю жизнь мне не было так страшно. А с тех пор, как в миле от моего дома была убита целая семья, я все время дрожу от страха.

Миссис Тремонт имела в виду семью Дэниела Холлоуей, исчезнувшую в Джерусалемз Лоте на прошлой неделе. Полиция не находит между этими событиями связи, но...

Высокий мужчина и мальчик прибыли в Портленд в середине сентября и прожили в тамошнем отеле три недели. Большею частью они сидели в своей комнате или наблюдали за небом. У обоих были выражены явные признаки нервного истощения. Мужчина каждый день покупал «Пресс-Геральд» и прочитывал его от корки до корки. Если ему встречались какие-нибудь материалы о Джерусалемз Лоте, он вырезал их и складывал в папку. На девятый день их пребывания в Портленде в Фолмауте исчез человек, а его собака была найдена мертвой во дворе. Полиция начала расследование.

Утром 6 октября мужчина вышел из комнаты. Мотель опустел: большинство туристов разъехались по домам в ожидании нового сезона.

Этим утром в воздухе появилось что-то новое. Наступило «бабье лето».

Из комнаты вышел мальчик и подошел к мужчине.

Мужчина сказал:

— Сегодня.

В Салем Лот им удалось добраться только к полудню. Над ним синело по-осеннему холодное небо.

По радиоприемнику передавали информацию об опасности лесных пожаров в этой части Мэна. С первой недели сентября здесь не выпало ни одного дождя.

Машина въехала на центральную улицу, Джойнтер-авеню. Сидящий рядом с Беном Марк сжимал в руке пузырек святой воды, данный в Лос-Сапатосе отцом Гросоном.

Вместе со страхом к мальчику вернулись воспоминания.

Город встретил их тишиной. Дома с разбитыми окнами казались ослепшими от одиночества.

Закрытый, темнел Марстен Хауз. Сейчас в нем было тихо, но с наступлением темноты... что тогда?

Марк смотрел на дома. Нет, стекла были разбиты не во всех. В некоторых домах были глухо задернуты шторы, не пропускающие, казалось, ни лучика.

— Они в этих домах, — сказал Марк. — Они прячутся в тени. В постелях, туалетах, подвалах. Под половицами. Они ждут.

— Не болтай чепухи, — перебил его Бен.

Они проехали город и въехали в деревню. Бен притормозил перед

тропинкой, ведущей к лесу. Они оба вышли из машины и вошли в лес. Там вкусно пахло грибами и перезрелыми ягодами. Под ногами шуршала опавшая листва. Над головой потрескивала высоковольтная линия. Некоторые деревья под ней изменили свой цвет.

— Старожилы сказали бы, что здесь все и началось, — сказал Бен. — Давно, в 1951-ом. Ветер тогда дул с запада. Может быть, какой-нибудь парень выбросил сигарету, забыв потушить ее. Одну маленькую сигарету. И по лесу пробежал пожар, и никто не смог остановить его.

Он достал из кармана пачку «Пэлл-Мэлл», снял целлофановую обертку, задумчиво посмотрел на эмблему — «in hoc signo vinces» — и достал сигарету. Зажег спичку и прикурил. Сигарета показалась приятной, хотя вот уже несколько месяцев Бен совсем не курил.

— У них есть свои места, — сказал он. — Но они могут потерять их. Многим из них суждено быть убитыми... или сломанными. Но не всем. Ты понимаешь?

— Да, — ответил Марк.

— Они не слишком умны, поэтому постоянно выдают свое присутствие. И все же это должно закончиться. Может быть, все будет кончено к первому снегу. Но может и никогда не быть кончено. Никаких гарантий. Возможно и то, и другое. И все же у них нет шансов спастись.

— Да.

— То, что мы хотим сделать, опасно.

— Я знаю.

— Но говорят, что очень очищает. Может быть, он очистит от скверны и эти места.

— Да.

— Нам пора возвращаться.

Бен швырнул сигарету в кучу опавших листьев, и сквозь листву тут же тоненькой струйкой просочился дымок.

Мужчина и мальчик молча смотрели на него.

Смеркалось. Среди деревьев шумел ветер, сдувая последние оставшиеся на них листочки.

— Сегодня они не будут резать скот или пугать фермеров, — тихо сказал Бен. — Сегодня им придется подумать о своем спасении. А завтра...

— Ты и я, — сказал Марк, прижимаясь к мужчине. Его лицо больше не было бледным; на щеках появился румянец, глаза блестели от возбуждения.

Они вернулись на дорогу, сели в машину и быстро поехали прочь.

В маленькой куче листьев под высоковольтной линией все сильнее и сильнее разгорался костер, раздуваемый западным осенним ветром.

notes

Примечания

1

«Джерусалемз Лот» означает «Иерусалимская округа», но слово «лот» может также значить «доля» и «судьба».

2

По Фаренгейту; +38 по Цельсию.

3

По Фаренгейту; +35 по Цельсию.

4

+17,5 по Цельсию.

5

+8 по Цельсию.

6

Знак отличия за ранение в американской армии.